ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
INSTITUTE OF SCIENTIFIC INFORMATION
FOR SOCIAL SCIENCES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
INSTITUTE OF ECONOMY
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

RUSSIA AND THE CONTEMPORARY WORLD

4(121)
2023

В НОМЕРЕ

In This Issue:

Развитие стратегического планирования в России
The development of strategic planning in Russia

Индустрия 4.0 в современной экономике
Industry 4.0 in the modern economy

Настоящее и будущее Европы: вызовы и перспективы
Present and Future of Europe: Challenges and Perspectives

Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Редакционная коллегия

В.С. Мирзеханов – главный редактор, доктор исторических наук, профессор, ИВИ РАН, Россия, *В.Н. Бабенко* – доктор исторических наук, профессор, ВГУЮ (РПА Минюста России), Россия, *И.И. Глебова* – доктор политических наук, ИНИОН РАН, Россия, *З.А. Дадабаева* – доктор политических наук, ИЭ РАН, Россия, *В. Деннингхаус* – доктор исторических наук, профессор Гамбургского университета, Германия, *Д.В. Ефременко* – доктор политических наук, ИНИОН РАН, Россия, *И.В. Ильин* – доктор политических наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, *Е.Б. Калоева* – кандидат исторических наук, Россия, *О.И. Киянская* – зам. главного редактора, доктор исторических наук, профессор, РГГУ, Россия, *Ф. Конт* – доцент Университета Париж 1, Пантеон-Сорбонна, Франция, *А.Д. Некипелов* – доктор экономических наук, академик РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, *Т.Г. Пархалина* – кандидат исторических наук, ИНИОН РАН, Россия, *Ю.С. Пивоваров* –доктор политических наук, академик РАН, ИНИОН РАН, Россия, *Б.А. Хейфец* – доктор экономических наук, ИЭ РАН, Россия, *Л.Н. Шаншиева* – кандидат философских наук, ИНИОН РАН, Россия, *М.А. Ядова* – кандидат социологических наук, ИНИОН РАН, Россия

Ответственный секретарь
кандидат исторических наук *М.В. Ковалев*
Ведущий научный сотрудник редакции
доктор филологических наук *А.Г. Готовцева*
Ведущий редактор *М.В. Виноградова*
Ведущий редактор *Н.М. Токарева*
Художник обложки *Г.И. Козубов*
Редактор сайта журнала (www.rossovmir.ru)
кандидат социологических наук *М.А. Ядова*

DOI: 10.31249/rsm/2023.04.00

ISSN 1726–5223

© ИНИОН РАН, 2023

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Лиманова С.А.
Богатыри и небылицы. Народный праздник в коронацию императора Александра III **6**

Молчанов И.Н., Молчанова Н.П.
Развитие стратегического планирования в России: взгляд через призму высшего экономического образования **23**

RUSSIA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Limanova S.A.
Epic Heroes and Epic Fables. Festivities of the crowing of Emperor Alexander III **6**

Molchanov I.N., Molchanova N.P.
The development of strategic planning in Russia: a view through the prism of higher economic education **23**

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

Ленчук Е.Б., Доржиева В.В.
Индустрия 4.0 в повестке стратегического партнёрства России и стран АСЕАН **39**

Мозиас П.М., Щербакова А.В.
Перспективы перехода стран БРИКС к модели устойчивого развития (на примерах Бразилии и Китая) **58**

Толкачев С.А., Тепляков А.Ю.
Европейская обрабатывающая промышленность в глобальных цепочках стоимости: усиление интеграции и подрыв конкурентоспособности **83**

RUSSIA AND THE WORLD IN THE 21ST CENTURY

Lenchuk E.B., Dorzhieva V.V.
Industry 4.0 on the agenda of the strategic partnership between Russia and the ASEAN countries **39**

Mozias P.M., Shcherbakova A.V.
Prospects for the BRICS countries to switch to a sustainable development model (evidence of Brazil and China) **58**

Tolkachev S.A., Teplyakov A.Yu.
European Manufacturing in Global Value Chains: Strengthening Integration and Undermining Competitiveness **83**

Новикова О.Н.
Ультраправые: взаимосвязь внутренней и международной угрозы **102**

Novikova O.N.
The Far-Right: Interplay of domestic and international threats

Юрин А.Н.
Политика культуры в предвыборных программах политических партий ФРГ 2021 г. **121**

Yurin A.N.
Cultural politics in the 2021 election programs of the political parties of Germany

Трунов Ф.О.
Кризис военного присутствия ФРГ на международной арене в начале 2020-х годов **136**

Trunov Ph.O.
The crisis of the German military presence in the international arena in the early 2020s.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

PHENOMENOLOGY OF SOVIET SOCIETY

Емельянова Е.Н.
Советско-польская война 1919–1920 гг. в контексте международной политики **154**

Emelyanova E.N.
Soviet-Polish war of 1919–1920 in the context of international politics

Тихонов В.В.
Как «История народов СССР» стала «Историей СССР»: к вопросу о трансформации идеологических установок советского курса истории в 1930-е годы **168**

Tikhonov V.V.
How the «History of the Peoples of the USSR» became the «History of the USSR»: on the question of the transformation of ideological attitudes of the Soviet course of history in the 1930s

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

REFLECTIONS, COMMUNICATIONS, COMMENTS

Гордон А.В.
Быть собой в эпоху войн и революций. О личности П.А. Кропоткина в новейшей интерпретации **183**

Gordon A.V.
On being yourself in an era of wars and revolutions: Piotr Kropotkin's personality in the modern interpretation

Володько А.В.
«Русский гений» академик Владимир Николаевич Ипатьев **200**

Ядова М.А., Якимова Е.В.
Информационно-аналитические журналы ИНИОН РАН: проблематика, трансформации и перспективы развития **209**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Пархалина Т.Г.
Настоящее и будущее Европы: вызовы и перспективы. Обзор конференции **221**

Мезин С.А.
«Историк, избравший путь Галилея»: размышления после всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Владимира Владимировича Пугачева **253**

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

Мирзеханов В.С.
Горизонты исторического сознания россиян в условиях современных вызовов **264**

Ильин Д.В.
Новейшая история стран Запада через призму политического лидерства **270**

Volodko A.V.
«Russian genius» academician Vladimir Nikolaevich Ipatiev **200**

Yadova M.A., Yakimova E.V.
Information-Analytical Journals of INION RAN: Issues, Transformations, and Future Development **209**

SCIENTIFIC LIFE

Parkhalina T.G.
The Present and Future of Europe: Challenges and Perspectives. Conference overview **221**

Mezin S.A.
«The historian who chose the path of Galileo»: reflections after the All-Russian scientific conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of Vladimir Vladimirovich Pugachev **253**

REVIEWS

Mirzekhanov V.S.
The Horizons of the Historical Consciousness of Russians in the Context of Modern Challenges **264**

Il'in D.V.
Contemporary history of Western countries through the prism of political leadership **270**

DOI: 10.31249/rsm/2023.04.01

С.А. Лиманова

БОГАТЫРИ И НЕБЫЛИЦЫ. НАРОДНЫЙ ПРАЗДНИК В КОРОНАЦИЮ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III[1]

Аннотация. *Статья посвящена коронационным празднованиям императора Александра III в мае 1883 г. Коронационный цикл длился три недели и вобрал самые разные церемонии (церковные, военные), имеющие особый сакральный смысл. Подробно анализируется один из самых массовых коронационных праздников – народные гулянья на Ходынском поле 21 мая 1883 г. Этот традиционный народный праздник, подготовленный опытным антрепренером М.В. Лентовским и начинающим сценографом Ф.О. Шехтелем в виде ярмарочных гуляний, имел успех у публики. Его центральной площадкой и связующим звеном стало устройство аллегорического шествия Весна Красна. Сюжет весеннего обновления с привлечением необычно костюмированных, сказочных героев позволил создать необходимую атмосферу праздника и веселья. Рассредоточить собравшийся народ удалось с помощью разделения пространства гуляний на отдельные сцены и игровые площадки внутри огромного Ходынского поля. Участники праздника получили угощение и памятные подарки, а самое главное – смогли лицезреть нового коронованного правителя. Цель – наглядно показать единство царя и народа – была реализована. «Лубочная картинка» праздника посредством печати транслировалась на всю империю. Иные трактовки торжества имели место в радикальной прессе, но на самих гуляниях они не сказались. Коронация 1883 г. была первой после отмены крепостного права, а потому крестьяне стали ее новыми полноправными участниками, о чем свидетельствовал организованный во дворе Петровского дворца обед для волостных старшин. Император Александр III почтил его своим присутствием и произнес соответствующие случаю речи, поддержанные присутствующими. Народный праздник показал, что успешная организация такого рода увеселений требует четкого заблаговременного планирования, сочетания с общей концепцией торжества и обеспечения безопасности собравшихся. Вариативность гуляний во многом зависела как от конкретного «государственного заказа», так и от творческого потенциала непосредственных организаторов.*

Ключевые слова: *коронация; Александр III; 1883; Российская империя; народный праздник; репрезентация власти; организация торжеств; шествие; Ходынское поле.*

1. Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 20-18-00482.

Лиманова Светлана Андреевна, канд. ист. наук,
Институт российской истории, Институт всеобщей истории,
старший научный сотрудник. Россия, Москва.
E-mail: serovasvetlana@mail.ru
Scopus Author ID: 57220923106
Web of Science Researcher ID: AAF-3549-2020

Limanova S.A. Epic Heroes and Epic Fables. Festivities during the crowing of Emperor Alexander III

Abstract. *The article is devoted to the coronation celebrations of Emperor Alexander III in May 1883. The coronation cycle lasted three weeks and included a variety of ceremonies (church, military) that have a special sacred meaning. Festivities on the Khodynka field on May 21, 1883 are analyzed as one of the most popular coronation celebrations. This traditional public festival, organized by M.V. Lentovsky and F.O. Shekhtel in the form of fair festivities, was a success. Its central platform and connecting link was the arrangement of the allegorical procession Vesna Krasna. Its story of a spring rejuvenation with the involvement of quaintly costumed epic heroes made it possible to create the necessary atmosphere of celebration and fun. By dividing the space of the festivities into separate stages and playgrounds inside the large Khodynka field, the organizers managed to spread the people out. The participants of the festival received refreshments and memorable gifts, and most importantly, they were able to see the newly-crowned monarch. The goal of demonstrating the unity of the emperor and the people was achieved. The «popular picture» of the holiday was disseminated through the press throughout the empire. Other interpretations of the celebration took place in the radical press, but they did not affect the festivities themselves. The coronation of 1883 was the first after the abolition of serfdom (1861), and therefore the peasants became its new legitimate participants, as evidenced by the lunch organized in the courtyard of the Petrovsky Palace for the volosts' heads. Emperor Alexander III honored the dinner with his presence and delivered speeches appropriate to the occasion, supported by those present. The Festivities on May 21, 1883 showed that the successful organization of this kind of entertainment requires clear advance planning, combination with the general concept of the celebration, and ensuring the safety of the people. The variability of the festivities largely depended both on the specific «state order» and on the creative potential of their direct organizers.*

Keywords: *Coronation; Alexander III; 1883; Russian Empire; Festivities; representation of power; organization of celebrations; procession; Khodynka Field.*

Limanova Svetlana Andreevna – Ph.D., Institute of Russian History,
Institute of World History, senior researcher. Russia, Moscow.
E-mail: serovasvetlana@mail.ru
Scopus Author ID: 57220923106
Web of Science Researcher ID: AAF-3549-2020

Отчего сегодня зазвонили рано
На холме Кремлевском в колокол Ивана?..
Отчего сегодня над Первопрестольной,
Как на Пасхе слышен голос колокольный?..
Отчего сегодня с солнечным восходом
Улицы кипели радостным народом?
[Подробности настоящего торжества 1883, с. 506]

В майские дни 1883 г., 140 лет тому назад, состоялось масштабное трехнедельное празднование коронования императора Александра III. Поскольку коронация являлась ключевой и наиболее зрелищной церемонией начала каждого нового царствования, коронационные торжества неизменно привлекали повышенное внимание верноподданных и мировой общественности. Главный символический акт принятия власти традиционно совершался в стенах Успенского собора Московского Кремля. В 1883 г. этим днем стало 15 мая[2]. Однако и до, и после него совершались различные церемониальные действа и празднества, наполненные особой символикой.

8 мая состоялся приезд императорской четы со свитой в Петровский дворец, **10 мая** – *торжественный въезд в Москву*; 11 мая – освящение Государственного знамени; 12, 13 и 14 мая – объявление о Короновании и всенощное бдение накануне главного торжества;

15 мая – *день Священного Коронования*, с последующим обедом в Грановитой палате, вечерняя иллюминация Кремля; 16 мая – прием поздравлений в Большом Кремлевском дворце и бал; 17 мая – торжественные аудиенции, вечером – бал у московского генерал-губернатора; 18 мая – прием поздравлений, вечером – торжественный спектакль в Большом театре; 19 мая – обед в Грановитой палате для духовенства и особ первых двух классов; в Золотой палате – для особ третьего класса; вечером – бал в Дворянском собрании; 20 мая – обед в Кремлевском дворце; вечером – бал у германского посла;

21 мая – церковный парад, *народный праздник и обед волостным старшинам*; 22 мая – посещение Троице-Сергиевой лавры; 23 мая – празднование 200-летия Семеновского и Преображенского полков, обед для войска в Сокольниках; вечером – бал в Кремлевском Дворце; 24 мая – обед в Кремлевском дворце; 26 мая – торжественное освящение Храма Христа Спасителя; 27 мая – посещение Политехнического музея, обед в Кремлевском Дворце; 28 мая – парад войскам на Ходынском поле и отъезд из Москвы.

В череде коронационных торжеств, рассчитанных на самые разные сословия, что видно из представленной программы, было два наиболее массовых мероприятия, в которых буквально любой желающий мог принять участие. Это въезд в Первопрестольную (10 мая) – церемония, протяженностью

2. Здесь и далее даты даются по старому стилю.

в несколько верст, от Петровского дворца до Кремля, демонстрирующая императорский двор во всем его величии, и народный праздник на Ходынском поле (21 мая), нацеленный на поддержание особой связи между царем и народом. Этот праздник заслуживает особого рассмотрения и как образец позднеимперской репрезентации власти, и как своего рода сказка, в которой переплелись вневременны́е были и небылицы.

Весна нового царствования

Если обратиться к архивным документам по подготовке народного праздника, то окажется, что в нем практически не оставалось места спонтанности, напротив, все продумывалось и планировалось заблаговременно. К организации были привлечены известный антрепренер М.В. Лентовский и молодой архитектор, сценограф, художник Ф.О. Шехтель.

При подготовке народного гуляния Коронационная комиссия руководствовалась концепцией «единения царя и народа», придав самому гулянью «поучительное значение драматическими представлениями и декоративным убранством, относящимся к славному прошлому и к нынешнему величию России (независимо, конечно, от игр и увеселений, обычных при народных праздниках)» [Слюнькова 2011, с. 126]. В дополнение к традиционному пиру предполагалось устроить яркую весеннюю ярмарку – с разнообразными представлениями, развлечениями и угощениями. Центральным образом была выбрана весна, символизирующая обновление жизни (это можно было рассматривать и как аллегорию: новый правитель – начало новой жизни).

Согласно отдельно изданной и подробной Программе народного праздника, гулянья намечались 21 мая 1883 г. на Ходынском поле [Народный праздник 1883, с. 3]. В то время это была загородная территория, напротив Петровского дворца, по левую сторону Петровского шоссе. При выборе данной площадки учитывались ее большие размеры[3] (по сравнению с Сокольниками или Девичьим полем, где праздновались коронации Александра I и Николая I; поле превосходило даже Царицын луг (Марсово поле), на котором устраивались главные гулянья в столичном Петербурге).

От Царского павильона, окруженного эстрадами для знатной публики, в одну и в другую сторону отходили две дуги, выстроенные при помощи палаток, из которых намечалась раздача угощений. Вершины дуг соединялись посредством специально подведенной ветки железной дороги. По ней подвозились бочки с пивом и медом. В самом центре получившейся громадной площадки располагался цирк, вокруг него – четыре театра, где готовился показ представлений: сказок «Весна Красна» и «Иван Царевич», пьесы «Русская

3. 800 саж. длины и 700 саж. ширины, т.е. 1,7 км на 1,5 км.

свадьба (в исходе XVI столетия)», военной пантомимы «Русские орлы на Кавказе», шутовского «Похождения Арлекина». Дальше по всему пространству были рассредоточены карусели, эстрады для песенников и музыкантов, мачты для лазанья на призы и т.д. Отдельный внутренний круг (между цирком и Царским павильоном) был выделен под особое шествие «Весна Красна»[4], которое должно было предварять появления императора и стать связующим звеном праздника.

Разделять основные этапы гулянья помогали звуковые и световые сигналы. О начале можно было узнать по пушечной пальбе; кульминационный момент – приезд императора – сопровождался исполнением гимна «Боже, Царя храни!», отъезд – пушечными выстрелами и пением «Славься!». По мере наступления темноты – зажигались бенгальские огни, оркестры начинали играть «Коль славен наш Господь», производился салют из орудий и… наступал финальный аккорд в виде потрясающего воображение фейерверка.

На всех гостей была рассчитана раздача угощений – пива в кружках, которые можно было оставить на память, а также сладостей и пирогов. Для тех, кто принимал активное участие в играх и состязаниях, были заготовлены специальные призы: картузы, шаровары, жилеты, рубашки, сапоги и даже часы. Готовились и некоторые необычные сюрпризы.

Наиболее запоминающимся из них стало то самое карнавальное шествие «Весна Красна». Оно восхищало красочностью костюмов и динамичностью, поражало необычностью образов и их сочетаний. Шествие состояло из поочередно появлявшихся групп: герольды в блестящих шлемах и латах с золочеными крыльями; жуки и кузнечики, лягушки; колесница царицы в сопровождении пчел (олицетворение труда и пользы); богатырь Микула Селянинович, окруженный муравьями (земледельческая сила); богатыри земли русской во главе с Ильей Муромцем (силы природы); колесница Весны (Царь-Девица) с цветами и бабочками (символ обновления); Змей-Горыныч, поражаемый Добрыней Никитичем (искоренение зла); хмель со скоморохами (веселье и удаль), тройка с медведем и хороводы. Изображения этого уникального аллегорического шествия сохранились и хорошо известны благодаря альбому с аналогичным названием «Весна Красна», выполненному Ф.О. Шехтелем.

Выпуск этого альбома через два месяца после коронационных торжеств стал отдельным важным событием художественной жизни Москвы. Он был высоко оценен специалистами и несколько раз переиздавался. Однако воспроизведенные в нем символичные картины имеют весьма краткие подписи и не содержат пояснительных комментариев, что оставляет простор для их толкования.

4. Во избежание столпотворения этот участок на время шествия был отгорожен от публики канатами.

Как отмечает искусствовед И.Н. Слюнькова, подробно исследовавшая сам альбом и сопутствующие материалы, контекст ярмарки и образ весеннего обновления на фоне общего веселья позволил смешать жанры и эпохи: здесь было место и русским народным традициям, и античным образам, и мифологии, и мистификациям. Например, герольды – греческий Гермес или римский Меркурий, Добрыня Никитич – Георгий Победоносец, Весна Красна – Царь-Девица, или Масленица. Все это в сочетании с фантастическими и красочными перевоплощениями людей в диковинных животных или насекомых и обратно наталкивает на мысль, что картины вполне могут содержать «скрытые» смыслы, зашифрованные в «изображения-перевертыши» [Слюнькова 2011, с. 133–135]. Она же высказывает интересное предположение, что разыгранное представление «могло восприниматься как шутовская и беззлобная пародия на один из самых пафосных ритуалов священного коронования – торжественное вступление царя в город Москву» [там же, с. 136–137].

Дальнейшие попытки «расшифровать» альбом и полнее раскрыть общий замысел гуляний, очевидно, должны опираться как на расширение круга источников, так и на понимание того, что представленные костюмированные сценки могли по-разному восприниматься различными группами населения. Доступна ли была предполагаемая глубина образов основным участникам народного праздника, или они по-своему трактовали увиденное? Что более всего привлекло общее внимание?

«Жив не буду, а царского угощения испробую»

«Заглянуть» на народный праздник 21 мая позволяют его описания, сохранившиеся в периодике за 1883 г. Прежде всего это московские издания – «Московские ведомости» и «Московский листок». Ракурс первого был направлен на историческое восприятие свершавшегося коронационного торжества и сопутствующих ему празднований, второе – оперативно и во всех подробностях отражало повседневную жизнь Москвы и ее изменения в высокоторжественные дни. Визуализировать прочитанное помогает столичный журнал для семейного чтения «Нива» – с черно-белыми иллюстрациями к наиболее важным моментам торжеств. Официальный обзор праздника дает выпущенный сразу после коронации тематический сборник «Венчание Русских Государей на царство…», в котором были собраны как сведения о предшествующих коронациях, так и довольно подробное, буквально репортажное, освещение только что состоявшейся.

Сказка (или сказ) о народном празднике начинается с того, что многим участникам гулянья предстояло отправиться «за тридевять земель» – в Москву, чтобы своими глазами увидеть нового царя-батюшку. Это и главный мотив, и начало сюжетной линии. Народ стал собираться с 5 часов утра, от

Тверской и Пресненской застав, с одной стороны, от Всехсвятской рощи – с другой. У кого-то виднелись котомки и посохи, следовательно, люди приходили издалека. Это была так называемая «пешеходная Русь» [Праздник на Ходынском поле 1883, с. 578], которая стекалась из губерний, прилегающих к Московской. Людской поток от Красной площади по всей Тверской улице к Ходынскому полю постоянно пополнялся: «Казалось, что прорвалось море и хлынуло всей своею силою по одному направлению» [Пастухов 1883, с. 1]. Приведенное сравнение народной массы со стихией неоднократно будет повторяться, подчеркивая единодушную поддержку коронованного монарха.

Празднования планировали начать в 12 часов дня. Однако большой наплыв желающих привел к тому, что пускать на поле стали с 10 часов. «Каждый входивший получал от артельщиков, находившихся в буфетах при проходе, плетеную корзину с двумя пирогами, бумажным мешком с сладким угощением и глиняной кружкой или стеклянными стаканами для пива и меда. Пироги раздавались с мясом и вареньем; тут же, невдалеке от гулянья, в здании бывшего механического отдела выставки, пироги пеклись Филипповым[5] во множестве печей. В бумажном мешочке с вензелем Их Величеств, напечатанном красной краской, находились орехи, цареградские стручки, конфекты, пряники; кружки были глиняные, глазированные; на них выбит государственный герб, а также год священного коронования» [Венчание Русских Государей 2012, с. 235].

По общим подсчетам празднование на Ходынском поле посетили 500–600 тыс. человек: «Громадные толпы народа запрудили бурным морем все пространство; точно волны двигались эти людские массы по разным направлениям, все столы и скамейки были облеплены в один миг. Надо всем этим стоял гул нескольких сот тысяч голосов. Что-то необычайное, стихийное было в этом празднике народа, ликующего и радующегося общей радости России» [Подробности настоящего торжества 1883, с. 506]. Это был тот самый «пир на весь мир», объединяющий и вселяющий веру в лучшее будущее.

Пересекая границу поля, участники гуляний попадали в умело созданный, сказочно декорированный и удивительный мир развлечений, где все находилось в движении и веселье: музыка, карусели, представления, песенники и т.д. Тут же имелась возможность пройти испытания, чтобы показать свою удаль и повеселить народ – взобраться на вертикальную мачту, смазанную салом; проползти по «лежачей» мачте, не угодив в мешки с сажей или мелом, поймав в конце поросенка, и т.п. Победители получали заслуженные награды в виде призов. Много было забав и разговоров об увиденном. Например, непонятная

5. Имеется в виду представитель известной династии купцов Филипповых, владельцев булочных.

«гора», которую активно обсуждали собравшиеся, оказалась надуваемым шаром. По задумке организаторов, он должен был взлететь вверх и разбросать по полю платки, но этот сюрприз не удался. Шар разошелся по шву, и сразу посыпались шутки про то, что его надо чинить и заплату ставить.

Ошибочно мнение, что в народном празднике принимал участие только простой люд. Здесь можно было встретить и мастерового, и купца, и представителей других сословий, у каждого был свой интерес:

«И куда ты, купец, прешь, али ты никогда пива не пивал? – удивляется мастеровой, обращаясь к франтовато одетому лавочнику, который, весь раскрасневшись и запыхавшись, буравит плечом толпу.

– И глуп ты, братец мой, – говорит мимоходом купец, – не из-за пива я тепериче на всю толпу штурмой иду, а ради, значит, того, что царское угощение лестно попробовать…

– Купец! купец! гляди – фалду оборвали! – кричат сзади.

– Ну, и пущай! – отвечает лавочник, – а все же своего добьюсь, жив не буду, а царского угощения испробую…» [Пастухов 1883, с. 2].

Кто-то слишком увлекался празднованием:

«Ой, батюшки! Господи!... Ох, ох! – раздается крик…

– Что такое? Что такое? Что там, милый, такое?..

– А это-с мущина один плачет. Стало быть, достал он не то кружку, не то стакан, да и положи его, дурак, в задний карман…

– Ну, ну…

– Ну, и сел на него, да и раздавил… Вот и плачет.

– Больно укололся, что ли?

– Боль что? Боль плевать! Стакан жалко. Потому память. Вот что… Ну, и убивается, а боль, это пустое!..» [там же, с. 2].

Объединяло всех этих людей стремление почувствовать себя частью большого праздника и сохранить о нем что-то на память. При этом все ожидали кульминационный момент – появление главного виновника торжества.

В два часа с минутами музыка прекратилась, на красиво убранном, возвышающемся над полем, Царском павильоне взвился императорский штандарт, заиграл гимн – прибыла императорская семья со свитой. Народ мог лицезреть своего правителя. В воздух полетели шапки, а окрестности огласились несмолкаемым «ура!». Это были наиболее трогательные минуты, которые отразились во всех описаниях и воспоминаниях.

Присутствовавшая среди великосветских гостей баронесса Э. Раден писала своей сестре: «Наконец от Петровского дворца показался экипаж Государя. Его Величество с Государыней показался на галерее (царского павильона), и вмиг полмиллиона человек обнажили свои головы, и воздух задрожал от такого *ура*, какого не услышишь дважды в жизни! Оркестры музыки перед самым павильоном исполняют гимн, но его почти не слышно. *Ура* и только

ура, и шапки летят на воздух, и это море людей как бы склоняется, движимое чувством энтузиазма к Тому – от Кого, по воле Божией, зависит счастье или несчастье страны! Государь и Государыня раскланиваются на все стороны – и *ура* не замолкает» [Шевелев 1896, с 14].

Не скупилась на восторженные выражения и пресса: «Как раскат грома, переливалось это ура по всему запруженному народом пространству на несколько верст. Музыки не было слышно! В воздухе стоял гул радости и восторга! Картина была неописуемая. Все эти обнаженные головы, сотни тысяч рук, машущих платками, шапками, шапки, летящие в воздухе, – выше всякого описания. Надобно видеть самому, надо чувствовать, чтобы понять величие и торжественность этого момента, который никогда не изгладится из памяти присутствующих. Это был воистину восторженный народ, приветствовавший от души, от сердца, своего Венценосного Вождя» [Праздник на Ходынском поле 1883, с. 578].

Богатыри на службе России

Самый запоминающийся миг следовало закрепить красочным действом. Таким и стало шествие «Весна Красна», развернувшееся перед Царским павильоном: «Когда народные клики стали затихать, из цирка тронулось грандиозное аллегорическое шествие *Весна*, идеей которого было образно представить постепенное развитие этого всевоскрешающего времени года, победу жизни и добра. За крылатыми герольдами следовали жуки и кузнечики, царица пчел, окруженная пчелиным народом, колесница богатыря Микулы Селяниновича, окруженная муравьями, русские богатыри Добрыня Никитич, поражающий треглавого Змея-Горынича, и т.п. Шествие заканчивалось медведем, журавлем и русским хором с песнями и плясками. Спустя минут двадцать после окончания аллегорического шествия, пушечные выстрелы возвестили отбытие Их Величеств с народного гулянья» [Москва 1883, с. 3]. Такое телеграфное сообщение, с небольшими вариациями, разлетелось по главным газетам империи. Таким образом, закрепился основной посыл нового правления – обновление (весна) и могущество (сила защитников-богатырей). К этому следует добавить, что образ императора Александра III неоднократно сравнивали с собирательным образом богатыря [Уортман 2004, с. 283, 310].

Из других публикаций можно узнать некоторые подробности о самом шествии и о том, как оно было воспринято. Журнал «Нива» дал на обложке изображение богатыря Микулы Селяниновича [Праздник на Ходынском поле 1883]. Судя по стихотворным строкам из упомянутого альбома Ф.О. Шехтеля, Микула являлся центральным персонажем обновленной Весной жизни, с которого следовало брать пример:

Все к жизни возвратив, дай Бог, чтоб ты вдохнула,
В нас правды – силу, мощь… Чтобы в стране родной:
Как древний богатырь – мифический Микула, –
Был так же крепок, бодр народ наш дорогой!
[Весна Красна 1883].

И, похоже, народ понял это: «В шествии <…> среди народа большой успех имело олицетворение земледельческой силы, это был богатырь, держащий соху, Микула Селянинович[6]. Картина русского пахаря – крайне родная, близко знакомая сердцу русскому. В ней много сказывается; фигура пахаря произвела большое впечатление» [Праздник на Ходынском поле 1883, с. 578].

«Московский листок» добавлял, что впереди герольдов, во главе процессии можно было разглядеть организатора празднований – М.В. Лентовского, в то время как публика тепло встретила шествие: «Народ аплодировал мужичку с сохою, ехавшему на колеснице. Процессия тянулась не менее получаса, а затем шествие закончили несколько артистов, изображающих необыкновенно высокий рост, и своими движениями вызывали в народе хохот» [Пастухов 1883, с. 2]. В результате основной отклик нашли образы, наиболее близкие простому русскому народу, и, наоборот, максимально непохожие на повседневные, но способные вызвать смех, поднять настроение.

Эффектным и памятным завершением сказки, в которую будто по мановению волшебной силы ровно на один день попало полмиллиона царских гостей, стал грандиозный фейерверк: «Девять часов. Выстрел. Лопнула в воздухе сигнальная ракета со шлагом. Из темной группы деревьев Всехсвятской рощи, точно огненные змеи поползли в высь, в облака, ракеты. Вот одна из них рассыпалась огненным дождем, другая лопнула и выпустила громадный букет рубиновых, изумрудных звезд, а вот и целый бриллиантовый фонтан, мечущий снопы огненных искр и колосьев. При каждой ракете, при каждой римской свече, по всему полю перекатывается “ура”! Наконец на темном фоне рощи выделился щит с вензелями Их Величеств. На всех эстрадах музыканты играли гимн. Народ вторил оркестрам, и все сливалось в общую картину ликования. У Ваганькова кладбища взвились в воздух еще ракеты, за ними другие… Это малый фейерверк, который был пущен почти у городской заставы и как бы звал народ расходиться по домам. Путь был освещен 200 бенгальских огней, которые держали в руках солдаты; среди этой огненной

6. Трансформация образа Микулы Селяниновича может стать предметом отдельного исследования. В XIX в. этим занимались историки литературы и фольклористы Ф.И. Буслаев, О.Ф. Миллер, А.Н. Веселовский и др. Сам М.В. Лентовский неоднократно обращался к его воплощению. Для данной статьи важен тот факт, что образ былинного богатыря-крестьянина был понятен публике без дополнительных пояснений.

аллеи проходили масса люда, возвращавшегося с устроенного ему Царем пира» [Праздник на Ходынском поле 1883, с. 578].

Помимо вензелей, из салютов была зажжена объемная декорация в виде распростертого орла (государственный герб) с надписью «Мир стране родной» [Венчание Русских Государей 2012, с. 240]. Так определился еще один маркер (посыл) правления. И действительно, император Александр III вошел в историю как Царь-Миротворец. Так в символике коронационных празднований отразились основные тенденции нового царствования.

Пресса отметила также, что народное гулянье происходило с «замечательным порядком» и «спокойствие нигде не было нарушено» [Праздник на Ходынском поле 1883, с. 578]. Причем если в большинстве заметок это прописывалось как нечто само собой разумеющееся или даже выделялось как национальная черта – весь мир удивляется, как русский народ «такой порядок соблюдает, какого ни в одной заграничной земле не видано» [Столичная печать о коронации 1883, с. 2], то «Московский листок» восхитился подобной самоорганизацией: «Надо отдать полную справедливость этим шестистам тысячам народа за то образцовое поведение, с каким он провел радостный для себя день: ни споров, ни каких-либо других случаев не было. Словом, порядок был соблюден во всем. Народ знал, где он и зачем пришел, и мы от души говорим ему от себя – спасибо!» [Пастухов 1883, с. 2].

При изучении позднеимперских городских торжеств с участием массового зрителя акцент на данные сведения имеет двойную смысловую нагрузку. В ходе гуляний, прежде всего, опасались возможных покушений на нового императора (после смерти его отца императора Александра II от рук террористов), в связи с этим принимались повышенные меры безопасности. Соответственно, лояльность толпы способствовала поддержанию порядка и не могла не быть отмечена. Второй момент – события народного праздника последующей коронации (18 мая 1896 г.), печально известные как давка на Ходынке. В таком контексте успешное проведение гуляний в коронацию императора Александра III вызывает повышенный интерес именно с точки зрения их организации. Ведь эта сказка оказалась со счастливым концом.

Представители земли Русской

Важным эпизодом дня народного гулянья стало участие императора Александра III в обеде волостных старшин, устроенном во дворе Петровского дворца. Император со свитой отправился туда сразу после посещения Ходынского поля, примерно в три часа дня. Старшины, числом более 600 человек, были рассажены в соответствии с губерниями, которые они представляли. Во время обеда около палаток играла музыка лейб-гвардии Преображенского полка. «Пред каждым из обедавших лежала роспись блюд, на которой под красивою

виньеткой, изображающей княжеский пир, крестьян с хлебом-солью в руках, племена, населяющие Россию в национальных одеяниях, и виды Москвы, напечатано: “Роспись блюд стола Царского. Старшинский обед 21 мая 1883 года. Борщ, кулебяка, судак фаршированный, телятина с овощами, жаркое разное, огурцы, левашники[7]”» [Москва 1883, с. 3].

Поскольку коронация 1883 г. была первой коронацией после отмены крепостного права, включение такого обеда в программу празднований означало и приобщение крестьянского сословия к структуре российской монархии [Уортман 2004, с. 314]. Крестьянских представителей не просто пригласили на царский пир, но буквально усадили за одним столом. Оформление «росписи блюд» перекликалось с темой московского прошлого династии Романовых, к которой активно обращались при разработке меню для главного банкета в Грановитой палате и для других коронационных приемов. По завершении обеда его участники получили на память кабинетные поясные портреты императора.

В ходе встречи Александр III обратился к волостным старшинам с речью: «<…> душевно благодарю за ваше сердечное участие в торжествах наших, к которым так горячо отнеслась вся Россия. Когда вы разъедетесь по домам, передайте всем мое сердечное спасибо; следуйте советам и руководству ваших предводителей дворянства и не верьте вздорным и нелепым слухам и толкам о переделах земли, даровых прирезках и тому подобному. Эти слухи распускаются нашими врагами. Всякая собственность, точно так же как и ваша, должна быть неприкосновенна. Дай Бог вам счастья и здоровья» [Венчание Русских Государей 2012, с. 227, 230]. Затем произнес в адрес присутствовавших здесь же предводителей дворянства: «Благодарю вас за верность. Я всегда был уверен в искренних чувствах дворянства и твердо надеюсь, что оно как было, так и будет опорою во всем хорошем – для пользы престола и отечества. Дай Бог нам жить мирно и тихо; благодарю вас от души» [Венчание Русских Государей 2012, с. 230]. Эти речи, слово в слово, были перепечатаны во всех газетах империи. И если декоративные образы коронации могли варьировать в своих интерпретациях, то изречение монарха не подразумевало двойных трактовок.

По сообщениям официальных источников, речи были восприняты благосклонно. Император с императрицей обошли все палатки. «В средней палатке старшина Белгородского уезда, Курской губернии, Борис Гвоздев, просил позволения выпить за здоровье Его Величества. Государь, ласково улыбаясь, дал свое согласие. Палатка огласилась громким *ура*, подхваченным в других палатках» [Москва 1883, с. 3]. Это еще раз свидетельствовало о безоговорочной поддержке.

7. Особо приготовленные пироги с ягодной начинкой.

В память о таком событии была специально заказана и исполнена художником И.Е. Репиным картина «Прием волостных старшин Александром III во дворе Петровского дворца в Москве», на которой император Александр III изображен стоящим в окружении представителей земли Русской, почтительно снявших шапки и внемлющих своему монарху. На заднем плане, за могучими плечами императора, виднеются под зонтиком императрица Мария Федоровна и пятнадцатилетний наследник цесаревич Николай Александрович, будущий император Николай II. Рядом и за ними также стоят народные представители.

«Московские ведомости» писали: «В тяжкое пережитое нами время диавол ходил по Русской земле, сея плевелы раздора и смуты. Бог не дал взойти проклятому посеву. Крепкая вера русского народа спасла его. Он устоял в искушении. Злоумышленные усилия потрясти общественный порядок и вооружить одно сословие против другого не имели успеха. Но да избавит нас бог от дальнейшего искушения. Нужно оградить народ от козней обмана, который пользуется даже царским именем, чтоб овладеть бесхитростными умами. Новая открывшаяся эра, будем надеяться, положит конец всяким неясностям и шатаниям, которые были последствием быстрых и недостаточно согласованных нововведений. Всего нужнее установить мирные и добрые отношения между дворянством и крестьянством. Слова, сказанные Государем на обеде волостных старшин, определяют тот характер отношений, который всего лучше может обеспечить земский мир…» [Москва 1883, с. 3]. В духе сказочных преданий (борьбы добра со злом) консервативная московская газета преподносила вполне понятные современнику реалии: общество отошло от шока после убийства императора Александра II, новых потрясений не ожидается, необходим возврат к традиционному укладу (опора монарха на дворянство, которому, в свою очередь, обязано повиноваться крестьянство), несмотря на свершившиеся изменения (отмена крепостного права).

Патриотизм коронационных дней выглядел впечатляюще: «Россия предстала пред целым миром в своем истинном своеобразном виде, со всею беспредельною преданностью народа самодержавному Царю, не нуждающемуся для упрочения своей верховной власти ни в каких договорах со своим народом» [Новороссийский телеграф 1883, № 2483, с. 2]. Связь царя и народа выходила на первый план и постоянно подчеркивалась. Успешно проведенные гулянья визуализировали то, о чем так много говорили.

Народный праздник на Ходынском поле создал «лубочную картинку» единения царя и народа, проецируемую на всю империю. Возможность личного общения императора с народными представителями усилила это впечатление. Праздничные декорации (включавшие государственную символику – флаги, гербы, вензеля), фантастические перевоплощения и сказочная сила народных героев своевременно дополнили иллюзию всеобщего довольства.

Так начал складываться образ национальной монархии, черпающей свою силу в прошлом.

Коронационные небылицы

Новый «сценарий» власти не всеми оказался понят и уж тем более принят: «образованное общество было разделено на тех, кто остался верен народному духу, и тех, кто ему изменил, – в результате область недоверия расширилась, включив в себя многих представителей образованного общества, которые раньше считались способными оказывать монархии хотя бы пассивную поддержку» [Уортман 2004, с. 274]. Не утихали и противники монархии.

В радикальной прессе высмеивалось само торжество коронации, похожее более на «маскарад», не соответствовавшее настроениям и духу времени. Обличения были построены на нивелировании положительного образа: милости монарха в виде коронационного манифеста обесценивались, самого Александра III обвиняли в «трусливой нервозности», общий правительственный курс назывался продворянским и крепостническим, досталось и «невежественному», «малодушному» обществу [Виноградова 2015, с. 183–187], которое радо было продолжать жить в придуманной для него сказке.

Однако даже самые непримиримые борцы с самодержавием на тот момент понимали, что, с одной стороны, трудно безболезненно «отделить» монарха от его народа, с другой – только показывая минусы власти, можно подготовить необходимую почву, зародив семя сомнения среди основной массы населения [там же, с. 186–187]. То есть все то, о чем «Московские ведомости» размышляли с охранительной позиции, необходимо было переиначить, придать противоположную оценку, вновь «ввести в искушение». При этом отсутствовали конкретные предложения, что именно следует сделать для изменения образа монархии, равно как и понимание того, насколько его можно «осовременить».

Тем не менее негативные определения, изначально воспринятые как полные небылицы, при их неоднократном повторении стали звучать все более убедительно и укореняться в сознании, особенно на фоне быстро меняющихся реалий. Ориентация на народность нуждалась в постоянной подпитке. Изменений требовала бюрократическая прослойка, пересмотра – общая система государственного управления. Империя искала свой путь, хотя времени на это становилось все меньше.

В результате «старая добрая» сказка, над созданием и поддержанием которой из века в век трудились придворные летописцы, была отвергнута. «Чистые страницы» истории наполнились произведениями новых жанров, в которых, как ни странно, звучали те же народные мотивы, только на иной лад.

* * *

Традиционно устраиваемый в царскую коронацию народный праздник представлял яркий контраст обычным рабочим будням. Само слово «праздник» говорило о праздности, т.е. о беззаботном времяпрепровождении. Это был день, когда крестьяне и простые труженики могли отвлечься от повседневных задач и погрузиться в мир веселья. Все было подготовлено для этого – красочные декорации, разнообразные развлечения и обильное угощение. Мотивацией попасть на праздник служило как желание увидеть своего нового правителя, так и ожидание хорошо провести время, приобщиться к царскому пиру, сохранить особые воспоминания и получить символичные подарки. Очевидец коронационных торжеств, безусловно, становился душой любой компании, будто повышая тем самым свой социальный статус.

В игровой форме участники гуляний воспроизводили обычаи и нравы своей страны, вовлекались в сказочные сюжеты, получали патриотическое воспитание и в то же время могли от души повеселиться, дать волю своим эмоциям. Это все переплеталось, пусть и на один день, раздвигая границы возможного. Император «знакомился» со своим народом, в то время как царские гости – могли лицезреть нового коронованного монарха.

Народный праздник 1883 г. оказался хорошо организован и оформлен на высоком декоративном уровне. Публика была рассредоточена, занята и постоянно находилась в движении, что позволило избежать потенциально опасных скоплений. К этому добавились повышенные меры безопасности. Кроме того, как утверждали многие издания, народ, понимавший, куда он пришел, сумел хорошо самоорганизоваться.

В результате празднование в виде весенних ярмарочных гуляний позволило собрать внушительное количество участников (более полумиллиона) и органично «вписать» их в коронационное действо. Император Александр III получил зримую поддержку верноподданных, что произвело большое впечатление на иностранных гостей (одних корреспондентов от заграничных изданий было более 40 человек). Глядя на ликующее море голов и оглушенные криками «ура», они уверились в незыблемости российской монархии и могуществе императора. Эффект, на который рассчитывали, был достигнут.

Из всего вышеизложенного следует, что потенциал народного праздника в позднеимперский период оставался высоким, однако его проведение надо было детально планировать: распределять и развлекать публику, комбинировать различные виды активности, заблаговременно минимизировать возможные риски, иметь дополнительные средства на случай возникновения критических ситуаций. В коронационном гулянье соединялись проявления исконно народной культуры и государственный «заказ на веселье», что могло привести к противоречиям. Праздник как «средство обуздания страстей и воспита-

ния народа в духе “самодержавия, православия и народности”» [Некрылова 1988, с. 193] требовал от организаторов максимальных усилий. Параллельно этому происходил поиск праздничных форм, способных отразить имперское величие и укрепить национальную идентичность.

Библиография

Венчание Русских Государей на царство. Начиная с царя Михаила Федоровича до Императора Александра III. Факс. изд. кн., выпущ. изд-вом Г. Гоппе. СПб., 1883. М.: Кремль-Фильм, МедиаПресс, 2012. 296 с.

Весна Красна. Аллегорическое шествие, устроенное на народном гулянье в Москве, 21 мая 1883 г. М. Лентовским, по случаю Священного Коронования Их Императорских Величеств. Рисунки Ф. Шехтеля. Изд-е 2-е, испр-е и доп-е. М.: Изд. М.В. Лентовский, в типо-литографии Ф.И. Нейбюргер, 1883. Без пагинации.

Виноградова Н.Н. «Маскарадная оргия»: радикальная пресса о коронации Александра III // Власть. М., 2015. № 4. С. 183–189.

К Коронации // Новороссийский телеграф. Одесса, 1883. № 2490. С. 2.

Москва, 21 мая // Московские ведомости. Газета политическая и литературная, издаваемая при Императорском Московском Университете. М., 1883. № 140. С. 3.

Народный праздник по случаю Священного Коронования Их Императорских Величеств. Программа и подробное описание гуляния. М.: Тип. Н.В. Любенкова, 1883. 16 с.

Некрылова А.Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: Конец XVIII – начало XX века. 2-е изд., доп. Ленинград: Искусство, 1988. 215 с.

Пастухов Н. Народное гулянье на Ходынке // Московский листок. М.: Изд. Н.И. Пастухов, 1883. № 139. С. 1–2.

Подробности настоящего торжества в Москве // Нива. СПб., 1883. № 21. С. 494–506.

Праздник на Ходынском поле 21 мая // Нива. СПб., 1883. № 24. С. 576–578.

Столичная печать о Коронации // Новороссийский телеграф. Одесса, 1883. № 2483. С. 2.

Слюнькова И.Н. Шехтель и Лентовский. Постановка народных гуляний коронации (По материалам РГАДА) // Предмет архитектуры: Искусство без границ. М.: Прогресс-Традиция, 2011. С. 121–144.

Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2 тт. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II. М.: ОГИ, 2004. 796 с.

Шевелев А. Май 1883 года. (Из писем баронессы Эдиты Раден к своей сестре). М.: Унив. тип., 1896. 16 с.

References

K Koronatsii [To the Coronation] // Novorossijskij telegraf [Novorossiysk telegraph]. Odessa, 1883. N 2490. P. 2. (In Russ.)

Moskva, 21 maya [Moscow, May 21] // Moskovskie Vedomosti [Moscow News]. Political and literary newspaper published at the Imperial Moscow University. M., 1883. N 140. P. 3. (In Russ.)

Narodnyj prazdnik po sluchayu Svyashhennogo Koronovaniya Ikh Imperatorskikh Velichestv. Programma i podrobnoe opisanie gulyaniya [National festivities on the occasion of the Sacred Coronation of Their Imperial Majesties. Program and detailed description of the festivities]. M.: Print. of N.V. Lyubenkov, 1883. 16 p. (In Russ.)

Nekrylova A.F. Russkie narodnye gorodskie prazdniki, uveseleniya i zrelishcha: Konets XVIII – nachalo XX veka [Nekrylova A.F. Russian folk city festivities, amusements and spectacles: the end of the 18th – the beginning of the 20th century]. 2nd ed., add. Leningrad: Art, 1988. 215 p. (In Russ.)

Pastukhov N. Narodnoe gulyan'e na Khodynke [Pastukhov N. Festivities on Khodynka] // Moskovskij listok [Moscow paper]. M.: Ed. by N.I. Pastukhov, 1883. N 139. P. 1–2. (In Russ.)

Podrobnosti nastoyashchego torzhestva v Moskve [Details of the real celebration in Moscow] // Niva [Grainfield]. SPb., 1883. N 21. P. 494–506. (In Russ.)

Prazdnik na Khodynskom pole 21 maya [Festivities on the Khodynka field on May 21] // Niva [Grainfield]. SPb., 1883. N 24. P. 576–578. (In Russ.)

Stolichnaya pechat' o Koronatsii [Capital Press about the Coronation] // Novorossijskij telegraf [Novorossiysk telegraph]. Odessa, 1883. N 2483. P. 2 (In Russ.)

Shevelev A. Maj 1883 goda. (Iz pisem baronessy Ehdity Raden k svoej sestre) [Shevelev A. May 1883. (From the letters of Baroness Edita Raden to her sister)]. M.: University Printing, 1896. 16 p. (In Russ.)

Slyun'kova I.N. Shekhtel' i Lentovskij. Postanovka narodnykh gulyanij koronatsii (Po materialam RGADA) [Slyunkova I.N. Shekhtel and Lentovsky. Statement of folk festivals of the coronation (According to the materials of the RGADA)]. Predmet arkhitektury: Iskusstvo bez granits [Subject of architecture: Art without borders]. Moscow: Progress-Tradition, 2011, pp. 121–144. (In Russ.)

Uortman R.S. Stsenarii vlasti: Mify i tseremonii russkoj monarkhii. V 2 tt. T. 2: Ot Aleksandra II do otrecheniya Nikolaya II [Wortman R.S. Scenarios of Power: Myths and Ceremonies of the Russian Monarchy. In 2 vols. T. 2: From Alexander II to the abdication of Nicholas II]. M.: OGI, 2004. 796 p.

Venchanie Russkikh Gosudarej na tsarstvo. Nachinaya s tsarya Mikhaila Fedorovicha do Imperatora Aleksandra III. Faks. izd. kn., vyp. izd-vom G. Goppe. SPb., 1883 [Coronation of Russian Monarchs for the reign. From Tsar Mikhail Fedorovich to Emperor Alexander III. Facsimile edition]. M.: KremlinFilm, MediaPress, 2012. 296 p. (In Russ.)

Vesna Krasna. Allegoricheskoe shestvie, ustroennoe na narodnom gulyan'e v Moskve, 21 maya 1883 g. M. Lentovskim, po sluchayu Svyashchennogo Koronovaniya Ikh Imperatorskikh Velichestv. Risunki F. Shekhtel' [Spring Red. Allegorical procession arranged at a folk festival in Moscow, May 21, 1883 by M. Lentovsky, on the occasion of the Sacred Coronation of Their Imperial Majesties. Drawings by F. Shekhtel]. 2nd edition, corrected and supplemented. M., [Ed. M.V. Lentovsky], in typography by F.I. Neiburger 1883. Without pagination. (In Russ.)

Vinogradova N.N. «Maskaradnaya orgiya»: radikal'naya pressa o koronatsii Aleksandra III [Vinogradova N.N. «Masquerade Orgy»: the radical press about the coronation of Alexander III]. Vlast' [Power]. M., 2015. N 4. P. 183–189. (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2023.04.02

И.Н. Молчанов, Н.П. Молчанова

РАЗВИТИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В РОССИИ: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВЫСШЕГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. *Одним из элементов системы управления национальной экономикой многонационального Российского государства является стратегическое планирование. Законодательно определен перечень документов стратегического планирования, которые различаются по составу элементов и разрабатываются на различных уровнях управления. Ввиду сложного административно-территориального устройства Российской Федерации и масштабов развития экономического программирования наблюдается множественность этих документов. Это осложняет аналитическую деятельность по их реализации и контроль за исполнением национальных проектов и программ. Отсутствуют единые методологические основы и принципы формирования документов стратегического характера. Применяемые при разработке документов стратегического планирования регламенты недостаточно скоординированы по иерархиям управления. Традиционно применяемые в процессе исполнения планов и программ методы и инструменты государственного регулирования не в полной мере отвечают задачам периода интеграционных преобразований. Остро востребованы новшества, соответствующие особенностям современного этапа перехода России к новой модели экономического развития и ускоряющемуся процессу цифровой трансформации. Необходимо упорядочить состав таксономических единиц в системе пространственного управления, выстроить единые методологические основы разработки перечня документов стратегического планирования, утвердить согласованную всеми участниками процесса стратегирования технологию их составления и логику исполнения, сформировать единую информационную базу сбора и обработки необходимых данных, эффективную систему мониторинга и контроллинга, используя достижения цифровизации. Ответственной задачей высшей школы является обновление учебных курсов по экономике России и включение дисциплины «Стратегическое планирование» в учебные планы экономических специальностей вузов, совершенствование теоретических основ и практической подготовки студентов к работе с инструментами стратегического планирования, овладение обучающимися востребованными в профессиональной деятельности навыками и компетенциями (знаниями и умениями) творческой прогнозно-плановой работы.*

***Ключевые слова**: стратегическое планирование; история развития; нормативная правовая база; цель и средства; векторы и инструменты; экономическое образование; знания и умения.*

Молчанов Игорь Николаевич – д-р эконом. наук,
профессор, профессор экономического факультета
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова;
профессор Департамента общественных финансов
Финансового факультета Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации. Россия, Москва.
E-mail: 9392940@gmail.com
Researcher ID: J-7684-2012
Scopus Author ID: 57207529880
ORCID: 0000-0003-4252-2387

Молчанова Наталья Петровна – д-р эконом. наук,
доцент, профессор факультета глобальных процессов
Московского государственного факультета им. М.В. Ломоносова.
Россия, Москва.
E-mail: 2520641a@gmail.com
Researcher ID: Q-8208-2017
Scopus Author ID: 57190763402
ORCID: 0000-0002-3019-0672

Molchanov I.N., Molchanova N.P. The development of strategic planning in Russia: a view through the prism of higher economic education

***Abstract.** One of the elements of the management system of the multinational Russian state's national economy is strategic planning. A list of strategic planning documents is legally defined, which differ in the composition of elements and developed at various levels of management. In view of the complex administrative-territorial structure of the Russian Federation and the scale of the development of economic programming, there is a plurality of such documents. This complicates the analytical activities for their implementation and control over the execution of national projects and programs. There are no uniform methodological foundations and principles for the formation of documents of a strategic nature. The regulations used in the development of strategic planning documents are insufficiently coordinated across management hierarchies. The methods and instruments of state regulation traditionally used in the process of implementing plans and programs do not fully meet the objectives of the period of integration transformations. There is an urgent demand for innovations that correspond to the peculiarities of the current stage of Russia's transition to a new model of economic development and the accelerating process of digital transformation. It is necessary to streamline the composition of taxonomic units in the spatial management system, build a unified methodological basis for developing a list of strategic planning documents, approve the technology for their compilation and execution logic agreed by all participants in the strategizing process, form a single information base for*

collecting and processing the necessary data and an effective monitoring and controlling system using the achievements of digitalization. The responsible task of higher education is to update training courses on the Russian economy and include a «Strategic planning» discipline in the curricula of economic specialties of universities, improve the theoretical foundations and practical training of students to work with strategic planning tools, enable the students to master skills and competencies that are in demand in professional activities (knowledge and skills) of creative predictive and planned work.

Keywords: *strategic planning; history of development; legal framework; goal and means; vectors and tools; economic education; knowledge and skills.*

Molchanov Igor Nikolaevich – Doctor of Economics, professor,
professor Faculty of Economics Lomonosov Moscow State University;
professor Department of Public Finance Faculty Finance the Financial University under the Government of the Russian Federation. Russia, Moscow.
E-mail: 9392940@gmail.com
ResearcherID: J-7684-2012
Scopus Author ID: 57207529880
ORCID: 0000-0003-4252-2387

Molchanova Natalia Petrovna – Doctor of Economic Sciences,
Docent, Professor at the Faculty of Global Processes at Lomonosov Moscow State University. Russia, Moscow.
E-mail: 2520641a@gmail.com
Researcher ID: Q-8208-2017
Scopus Author ID: 57190763402
ORCID: 0000-0002-3019-0672

Введение

Планирование является одним из инструментов, применяемых в разных странах мира для повышения эффективности управленческой деятельности и улучшения результатов хозяйствования. Планирование есть одна из функций государства и субъектов хозяйствования. Для России в исторической ретроспективе, с первых лет советской власти (с 1920-х годов) характерно использование методологии планирования в управлении народным хозяйством. К началу 1990-х годов экономика страны многократно усложнилась, а при переходе к рыночной системе изменились социально-экономические условия, и на этой основе получила развитие методология стратегического планирования и программно-целевой деятельности. В пореформенный период активно разрабатывались разного рода документы программно-целевого характера (концепции, стратегии, программы, доктрины и др.). Однако на эффективность их реализации влияло множество объективных внутренних и внешних факторов.

В период рыночных преобразований объектом пристального внимания руководства России была система управления, составной частью которой стала совокупность методов и инструментов государственного регулирования экономики. Вследствие многоступенчатого административно-территориального деления страны сформировалась соответствующая ему достаточно сложная и разветвленная структура управления отраслями и территориями, которая периодически реформируется в связи с изменяющимися потребностями развития социально-экономической системы Российского государства.

Отечественная наука о планировании в исторической ретроспективе

Планирование есть одна из функций, исключительно важная как для функционирования государства, так и экономических агентов на различных ступенях иерархии управления: в масштабах страны в целом, отдельных территорий разного масштаба, отраслей, производств и даже семей. Социалистическая наука о планировании создавалась отечественными учеными. Теоретико-методологические основы были заложены в начале XX в. Фундамент планирования выстроили выдающиеся деятели науки: Г.М. Кржижановский (1872–1959), Н.Д. Кондратьев (1892–1938), С.Г. Струмилин (1877–1974), В.А. Базаров (1874–1939) и др. [Кржижановский 1927; О пятилетнем плане 1928; Каким быть плану 1989]. С первых лет советской власти, начиная с 1920-х годов, теория планирования получила импульс к развитию, а постулаты плановой деятельности нашли применение в практике управления народным хозяйством России.

При анализе характерных черт рыночного хозяйства академик С.Г. Струмилин, критически оценивая капиталистический способ производства, писал: «Чего, действительно, недостает капиталистическому хозяйству даже в высшей его форме монополистического капитализма, это – *единого хозяйственного плана.* В этой его особенности воистину можно усматривать *органический порок* названного хозяйства» [Струмилин 1932, с. 10]. И далее, доказывая преимущества социалистического планирования, подчеркнул: «*Оптимальный эффект* дает такое хозяйство, которое планомерно распределяет свои производительные силы в точном соответствии с общественными потребностями и обеспечивает, таким образом, вполне *равномерное удовлетворение потребностей всех членов общества»* [там же, с. 11]. В данном высказывании в концентрированном виде представлены и смысл плановой деятельности в масштабах общества, и сущность планирования как функции государства.

Главным экономическим стержнем России в довоенные 2020–2030-е годы был единый народнохозяйственный комплекс, а его сердцевиной – народнохозяйственное планирование. В 2020-е годы планирование народного хозяйства

сочеталось с рыночными началами. Переход в 1928 г. к советским пятилеткам, к индустриализации, всеобъемлющей плановой системе ознаменовал начало периода мобилизационной экономики, которая обеспечила Советскому Союзу победу в Великой Отечественной войне. В это время приоритетное внимание уделялось не только развитию промышленности, но и науки, финансированию научных исследований и внедрению их результатов в производство. «Суть советской экономической системы состоит именно в плановом хозяйстве. ... Жесткое государственное управление экономикой и планирование народного хозяйства – вот основные экономические параметры успешного развития страны» [Воейков 2022, с. 32–33].

Для планирования исключительно важны целеустремленная деятельность, научная обоснованность; планирование базируется на знании законов общественного развития и законов товарного производства, особенно закона стоимости [Сорокин 1961]. В период социалистического строительства наработки ученых успешно применялись специалистами плановых органов при составлении методических рекомендаций, разработке и реализации системы государственных плановых документов разной продолжительности. Несмотря на наличие дискуссий, строго соблюдалась директивность (обязательность) планирования.

В течение 1970–1980-х годов Госпланом СССР совместно с госпланами союзных республик, а также министерствами и ведомствами проводилась разработка и поэтапная реализация большого количества документов программно-целевого характера. Причем не только на общегосударственном уровне, но и на мезоуровне: отдельных территорий (союзных республик, краев и областей, районов и городов), отраслей и подотраслей национальной экономики. Информация о составе этих документов и их финансировании отражалась в программном разделе государственного плана. В целях повышения материальной заинтересованности коллективов в выполнении государственного плана строгое следование установленным Законом заданиям постепенно стали совмещать с рыночными механизмами, внедрять инструментарий индикативного (рекомендательного) планирования [Индикативное ... 2000].

Динамизм преподавания планирования в вузах

В советский исторический период пристальное внимание уделялось подготовке специалистов по планированию: как в целом по народному хозяйству, так и по отдельным отраслям: промышленности, сельскому хозяйству, материально-техническому снабжению. Студентам экономических специальностей вузов начиная с 1960-х годов на старших курсах читалась дисциплина «Планирование народного хозяйства СССР». В зависимости от получаемой

студентами специализации рабочие учебные планы дополнялись предметами отраслевого и местного планирования – более конкретных и актуальных для низового звена экономики. В начале 1990-х годов, по мере перехода на рыночные отношения, появились новые приоритеты в работе экономических вузов, началось изучение зарубежных теорий и разделов экономической науки: «Микроэкономика», «Макроэкономика», «Институциональная экономика» и др. Именно в этот период было введена дисциплина «Стратегическое планирование» [Стратегическое 1998].

Осознание необходимости возрождения общегосударственного планирования

В течение 1990-х годов в России происходил трудный переход на рыночные отношения. На смену системе директивного планирования пришли рыночные механизмы. Государственная собственность перестала быть преобладающей в структуре народного хозяйства. Частная собственность заняла лидирующие позиции. Активно развивалась предпринимательская деятельность: малый, средний и крупный бизнес. Экономика страны коренным образом преобразовывалась и многократно усложнялась, существенно трансформировались социально-экономические условия. Произошедшие в общественной жизни новации подготовили базис для новых экономических отношений. Стала востребованной модернизация, либо создание новых институтов и инструментов для сферы управления и планирования. Именно настоятельные потребности общества в сочетании с неустойчивостью экономической ситуации в данный период интенсифицировали активное развитие методологии стратегического планирования и программно-целевой деятельности [Райзберг, Лобко 2002].

В течение 1990-х – начале 2000-х годов укрепление предпринимательских начал происходило в условиях повышения неустойчивости макроэкономической среды, что проявлялось в циклических колебаниях и изменчивости конъюнктуры международных рынков, в которые стремилась вписаться Россия. Вполне объективно по целому ряду причин возникли существенные трудности в функционировании экономики, появились проблемы разбалансированности в развитии отраслей хозяйства и территорий. Сформировалось понимание необходимости возврата к базовым принципам организации и управления производством хозяйствующих субъектов. Вначале осознанной необходимостью стало восстановление планирования экономической деятельности для малого, среднего и крупного бизнеса. Была разработана и получила повсеместное применение прогрессивная система бухгалтерского учета 1С. Но постепенно потребность в планировании возродилась в научном сообществе. При этом целесообразность применения инструментария

планирования и моделирования экономики аргументировалась применительно к разным уровням управления: муниципальному, региональному, федеральному [Абалкин 2011; Полтерович 2015 и др.].

В советский период, когда планирование было центральным звеном системы управления, валовой общественный продукт рассчитывался с использованием балансового метода. В процессе разработки и исполнения планов использовалась система балансов (материальных, трудовых и финансовых), вершиной которой был баланс народного хозяйства. Построение баланса народного хозяйства основывалось на планировании и учете реальных объемов производства отраслей экономики. О полезности применения такого подхода и о недостатках современных расчетов ВВП по методологии национальных счетов в настоящее время дискутируют известные зарубежные ученые: «Если наша система измерения переоценивает полезность для общества спекуляции в сравнении с трудом, предпринимательством и творческим умом, то это опасным образом переворачивает систему ценностей» [Стиглиц, Сен, Фитусси 2016, с. 18].

Достижением отечественных ученых стала разработка межотраслевого баланса. О его практической пользе для планирования свидетельствует следующее высказывание: «Принципиально новым в этом балансе при сравнении его с обычными хозяйственно-статистическими обследованиями, как, например, с американскими, английскими – цензом является попытка охватить цифрами не только производство, но и распределение общественного продукта» [Леонтьев 1990, с. 242]. В современных условиях распространения цифровой среды инструментарий планирования становится особенно востребованным. С позиции современной науки цифровизация есть не что иное, как средство для представления в систематизированном виде плановой информации и проведения экономических исследований и плановых расчетов в рамках системного подхода. В данном контексте представляется справедливым следующее утверждение: «Все те экономисты, которые говорят и пишут сегодня о цифровой экономике, должны говорить о народнохозяйственном планировании. И это же должны делать государственные чиновники. ... В Россию необходимо вернуть народнохозяйственное планирование» [Воейков 2022, с. 34].

Следствием повышения интереса к перспективному планированию в начале 2000-х годов стал возврат к программно-целевой деятельности в масштабах страны в целом и применительно к мезоуровню. Методология стратегического планирования нашла применение при разработке долгосрочных документов концептуального характера, рассчитанных, как правило, на период более десяти лет.

Приоритезация идей стратегического планирования в современной России

Для целей управления сложным по своей структуре национальным хозяйством России в 2010-х годах были созданы регламентируемые законодательством основы системы стратегического планирования [Федеральный закон от 28 июня 2014 г.]. Методология планирования достаточно глубоко проработана и охватывает систему документов стратегического характера, которая в зависимости от специфики правоприменения закреплена в федеральной, либо региональной нормативно-правовой базе [Указ Президента от 8 ноября 2021 г.].

Методологические вопросы стратегического планирования активно дискутируются в отечественной научной литературе [Аганбегян 2021]. Исследователи акцентируют внимание на степени разработанности вопросов стратегического планирования и актуальности их развития в настоящее время, особенно в связи с изменяющимися геополитэкономическими условиями [Глазьев 2021.] и обоснованием целесообразности применения системно-ориентирного подхода [Клейнер 2021]. Получили развитие идеи о стратегировании и необходимости развития его методологических основ. Ученые убеждены, что стратегирование может помочь сконцентрировать внимание на решении актуальных практических задач в условиях дискуссий о формировании новой экономической модели страны [Квинт, Бодрунов 2021].

Реформирование экономического образования в России

2000-е годы стали периодом перехода высшей школы России к работе по правилам Болонской системы высшего образования, в течение которого создавались единые унифицированные стандарты обучения в университетах по зарубежным образцам. Переход был завершен в 2011 г. С этого момента обучение студентов осуществлялось в основном по программам бакалавриата и магистратуры. Специалитет сохранялся только по направлениям, имеющим особое общественно-государственное значение. Во время работы по Болонской системе в течение 2010-х годов выявились не только ее определенные достоинства, но и существенные несовершенства [Молчанов 2022a; Молчанов 2022b].

По решению руководства России в 2022 г. было начато и активно осуществляется реформирование системы обучения в вузах [Указ Президента от 12 мая 2023 г.]. В 2023–2024 уч. г. в шести крупных университетах идет реализация пилотного проекта по изменению уровней профессионального образования. Установлены два уровня высшего образования – базовое высшее и специализированное высшее, а также один уровень профессионального образования – аспирантура. В рамках пилотного проекта на уровне базового

высшего образования развернута реализация программ бакалавриата и специалитета (срок обучения от четырех до шести лет), на уровне специализированного высшего образования – программ магистратуры, ординатуры и ассистентуры-стажировки (срок обучения от одного до трех лет).

Процесс реформирования высшей школы обусловлен объективно возрастающим спросом национальной экономики России в квалифицированных кадрах специалистов инженерно-технических и других востребованных рынком труда специальностей для работы в условиях цифровой трансформации. Стратегическое управление и планирование подготовки квалифицированных кадров необходимо выстраивать на основе демографических прогнозов и концептуальных основ технологического развития на долгосрочную перспективу [Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.05.2023 г. № 1315-р].

В изменяющихся под влиянием различных факторов условиях остро востребовано обновление учебно-методической базы подготовки квалифицированных кадров. Например, ответственной задачей высшей школы является создание учебного курса по управлению и экономике Российского государства, который должен стать базовым для разных специальностей и специализаций. Для подготовки экономистов требуется обновление учебника по развитию национальной экономики России, включая вопросы стратегического планирования. Необходимая научно-методическая основа для осуществления такого масштабного проекта есть. Это уже изданные и апробированные в учебном процессе научные работы: учебник и монография, подготовленные коллективом авторов – научно-педагогических работников Института экономики РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова и других ведущих российских университетов [Национальная экономика 2018; Российская социально-экономическая Система 2021]. Включение дисциплины «Стратегическое планирование» в учебные планы экономических специальностей вузов, совершенствование теоретических основ и практической подготовки студентов к работе с инструментами стратегического планирования становятся жизненно необходимыми для овладения обучающимися основами профессиональной деятельности, навыками и компетенциями (знаниями и умениями) творческой прогнозно-плановой работы.

Целевые установки российской системы образования традиционно сконцентрированы на формировании человеческого потенциала, повышении качества и фундаментальности образования. В процессе переустройства экономического образования вузовскому сообществу предстоит решить ряд новых задач. В целях совершенствования существующей нормативной правовой базы необходимо систематизировать и обновить совокупность документов по стратегическому управлению. Это связано с масштабностью решаемых высшей школой задач и укреплением экономического потенциала университетов

[Указ Президента от 12 мая 2023 г.]. Образование и наука выступают «ведущими звеньями» в воспроизводстве человеческого капитала. Это инициирует рост вложений ресурсов в целях преодоления некоторых экономических проблем в сфере образования. Необходим поиск новых источников финансирования в условиях разнообразия организационно-правовых форм образовательных организаций.

В условиях возрастания конкуренции между университетами (национальными исследовательскими, федеральными, технологическими, отраслевыми, региональными) необходимо создание в каждом вузе инновационной образовательной среды в целях привития интереса обучающихся к получаемой профессии (квалификации). Решение данной задачи будет способствовать обеспечению регионов кадрами специалистов необходимого профиля подготовки и уровня образования. Данные вопросы органично сочетаются и консолидируются с решением социально значимых государственных задач создания равных условий для проживания семей в урбанизированных и сельских территориях, роста благосостояния населения и поддержания высокого качества окружающей природной среды.

В период работы по Болонской системе высшая школа России сохранила профессорско-преподавательский состав по подготовке инженерных кадров и специалистов для работы в базовых отраслях национальной экономики. Это имеет исключительно важное значение в современный период роста приема на обучение по STEM-специальностям. В условиях трансформации секторальной структуры производства и ускоренного наращивания выпуска продукции, остро востребованной народному хозяйству в условиях санкционных ограничений импорта товаров и услуг из «недружественных» стран, необходимо восстановить практику расчета потребностей в специалистах по группам специальностей на долгосрочную перспективу, поскольку цифровизация обусловливает изменение структуры выпуска обучающихся российскими вузами по уровням квалификации. Авторы научных работ приводят доказательства того, что процесс цифровизации может инициировать обострение неравномерности регионального развития и пространственного неравенства вследствие «несопряженности уровня квалификации основной части выпускников, прошедших подготовку в системе образования, и ожиданий рынка» [Акаев, Десятко, Петряков, Сарыгулов 2020, с. 31]. Резервы по улучшению качества обучения и повышению эффективности работы вузов основываются на симбиозе профессиональных компетенций преподавателей и креативности обучающихся. Ориентиром для планирования деятельности региональных систем высшего образования служит учет местных особенностей и рост инициативы заинтересованных сторон.

Совершенствование системы мотивации в целях ориентации профессорско-преподавательского состава на высокопродуктивный труд будет способ-

ствовать повышению конкурентоспособности вузов на международной арене и востребованности выпускников в глобальном масштабе. Одновременно требуется сохранение социальной направленности образования, его ключевой роли в создании и распространении знаний, развитии когнитивных и коммуникативных навыков, мотивации обучающихся к отстаиванию собственного мнения, привитии способностей к логическому мышлению, пропагандировании ценностей, адекватных цивилизационным потребностям современного российского общества.

Заключение

Роль стратегического планирования объективно возрастает вместе с усилением внимания к необходимости обеспечения национальной экономической безопасности государства. Ученые поднимают вопрос о целесообразности формирования научного направления, которое базировалось бы на стыке теории развития и общей теории безопасности. В противовес санкционному давлению Российское государство становится главным актором экономики. Возникает «новая система отношений и интересов в национальных, регионально-блоковых и мировом социумах» [Караваева 2020, с. 29]. При выработке мер по обеспечению национальной экономической безопасности приоритетными становятся социальный, политический, идеологический факторы. Однако до последнего времени не были унифицированы применяемые в экономическом программировании методы и инструменты. Не соблюдался принцип синхронности во времени и пространстве, охватывающий все этапы разработки, согласования и утверждения различных видов документов программного характера. В рамках стратегического планирования решение задачи взаимного согласования различных видов программных документов было возложено на национальные проекты.

В целях дальнейшего совершенствования механизма программно-целевого управления и стратегического планирования обсуждаются варианты реализации следующего подхода: «одно стратегическое направление (приоритет) – один документ стратегического целеполагания – одна государственная программа» [Назаров, Афиногенов 2020, с. 17]. В такой интерпретации создаются возможности для «переформатирования» всей совокупности государственных программ в соответствии с национальными интересами и стратегическими приоритетами. Активизируется создание методологического инструментария для управления формированием и исполнением государственных программ и национальных проектов. В соответствии с принятым Правительством России документом [Единый план 2021] проведена работа по реформированию института государственных программ. На основе усовершенствованной концепции сформированы и утверждены обновленные государственные программы,

систематизированный перечень которых действует с начала 2022 г. [Постановление Правительства Российской Федерации от 26 мая 2021 г.].

Разработаны инструменты регулирования и усовершенствована технология проектной деятельности [Постановление Правительства Российской Федерации от 31 октября 2018 г.]. Кураторам и руководителям госпрограмм делегированы полномочия по внесению корректировок и выполнению функций по управлению документами программного характера. На цифровой формат переводятся процедуры разработки и реализации госпрограмм и их структурных элементов. Распространение цифровых технологий многократно повышает эффективность и результативность управленческой деятельности. Важным новшеством стало введение автоматического режима для ежемесячного сбора ряда фактических данных в целях упрощения формирования ежеквартальной отчетности. Это способствует спецификации инструментов контроля и мониторинга, позволяет четко разграничить полномочия участников, применять гибкие формы взаимодействия в зависимости от масштаба изменяемых параметров государственных программ.

В настоящее время востребован пересмотр методологии программно-целевого планирования, включая такие составные части, как принципы, методы, методики, технологии и логика разработки государственных программ. Для большего упорядочения программно-целевой деятельности в целом и ее отдельных элементов приемлемыми выходами представляются: 1) более четкое отражение элемента «государственно-частное партнерство»; 2) дальнейшая систематизация всей совокупности разрабатываемых и реализуемых в стране документов стратегического планирования и экономического программирования.

Библиография

Абалкин Л.И. Страну спасет плановое хозяйство / В кн.: Абалкин Л.И. Проблемы современной России / Москва: Институт экономики РАН, 2011. С. 48–51.

Аганбегян А.Г. О необходимости планирования в новой России // Вопросы политической экономии. 2021. № 2 (26). С. 27–44.

Акаев А.А., Десятко Д.Н., Петряков А.А., Сарыгулов А.И. Региональное развитие и система образования в условиях цифровой трансформации // Экономика региона. 2020. Т. 16, вып. 4. С. 1031–1045.

Воейков М.И. СССР: народнохозяйственное планирование как форма государственного патернализма // Вопросы политической экономии. 2022. № 4 (32). С. 31–35.

Глазьев С.Ю. Стратегическое планирование как интегративный элемент в системе управления развитием // Экономическое возрождение России. 2021. № 3 (69). С. 14–19.

Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. 2021. 14 октября URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/edinyy_plan_po_dostizheniyu_nacionalnyh_celey_razvitiya_rossiyskoy_federacii_na_period_do_2024_goda_i_na_planovyy_period_do_2030_goda.html (дата обращения: 1.06.2023).

Индикативное планирование: теория и пути совершенствования: монография / А.Н. Петров [и др.]. СПб.: Знание, 2000. 96 с.

Каким быть плану: дискуссии 20-х годов: Статьи и современный комментарий / Сост.: Э.Б. Корицкий. – Л.: Лениздат, 1989. – 224 с.

Караваева И.В. Национальная экономическая безопасность в теоретических исследованиях института экономики РАН // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 2. С. 27–42.

Квинт В.Л., Бодрунов С.Д. Стратегирование трансформации общества: знание, технологии, ноономика. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2021. 351 с.

Клейнер Г.Б. Системно-ориентирное планирование: Россия, XXI век // Вопросы политической экономии. 2021. № 2 (26). С. 45–56.

Кржижановский Г.М. К построению перспективной пятилетки // Плановое хозяйство. 1927. № 3. С. 7–16.

Леонтьев В.В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика: Пер. с англ. М.: Политиздат. 1990. 416 с.

Молчанов И.Н. Высшая школа России: новый этап реформирования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022a. Т. 12. № 5. С. 203–214.

Молчанов И.Н. Образование как социальный институт: предпринимательский вектор. Экономика. Налоги. Право. 2022b. Т. 15. № 5. С. 38–46.

Назаров В.П., Афиногенов Д.А. Проблемы развития общей теории национальной безопасности в контексте корректировки Стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Власть. 2020. Т. 28. № 1. С. 9–19.

Национальная экономика: учебник / Под ред.: П.В. Савченко. 5-е изд., перераб. и доп. / Коллектив авторов. М.: Инфра-М, 2018. 806 с.

О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР: Дискуссия в Коммунистической академии. М.: Издательство Коммунистической академии, 1928. 128 с.

Полтерович В.М. О формировании системы национального планирования в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 2(26). С. 237–242.

Постановление Правительства Российской Федерации от 26 мая 2021 г. № 786 «О системе управления государственными программами Российской Федерации» вместе с «Положением о системе управления государственными программами Российской Федерации» // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. 2021. 27 мая. URL: http://government.ru/docs/all/134475/ (дата обращения: 20.05.2023).

Постановление Правительства Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 1288 (ред. от 28.12.2022 г.) «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» (вместе с «Положением об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации») // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310151/ (дата обращения: 24.05.2023).

Райзберг Б.А., Лобко А.Г. Программно-целевое планирование и управление. М.: ИНФРА-М. 2002. 428 с.

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.05.2023 г. № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: http://government.ru/docs/48570/ (дата обращения: 07.07.2023).

Российская социально-экономическая Система: реалии и векторы развития: монография / отв. ред. Р.С. Гринберг, П.В. Савченко. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: ИНФРА-М, 2021. 596 с. + Доп. материалы [Электронный ресурс]. (Научная мысль).

Сорокин Г.М. Планирование народного хозяйства СССР. Вопросы теории и организации. Москва: Издательство социально-экономической литературы, 1961. 460 с.

Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? М.: Изд-во Института Гайдара. 2016. 216 с.

Стратегическое планирование / Под ред. Э.А. Уткина. М.: Ассоциация авторов и издателей «ТАНДЕМ». Издательство «ЭКМОС», 1998. 440 с.

Струмилин С.Г. Проблемы планирования в СССР. Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1932. 541 с.

Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2023 № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования» // Официальный интернет-портал правовой информации. Дата опубликования: 12.05.2023. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202305120005?index=0&rangeSize=1 (дата обращения: 20.06.2023).

Указ Президента Российской Федерации от 8 ноября 2021 г. № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» // КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_400057/ (дата обращения: 20.06.2023).

Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 25.06.2023).

References

Abalkin L.I. Stranu spaset planovoe hozjajstvo. V kn.: Abalkin L.I. Problemy sovremennoj Rossii [The country will be saved by a planned economy. In the book: Abalkin L.I. Problems of modern Russia]. Moscow: Institut jekonomiki RAN [Institute of Economics RAS], 2011. P. 48–51. (In Russ.)

Aganbegyan A.G. O neobhodimosti planirovanija v novoj Rossii [On the need for planning in the new Russia] Voprosy politicheskoj jekonomii [Questions of political economy]. 2021. N 2 (26). P. 27–44. DOI: 10.5281/zenodo.5040286 (https://zenodo.org/record/5040286). (In Russ.)

Akaev A.A., Desyatko D.N., Petryakov A.A., Sarygulov A.I. Regional'noe razvitie i sistema obrazovanija v uslovijah cifrovoj transformacii [Regional development and the education system in the context of digital transformation] Jekonomika regiona [Economics of the region]. 2020. Vol. 16., N 4. P. 1031–1045. (In Russ.)

Edinyj plan po dostizheniju nacional'nyh celej razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2024 goda i na planovyj period do 2030 goda [A single plan to achieve the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2024 and for the planning period up to 2030] Oficial'nyj sajt Pravitel'stva Rossijskoj Federacii [Official website of the Government of the Russian Federation]. 2021. October 14 URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/edinyy_plan_po_dostizheniyu_nacionalnyh_celey_razvitiya_rossiyskoy_federacii_na_period_do_2024_goda_i_na_planovyy_period_do_2030_goda.html (date of access: 1.06.202 3). (In Russ.)

Federal'nyj zakon ot 28.06.2014 № 172 FZ (red. ot 31.07.2020) «O strategicheskom planirovanii v Rossijskoj Federacii» [Federal Law of June 28, 2014 N 172 FZ (as amended on July 31, 2020) «On Strategic Planning in the Russian Federation»] [Consultant Plus]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (date of access: 06.05.2023). (In Russ.)

Glazyev S.Yu. Strategicheskoe planirovanie kak integrativnyj jelement v sisteme upravlenija razvitiem [Strategic planning as an integrative element in the development management system] Jekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii [Economic revival of Russia]. 2021. N 3 (69). P. 14–19. (In Russ.)

Indikativnoe planirovanie: teorija i puti sovershenstvovanija: monografija [Indicative planning: theory and ways of improvement: monograph] A.N. Petrov [i dr.]. St. Petersburg: Znanie [Knowledge], 2000. 96 p. (In Russ.)

Kakim byt' planu: diskussii 20-h godov: Stat'i i sovremennyj kommentarij [What should be the plan: discussions of the 20s: Articles and modern commentary] Sost.: Je.B. Korickij [Comp.: E.B. Koritsky]. L.: Lenizdat, 1989. 224 p. (In Russ.)

Karavaeva I.V. Nacional'naja jekonomicheskaja bezopasnost' v teoreticheskih issledovanijah instituta jekonomiki RAN [National economic security in theoretical studies of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences] Vestnik Instituta jekonomiki Rossijskoj akademii nauk [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]. 2020. N 2. P. 27–42. DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10013. (In Russ.)

Kleiner G.B. Sistemno-orientirnoe planirovanie: Rossija, XXI vek [System Oriented Planning: Russia, XXI Century] Voprosy politicheskoj jekonomii [Issues of Political Economy]. 2021. N 2 (26). P. 45–56. DOI: 10.5281/zenodo.5040288 (https://zenodo.org/record/5040288). (In Russ.)

Krzhizhanovsky G.M. K postroeniju perspektivnoj pjatiletki [To the construction of a promising five-year plan] Planovoe hozjajstvo [Planned economy]. 1927. N 3. pp. 7–16. (In Russ.)

Kvint V.L., Bodrunov S.D. Strategirovanie transformacii obshhestva: znanie, tehnologii, noonomika [Strategizing the transformation of society: knowledge, technology, noonomics]. St. Petersburg: INIR im. S.Yu. Witte, 2021. 351 p. (In Russ.)

Leontiev V.V. Jekonomicheskie jesse. Teorii, issledovanija, fakty i politika [Economic Essays. Theories, research, facts and politics: Per. from English]. Moscow: Politizdat. 1990. 416 p. (In Russ.)

Molchanov I.N. Obrazovanie kak social'nyj institut: predprinimatel'skij vektor [Education as a social institution: an entrepreneurial vector]. Jekonomika. Nalogi. Pravo. [Economics, taxes & law]. 2022b. T. 15. N 5. P. 38–46. DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-5-38-46ORI. (In Russ.)

Molchanov I.N. Vysshaja shkola Rossii: novyj jetap reformirovanija [Higher School of Russia: a new stage of reform] Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Jekonomika. Sociologija. Menedzhment [News of the South-Western State University. Series: Economy. Sociology. Management]. 2022a. T. 12. N 5. P. 203–214. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-5-203-214. (In Russ.)

Nacional'naja jekonomika: uchebnik / Pod red. : P.V. Savchenko. 5-e izd., pererab. i dop. / Kollektiv avtorov. [National economy: textbook. Ed.: P.V. Savchenko. 5th ed., revised. and additional. A team of authors]. M.: Infra-M, 2018. 806 p. (In Russ.)

Nazarov V.P., Afinogenov D.A. Problemy razvitija obshhej teorii nacional'noj bezopasnosti v kontekste korrektirovki Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii [Problems of development of the general theory of national security in the context of adjusting the National Security Strategy of the Russian Federation] Vlast' [Power]. 2020. V. 28. N 1. P. 9–19. (In Russ.)

O pjatiletnem plane razvitija narodnogo hozjajstva SSSR: Diskussija v Kommunisticheskoj akademii [On the five-year plan for the development of the national economy of the USSR: Discussion at the Communist Academy]. M.: Izdatel'stvo Kommunisticheskoj Akademii [Publishing House of the Communist Academy], 1928. 128 p. (In Russ.)

Polterovich V.M. O formirovanii sistemy nacional'nogo planirovanija v Rossii [On the Formation of the National Planning System in Russia] Zhurnal Novoj jekonomicheskoj associacii [Journal of the New Economic Association]. 2015. N 2(26). P. 237–242. (In Russ.)

Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 26 maja 2021 g. № 786 «O sisteme upravlenija gosudarstvennymi programmami Rossijskoj Federacii» vmeste s «Polozheniem o sisteme upravlenija gosudarstvennymi programmami Rossijskoj Federacii» [Decree of the Government of the Russian Federation dated May 26, 2021 N 786 «On the system for managing state programs of the Russian Federation, together with the "Regulations on the system for managing state programs of the Russian Federation»] [Official website of the Government of the Russian Federation. May 27, 2021] URL: http://government.ru/docs/all/134475/ (date of access: 05.20.2023). (In Russ.)

Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 31 oktjabrja 2018 g. № 1288 (red. ot 28.12.2022 g.) «Ob organizacii proektnoj dejatel'nosti v Pravitel'stve Rossijskoj Federacii» (vmeste s «Polozheniem ob organizacii proektnoj dejatel'nosti v Pravitel'stve Rossijskoj Federacii») [Decree of the Government of the Russian Federation of October 31, 2018 N 1288 (as amended on December 28, 2022) «On the organization of project activities in the Government of the Russian Federation» (together with the «Regulations on the organization of project activities in the Government of the Russian Federation»)]. [Consultant Plus]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310151/ (date of access: 02.04.2023). (In Russ.)

Raizberg B.A., Lobko A.G. Programmno-celevoe planirovanie i upravlenie [Program-targeted planning and management]. Moscow: INFRA-M. 2002. 428 p. (In Russ.)

Rasporjazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 20.05.2023 g. № 1315-r «Ob utverzhdenii Koncepcii tehnologicheskogo razvitija na period do 2030 goda» // Oficial'nyj sajt Pravitel'stva Rossijskoj Federacii. [Decree of the Government of the Russian Federation dated May 20, 2023 N 1315-r «On approval of the Concept of technological development for the period up to 2030». Official website of the Government of the Russian Federation]. URL: http://government.ru/docs/48570/ (date of access: 07.07.2023). (In Russ.)

Rossijskaja social'no-jekonomicheskaja Sistema: realii i vektory razvitija: monografija. otv. red. R.S. Grinberg, P.V. Savchenko. 4-e izd., pererab. i dop. [Russian socio-economic system: realities and vectors of development: monograph. otv. Ed. R.S. Grinberg, P.V. Savchenko. 4th ed., revised. and additional] Moscow: INFRA-M, 2021. 596 p. + Additional materials [Electronic resource]. (Scientific thought). (In Russ.)

Sorokin G.M. Planirovanie narodnogo hozjajstva SSSR. Voprosy teorii i organizacii [Planning of the national economy of the USSR. Questions of theory and organization]. Moscow: Izdatel'stvo social'no-jekonomicheskoj literatury [Publishing house of socio-economic literature], 1961. 460 p. (In Russ.)

Stiglitz D., Sen A., Fitoussi J.-P. Misjudging our lives: Why does GDP make no sense? M.: Publishing House of the Gaidar Institute. 2016. 216 p.

Strategicheskoe planirovanie. Pod red. Je.A. Utkina. [Strategic planning. Ed. E.A. Utkin]. M.: Associacija avtorov i izdatelej «TANDEM». Izdatel'stvo «JeKMOS» [Association of Authors and Publishers «TANDEM». «EKMOS» Publishing House], 1998. 440 p. (In Russ.)

Strumilin S.G. Problemy planirovanija v SSSR [Problems of planning in the USSR]. L.: Izd-vo Akad. nauk SSSR [Publishing house Acad. Sciences of the USSR], 1932. 541 p. (In Russ.)

Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 12.05.2023 № 343 «O nekotoryh voprosah sovershenstvovanija sistemy vysshego obrazovanija». Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. [Decree of the President of the Russian Federation of May 12, 2023 N 343 «On some issues of improving the system of higher education». Official Internet portal of legal information]. Publication date: 05/12/2023. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202305120005?index=0&rangeSize=1 (date of access: 20.06.2023). (In Russ.)

Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 8 nojabrja 2021 g. № 633 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki v sfere strategicheskogo planirovanija v Rossijskoj Federacii» [Decree of the President of the Russian Federation of November 8, 2021 N 633 «On approval of the Fundamentals of State Policy in the field of strategic planning in the Russian Federation»] [Consultant Plus] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_400057/ (date of access: 06.20.2023).

Voeikov M.I. SSSR: narodnohozjajstvennoe planirovanie kak forma gosudarstvennogo paternalizma [USSR: national economic planning as a form of state paternalism] Voprosy politicheskoj jekonomii [Questions of political economy]. 2022. N 4 (32). P. 31–35. (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2023.04.03

Е.Б. Ленчук, В.В. Доржиева

ИНДУСТРИЯ 4.0 В ПОВЕСТКЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЁРСТВА РОССИИ И СТРАН АСЕАН

Аннотация. *В условиях новой геополитической реальности, когда беспрецедентные санкции со стороны Запада в технологической сфере вынуждают Россию на поиск новых партнеров в освоении технологий Индустрии 4.0, взаимодействие с которыми будет способствовать ускоренной цифровой трансформации, а также переориентацию торговых связей на новые географические рынки, развитие внешнеэкономических связей со странами АСЕАН становится одним из приоритетов внешней политики России на азиатском направлении. Оценивая позиции России и стран АСЕАН в участии в глобальных рынках продукции и услуг, связанных с передовыми технологиями, следует отметить довольно скромные их позиции на фоне Китая и США, которые для всех остальных стран создают практическую угрозу сохранению экономической самостоятельности и независимости, поскольку в ходе процессов цифровизации лидеры вынуждают всех использовать свои технологии.*

Россия и страны АСЕАН пока испытывают недостаточность инструментального потенциала для формирования повестки глобального цифрового развития. Чтобы воспользоваться преимуществами Индустрии 4.0 и цифровой трансформации, минимизировав при этом возможные негативные последствия, многое будет зависеть от соответствующего уровня развития национальных экономик, готовности к цифровой трансформации, реализуемой внешней политики и международных партнерских отношений стран. В связи с этим реализация цифровой повестки стратегического партнерства России и стран АСЕАН должна предусматривать эффективное взаимодействие в рамках сотрудничества и обмена опытом в области нормативного регулирования, унификации цифровых стандартов, информационной безопасности, наращивании экспортно-импортных объемов в отношении цифровых сервисов, сопряжении цифровых платформ и создаваемых экосистем. Перспективным направлением может стать также интеграция национальных и международных информационно-аналитических таможенных и логистических систем, ускорение процесса взаимного признания электронных документов, развитие межгосударственного электронного обмена документами для предпринимателей, что создает благоприятные условия для развития бизнеса.

Ключевые слова: *Индустрия 4.0; цифровая трансформация; цифровые технологии; цифровая повестка стратегического партнёрства Россия-АСЕАН.*

Ленчук Елена Борисовна – доктор экономических наук, руководитель научного направления «Экономическая политика» Института экономики РАН. Россия, Москва.
E-mail: lenalenchuk@yandex.ru
Scopus Author ID: 14121314400

Доржиева Валентина Васильевна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра инновационной экономики и промышленной политики Института экономики РАН. Россия, Москва.
E-mail: vvdorzhieva@inecon.ru
Scopus Author ID: 57471973400

Lenchuk E.B., Dorzhieva V.V. Industry 4.0 on the agenda of the strategic partnership between Russia and ASEAN countries

Abstract. *In the context of the new geopolitical realities, when unprecedented sanctions from the West in the technological sphere force Russia to search for new partners in the development of Industry 4.0 technologies, interaction with which will contribute to accelerated digital transformation, as well as the reorientation of trade relations to new geographical markets, the development of foreign economic relations with ASEAN countries becomes one of the priorities of Russia's foreign policy on its Asian front. Assessing the positions of Russia and ASEAN countries in participating in the global markets of products and services related to advanced technologies, it should be noted that their positions are rather modest against the background of China and the United States, which pose a practical threat to the preservation of economic autonomy and independence for all other countries, since during the digitalization processes, leaders force everyone to use their technologies.*

Russia and ASEAN countries are still experiencing a lack of instrumental potential for shaping the global digital development agenda. In order to take advantage of Industry 4.0 and digital transformation, while minimizing possible negative consequences, much will depend on the appropriate level of development of national economies, readiness for digital transformation, and the foreign policy and international partnerships implemented by these countries. In this regard, the implementation of the digital agenda of the strategic partnership between Russia and ASEAN countries should provide for effective interaction within the framework of cooperation and exchange of experience in the field of normative regulation, unification of digital standards, information security, increasing export-import volumes in relation to digital services, coupling digital platforms and ecosystems being created. Integration of national and international information and analytical customs and logistics systems, acceleration of the process of mutual recognition of electronic documents, development of interstate electronic document exchange for entrepreneurs, which creates favorable conditions for business development, can also become a promising direction.

Keywords: *Industry 4.0; digital transformation; digital technologies; digital agenda of the Russia-ASEAN strategic partnership.*

Lenchuk Elena Borisovna – Doctor of Science, Economics,
Head of Economic Policy Department, Russian Academy of Science,
Institute of Economics. Russia, Moscow.
E-mail: lenalenchuk@yandex.ru
Scopus Author ID: 14121314400

Dorzhieva Valentina Vasilievna – Candidate of Economic Sciences,
Leading Researcher, Head of the Center for Innovative Economics
and Industrial Policy, Russian Academy of Science, Institute of Economics.
Russia, Moscow.
E-mail: vvdorzhieva@inecon.ru
Scopus Author ID: 57471973400

Введение

Стремительное распространение интегрированных технологий «Промышленной революции 4.0» (или «Индустрии 4.0»), «…формирующихся на стыке цифровых, био- когнитивных, физических технологий, кардинально изменяет порядок функционирования экономических систем, совершая революцию в управлении, функционировании финансовой системы и промышленном производстве» [Ленчук 2019]. Цифровая трансформация способствует этому революционному процессу, который, в свою очередь, набрал критический импульс, поскольку объединился ряд факторов: поразительный рост объема данных, вычислительной мощности и возможностей беспроводного подключения; появление передовых технологий анализа данных, бизнес-аналитики, робототехники и промышленного Интернета; новые формы взаимодействия человека и искусственного интеллекта, такие как сенсорные интерфейсы и системы дополненной реальности, а также появление «…новых бизнес-моделей, которые на базе цифровых платформ изменяют взаимодействие пользователей и поставщиков продукции и услуг» [Ленчук, 2021].

Чтобы воспользоваться преимуществами Индустрии 4.0 и цифровой трансформации, минимизировав при этом возможные негативные последствия, многое будет зависеть от соответствующего уровня развития национальной экономики и готовности к новой индустриализации, реализуемой национальной политики и международных партнерских отношений стран [Индустрия 4.0 2022].

Прогнозируется, что к 2025 г. объем рынка передовых технологий вырастет до 3,2 трлн руб. (см. рис. 1) [ЮНКТАД 2021]. Вместе с тем сохраняющиеся различия в экономическом развитии развитых и развивающихся стран усиливают неравенство между странами и разрыв в цифровых компетенциях и освоении технологий Индустрии 4.0.

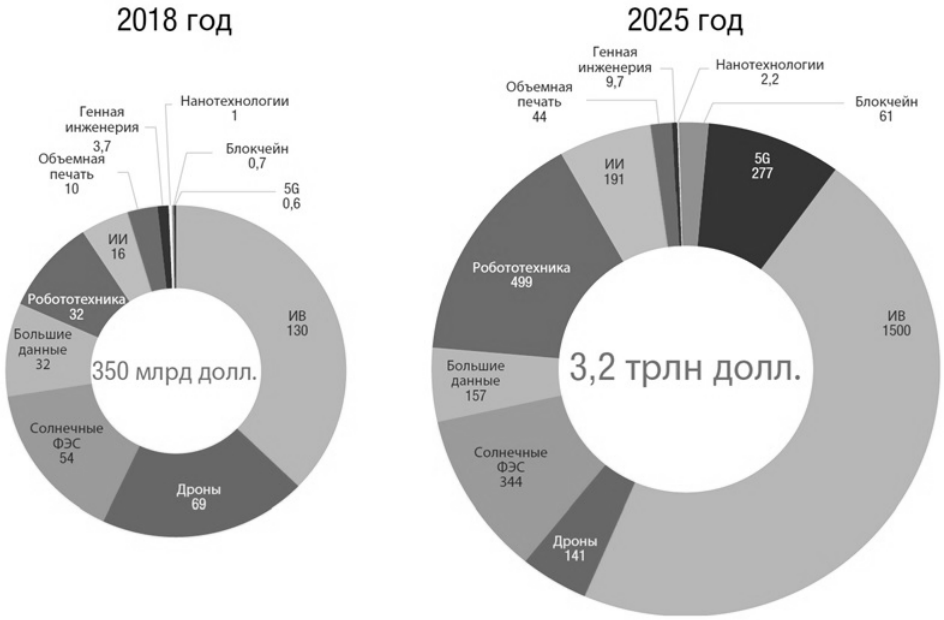

Рис. 1. Оценка размера рынка передовых технологий, млрд долл.

Источник: [ЮНКТАД 2021]

Общепризнанными лидерами, доминирующими в сфере развития цифровых технологий, сегодня являются США и Китай, которые для всех остальных стран создают практическую угрозу сохранению экономической самостоятельности и независимости, поскольку в ходе процессов цифровизации лидеры вынуждают всех использовать свои технологии [Доржиева, 2022]. Россия, по оценкам экспертов, отстает от лидеров на пять-десять лет и, учитывая, что конкурентная борьба в технологической сфере в мировом пространстве смещается именно в эту сферу и использование этих технологий ведет к смене технологического базиса, отставание России вызывает особую озабоченность, особенно в условиях расширяющихся международных санкций, которые ограничивают доступ к передовым зарубежным технологиям и разработкам.

В связи с этим становится актуальным поиск новых партнеров в освоении и развитии технологий Индустрии 4.0, взаимодействие с которыми будет способствовать ускоренной цифровой трансформации. Сегодня вектор такого сотрудничества смещается на Восток, в том числе в сторону Юго-Восточной Азии – стран АСЕАН.

Глобальная цифровая конкурентоспособность России и стран – участниц АСЕАН в условиях формирования Индустрии 4.0

Оценивая позиции России и стран АСЕАН в участии в глобальных рынках продукции и услуг, связанных с ИКТ, следует отметить довольно скромные их позиции на фоне Китая и США, за исключением Сингапура, который по объемам экспорта этой группы товаров и доли рынка близок к США (табл. 1). Следует отметить неплохие позиции на рынках товаров ИКТ Вьетнама и Малайзии, которые за последнее пять лет сумели существенно увеличить там свое присутствие и сегодня считаются наиболее привлекательными инвестиционными рынками в регионе в сфере ИКТ.

Таблица 1

МИРОВОЙ ОБЪЕМ ЭКСПОРТА ТОВАРОВ И УСЛУГ, СВЯЗАННЫХ С ИКТ, ПО СТРАНАМ-ЭКСПОРТЕРАМ, 2020

Страна	*Экспорт товаров, связанных с ИКТ*		*Экспорт услуг, связанных с ИКТ*	
	млн долл. США	*в % к итогу*	*млн долл. США*	*в % к итогу*
Китай	701 868	29,8	59 034	8,73
США	138 375	5,88	49 816	7,37
Сингапур	126 411	5,37	14 974	2,21
Вьетнам	109 091	4,63		
Малайзия	81 359	3,45	2953	0,44
Таиланд	37 295	1,58		
Филиппины	31 306	1,33	5564	0,82
Индонезия	5439	0,23		
Россия	**1825**	**0,08**	**5936**	**0,88**

Источник: составлено авторами по: [Индикаторы цифровой экономики 2022]

В настоящее время на малайзийском рынке локализованы такие транснациональные корпорации, как «IBM», «HP», «Intel», «Google», «Amazon», «Cisco», часть из них имеют свои производства также во Вьетнаме. Корпорация «Apple» рассматривает Вьетнам как альтернативное КНР место по производству электроники. С 2023 г. крупнейший производитель чипов памяти корпорация «Samsung» планирует открыть во Вьетнаме производство полупроводников, инвестируя в этот проект 3,3 млрд долл., в том числе в создание центра R&D в Ханое. За последние годы не только производства, но и исследовательские центры разместили во Вьетнаме такие мировые гиганты, как

Qualcomm, Intel, Texas Instruments, SK hynix, NXP Semiconductors и др., инвестировав миллиарды долл. [Бовт 2022].

Россия сегодня практически не является сколь-нибудь значимым игроком на мировом рынке продукции ИКТ, заметно уступая в этом даже странам АСЕАН, превратившись в последние годы в устойчивого импортера этой продукции из-за рубежа. Несколько более оптимистично на фоне стран АСЕАН выглядит ее присутствие на рынках услуг, связанных с ИКТ – это разработка программного обеспечения, технологии ИИ, ИТ-решения в области кибербезопасности, услуги центров обработки данных и т.д.

В мировом рейтинге глобальной цифровой конкурентоспособности в 2021 г. Россия находилась в четвертом десятке, занимая 42-е место [IMD 2021], уступая трем странам – участницам АСЕАН – Сингапуру, Малайзии, Таиланду, занимающим соответственно 5-е, 27-е и 38-е места (табл. 2).

Таблица 2

ПОЗИЦИИ РОССИИ И НЕКОТОРЫХ СТРАН АСЕАН В ГЛОБАЛЬНОМ РЕЙТИНГЕ ЦИФРОВОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ (WORLD DIGITAL COMPETITIVENESS RANKING), 2021–2022 гг.

Страна	*Место в рейтинге*		*Основные составляющие рейтинга*					
			Знания		*Технологии*		*Готовность к цифровой трансформации*	
	2021	*2022*	*2021*	*2022*	*2021*	*2022*	*2021*	*2022*
США	1	2	3	4	4	9	1	3
Китай	15	17	6	17	20	18	17	15
Россия	42	н.д.	24	н.д.	48	н.д.	47	н.д.
Сингапур	5	4	4	5	3	1	11	10
Малайзия	27	31	22	25	26	29	29	31
Таиланд	38	40	42	45	22	20	44	49
Индонезия	53	51	60	60	49	45	48	52
Филиппины	58	56	63	62	54	49	57	58

Источник: составлено авторами по: [IMD 2021, 2022]

При этом по субиндексу, характеризующему готовность страны к цифровой трансформации, Россия находилась лишь на 47-м месте. В 2022 г. Россия была исключена из рейтинга цифровой конкурентоспособности, [IMD 2022], однако можно с уверенностью сказать, что в условиях обострения геополити-

ческой ситуации и беспрецедентных санкций со стороны Запада возможности цифровой трансформации России еще более сужаются. Как отмечают эксперты НИУ ВШЭ, высокая поляризация стран в использовании технологий Индустрии 4.0 и уровня цифровой трансформации будет сохраняться. Прежде всего это коснется рынков капиталоемких товаров передового производства. Так, например, уже сейчас азиатско-тихоокеанский рынок промышленной робототехники составляет 63,8% мирового рынка и к 2028 г. достигнет 68,7% (или 58,6 млрд долл.) [Симачев 2022].

Индустрия 4.0 и цифровая трансформация: перспективы и вызовы для России

Российская повестка развития технологий Индустрии 4.0 и цифровой трансформации в целом соответствует глобальным трендам и рассматривается как стратегический национальный приоритет. Однако анализ показателей развития цифровой экономики свидетельствует о том, что динамика этих процессов явно недостаточна для обеспечения конкурентоспособности страны на данном направлении (табл. 3).

Таблица 3

ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ, гг.

Наименование показателя	*2010*	*2015*	*2016*	*2017*	*2018*	*2019*	*2020*	*2021*
Внутренние затраты на развитие цифровой экономики за счет всех источников в % к ВВП	н/д	н/д	1,7	1,9	1,9	2,2	2,1	2,2
Внутренние затраты на исследования и разработки по приоритетному направлению «Информационно-телекоммуникационные системы» в % к общему объему внутренних затрат на исследования и разработки	7,3	8,2	8,3	8	7,4	7,8	7,1	7,7
Патентные заявки на изобретения в области ИКТ, поданные российскими заявителями:								
всего, ед.	1698	2335	1977	2270	2063	2702	2457	н/д
от общемирового числа патентных заявок в области ИКТ, в %	0,38	0,4	0,33	0,35	0,3	0,36	0,3	н/д
Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг сектора ИКТ, в %	5,4	5,7	6,4	6,6	8	8	7,6	9,4
Валовая добавленная стоимость сектора ИКТ в % к ВВП	н/д	2,9	2,9	2,9	2,8	2,9	3,3	3,2

Продолжение таблицы 3

Наименование показателя	*2010*	*2015*	*2016*	*2017*	*2018*	*2019*	*2020*	*2021*
Валовая добавленная стоимость сектора контента и СМИ в % к ВВП	н/д	0,3	0,4	0,4	0,4	0,4	0,3	0,3
Соотношение экспорта и импорта:								
товаров, связанных с ИКТ, в %	5,3	16,8	9,7	9,9	10,5	10,8	7,6	9,1
услуг, связанных с ИКТ, в %	66,3	71,9	71,4	86,4	95,9	104,7	99,2	108,7
Удельный вес домашних хозяйств, имеющих доступ к Интернету, в общем числе домашних хозяйств, в %	48,4	72,1	74,8	76,3	76,6	76,9	80	84
в том числе широкополосный	н/д	66,8	70,7	72,6	73,2	73,6	77	82,6

Источник: составлено авторами по: [Индикаторы цифровой экономики 2022]

В связи с этим вопросы цифровой трансформации страны постоянно находятся в зоне внимания высшего руководства, что в свою очередь нашло отражение в принятии целого ряда стратегических и программных документов, важнейшими из которых являются: Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. (Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203); Программа «Цифровая экономика Российской Федерации (Распоряжение правительства РФ от 28.07.2017 № 1632); Национальный проект «Цифровая экономика» (Утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16).

Согласно Паспорту нацпроекта «Цифровая экономика» [Паспорт 2018], на его реализацию планируется выделить 1,635 трлн руб., бóльшая часть средств которого будет направлена на создание цифровой инфраструктуры и разработку цифровых технологий (рис. 2).

Вместе с тем фокус внимания в процессах цифровой трансформации в России сосредоточен на цифровизации процессов государственного управления и финансовой сферы – цифровому правительству, цифровым финансам и т.п. Значительно меньше внимание уделяется цифровизации «…реального сектора экономики, способствующего повышению эффективности производства, росту конкурентоспособности выпускаемой продукции, способных непосредственно влиять на темпы роста экономики» [Ленчук 2020].

Важно отметить, что в рамках реализуемого федерального проекта «Цифровые технологии» особый акцент сделан на разработке технологий, приведенных на рисунке 3 [Паспорт 2019]. Для их разработки планируется привлекать преимущественно внебюджетные инвестиции (около 72%), учитывая высокую заинтересованность промышленных предприятий и крупных компаний в освоении этих технологий.

Рис. 2. Финансовое обеспечение национального проекта «Цифровая экономика» на 2019–2024 гг., млрд руб.

Источник: [IT-отрасль 2022]

Рис. 3. Финансовое обеспечение федерального проекта «Цифровые технологии» на 2019–2024 гг., млрд руб.

Источник: составлено авторами по: [Паспорт 2019]

В качестве сравнения США, согласно закону [United States 2021], планируют в соответствии с планом обеспечения лидирующих позиций выделить 112 млрд долл. на освоение технологий Индустрии 4.0 в период 2022–2026 гг. Китай в рамках стратегии «Сделано в Китае» планирует в высокие технологии до 2025 г. потратить 1,4 трлн долл. [China's Got 2020].

Следует отметить, что Россия для ускорения процессов цифровой трансформации в экономике «…обладает значительными научно-технологическими "заделами" и относительно хорошим уровнем человеческого потенциала» [Дементьев 2022]. В России благодаря цифровым технологиям производительность труда к 2024 г. должна повыситься на 30%, а к 2035 г. – 95%, или 10% ВВП [Минпромторг 2017]. По мнению экспертов, российские компании могут стать лидерами цифровых решений, в первую очередь для базовых отраслей, для металлургии и нефтегазовой промышленности, сохраняющих высокий удельный вес в российском экспорте и где активнее всего процессы освоения технологий Индустрии 4.0 и цифровизации [Российские предприятия 2022].

Вместе с тем нельзя не видеть ряд серьезных ограничений, связанных с технологическим отставанием России и высокой степени технологической зависимости от развитых стран мира, которые будут препятствовать цифровой трансформации экономики России в ближайшей перспективе [Ленчук 2020]. В условиях, когда санкционное давление в технологической сфере в первую очередь касается запрета на поставку передовых технологий, в России усложняется реализация проектов в сфере Индустрия 4.0, и быстро преодолеть последствия отставания не представляется возможным. Ограничения доступа к зарубежным технологиям, промышленному программному обеспечению (ПО) и прекращение техподдержки и обновлений уже установленных систем могут привести к некорректной работе систем либо приостановке / локауту.

Эти проблемы серьезно обострились после февраля 2022 г. в связи с прекращением деятельности в России ряда зарубежных высокотехнологичных компаний в сфере ИКТ, таких как Intel, Nokia, Siemens, Ericsson, Hitachi, IBM, Acer, SAP, Oracle и др. В результате страна лишилась доступа к целому ряду технологий и ПО для промышленного сектора, серверному оборудованию, процессорам и видеокартам, качественного телекомоборудования, и т.п. [Доржиева 2023].

В целях преодоления импортозависимости в сфере ПО, используемого в промышленной сфере, в стране была разработана дорожная карта «Новое индустриальное программное обеспечение» (НИПО). По версии ее разработчиков, импортозамещение промышленного ПО позволит увеличить долю для автоматизации к 2030 г. до 90% с 41% – в 2021, производственных платформ на базе Интернета вещей – до 76,8% с 41,5%, управленческих платформ – до 92,3% с 78,5% [Кодачигов 2023]. Всего индустриальные центры компетенции заявили около 100 проектов на общую сумму 140 млрд руб., при этом плани-

руемый объем собственных инвестиций со стороны компаний превышает 90 млрд руб.[1] В дорожные карты включены проекты компаний – отраслевых лидеров, среди которых Объединенная судостроительная корпорация, группа компаний «Калашников», аэропорт Шереметьево, АО «Трансмашхолдинг», «Русагро», «М-Видео», ПАО «Новатэк», ПАО «Лукойл», ПАО «Северсталь»[2].

В условиях новой геополитической реальности и поиска ответа на сохранение технологического суверенитета для России становится все более актуальным поиск новых партнеров для объединения усилий по ускоренному освоению Индустрии 4.0 и цифровой трансформации. В связи с этим, учитывая устойчиво развивающееся международное стратегическое партнерство России и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (Россия-АСЕАН), развитие цифровой повестки может быть взаимовыгодным и будет содействовать цифровой трансформации.

АСЕАН: особенности и перспективы развития цифровой экономики и Индустрии 4.0

АСЕАН обладает достаточно высокими компетенциями, чтобы осуществить полноценную цифровую революцию, в результате которой потенциально можно увеличить ВВП на 1 трлн долл. к 2025 г. (см. рис. 4) [The ASEAN digital 2020] и сгенерировать до 8% ВВП к 2030 г. [White Paper 2018].

АСЕАН считается одним из самых быстрорастущих интернет-регионов в мире, с устойчивой экономикой в размере 3 трлн долл. и темпами роста 6% в год, с населением около 630 млн человек (10% населения мира), половина из которых моложе 30 лет, с хорошо развитым ИТ-кластером и со значительными возможностями по готовности для распространения технологий Индустрии 4.0 в силу специализации на высокотехнологичном производстве [ЮНКТАД 2022].

Однако уровень цифрового развития стран в АСЕАН сильно отличается. Наиболее развитыми являются Сингапур, Малайзия и Индонезия. Некоторые производственные компании этих стран уже сейчас являются мировыми лидерами в области передовых высокотехнологичных отраслей промышленности, но большая часть АСЕАН по-прежнему рассматривается в первую

1. Утверждены дорожные карты по импортозамещению в сфере разработки софта // Интерфакс. 2022. URL: https://www.interfax.ru/russia/877299 (дата обращения: 5.05.2023).

2. Утверждены «дорожные карты» «Новое индустриальное программное обеспечение» и «Новое общесистемное программное обеспечение» // Официальный сайт Правительства России. 16 декабря 2022. URL: http://government.ru/news/47353/ (дата обращения: 5.05.2023).

очередь как место низкооплачиваемой сборочной работы. Вместе с тем это позволяет странам АСЕАН, таким как Индонезия, Малайзия, Вьетнам, Филиппины и Таиланд, входить в число наиболее конкурентоспособных в мире по затратам и предлагать транснациональными корпорациями размещение заводов, находящихся в авангарде Индустрии 4.0, так как в АСЕАН они могут воспользоваться цифровыми технологиями следующего поколения, высококвалифицированной и молодой рабочей силой, широким доступом к Интернету, развитой системой венчурного капитала и инструментам государственной поддержки.

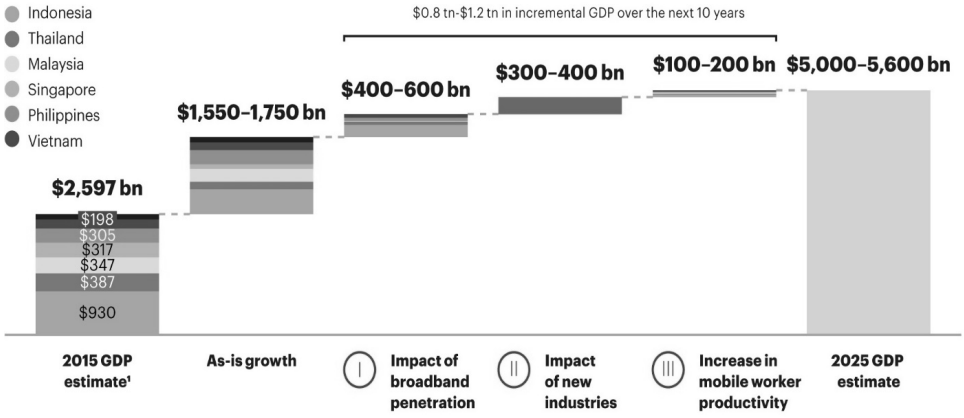

Рис. 4. Потенциал роста цифровой экономики АСЕАН, млрд долл.

Источник: [The ASEAN digital 2020]

По прогнозам McKinsey, если в АСЕАН промышленный сектор внедрит технологии Индустрии 4.0 к 2030 г., то рост производительности благодаря цифровым технологиям может привнести от 216 до 627 млрд долл. В целом предпринимательский сектор оптимистично оценивает перспективы Индустрии 4.0 и готов к цифровой трансформации производственных процессов и формированию новых бизнес-моделей в отрасли [Industry 4.0 2018].

Как представляется, объединение усилий в рамках интеграции позволяет значительно ускорить цифровую трансформацию, привлечь больше ресурсов и инвестиций, тем самым обеспечить более широкий доступ к крупнейшим и более развитым рынкам, снизить затраты на импорт производственных ресурсов и упростить для компаний создание цепочек поставок, использующих различные преимущества и навыки в регионе [How ASEAN 2021]. Например, чтобы справиться с быстрорастущим трафиком данных, внедрить новые технологии и создать необходимую для этого инфраструктуру, особенно в менее

развитых странах, таких как Мьянма, Камбоджа и Лаос, в течение ближайших четырех лет потребуется до 46 млрд долл. инвестиций [The ASEAN digital 2020].

Вместе с тем в АСЕАН пока отсутствует единый цифровой рынок, формирование которого требует от стран-участниц согласованных национальных правил в цифровой сфере для превращения АСЕАН в конкурентоспособную цифровую экономику необходимы совместные усилия и гармонизация общего видения развития [The Bandar Seri Begawan 2021; ASEAN Digital Masterplan 2021; Work Plan 2022]. Только шесть стран имеют такие стратегии, но используют очень разные подходы к инфраструктуре, совместному использованию технологических экосистем, платформ и сервисов, различаются подходы к защите данных и кибербезопасности.

Однако в целом страны АСЕАН пока испытывают недостаточность инструментального потенциала для формирования повестки глобального цифрового развития. «Отсюда ее нарастающая зависимость от сотрудничества с внерегиональными партнерами, прежде всего с Китаем, обладающим широким арсеналом инструментов, в том числе эффективно работающих на региональном уровне, чтобы подкрепить свои глобальные амбиции практикой конкретных дел» [Глазатова 2023, с. 254]. В 2021 г. Китай был основным инвестором в асеановские экономики, вложив в сектор информации и коммуникации АСЕАН, 2,4 млрд долл. [Глазатова 2023]. В таких условиях для стран АСЕАН становится актуальным диверсификация направлений взаимодействия в цифровой сфере, поиск новых партнеров для сотрудничества безотносительно их политики и отношений между собой.

Россия и страны – участницы АСЕАН: перспективы сотрудничества в условиях формирования Индустрии 4.0

В условиях обострившейся геополитической обстановки, когда беспрецедентные санкции со стороны Запада вынуждают Россию на поиск новых партнеров для сотрудничества и переориентацию торговых связей на новые географические рынки, развитие внешнеэкономических связей со странами АСЕАН становится одним из приоритетов внешней политики России на азиатском направлении. Следует отметить, что интерес к взаимодействию со странами АСЕАН возник не сегодня. Россия в последние десятилетия проявляла активный интерес к сотрудничеству со странами АСЕАН, в том числе готова делиться своими наработками в сфере цифровых технологий, а также использовать у себя успешные практики стран АСЕАН. Так, в рамках действующей Рабочей программы по научно-технологическому и экономическому сотрудничеству России и стран АСЕАН на период до 2020 г. было успешно реализовано

15 совместных проектов России и АСЕАН на сумму 3,8 млн долл. [Цифровизация 2021]. Сейчас в стадии реализации находятся еще шесть проектов, среди которых есть и проект в области цифровых технологий.

В рамках Комплексного плана действий по реализации стратегического партнерства между Российской Федерацией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (2021–2025) была разработана новая Дорожная карта сотрудничества в области цифровизации экономики, которое продолжает оставаться важнейшим направлением взаимодействия России со странами АСЕАН [Комплексный план 2021].

Перспективность сбыта цифровых разработок на потребительским рынке АСЕАН видят как крупные отечественные технологические компании, так и стартапы. Из-за благоприятного климата сегодня многие технологические предприниматели, работая на Россию, присутствуют на рынках стран – участниц АСЕАН. Большие возможности открывает растущая индустрия технологических стартапов для присутствия российского венчурного капитала и трансфера технологий как в регион, так и из него. Первыми были открыты венчурные фонды Digital Media Partners, Life.SREDA, Frontier Ventures, Ruvento Ventures и Softline Venture Partners, решившие сфокусироваться на инвестициях в инноваторов Юго-Восточной Азии [Соколова 2015].

Примером успешного сотрудничества отечественных компаний в сфере ИКТ в странах АСЕАН являются такие ИТ-компании, как «Лаборатория Касперского», InfoWatch, FreshOffice, iVideon, Parallels и Flak Research [К 20-летию 2016]. Так, к примеру, благодаря компании «Лаборатория Касперского» и InfoWatch, имеющих региональные офисы в Сингапуре, Малайзии и Индонезии, Россия представлена в проектах АСЕАН и Интерпола в сфере кибербезопасности [InfoWatch 2019].

Перспективы развития сотрудничества России и стран АСЕАН также лежат в плоскости «…обмена опытом по таким аспектам, как нормативное регулирование и стандартизация, информационная безопасность, наращивание экспортно-импортных объемов в отношении цифровых сервисов» и т.п. [Повестка сотрудничества 2021]. Работа в этом направлении предполагает гармонизацию и «…унификацию цифровых стандартов, сопряжение цифровых платформ и создаваемых экосистем. Перспективным направлением может стать интеграция национальных и международных информационно-аналитических таможенных и логистических систем, ускорение процесса взаимного признания электронных документов, развитие межгосударственного электронного обмена документами для предпринимателей…», что создает благоприятные условия для развития бизнеса. Кроме того, Россия и страны АСЕАН «…обладают большим потенциалом сотрудничества в области цифровизации городского хозяйства и обмена технологиями» [там же].

* * *

В новых геополитических условиях в контексте реализации российской внешней политики в концепции «поворота на Восток» страны АСЕАН занимают важную роль. Несмотря на недостаточность инструментального потенциала для формирования повестки глобального цифрового развития России и странам АСЕАН важно воспользоваться преимуществами Индустрии 4.0 и цифровой трансформации, минимизировав при этом возможные негативные последствия, и многое будет зависеть от соответствующего уровня развития национальных экономик, готовности к цифровой трансформации, реализуемой внешней политики и международных партнерских отношений стран.

Библиография

Бовт Г. О перспективах сотрудничества России с Вьетнамом в сфере электронной промышленности и будущей многолетней технологической гонке // Российская газета. 2022. URL: https://rg.ru/2022/09/06/uroki-vetnama.html (дата обращения: 5.05.2023).

Глазатова М.К. и др. Оценка интеграционных процессов ЕАЭС в сфере торговли: 2023 // междунар. докл. к XXIV Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2023 г. / М.К. Глазатова (рук. авт. кол.), С.С. Аветисян, Д.А. Алешин и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. Дом Высшей школы экономики, 2023. 306 с.

Дементьев В.Е. Перспективы России при цифровом доминировании Китая и США // Проблемы прогнозирования. 2022. № 4 (193). С. 6–17.

Доржиева В.В. Цифровая трансформация промышленности и промышленная политика в условиях внешних ограничений // Вопросы инновационной экономики. 2023. Том 13. № 2.

Доржиева В.В. Цифровизация промышленности: роль искусственного интеллекта и возможности для России // Вопросы инновационной экономики. 2022. Том 12. № 4. С. 2383–2394.

Индикаторы цифровой экономики: 2022: статистический сборник / Г.И. Абдрахманова, С.А. Васильковский, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2023. 332 с.

К 20-летию диалогового партнерства АСЕАН. Новый виток интеграции и позиции России // Российский совет по международным делам (РСМД). 2016. URL: https://russiancouncil.ru/asean-russia (дата обращения: 5.05.2023).

Кодачигов В. Карта битов: промышленность хотят на 90% перевести на российский софт // Известия. 2023. URL: https://iz.ru/1453650/valerii-kodachigov/karta-bitov-promyshlennost-khotiat-na-90-perevesti-na-rossiiskii-soft (дата обращения: 5.05.2023).

Комплексный план действий по реализации стратегического партнёрства между Российской Федерацией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (2021–2025) // Офиц. портал Президента России. 2021. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/5726 (дата обращения: 5.05.2023).

Ленчук Е.Б. и др. Формирование цифровой экономики в России: вызовы, перспективы, риски // Монография. СПб.: Алтейя, 2020. 320 с.

Ленчук Е.Б. Россия в мировом процессе научно-технологического развития // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 4. С. 72–91.

Ленчук Е.Б. Цифровизация экономики: драйверы и результаты // Экономическое возрождение России. 2019. № 2 (60). С. 32–37.

Минпромторг обнародовал апрельские тезисы. Промышленная революция в РФ ожидается бескровной // Коммерсантъ. 2017. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3283012 (дата обращения: 5.05.2023).

Паспорт национального проекта «Национальная программа "Цифровая экономика Российской Федерации"», утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16). URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/tsifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federatsii.pdf (дата обращения: 5.05.2023).

Паспорт федерального проекта «Цифровые технологии», утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (протокол от 28 мая 2019 г. № 9). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328937/9e733b9ece0472e8f17a73cd753a75784f9e1fab/ (дата обращения: 5.05.2023).

Повестка сотрудничества России и АСЕАН на полях ВЭФ // Центр международной торговли Москвы (ЦМТ). 2021. URL: https://corp.wtcmoscow.ru/services/international-partnership/analitycs/povestka-sotrudnichestva-rossii-i-asean-na-polyakh-vef/ (дата обращения: 5.05.2023).

Российские предприятия продолжат развивать «умное производство» // РИА. 2022. URL: https://ria.ru/20221017/predpriyatiya-1824081417.html (дата обращения: 5.05.2023).

Симачёв Ю.В., Федюнина А.А., Кузык М.Г. Новые контуры промышленной политики [Текст]: докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г. / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2022. 73 с.

Соколова А. Как россияне строят ИТ-бизнес в Азии // RB.RU. 2015. URL: https://rb.ru/story/from-russia-to-asia/ (дата обращения: 5.05.2023).

Цифровизация и вопросы устойчивого развития станут основными в повестке России и АСЕАН // Министерство экономического развития Российской Федерации. 2021. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/cifrovizaciya_i_voprosy_ustoychivogo_razvitiya_stanut_osnovnymi_v_povestke_rossii_i_asean.html (дата обращения: 5.05.2023).

ЮНКТАД. Доклад о технологиях и инновациях за 2021 год. Вскочить на волну технологий Инновации со справедливостью // Организации Объединенных Наций (ООН). 2021. 32 с. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tir2020overview_ru.pdf (дата обращения: 5.05.2023).

ЮНКТАД. Индустрия 4.0 для инклюзивного развития (Industry 4.0 for Inclusive Development) // Организации Объединенных Наций (ООН). 2022. 22 с. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ecn162022d2_ru.pdf (дата обращения: 5.05.2023) .

InfoWatch намерена развивать сотрудничество с индонезийскими организациями в сфере защиты данных и образовательных услуг // InfoWatch. 2019. URL: https://www.infowatch.ru/company/presscenter/news/15301 (дата обращения: 5.05.2023).

IT-отрасль в России и в мире: как растет рынок информационных технологий // ДЕЛОВОЙ ПРОФИЛЬ. 2022. URL: https://delprof.ru/press-center/open-analytics/it-otrasl-v-rossii-i-v-mire-kak--rastet-rynok-informatsionnykh-tekhnologiy/? (дата обращения: 5.05.2023).

ASEAN Digital Masterplan 2025 (ADM-2025) // ASEAN. 2021. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2021/08/ASEAN-Digital-Masterplan-2025.pdf (дата обращения: 5.05.2023).

China’s Got a New Plan to Overtake the U.S. in Tech // Bloomberg. 2020. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-05-20/china-has-a-new-1-4-trillion-plan-to-overtake-the-u-s-in-tech (дата обращения: 5.05.2023)

How ASEAN Can Move Up the Manufacturing Value Chain // Boston Consulting Group (BCG). 2021. URL: https://www.bcg.com/publications/2021/asean-manufacturing (дата обращения: 5.05.2023).

IMD World Digital Competitiveness Ranking 2021 // IMD. 2021. 186 с. URL: https://imd.cld.bz/Digital-Ranking-Report-2021 (дата обращения: 5.05.2023).

IMD World Digital Competitiveness Ranking 2022 // IMD. 2022. URL: https://www.imd.org/centers/world-competitiveness-center/rankings/world-digital-competitiveness/ (дата обращения: 5.05.2023).

Industry 4.0: Reinvigorating ASEAN manufacturing for the future // McKinsey. 2018. URL: https://www.mckinsey.com/capabilities/operations/our-insights/industry-4-0-reinvigorating-asean-manufacturing-for-the-future (дата обращения: 5.05.2023).

The ASEAN digital revolution // A.T. Kearney. 2020. URL: https://www.kearney.com/digital/article/-/insights/the-asean-digital-revolution (дата обращения: 5.05.2023).

The Bandar Seri Begawan Roadmap: an ASEAN Digital Transformation Agenda to Accelerate ASEAN's Economic Recovery and Digital Economy Integration // ASEAN. 2021. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2021/10/Bandar-Seri-Begawan-Roadmap-on-ASEAN-Digital-Transformation-Agenda_Endorsed.pdf (дата обращения: 5.05.2023).

United States Innovation and Competition Act of 2021. URL: https://www.congress.gov/117/bills/s1260/BILLS-117s1260es.pdf (дата обращения: 5.05.2023).

White Paper. Shaping ASEAN's Future Readiness Collaborations to Advance Manufacturing and Production // World Economic Forum (WEF). 2018. URL: https://www3.weforum.org/docs/WP_Shaping_ASEAN_Future_Readiness_report_2018.pdf (дата обращения: 5.05.2023).

Work Plan on the Implementation of ASEAN Agreement on Electronic Commerce. 2022. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2022/03/Work-Plan-E-commerce-Agreement_endorsed_logo.pdf (дата обращения: 5.05.2023).

References

ASEAN Digital Masterplan 2025 (ADM-2025). ASEAN. 2021. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2021/08/ASEAN-Digital-Masterplan-2025.pdf (date of access: 5.05.2023).

Bovt G. O perspektivah sotrudnichestva Rossii s V'etnamom v sfere elektronnoj promyshlennosti i budushchej mnogoletnej tekhnologicheskoj gonke. [About the prospects of cooperation between Russia and Vietnam in the field of electronic industry and the future multi-year technological race]. Rossijskaya gazeta. 2022. URL: https://rg.ru/2022/09/06/uroki-vetnama.html (date of access: 5.05.2023).

China's Got a New Plan to Overtake the U.S. in Tech. Bloomberg. 2020. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-05-20/china-has-a-new-1-4-trillion-plan-to-overtake-the-u-s-in-tech (date of access: 5.05.2023).

Cifrovizaciya i voprosy ustojchivogo razvitiya stanut osnovnymi v povestke Rossii i ASEAN [Digitalization and sustainable development issues will be the main ones on the agenda of Russia and ASEAN]. Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii. 2021. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/cifrovizaciya_i_voprosy_ustoychivogo_razvitiya_stanut_osnovnymi_v_povestke_rossii_i_asean.html (date of access: 5.05.2023).

Dement'ev V.E. Perspektivy Rossii pri cifrovom dominirovanii Kitaya i SSHA [Prospects of Russia under the digital dominance of China and the USA]. Problemy prognozirovaniya. 2022. N 4 (193). S. 6–17.

Dorzhieva V.V. Cifrovaya transformaciya promyshlennosti i promyshlennaya politika v usloviyah vneshnih ogranichenij [Digital transformation of industry and industrial policy under external constraints]. Voprosy innovacionnoj ekonomiki. 2023. Tom 13. N 2.

Dorzhieva V.V. Cifrovizaciya promyshlennosti: rol' iskusstvennogo intellekta i vozmozhnosti dlya Rossii [Digitalization of industry: the role of artificial intelligence and opportunities for Russia]. Voprosy innovacionnoj ekonomiki. 2022. Tom 12. N 4. S. 2383–2394.

Glazatova M.K. i dr. Ocenka integracionnyh processov EAES v sfere torgovli: 2023 [Assessment of the integration processes of the EAEU in the field of trade: 2023]. Mezhdunar. dokl. k XXIV Yasinskoj (Aprel'skoj) mezhdunar. nauch. konf. po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva,

Moskva, 2023 g. M.K. Glazatova (ruk. avt. kol.), S.S. Avetisyan, D.A. Aleshin i dr. ; Nac. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». M.: Izd. Dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2023. 306 s.

How ASEAN Can Move Up the Manufacturing Value Chain. Boston Consulting Group (BCG). 2021. URL: https://www.bcg.com/publications/2021/asean-manufacturing (date of access: 5.05.2023).

IMD World Digital Competitiveness Ranking 2021 // IMD. 2021. 186 c. URL: https://imd.cld.bz/Digital-Ranking-Report-2021 (date of access: 5.05.2023).

IMD World Digital Competitiveness Ranking 2022 // IMD. 2022. URL: https://www.imd.org/centers/world-competitiveness-center/rankings/world-digital-competitiveness/ (date of access: 5.05.2023).

Indikatory cifrovoj ekonomiki: 2022: statisticheskij sbornik [Indicators of the digital economy: 2022: statistical collection] / G.I. Abdrahmanova, S.A. Vasil'kovskij, K.O. Vishnevskij, L.M. Gohberg i dr.; Nac. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». M.: NIU VSHE, 2023. 332 s.

Industry 4.0: Reinvigorating ASEAN manufacturing for the future // McKinsey. 2018. URL: https://www.mckinsey.com/capabilities/operations/our-insights/industry-4-0-reinvigorating-asean-manufacturing-for-the-future (date of access: 5.05.2023).

InfoWatch namerena razvivat' sotrudnichestvo s indonezijskimi organizaciyami v sfere zashchity dannyh i obrazovatel'nyh uslug [InfoWatch intends to develop cooperation with Indonesian organizations in the field of data protection and educational services]. InfoWatch. 2019. URL: https://www.infowatch.ru/company/presscenter/news/15301 (date of access: 5.05.2023).

IT-otrasl' v Rossii i v mire: kak rastet rynok informacionnyh tekhnologij [IT industry in Russia and in the world: how the information technology market is growing]. DELOVOJ PROFIL. 2022. URL: https://delprof.ru/press-center/open-analytics/it-otrasl-v-rossii-i-v-mire-kak-rastet-rynok-informatsionnykh-tekhnologiy/? (date of access: 5.05.2023).

K 20-letiyu dialogovogo partnerstva ASEAN. Novyj vitok integracii i pozicii Rossii [On the 20th anniversary of the ASEAN Dialogue Partnership. A new round of integration and Russia's position]. Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD). 2016. URL: https://russiancouncil.ru/asean-russia (date of access: 5.05.2023).

Kodachigov V. Karta bitov: promyshlennost' hotyat na 90% perevesti na rossijskij soft [Bitov map: industry wants to transfer 90% to Russian software]. Izvestiya. 2023. URL: https://iz.ru/1453650/valerii-kodachigov/karta-bitov-promyshlennost-khotiat-na-90-perevesti-na-rossiiskii-soft (date of access: 5.05.2023).

Kompleksnyj plan dejstvij po realizacii strategicheskogo partnyorstva mezhdu Rossijskoj Federaciej i Associaciej gosudarstv Yugo-Vostochnoj Azii (2021–2025 gody) [Comprehensive Action Plan for the implementation of the strategic partnership between the Russian Federation and the Association of Southeast Asian Nations (2021–2025)]. Ofic. portal Prezidenta Rossii. 2021. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/5726 (date of access: 5.05.2023).

Lenchuk E.B. Cifrovizaciya ekonomiki: drajvery i rezul'taty [Digitalization of the economy: drivers and results]. Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii. 2019. N 2 (60). S. 32–37.

Lenchuk E.B. i dr. Formirovanie cifrovoj ekonomiki v Rossii: vyzovy, perspektivy, riski [Formation of the digital economy in Russia: challenges, prospects, risks]. Monografiya. SPb.: Altejya, 2020. 320 s.

Lenchuk E.B. Rossiya v mirovom processe nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya [Russia in the global process of scientific and technological development. Contours of global transformations: politics, economics, law]. Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo. 2021. Tom 14. N 4. S. 72–91.

Minpromtorg obnarodoval aprel'skie tezisy. Promyshlennaya revolyuciya v RF ozhidaetsya beskrovnoj [The Ministry of Industry and Trade has published the April theses. The industrial revolution in Russia is expected to be bloodless]. Kommersant. 2017. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3283012 (date of access: 5.05.2023).

Pasport federal'nogo proekta «Cifrovye tekhnologii», utv. prezidiumom Pravitel'stvennoj komissii po cifrovomu razvitiyu, ispol'zovaniyu informacionnyh tekhnologij dlya uluchsheniya kachestva zhizni i uslovij vedeniya predprinimatel'skoj deyatel'nosti (protokol ot 28 maya 2019 g. № 9) [Passport of the federal project «Digital Technologies», approved by the Presidium of the Government Commission on Digital Development, the Use of Information Technologies to improve the quality of life and business conditions (Protocol N 9 dated May 28, 2019)]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328937/9e733b9ece0472e8f17a73cd753a75784f9e1fab/ (date of access: 5.05.2023).

Pasport nacional'nogo proekta «Nacional'naya programma "Cifrovaya ekonomika Rossijskoj Federacii"», utv. prezidiumom Soveta pri Prezidente Rossijskoj Federacii po strategicheskomu razvitiyu i nacional'nym proektam (protokol ot 24 dekabrya 2018 g. № 16) [The Ministry of Industry and Trade has published the April theses. The industrial revolution in Russia is expected to be bloodless]. URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/tsifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federatsii.pdf (date of access: 5.05.2023).

Povestka sotrudnichestva Rossii i ASEAN na polyah VEF [The agenda of cooperation between Russia and ASEAN on the sidelines of the WEF]. Centr mezhdunarodnoj torgovli Moskvy (CMT). 2021. URL: https://corp.wtcmoscow.ru/services/international-partnership/analitycs/povestka-sotrudnichestva-rossii-i-asean-na-polyakh-vef/ (date of access: 5.05.2023).

Rossijskie predpriyatiya prodolzhat razvivat' «umnoe proizvodstvo» [Russian enterprises will continue to develop «smart production»]. RIA. 2022. URL: https://ria.ru/20221017/predpriyatiya-1824081417.html (date of access: 5.05.2023).

Simachyov Yu.V., Fedyunina A.A., Kuzyk M.G. Novye kontury promyshlennoj politiki [New contours of industrial policy]. Dokl. k XXIII Yasinskoj (Aprel'skoj) mezhdunar. nauch. konf. po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva, Moskva, 2022 g. Nac. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki», 2022. 73 s.

Sokolova A. Kak rossiyane stroyat IT-biznes v Azii [. How Russians build IT-business in Asia]. RB.RU. 2015. URL: https://rb.ru/story/from-russia-to-asia/ (date of access: 5.05.2023).

The ASEAN digital revolution // A.T. Kearney. 2020. URL: https://www.kearney.com/digital/article/-/insights/the-asean-digital-revolution (date of access: 5.05.2023).

The Bandar Seri Begawan Roadmap: an ASEAN Digital Transformation Agenda to Accelerate ASEAN's Economic Recovery and Digital Economy Integration // ASEAN. 2021. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2021/10/Bandar-Seri-Begawan-Roadmap-on-ASEAN-Digital-Transformation-Agenda_Endorsed.pdf (date of access: 5.05.2023).

United States Innovation and Competition Act of 2021. URL: https://www.congress.gov/117/bills/s1260/BILLS-117s1260es.pdf (date of access: to Advance Manufacturing and Production // World Economic Forum (WEF). 2018. URL: https://www3.weforum.org/docs/WP_Shaping_ASEAN_Future_Readiness_report_2018.pdf (date of access: 5.05.2023).

Work Plan on the Implementation of ASEAN Agreement on Electronic Commerce. 2022. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2022/03/Work-Plan-E-commerce-Agreement_endorsed_logo.pdf (date of access: 5.05.2023).

YUNKTAD. Doklad o tekhnologiyah i innovaciyah za 2021 god. Vskochit' na volnu tekhnologij Innovacii so spravedlivost'yu [UNCTAD. Technology and Innovation Report for 2021. Jump on the wave of technology Innovation with Justice]. Organizacii Ob"edinennyh Nacij (OON). 2021. 32 s. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tir2020overview_ru.pdf (date of access: 5.05.2023).

YUNKTAD. Industriya 4.0 dlya inklyuzivnogo razvitiya (Industry 4.0 for Inclusive Development) [UNCTAD. Industry 4.0 for Inclusive Development]. Organizacii Ob"edinennyh Nacij (OON). 2022. 22 s. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ecn162022d2_ru.pdf (date of access: 5.05.2023).

DOI: 10.31249/rsm/2023.04.04

П.М. Мозиас, А.В. Щербакова

ПЕРСПЕКТИВЫ ПЕРЕХОДА СТРАН БРИКС К МОДЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРАХ БРАЗИЛИИ И КИТАЯ)

Аннотация. *Разработанная под эгидой ООН концепция устойчивого развития предполагает, что развивающиеся страны могут одновременно и поддерживать быстрый экономический рост, и решать задачи сохранения окружающей среды. Однако в реальности для достижения такого баланса требуется пройти долгий путь. Гипотеза об «экологической кривой Кузнеца» (ЭКК) предусматривает, что на ранних стадиях индустриализации загрязнения и деградация окружающей среды в стране усиливаются, но после достижения определенного уровня подушевого ВВП тенденция меняется на противоположную. Иначе говоря, «устойчивое развитие» становится возможным только при сравнительно высоком уровне подушевого дохода. Эти закономерности прослеживаются в статье на примерах двух государств БРИКС: Бразилии как ресурсообеспеченной страны с плюралистической политической системой и Китая как ресурсодефицитной страны с партократическим политическим режимом.*

Бразилия является классическим примером страны, щедро обеспеченной всеми необходимыми ресурсами для экстенсивного роста. Поэтому для нее переход к интенсивному росту не является экзистенциальной задачей. Однако обладание такими природными богатствами накладывает на страну определенные обязательства по их сохранению.

У китайского партократического государства набор инструментов экологической политики не сводится только к правовым и экономическим, он включает в себя и политико-идеологические методы воздействия на общество. Однако эффективность их относительно невысока, главным образом – из-за неразделенности государственных и корпоративных элит. Сохранение среды «мягких бюджетных ограничений», т.е. доступность госфинансирования для предприятий, провоцирует создание все новых загрязняющих окружающую среду производственных мощностей.

С середины 2010-х годов экологическая ситуация в Китае стала меняться к лучшему, что связано как с усилением централизма в природоохранной политике, так и с активизацией деятельности экологических неправительственных организаций. Возможно, «поворотный пункт» ЭКК уже пройден, по крайней мере в наиболее развитых восточных провинциях Китая. Однако дальнейшее движение вдоль ЭКК может тормозиться самими сложившимися политическими и экономическими институтами. Изучение опыта и Бразилии, и Китая полезно для адекватного прогно-

зирования тех экологических проблем, с которыми может столкнуться Россия в случае ускорения экономического роста.

***Ключевые слова**: БРИКС; Бразилия; Китай; устойчивое развитие; экологическая кривая Кузнеца.*

**Мозиас Пётр Михайлович – кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник отдела Азии и Африки ИНИОН РАН,
доцент департамента мировой экономики Национального
исследовательского университета «Высшая школа экономики».
Россия, Москва.
E-mail: pmozias@hse.ru**

**Щербакова Алина Вячеславовна – кандидат экономических наук,
доцент департамента мировой экономики Национального
исследовательского университета «Высшая школа экономики»
и кафедры Иберoамериканских исследований Российского университета
дружбы народов. Россия, Москва.
E-mail: ashcherbakova@hse.ru**

Mozias P.M., Shcherbakova A.V. Prospects for the BRICS countries to switch to a sustainable development model (evidence of Brazil and China)

***Abstract.** The concept of sustainable development created under the auspices of the United Nations assumes that developing countries can simultaneously carry out a rapid economic growth and solve environmental conservation problems as well. However, in reality, it takes a long way to achieve such a balance. The hypothesis of the «environmental Kuznets curve» (EKC) presupposes that in the early stages of industrialization, pollution and environmental degradation in the country increase, but after reaching a certain level of per capita GDP, the trend changes to the opposite. In other words, «sustainable development» becomes possible only with a relatively high level of per capita income. These patterns are traced in the article drawing from the examples of the two BRICS states: Brazil, as a resource-rich country with a pluralistic political system, and China, as a resource-deficient country with a partocratic political regime.*

Brazil is a classic example of a country generously provided with all the necessary resources for extensive growth. Therefore, for it, the transition to intensive growth is not an existential task. However, the possession of such natural resources imposes certain obligations on the country to preserve them.

In the Chinese party-state, the set of environmental policy tools is not limited only to legal and economic ones, it also includes political and ideological methods of influencing society. However, their effectiveness is relatively low, mainly due to the inseparability of bureaucratic and corporate elites. The preservation of the «soft budget constraints», i.e., the availability of state financing for enterprises, provokes the creation of new polluting production facilities.

Since the mid-2010s, the environmental situation in China has begun to change for the better, which is due to both the strengthening of centralism in environmental policy and the intensification of the activities of non-governmental environmental organizations. Perhaps the «turning point» of the EKC has already been passed, at least in the most developed eastern provinces of China. However, further movement along the EKC may be hindered by the established political and economic institutions themselves. Studying the experience of both Brazil and China is useful for an adequate prediction of the environmental problems that Russia may face in the event of accelerated economic growth.

Keywords: *BRICS; Brazil; China; sustainable development; environmental Kuznets curve.*

Mozias Petr Mikhailovich – PhD in Economics, Leading Researcher, Department of Asia and Africa, INION RAN; Associate Professor, Department of World Economy, National Research University Higher School of Economics. Russia, Moscow.
E-mail: pmozias@hse.ru

Shcherbakova Alina Vyacheslavovna – PhD in Economics, Associate Professor, Department of World Economy, National Research University Higher School of Economics, Associate Professor, Department of Iberoamerican Studies, People's Friendship University of Russia. Russia, Moscow.
E-mail: ashcherbakova@hse.ru

Государства БРИКС уже в силу своих масштабов (величин национальных ВВП, численности населения, да и размеров территории) предрасположены к тому, чтобы выступать в качестве представителей развивающихся стран в многосторонних дискуссиях по глобальным проблемам. Это касается и экологической повестки дня, здесь, как и при обсуждении чисто экономических вопросов, развитым и развивающимся странам трудно находить взаимоприемлемые решения ввиду объективных различий интересов.

Правительства развивающихся стран в своей внутренней политике ориентируются прежде всего на поддержание достаточно высоких темпов экономического роста с тем, чтобы эффективно решать задачи преодоления бедности, повышения уровня жизни населения. Структурной основой экономического роста в относительно бедных странах является индустриализация, а это означает, что нагрузка на природную среду по мере процесса развития резко усиливается: увеличиваются и объемы потребляемых экономикой естественных ресурсов, и масштабы сопутствующих загрязнений.

Надо сказать, что концепция устойчивого (т.е. совмещающего в себе экономические и экологические приоритеты) развития появилась на свет на рубе-

же 1980–1990-х годов как результат своеобразного компромисса. Развивающиеся страны видели в попытках Запада добиться от них четких обязательств по ограничению ущерба для окружающей среды угрозу для собственного экономического роста. Поэтому на Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992) они настояли на трактовке экологических вопросов не как самостоятельных, а как составной части широкой социально-экономической проблематики [Рогожина 2013, с. 4].

Под устойчивым развитием понимается такое, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу интересы будущих поколений, обеспечивает не просто экономический рост, а приобщение широких масс населения к пользованию его плодами [Бобылев 2017, с. 108–109; Report of the World Commission on Environment and Development, p. 16]. Причем концепция устойчивого развития утверждает, что учет экологических соображений сам по себе может повысить не только качество, но и темпы экономического роста.

Производственные возможности увеличатся из-за минимизации потерь используемых природных ресурсов. Другим благоприятным для экономического роста фактором на стороне предложения станет то, что улучшение здоровья людей и их социального самочувствия ускорит накопление человеческого капитала, т.е. запаса знаний, умений и производственных навыков, которыми располагает общество. А потребительский спрос, как основной непосредственный драйвер прироста ВВП, будет расширяться вследствие сглаживания неравенства доходов.

Такие соображения находят поддержку у некоторых авторитетных западных экономистов. Широкий резонанс получила гипотеза М. Портера, который утверждает, что если экологическое регулирование эффективно, то оно вызывает к жизни волну «зеленых» технологических инноваций. В результате увеличиваются производительность и конкурентоспособность предприятий и решаются не только природоохранные задачи, но и достигается более высокая скорость прироста ВВП, а издержки экологического регулирования тем самым компенсируются [Porter, Van der Linde 1995].

Но все же принятые ООН Цели развития тысячелетия (2000) и Цели устойчивого развития (2015) – это, скорее, «горизонт», к которому нужно стремиться, а не набор четких практических рекомендаций. Для их одновременной реализации нужны согласование и координация действий очень большого числа акторов, это касается не только разнородных коалиций государств с неодинаковыми уровнями развития и сферами внешнеторговой специализации, но и социальных сил и лоббистских группировок внутри отдельных стран. На практике параллельно и быстро наращивать ВВП, и придерживаться щадящего подхода к окружающей среде получается с трудом. К тому же сочетание этих целей не просто противоречиво, а их баланс меняется со временем.

На пути к гармонии

Осознание эмпирических свидетельств того, что общество сначала достигает в ходе индустриализации сравнительно высокого уровня благосостояния и лишь потом берется по-настоящему за решение природоохранных задач, было формализовано Дж. Гроссманом и А. Крюгером в гипотезе об «экологической кривой Кузнеца» (ЭКК) [Grossman, Krueger 1995]. Речь идет о том, что на ранних стадиях модернизации страны загрязнения и деградация окружающей среды усиливаются, но после прохождения «поворотного пункта» (turning point), т.е. при достижении определенного уровня подушевого ВВП, тенденция меняется на противоположную. Тогда получается, что «устойчивое развитие» – это атрибут нисходящего участка ЭКК: при высоком уровне подушевого дохода экономический рост не усугубляет загрязнения, а, наоборот, способствует улучшению качества среды обитания[1]. Специалисты, признающие существование ЭКК, описываемую ею динамику объясняют по-разному:

– структурными сдвигами, происходящими в развивающейся экономике (сначала от преобладания сравнительно экологически щадящего сельского хозяйства к доминированию загрязняющей среду обрабатывающей промышленности, а затем – к повышению удельного веса сферы услуг, где уровень загрязнений ниже);

– внешнеторговой специализацией развивающихся стран на экологически «грязных» трудо- и ресурсоемких товарах, недоступностью для этих стран более «чистых» технологий и нежеланием их внедрять по экономическим соображениям, тогда как сравнительные преимущества развитых стран лежат в сфере производства товаров и услуг, где нужны высокие технологии и высокое качество человеческого капитала;

– формированием финансовых условий для инвестиций в экологию в связи с увеличением совокупного богатства общества; усилением спроса на более высокое качество окружающей среды в результате роста располагаемых доходов и удовлетворения спроса на товары и услуги массового потребления;

– изменениями типа расселения: загрязнения достигают пика, когда промышленность концентрируется в мегаполисах, но они уменьшаются, если индустриальное развитие становится более дисперсным, а значительная часть населения переезжает жить в пригороды [Мозиас 2016, с. 281–282].

Концепция ЭКК не является общепризнанной. Некоторые ее критики утверждают, что рост подушевого ВВП и увеличение отходов и выбросов происходят параллельно, а иллюзия существования ЭКК порождена тем, что темпы

1. Очевидным прообразом этой концепции является высказанное в 1950-е годы С. Кузнецом предположение о том, что по мере индустриализации неравенство доходов сначала резко усиливается, а потом постепенно сглаживается [Kuznets 1955].

экономического роста в развитых странах медленнее, чем в развивающихся [Stern 2004]. Но в любом случае и большинство сторонников гипотезы об ЭКК не считают, что уменьшение загрязнений после прохождения «поворотного пункта» происходит автоматически. Для этого нужны осознанные действия общества и государства, не склонных далее мириться с нарастанием экологических угроз.

Если рассматривать ЭКК как вполне разумную рабочую гипотезу, то имеет смысл предположить, что конкретные проявления описываемых ею закономерностей определяются спецификой той или иной страны, в том числе масштабами ее экономики. Особенности крупных развивающихся стран заключаются, в частности, в следующем.

Во-первых, чем больше население страны, тем сильнее антропогенное давление на ограниченные естественные ресурсы и среду обитания. Даже если территория государства тоже велика, то все равно в ходе модернизации население склонно концентрироваться в небольшом числе промышленных центров, которые становятся главными очагами экологического неблагополучия.

Во-вторых, в крупных государствах, даже если они формально не являются федеративными, административно-территориальное устройство все равно по необходимости сложное, иерархичное. Это затрудняет координацию усилий разных уровней власти, нужную для осуществления экологической политики, из-за значительной асимметрии информационного обмена и связанных с ней возможностей оппортунистического поведения «нижних» звеньев управленческой системы.

В-третьих, крупные развивающиеся страны вносят значительный вклад в общемировое загрязнение окружающей среды, но страдают от него меньше, чем, скажем, малые островные государства, самому существованию которых угрожает подъем уровня Мирового океана в результате глобального потепления. Поэтому крупные развивающиеся страны в экологическом диалоге с Западом обычно отстаивают приоритеты хозяйственного развития, стремятся гарантировать себе возможности дальнейшего продвижения по пути индустриализации. Но все же поскольку крупные развивающиеся страны уже создали в своих экономиках основы диверсифицированного промышленного комплекса, то их позиции по экологической проблематике в 2000–2020-е годы стали отличаться от мнения совсем уж бедных стран. Если те вообще не хотят связывать себя природоохранными обязательствами, то крупные развивающиеся страны признали остроту экологической ситуации в мире и проявили готовность к определенным уступкам.

В данной статье присущая крупным развивающимся странам динамика природоохранной политики прослежена на примерах двух стран БРИКС. Для рассмотрения были взяты: Бразилия как страна относительно ресурсообеспеченная (о чем свидетельствуют сравнительно высокий удельный вес сырьевых

товаров в ее экспорте и малая зависимость от импорта углеводородов, в том числе благодаря значительной доле альтернативных источников энергии в топливном балансе), и Китай как относительно ресурсодефицитная страна (низкая подушевая обеспеченность природными ресурсами сочетается у КНР с долей импорта во внутреннем потреблении нефти, превышающей 70%).

При отборе страновых кейсов принимались во внимание и различия политических систем: нестабильной плюралистической демократии в бразильском случае и партократического режима в случае с Китаем. Если в конечном счете сущность экологического регулирования заключается в ограничении текущего потребления домохозяйств и инвестиций компаний ради выгод от сохранения окружающей среды, которые проявятся только в будущем, то представляет особый интерес вопрос, как справляются с этим непопулярным выбором разные политические системы.

«Тропический гигант» на распутье

Для Бразилии проблема балансирования между быстрым экономическим ростом и сохранением среды обитания стоит особенно остро: страна является рекордсменом по биоразнообразию, а Амазония по праву считается регионом, обеспечивающим экологическую устойчивость всей планеты. При этом приверженность экологической повестке для Бразилии, с ее огромными ресурсами – это все же, скорее, череда вынужденных, нежели сознательных, мер.

Например, структура энергобаланса Бразилии с середины прошлого века претерпела значительные изменения. Если в 1965 г. на нефть приходилось 65% выработки энергии, а остальные источники сильно отставали по размеру долей в энергобалансе, то в 2021 г. картина выглядит совершенно иначе: доля нефти снизилась до 35%, с незначительным отставанием далее идет гидроэнергетика (27%), ветровая и солнечная энергия в сумме дают 7%, остальные возобновляемые источники энергии (ВИЭ), в первую очередь, биотопливо, – 5% [Our World in Data]. Этим Бразилия обязана в первую очередь нефтяным шокам 1970-х годов, которые заставили активно задуматься над альтернативной энергетикой, ведь свою шельфовую нефть Бразилия обнаружит позже.

Бразилия является одним из пионеров производства биотоплива первого поколения: сразу после нефтяных шоков правительство Бразилии начало реализовывать программу Proalcool, официально запущенную в 1975 г. и стимулирующую производить биоэтанол из сахарного тростника [Bajay 2004, p. 118]. Столь ранний старт позволил Бразилии занять лидирующие позиции по производству и экспорту биоэтанола, уступая лишь США.

При этом с точки зрения состояния экологии Бразилия не может похвастаться особыми успехами: Бразилия является одним из региональных лиде-

ров по эмиссии CO_2 и других парниковых газов, в первую очередь – метана, который является верным спутником животноводства. Страна также входит в десятку стран мира, осуществляющих наибольший объем выбросов парниковых газов в атмосферу [Our World in Data]. Несмотря на наличие государственных природоохранных программ, загрязнение воздуха остается большой проблемой, так как при выработке законодательных инициатив не учитывалась неравномерность развития бразильских штатов, ряд из которых просто не в состоянии выполнить обязательства по сокращению выбросов.

Охрана окружающей среды и борьба с любыми формами загрязнения официально закреплены в статье 23 Конституции Бразилии, датируемой 1988 годом [Constituição da República Federativa do Brasil]. Первым актом природоохранного законодательства был Лесной кодекс, созданный в 1934 г. и модифицированный в 1965 и 2012 гг. [Código Florestal Brasileiro]. Впоследствии были опубликованы Закон о защите фауны (1967) [Lei No 5.197], Декрет-закон о защите и стимулировании рыболовства (1967) [Decreto-lei No 221] и Закон о Национальной экологической политике (1981). Последний подчеркивает, что «национальная экологическая политика направлена на сохранение, улучшение и восстановление качества окружающей среды, благоприятной для жизни, с целью обеспечения в стране условий для социально-экономического развития, интересов национальной безопасности и защиты ценности человеческой жизни» [Lei No 6.938].

Также существуют законы карательного характера, такие как Закон об экологических преступлениях [Lei No 9.605]. Он устанавливает уголовную и административную ответственность для тех, кто совершает поступки и действия, наносящие вред окружающей среде.

Важно подчеркнуть, что упомянутые бразильские законы об охране окружающей среды действуют на федеральном уровне. Также существуют отдельные природоохранные законы у всех бразильских штатов.

На основании документа о Национальной экологической политике была создана Национальная экологическая система, включающая:

1. Национальный совет по окружающей среде (консультативный и совещательный орган);

2. Министерство охраны окружающей среды (главный регулятор);

3. Бразильский институт окружающей среды и возобновляемых источников энергии (федеральный орган надзора);

4. Региональные органы и местные органы, действующие на локальных территориях [Джандубаева, Ерофеева 2018, с. 47].

Причины стремления Бразилии к сохранению экологической устойчивости объясняются, в том числе, серьезнейшим вниманием к «легким планеты» со стороны широкой международной общественности. Особенно ярко это проявилось в период нахождения у власти Жаира Болсонару, чья пагубная

экологическая политика стала объектом резкой критики внутри страны и за рубежом. Несмотря на то что обещанное слияние Министерства окружающей среды с Министерством сельского хозяйства Болсонару так и не совершил [Guimarães de Araújo 2020, p. 003], он произвел ряд преобразований, которые не могли остаться без активного сопротивления как внутри страны, так и вовне. Под широким давлением общественности Болсонару был вынужден отказаться от большинства своих антиэкологичных проектов и взять курс на более экологически устойчивый рост страны. Это особенно ярко прослеживается в Федеральной стратегии развития Бразилии 2020–2030.

В документе содержатся планы по переходу на следующую ступень экономического развития, с учетом экологических вызовов. Ярким примером служит раздел, посвященный сельскому хозяйству. Аграрный сектор Бразилии, в работе по модернизации которого страна с 1980-х годов безусловно совершила «чудо», не всегда отличался экологической устойчивостью. Бразильцев обвиняли и в сведении лесов, и в превращении саванн в сельскохозяйственные регионы, и в использовании слишком большого числа удобрений, что приводило к засолению почв. Все эти обвинения имеют под собой основания, что послужило поводом для развития сельскохозяйственных технологий. В Федеральной стратегии развития Бразилии 2020–2030 подчеркивается роль бразильского агробизнеса как элемента достижения качественного и здорового образа жизни для всего мира посредством эффективного производства и поставок сельскохозяйственных товаров и услуг. При этом в качестве основы бразильского аграрного сектора приведены пять стратегических составляющих: устойчивость (sustentabilidade), биоэкономика (bioeconomia), цифровое сельское хозяйство (agricultura digital), открытые инновации (inovação aberta) и современные продовольственные системы (sistemas alimentares contemporâneos) [Estratégia Federal, p. 21].

Бразильская сельскохозяйственная исследовательская корпорация (Embrapa) дает более подробный перечень того, что в себя включают указанные стратегические составляющие. Так, к ним относятся прогрессивная биология, биоэнергетика, социальное биоразнообразие, точная ферментация, вертикальное земледелие, инновационные продукты питания, создание технопарков и хабов, работа с большими данными в сельском хозяйстве и пр. [Trento 2021].

Таким образом, Бразилия делает ставку на дальнейшее повышение наукоемкости сельского хозяйства, но теперь во главу угла ставится органическое (биодинамическое) сельское хозяйство в сочетании с повышением уровня цифровизации сельскохозяйственной деятельности (агротехнологии). На бразильском рынке уже действуют более 1,5 тыс. компаний, предоставляющих консалтинговые услуги, оборудование и программное обеспечение для эффективного ведения сельскохозяйственной деятельности [ibid].

Юй Гун двигает горы

Мнение о том, что авторитарные режимы обладают определенными преимуществами в эффективности природоохранной политики по сравнению с демократическими, достаточно распространено в исследовательской литературе. Логика рассуждений здесь следующая. Авторитарная власть обладает высокой степенью автономии от общества. Ей не нужно принимать во внимание соображения, связанные с электоральным циклом, т.е. задумываться о том, что ужесточение экологического регулирования вызовет недовольство значительной части избирателей, для которых оно будет означать ограничение их возможностей как потребителей и соискателей рабочих мест на предприятиях-загрязнителях.

Полномочия по осуществлению экологической политики в авторитарных государствах сосредоточиваются в немногих госструктурах, и кажется относительно легким делом укомплектовать их компетентными и некоррумпированными представителями элит. Подключение общества к решению природоохранных задач можно свести к найму технократов и ученых. Большинство же населения можно просто мобилизовать на реализацию поставленных элитами целей, т.е. и бизнес, и рядовых людей можно просто административными методами заставить выполнять природоохранные предписания. Все это, как предполагается, позволяет автократам осуществлять долгосрочную стратегию защиты окружающей среды, тогда как экологическая политика в демократических странах – это продукт согласования интересов многочисленных групп влияния, а потому она склонна к избыточным компромиссам и нестабильна [Eaton, Kostka 2014; Ahlers, ShenYongdong 2018].

Практика китайского партократического государства вроде бы подтверждает эти соображения уже просто тем, что в распоряжении властей КНР имеется гораздо больший набор инструментов экологического регулирования, чем в демократических странах. За годы реформ в Китае сложилось весьма объемное и дифференцированное природоохранное законодательство. Его «стержень» – это Закон КНР об охране окружающей среды (принят в 1989 г., радикально изменен в 2014 г.). Его дополняет целый ряд правовых актов, касающихся отдельных, конкретных направлений природоохранной деятельности[2].

2. В их числе: Закон КНР об охране окружающей среды морей и океанов (редакции 1982, 1999 гг.); Закон КНР о противодействии загрязнению водных ресурсов (1984, 1996, 2008); Закон КНР о предупреждении и борьбе с загрязнениями водных объектов (2017); Закон КНР о предотвращении загрязнения почв (2019); Закон КНР о противодействии загрязнению атмосферного воздуха (1987, 2000); Закон КНР об охране диких животных (1988, 2004); Закон КНР о предотвращении загрязнения среды твердыми отходами (1995, 2004); Закон КНР о предотвращении шумового загрязнения окружающей среды (1996); Закон КНР о противодействии опустыниванию и контроле над ним (2001); Закон КНР о предотвращении радиоактивного загрязнения (2003); Закон КНР об охране морских островов (2009).

Еще в 1980-е годы, на начальном этапе рыночных реформ, с предприятий стали браться плата за вредные выбросы и штрафы за экологические правонарушения. Но величины их были незначительными и многие предприятия предпочитали просто платить их на регулярной основе, а не тратиться на устранение причин загрязнений. Поэтому с 2018 г. такие платежи были заменены экологическим налогом на различные виды загрязнений, а получателями его стали не природоохранные, а налоговые органы, что призвано было ужесточить платежную дисциплину и повысить собираемость.

Как и на других направлениях реформ, многие экологические нововведения сначала реализуются как локальные эксперименты. К примеру, механизм торговли квотами на выбросы парниковых газов с 2003 г. отрабатывался в четырех провинциях (Хэнань, Цзянсу, Шаньдун и Шаньси) и трех городах (Шанхай, Тяньцзинь и Люйчжоу), а общенациональная система рыночного перераспределения квот была запущена лишь в июле 2021 г.

Еще в 2007–2008 гг. правительство издало ряд нормативных актов, направленных на развитие в Китае «зеленых» финансов: о «зеленом» кредите (т.е. привязке банковского финансирования предприятий к соблюдению экологических стандартов), «зеленых» IPO (доступе ресурсоемких предприятий на фондовую биржу только при выполнении ими определенных природоохранных требований), «зеленом» страховании (речь идет о том, что предприятия страхуют риски возможного загрязнения, и в случае техногенной катастрофы на предприятии пострадавшие и потерпевшие ущерб могут получить компенсацию от страховой компании, клиентом которой является данное предприятие). С 2015 г. в КНР стал создаваться рынок «зеленых» облигаций: средства от их размещения вкладываются в энергосбережение, строительство очистных сооружений, утилизацию отходов и т.д.

Альтернативная энергетика (прежде всего – ветровая и солнечная) в 2010 г. была включена Госсоветом КНР в перечень «новых стратегических отраслей». Ее развитие поддерживается методами промышленной политики (ценовыми субсидиями, мерами внешнеторгового протекционизма в отношении производителей соответствующего оборудования и т.д.).

Но природоохранный арсенал китайского государства включает в себя и политико-идеологические методы воздействия на общество. Экологическая риторика уже давно вошла в лексикон КПК. Еще в середине 1990-х годов в партийно-правительственных документах появились утверждения, что устойчивое развитие является неотъемлемой частью «социализма с китайской спецификой». На XVII съезде КПК (2007) был провозглашен курс на строительство «экологической цивилизации». В докладе на XIX съезде (2017) Си Цзиньпин включил перелом тенденции к ухудшению среды обитания к «трем тяжелым битвам», которые должен выиграть Китай (наряду с искоренением бедности и поддержанием финансовой стабильности).

Начиная с IX пятилетки (1996–2000) задания по уменьшению эмиссии отдельных видов поллютантов и снижению удельной энергоемкости единицы ВВП стали включаться в планы социально-экономического развития страны. Дифференцированные нормативы разверстываются общекитайским Центром между провинциальными правительствами, а те, в свою очередь, спускают соответствующие разнарядки на уровень уездов, отраслей и крупных предприятий. Для их выполнения часто задействуется традиционный для Китая метод политических кампаний. Они затрагивают и население (наиболее наглядный пример – это то, что граждане вовлекаются в искусственное лесонасаждение ежегодным проведением Дня посадки деревьев, в котором участвуют и подают личный пример руководители партии и государства) и предприятия (время от времени отбирается определенное их символическое число, например тысяча, и от них требуют образцового выполнения плановых заданий по энергосбережению и ограничению вредных выбросов).

В реализации экологической политики используется и система оценки деятельности руководящих кадров на местах вышестоящими инстанциями. Надо сказать, что у китайских партийных и государственных чиновников отношение к ней трепетное, ибо их назначают на ту или иную должность в регионах на относительно короткие сроки (обычно не более пяти лет), а от соблюдения установленных для них количественных ориентиров зависят перспективы дальнейшего карьерного продвижения, в том числе перевода в Пекин.

Изначально экологические показатели в этой системе считались «мягкими», т.е. обязательными для выполнения, но не критически важными, тогда как показатели прироста производства и инвестиций были «твердыми», их невыполнение обесценивало успехи по всем другим направлениям. Но в начале XI пятилетки (2006–2010) центральное правительство рекомендовало провинциям и экологические показатели считать «твердыми», хотя окончательное решение было оставлено на усмотрение тех местных правительств, которые устанавливают критерии для чиновников нижестоящих уровней.

Так что вроде бы за охрану природы китайские власти взялись уже давно и делают для этого много. Но экологическую обстановку в КНР до сих пор трудно охарактеризовать иначе, как очень тяжелую, и нельзя не признать, что экологический кризис стал «платой» за происходившее в годы реформ ускоренное промышленное развитие.

В дополнение к своему давнему «лидерству» по выбросам двуокиси серы КНР в 2006 г. сменила США в роли крупнейшего в мире источника выбросов углекислого газа. Удельный вес Китая в мировой эмиссии CO_2 увеличился с 12,8% в 2000 г. до 27,0% в 2019 г. Для сравнения, на США в 2019 г. приходилось 11,0%, на Индию – 6,6, на Евросоюз – 6,4, на Индонезию – 3,4, на Россию – 3,1% общемировых выбросов. Основная причина

загрязнения воздуха в Китае – это то, что ведущая роль в генерации электроэнергии остается за углем, он все еще широко используется и в быту в целях отопления.

Хотя доля угля в топливно-энергетическом балансе и снизилась за последние десятилетия (в 1990-е годы она достигала в среднем 75%, а в 2022 г. составила 56,2%), но она все еще очень велика. Кроме того, абсолютные размеры потребления угля продолжают увеличиваться по мере прироста промышленного производства и ВВП. Неслучайно в 2021 г., в ходе постпандемийного оживления экономики, доля Китая в глобальных выбросах двуокиси углерода подскочила до 33,0% [Zheng Siqi, Kahn 2017, p. 72; Council on Foreign Relations; National Bureau of Statistics of China].

Урбанизация и рост располагаемых доходов домохозяйств актуализировали еще один источник загрязнения атмосферы. В Китае началась эпоха массовой автомобилизации, купить машину могут себе позволить уже десятки миллионов семей представителей среднего класса. Рост автомобильных выхлопов привел к увеличению концентрации в воздухе таких поллютантов, как окислы азота.

В первые десятилетия XXI в. смог стал привычным явлением не только для отдельных китайских городов, но и для целых провинций. В прогнозах погоды стали говорить не только о температуре и влажности воздуха, но и об ожидаемом уровне атмосферного загрязнения. Прошли времена, когда оно усиливалось под воздействием выбросов какого-то одного вредного газа. Теперь смог порождается присутствием в воздухе PM2,5 – мелких (диаметром менее 2,5 микрон) твердых частиц, образующихся вследствие комбинированного влияния многих поллютантов. Частицы PM2,5 могут проникать в организм человека не только через органы дыхания, но и через кожу, вызывая тяжелые болезни. По оценкам, ежегодно в Китае 1,2 млн человек умирают от заболеваний, вызванных загрязнением атмосферы.

Дефицит пресной воды в Китае издавна был острой проблемой: дело не только в перенаселенности страны, но и в том, что на значительной ее части для ведения земледелия нужно искусственное орошение. Ныне на Китай приходится около 20% населения мира, но он располагает лишь 6% глобальных ресурсов пресной воды. Главным фактором обострения водного дефицита на рубеже XX–XXI вв. стало загрязнение рек и озер промышленными и бытовыми стоками. В начале 2010-х годов экспертные оценки по поводу того, какая доля речных и озерных вод уже небезопасна для использования в быту и хозяйственных целях, варьировались от 30 до 70%.

Благополучию людей угрожает и загрязнение почв. Вредные вещества, в том числе соли тяжелых металлов, найдены на 20% площадей, занятых под сельское хозяйство, и 35% земель, отведенных под промышленную застройку. В качестве источников загрязнений выступают продукты разложения твердых

отходов (они поступают в почву в связи с выбросами производственного и бытового мусора), слитые в землю нефтепродукты, избыточно используемые и не усваиваемые растительными культурами пестициды и химические удобрения. В китайских СМИ то и дело обсуждаются скандальные ситуации, когда опасные для здоровья элементы обнаруживаются в поступающих в розничную торговлю продуктах питания [World Bank 2018, p. 20–21].

Получается, что китайская экологическая политика объемна и многоаспектна, но результативность ее невысока. Чем объяснить столь разительный диссонанс? Если просто предположить, что решение хозяйственных задач для властей более значимо, чем сбережение среды обитания, то это, может, и будет правильно по форме, но мало что прояснит по сути. Ведь на целеполагание властей влияют не только объективные потребности и концептуальные соображения, но и институциональная среда, в которой вырабатывается и осуществляется политика по обоим направлениям.

Я. Корнаи и его последователи давно показали, что даже в дореформенное время политико-экономические системы социалистических стран не были монолитными. За видимостью жесткого централизма скрывался сложный механизм «торгов», в ходе которых согласовывались интересы верхних и нижних звеньев управленческой иерархии [Kornai 1992]. А в ходе реформ в Китае произошла значительная децентрализация: провинциальные, уездные, городские правительства получили многочисленные дополнительные полномочия, включая распоряжение фискальными доходами и государственными активами. Возможности местных властей по отстаиванию собственных интересов возросли настолько, что еще в 1980-е годы западные эксперты стали употреблять для характеристики китайской политической системы термин «фрагментированный авторитаризм» [Lieberthal, Oksenberg 1988].

Местные правительства склонны проводить в отношении патронируемых ими предприятий политику *локального протекционизма*: они вводят административным путем ценовые надбавки на товары, ввозимые из других провинций Китая, или устанавливают прямые запреты на их сбыт; предоставляют местным инвесторам фискальные льготы; оказывают давление на местные отделения госбанков с тем, чтобы они кредитовали подконтрольные властям предприятия и т.д.

Благодаря доступу предприятий к государственным источникам финансирования инвестиционные риски минимизируются: инициаторы капиталовложений могут выиграть от реализации проектов, а возможные убытки все равно будут списаны на государство. Иначе говоря, и в современной переходной экономике Китая воспроизводятся свойственный еще традиционной командно-административной системе синдром «мягких бюджетных ограничений» и вызванный им «инвестиционный голод» (термины Я. Корнаи). Это и создает питательную среду для создания все новых производственных

мощностей в промышленности, в том числе в ресурсоемких, загрязняющих окружающую среду отраслях.

Правда, в 2010–2020-е годы китайская экономика вошла в состояние «новой нормальности», т.е. устойчивого замедления динамики ВВП и ослабления инвестиционной активности. Но и сейчас в ситуациях, когда темпы экономического роста становятся, по мнению властей, слишком низкими (например, из-за противопандемийных ограничений), правительство осуществляет меры монетарного и фискального стимулирования экономики, наращивает централизованные государственные капиталовложения. Местные правительства охотно подхватывают риторику в духе «Экономический рост любой ценой» и реализуют новые меры локального протекционизма. Результатами являются новое увеличение инвестиций в «грязных» отраслях и новое ухудшение экологической обстановки.

Предпосылки для преимущественного внимания государственной политики к экономической, а не экологической проблематике проистекают, таким образом, из самого системного устройства современного китайского хозяйства. Но важно и то, как осуществляется контроль за исполнением уже принятых природоохранных решений. В демократических странах важнейшую роль и в их инициировании, и в мониторинге их эффективности играют представители гражданского общества в лице экологических неправительственных организаций (НПО), которые в случае необходимости решают вопросы через суды. В Китае элементы такого «внешнего» контроля тоже уже появились, но деятельность НПО поставлена в жесткие рамки, а судебная система не является действенным противовесом влиянию государства и корпоративных структур.

Преобладает «внутренний» контроль верхних звеньев системы управления над нижними. Фактически это означает, что за тем, как реализуется политика по отношению к предприятиям-загрязнителям, следит то самое государство, которое связано с ними экономическими интересами. И это обстоятельство, и общая слабость «обратных связей» между обществом и государством не могут не сказываться на эффективности тех или иных инструментов экологической политики.

Планы по снижению ресурсоемкости производства и ограничению выбросов поллютантов на деле устанавливаются в ходе «торгов» между уровнями управленческой вертикали, т.е. в конечном счете так, чтобы в нужное время можно было ко всеобщему удовольствию отрапортовать о выполнении заданий. Нередко бывает и так, что они выполняются методом «штурма» в последний момент – с помощью отключений электричества в жилых домах или закрытия (но только временного) энергоемких производств.

Хотя в системе оценки местных руководителей статус экологических показателей и был повышен, но по факту и сейчас приоритетными остаются

показатели территориальной экономической динамики. Это так уже просто потому, что за предполагаемое короткое время пребывания в должности уездному или городскому начальнику нужно продемонстрировать некие результаты для того, чтобы заслужить повышение. Добиться этого проще, реализуя прецедентные, бросающиеся в глаза инвестиционные проекты, тогда как позитивные следствия природоохранных мер становятся заметными только со значительным временны́м лагом, их за четыре-пять лет службы в качестве местного руководителя можно и не дождаться.

Да и сама организация природоохранных служб в Китае наводит на мысли, что «фрагментированный авторитаризм» может создать условия для экстенсивного экономического роста, а вот с экологическими проблемами ему справляться гораздо труднее. Система строится так, что основы экологической политики вырабатывает специальное общенациональное ведомство. Оно было создано еще в 1984 г., но долгое время его бюрократический статус оставался невысоким: на уровне агентства, а с 1998 г. – госадминистрации. Лишь в 2008 г. ему был придан ранг Министерства охраны окружающей среды, а в 2019 г. название было изменено на «Министерство экологии и охраны окружающей среды».

Однако непосредственные распорядительные функции этого министерства и сейчас очень ограничены. Полномочия по интерпретации и осуществлению государственной экологической политики переданы в регионы, причем провинциальные бюро по охране окружающей среды фактически выступают лишь как представители общекитайского министерства, а основную тяжесть практической работы несут на себе экологические бюро на уровнях городов, уездов и волостей.

Они находятся в двойном подчинении – вышестоящему экологическому органу, с одной стороны, и соответствующему местному правительству – с другой. Важно, однако, что две стороны этого «уравнения» не равноценны. Проблема не только в территориальной удаленности местных бюро от их номинального ведомственного руководства, но и в финансовых основах их деятельности. Их функционирование обеспечивается не столько благодаря поступлениям средств от вышестоящих организаций, сколько за счет собственных доходов (до 2018 г. это была прежде всего вносимая предприятиями плата за загрязнения) и, что особенно важно, за счет поступлений из местных бюджетов. Иначе говоря, не только организационно, но и финансово городские, уездные и волостные бюро являются, прежде всего, подразделениями местных правительств.

Такое положение вещей заключает в себе мощный потенциал конфликта интересов. Если руководство муниципалитета поддерживает или спонсирует многочисленные индустриальные проекты, то местному бюро по охране среды крайне трудно настоять на соблюдении при этом экологических

требований. В то же время сами бюро часто оказывают предприятиям платные услуги – консультации на стадии проектирования и подготовленные с участием экологических чиновников проекты обычно не отвергаются. В саму систему экологического контроля привносится, таким образом, элемент «торга». Единые стандарты подстраиваются под конкретные ситуации, экологические чиновники склонны делать многочисленные исключения для отдельных предприятий [Мозиас 2016, с. 294–295].

Так что и здесь выясняется, что сложившаяся микроэкономическая среда склонна отвергать поступающие из Пекина призывы усилить природоохранную деятельность. Впрочем, было бы сильным упрощением трактовать существующую конфигурацию интересов так, что на уровне Центра озабочены состоянием окружающей среды и предлагают вполне разумные меры экологического регулирования, но их реализации препятствует локальный протекционизм.

На деле и общекитайские отраслевые министерства в своей поддержке крупных компаний (особенно государственных) склонны закрывать глаза на несоблюдение теми экологических обязательств. В то же время местные правительства могут воспользоваться предоставленными им правами для осуществления природоохранных инноваций в экспериментальном порядке. Местным руководителям это тоже может пойти в «плюс», если возглавляемые ими административные единицы получат статус «модельных», «образцовых» и т.д. и соответствующее дополнительное финансирование из вышестоящих бюджетов.

В общем, ситуация неоднозначна, и это нужно учитывать при прогнозировании ее эволюции. Количественные показатели свидетельствуют, что некоторое улучшение экологической ситуации в течение 2010-х годов все же было достигнуто, и это позволяет с осторожностью предполагать, что переломная точка ЭКК уже осталась позади, во всяком случае если говорить о наиболее развитых восточных провинциях Китая.

В наиболее густонаселенных городских районах концентрация PM2,5 снизилась к 2018 г. на 42% по сравнению с уровнем 2013 г., хотя нормы, установленные Всемирной организацией здравоохранения, концентрация PM2,5 в 2017 г. превышала в Пекине в 6 раз, а в Шанхае – в 4 раза [World Bank 2019, p. 49]. Улучшилось и качество воды на поверхности рек и озер. В 2021 г., по официальным данным, в семи крупнейших реках Китая было пригодно для использования в быту: в реках Янцзы и Чжуцзян – более 90%, а в Хуанхэ, Хуай и Ляо – более 80% массы воды. Но в реке Хай этот показатель не достигал 70%, а в Сунцзян он составлял чуть больше 60%, и ситуация там продолжала ухудшаться. При этом состояние подземных вод остается очень плохим: до 15% их не пригодно для какого бы то ни было использования [Ministry of Ecology and Environment].

Причины позитивных изменений тоже многогранны. Можно говорить о некотором усилении централизованного начала в природоохранной политике, а этому, в свою очередь, способствовало то, что Китай стал более активно участвовать в международных усилиях по предотвращению глобального потепления. До конца первого десятилетия XXI в. он избегал брать на себя четкие обязательства по климатической повестке, ссылаясь то на свои более низкие, чем в развитых странах, подушевые показатели вредных выбросов, то на историческую ответственность Запада за загрязнение атмосферы еще со времен Промышленной революции XIX в.[3]

Однако на рубеже 2000–2010-х годов китайский подход изменился: и потому, что КНР стала претендовать на роль действительно глобальной державы, причем не только амбициозной, но и ответственной; и потому, что ввиду достигнутых абсолютных размеров экономики и накопленного промышленного потенциала Китаю уже трудно выторговывать себе поблажки как слаборазвитой стране; и из-за остроты экологической ситуации внутри страны и исчерпанности прежней ресурсоемкой модели экономического роста, желания создать новые источники хозяйственной динамики в лице альтернативной энергетики, производства электромобилей, «чистых» биотехнологий и т.д.

В 2009 г. китайские власти взяли на себя обязательство снизить к 2020 г. эмиссию углекислого газа в расчете на единицу ВВП на 40–45% по сравнению с показателем 2005 г., эта цель, по официальным данным, была достигнута уже в 2017 г. В декабре 2015 г. КНР подписала, а в сентябре 2016 г. ратифицировала Парижское соглашение по климатическим изменениям. В нем записаны обещания Китая, что его выбросы парниковых газов достигнут пика в абсолютном выражении к 2030 г., а затем начнут уменьшаться. К тому же году выбросы CO_2 в расчете на единицу ВВП обещано снизить уже на 60% по сравнению с уровнем 2005 г.

Доля возобновляемых источников в энергобалансе к 2030 г. должна быть доведена до 20% (по официальным данным, доля «чистых» энергоносителей в 2022 г. достигала 25,9%, но к ним китайская статистика, помимо ветра и солнца, относила и гидро-, и атомную энергию, и даже природный газ) [National Bureau of Statistics of China]. Обнародовал Китай и свои планы по углеродной нейтральности: выступая в сентябре 2020 г. на Генассамблее ООН, Си Цзиньпин объявил о намерении достичь ее к 2060 г., т.е. десятилетием позже, чем в развитых странах.

3. Китай присоединился к Киотскому протоколу в 1998 г. и ратифицировал его в 2002 г. Но, по этому соглашению, четкие количественные обязательства по сокращению эмиссии парниковых газов брали на себя только развитые и европейские постсоциалистические страны, а Китай, как и другие развивающиеся страны, должен был лишь предоставлять информацию о своих вредных выбросах.

Центростремительные тенденции в экологической политике выразились прежде всего в попытках обеспечить бóльшую достоверность данных, передаваемых на вышестоящие уровни из местных экологических бюро. Министерство охраны окружающей среды (МООС) в 2007 г. учредило механизм верификации выполнения обязательных заданий по снижению загрязнений, заложенных в пятилетние планы. Для этого были задействованы созданные в 2006–2007 гг. шесть межпровинциальных центров контроля за охраной окружающей среды[4].

При этом ставилась задача сузить поле для возможных фальсификаций отчетности, поступающей с мест. До этого местные власти и предприятия могли уклоняться от установки контрольного оборудования или просто не включать его, но с 2007 г. информация о загрязнениях должна была поступать непрерывно в учрежденную МООС систему электронного мониторинга. С 2008 г. МООС стало проводить проверки данных по провинциям раз в полгода (в январе и июле). Межпровинциальные центры и провинциальные экологические бюро проверяют нижестоящие природоохранные службы в текущем режиме.

В ходе опросов, проводившихся китайской исследовательницей Чжан Сюэхуа, менеджеры компаний говорили, что работники экологических структур того или иного уровня теперь появляются у них на предприятиях через каждые три–пять дней. Чжан Сюэхуа констатировала, что мониторинг действительно ужесточился, возможностей для приписок стало меньше [Zhang Xuehua 2017, p. 751–752, 757–766].

Положения общенациональных экологических законов стали более конкретными. Вступившие с начала 2015 г. в силу поправки в Закон КНР о защите окружающей среды сняли ограничения на частоту штрафов для предприятий-загрязнителей, их теперь можно накладывать хоть каждый день. Это способствовало некоторой активизации местных экологических служб. Они чаще стали применять санкции против нарушителей, в том числе и крупных компаний, патронируемых влиятельными элитными группировками, а также принимать меры для закрытия или перемещения вредных производств.

Впрочем, врожденные дефекты партократической системы сказываются и на результативности всех этих мер. Та же Чжан Сюэхуа отмечает: местные экологические бюро стали в большей степени чувствовать контроль сверху, но они придумали и новые стратегии адаптации к нему. Через проверяющие инстанции проталкивается бумажная отчетность, более или менее соответст-

4. Восточный центр расположен в Нанкине, Южный – в Гуанчжоу, Северо-Западный – в Сиане, Юго-Западный – в Чэнду, Северо-Восточный – в Шэньяне, Северный – в Пекине. К тому или иному из этих центров приписана каждая из 31 административной единицы провинциального уровня.

вующая плановым наметкам. Часто это не более чем «игра цифрами», тогда как в реальной жизни серьезных усилий по ограничению вредных выбросов может и не предприниматься [ibid, p. 767–770].

Но надо сказать, что более решительными местные экологические бюро становятся в случаях, когда происходят техногенные аварии, сопровождающиеся выбросами опасных веществ, и это вызывает возмущенные отклики местных жителей. Локальные протесты из-за плохого состояния среды обитания вспыхивают в Китае один за другим. Если речь идет о ситуациях, когда бедные, малообразованные люди оказываются вынуждены жить возле химических и других вредных для здоровья производств, то протест может принимать форму массовых беспорядков.

Если же представители среднего класса, купив квартиры, обнаруживают, что они оказались по соседству с источником загрязнений, то они не только изливают недовольство в Интернете, но часто и координируют с помощью Сети свои действия, подают жалобы в органы власти, обращаются за помощью к НПО. Общенационального экологического движения в Китае нет, но к середине 2010-х годов в стране действовало определенное количество экологических НПО (в том числе и таких, которые были созданы по указанию властей) и подразделений международных природозащитных организаций. Сложился и круг журналистов, которые не боятся проводить расследования деятельности экологически «грязного» бизнеса и его поддержки со стороны властей. Спонтанно возникшие объединения граждан и НПО стали подключаться к контролю за соблюдением экологического законодательства и мониторингу деятельности не только предприятий-загрязнителей, но и региональных экологических служб. А временами и сами экологические бюро склонны полагаться на таких добровольных помощников.

Но и тут приходится делать оговорки. Вряд ли обоснованы ожидания, что обозначившаяся тенденция усиливающейся гражданской активности будет просто развиваться по восходящей. Деятельность экологических НПО и самоорганизация жителей по-прежнему допускаются партократическим государством только в тех пределах, которые кажутся ему приемлемыми. А в условиях общего ужесточения китайского политического режима при Си Цзиньпине экологическим активистам легко могут быть предъявлены обвинения в действиях, подрывающих общественную стабильность.

При прогнозировании дальнейшего развития ситуации надо принимать во внимание и то, что Китай пространственно очень неоднороден. В наиболее развитых провинциях восточного побережья уже вовсю происходит структурный сдвиг от обрабатывающей промышленности к экологически более безопасным отраслям сферы услуг. Именно на Востоке сложился средний класс, предъявляющий запрос на более здоровую среду обитания. У местных властей там есть финансовые ресурсы для проведения природоохранных

мероприятий, и они склонны достаточно последовательно реализовывать экологические установки, спускаемые из столицы. На Востоке дело движется, таким образом, к определенной гармонизации экономических и экологических приоритетов в политике, т.е. там переход к модели устойчивого развития не выглядит чем-то абстрактным, он вызревает из самой жизни.

Напротив, в относительно отсталых центральных и западных провинциях население все еще в массе своей относительно бедное, хуже образованное и менее активное, чем на Востоке. А власти там проявляют готовность привлекать к себе «грязные» производства с восточного побережья ради поддержания динамики экономического роста, для них природоохранные приоритеты по-прежнему остаются на втором плане. Поэтому может случиться и так, что экологическая ситуация в Центре и на Западе в ближайшей перспективе даже ухудшится, а перемещение оттуда воздушных масс и водных потоков на Восток будет и там сдерживать развитие позитивных тенденций.

Китаю, таким образом, предстоит пройти еще долгий путь к разрешению экологических проблем, и траектория этого движения будет во многом определяться характером структурных изменений, причем не только в экономике, но и в политической системе. Все это очень напоминает знаменитую китайскую легенду о старце Юй Гуне, который решил сравнять с землей две высокие горы по соседству с его домом и помогать ему в этом начинании пришлось самому Небесному Владыке.

* * *

Изучение бразильских и китайских практик наводит на мысли, что факторы ресурсной обеспеченности и характера политического режима с разной интенсивностью влияют на экологическую ситуацию в стране на отдельных стадиях ее развития. На восходящем участке ЭКК, т.е. в ранних фазах индустриализации, характер режима относительно малозначим: ухудшение экологической обстановки происходит по мере промышленного развития и в демократических, и в авторитарных государствах. Несколько лучшее, чем в Китае, положение дел с окружающей средой в Бразилии объясняется особенностями ее ресурсообеспеченности, а не конфигурацией политической системы. Но когда «поворотный пункт» ЭКК уже пройден, то демократический, инклюзивный характер политического режима ускоряет сдвиги в сторону улучшения экологической ситуации, тогда как механизмы партократического государства, скорее, препятствуют, чем способствуют дальнейшему движению вдоль ЭКК.

Исследование природоохранного опыта других стран БРИКС позволяет предвидеть проблемы, которые могут с новой силой проявиться по мере оживления экономического роста в России. Промышленно развитой страной

Россия стала еще в середине XX в., а в десятилетия рыночных реформ в отечественной экономике быстро развивалась сфера услуг. Но уже сейчас очевидно, что для ускорения динамики российскому хозяйству потребуется и «новая индустриализация».

В условиях стагнации прирост ВВП, занятости и фискальных доходов кажется несомненным приоритетом, но когда маховик экономики действительно закрутится побыстрее, то выяснится, что минимизация связанного с развитием экологического ущерба затрудняется асимметрией информационного обмена между различными уровнями федеративного государственного устройства России; распространенным слиянием власти и бизнеса, в том числе на региональном уровне; сохраняющейся зависимостью экономики от сырьевого экспорта. Уже сейчас нужно продумывать варианты действий по поддержанию баланса между хозяйственным развитием и экологической безопасностью в условиях будущего подъема, с учетом наработок и бразильского, и китайского опыта.

У сотрудничества РФ с этими странами БРИКС большой потенциал. В случае с Бразилией возможно заимствование технологий «точного сельского хозяйства» и производства биотоплива и их дальнейшее развитие на двусторонней основе. С Китаем тоже можно совместно заниматься развитием альтернативной энергетики. Но еще более важно создание на двусторонней основе комплексной системы мониторинга экологической обстановки, ибо кризисная экологическая ситуация в КНР создает непосредственные угрозы для благополучия соседних российских регионов.

Библиография

Бобылев С.Н. Устойчивое развитие: парадигма для будущего // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 3. С. 107–113.

Джандубаева Т.З., Ерофеева К.Ю. Глобальное изменение климата: пути правового регулирования в Бразилии // Юридическая наука. 2018. № 6. С. 46–48.

Мозиас П.М. Экологическая политика в Китае: вверх по лестнице, ведущей вниз? // Общество и государство в Китае. Т. XLVI, ч. 2. Москва, 2016. С. 274–314.

Рогожина Н.Г. Глобальная экологическая безопасность: позиция развивающихся стран // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 2. С. 3–11.

Ahlers A., ShenYongdong. Breath Easy? Local Nuances of Authoritarian Environmentalism in China's Battle against Air Pollution // China Quartely, 2018. № 234. P. 299–319.

Bajay S.V. National Energy Policy: Brazil // Cutler J. (ed.) Encyclopedia of Energy. Cleveland. 2004. P. 111–125.

Código Florestal Brasileir // Presidência da República. Casa Civil. Subchefia para Assuntos Jurídicos. URL:http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/decreto/1930-1949/D23793impressao.htm (дата обращения: 28.04.2023).

China's Fight against Climate Change and Environmental Degradation // Council on Foreign Relations. URL: https://www.cfr.org/backgrounder/china-climate-change-policies-environmental-degradation (дата обращения: 20.04.2023).

Constituição da República Federativa do Brasil // Presidência da República. Casa Civil. Subchefia para Assuntos Jurídicos. URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/constituicao/constituicao.htm (дата обращения: 27.04.2023).

Decreto-lei № 221 // Presidência da República. Casa Civil. Subchefia para Assuntos Jurídicos. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/Decreto-Lei/Del0221compilado.htm (дата обращения: 27.04.2023).

Eaton S., Kostka G. Authoritarian Environmentalism Undermined? Local Leaders' Time Horizons and Environmental Policy Implementation in China // China Quartely. 2014. № 218. P. 359–380.

Estratégia Federal de Desenvolvimiento para o Brasil. URL: https://www.gov.br/economia/pt-br/assuntos/gestao/estrategia-federal-de-desenvolvimento/arquivos/efd-2020-2031_v2.pdf (дата обращения: 15.03.2023).

Guimarães de Araújo, Suely Mara Vaz. Environmental Policy in the Bolsonaro Government: The Response of Environmentalists in the Legislative Arena // Brazilian Political Science Review. 2020. Vol. 14. № 2.

Grossman G., Krueger A. Economic Growth and the Environment // Quartely Journal of Economics. 1995. Vol. 110. № 2. P. 353–377.

Kornai J. The Socialist System: the Political Economy of Communism. Princeton. 1992. 644 p.

Kuznets S. Economic Growth and Income Inequality // American Economic Review. 1955. Vol. 45. № 1. P. 1–28.

Lei № 5.197 // Presidência da República. Casa Civil. Subchefia para Assuntos Jurídicos. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/L5197.htm (дата обращения: 27.04.2023).

Lei № 6.938 // Presidência da República. Casa Civil. Subchefia para Assuntos Jurídicos. URL: https://www.icmbio.gov.br/cma/images/stories/Legislacao/Leis/lei-6938-31-agosto-1981.pdf (дата обращения: 27.04.2023).

Lei № 9.605. URL: https://www.icmbio.gov.br/cma/images/stories/Legislacao/Leis/Lei__9605_98_Lei_de_Crimes_Ambientais.pdf (дата обращения: 27.04.2023).

Lieberthal K., Oksenberg M. Policy Making in China: Leaders, Structures and Processes. Princeton, 1988, 445 p.

Ministry of Ecology and Environment. 2021 State of Ecology and Environment Report Review. URL: http://english.mee.gov.cn/Resources/Reports/soe/SOEE2019/202204/P020220407417638702591.pdf (дата обращения: 20.04.2023).

Statistical Communique of the People's Republic of China on the 2022 National Economic and Social Development // National Bureau of Statistics of China. URL: http: //www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202302/t20230227_1918979.html (дата обращения: 02.03.2023).

Brazil: Energy Country Profile // Our World in Data. URL: https://ourworldindata.org/energy/country/brazil (дата обращения: 17.05.2023).

Porter M., Van der Linde C. Toward a New Conception of the Environment-Competitiveness Relationship // Journal of Economic Perspectives. 1995. № 97. P. 115–116.

Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future, 1987. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/5987our-common-future.pdf (дата обращения: 17.05.2023).

Stern D. The Rise and Fall of the Environmental Kuznets Curve // World Development. 2004. Vol. 8. № 8. P. 1419–1439.

Trento D. Agriculture Innovation Agenda in Brazil. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/msmes_e/brazil_240621.pdf (дата обращения: 20.05.2023).

World Bank. China Economic Update: Investing in High-quality Growth. May 2018. International Bank for Reconstruction and Development // The World Bank. 2018. 25 p.

Zhang Xuehua. Implementation of Pollution Control Targets in China : Has a Cenralized Enforcement Approach Worked? // China Quartely. 2017. № 231. P. 749–774.

Zheng Siqi, Kahn M. A New Era of Pollution Progress in Urban China? // Journal of Economic Perspectives. 2017. Vol. 31. № 1. P. 71–92.

References

Ahlers A., ShenYongdong. Breath Easy? Local Nuances of Authoritarian Environmentalism in China's Battle against Air Pollution // China Quartely. 2018. N 234. P. 299–319.

Bajay S.V. National Energy Policy: Brazil // Cutler J. (ed.) Encyclopedia of Energy. Cleveland. 2004. P. 111–125.

Bobylev S.N. Ustoychivoye razvitiye: paradigma dlya budushego [Sustainable Development : A Paradigm for Future] // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodniye otnosheniya [World Economy and International Relations]. 2017. N 3. P. 107–113.

Brazil: Energy Country Profile // Our World in Data. URL: https://ourworldindata.org/energy/country/brazil (date of access: 17.05.2023).

China's Fight against Climate Change and Environmental Degradation // Council on Foreign Relations. URL: https://www.cfr.org/backgrounder/china-climate-change-policies-environmental-degradation (date of access: 20.04.2023).

Código Florestal Brasileir // Presidência da República. Casa Civil. Subchefia para Assuntos Jurídicos. URL:http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/decreto/1930-1949/D23793impressao.htm (date of access: 28.04.2023).

Constituição da República Federativa do Brasil // Presidência da República. Casa Civil. Subchefia para Assuntos Jurídicos. URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/constituicao/constituicao.htm (date of access: 27.04.2023).

Decreto-lei № 221 // Presidência da República. Casa Civil. Subchefia para Assuntos Jurídicos. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/Decreto-Lei/Del0221compilado.htm (date of access: 27.04.2023).

Dzhandubaeva T.Z., Yerofeeva K.Y. Globalnoe izmenenie kilmata: puti pravovogo regulirovaniya v Brazilii [Global Climate Change: Legislation in Brazil] // Yuridicheskaya nauka [Legal science]. 2018. N 6. P. 46–48.

Eaton S., Kostka G. Authoritarian Environmentalism Undermined? Local Leaders' Time Horizons and Environmental Policy Implementation in China // China Quartely. 2014. N 218. P. 359–380.

Estratégia Federal de Desenvolvimiento para o Brasil. URL: https://www.gov.br/economia/pt-br/assuntos/gestao/estrategia-federal-de-desenvolvimento/arquivos/efd-2020-2031_v2.pdf (date of access: 15.03.2023).

Grossman G., Krueger A. Economic Growth and the Environment // Quartely Journal of Economics. 1995. Vol. 110. N 2. P. 353–377.

Guimarães de Araújo, Suely Mara Vaz. Environmental Policy in the Bolsonaro Government: The Response of Environmentalists in the Legislative Arena // Brazilian Political Science Review. 2020. Vol. 14. N 2.

Kornai J. The Socialist System: the Political Economy of Communism. Princeton. 1992. 644 p.

Kuznets S. Economic Growth and Income Inequality // American Economic Review. 1955. Vol. 45. N 1. P. 1–28.

Lei N 5.197 // Presidência da República. Casa Civil. Subchefia para Assuntos Jurídicos. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/L5197.htm (date of access: 27.04.2023).

Lei N 6.938 // Presidência da República. Casa Civil. Subchefia para Assuntos Jurídicos. URL: https://www.icmbio.gov.br/cma/images/stories/Legislacao/Leis/lei-6938-31-agosto-1981.pdf (date of access: 27.04.2023).

Lei N 9.605. URL: https://www.icmbio.gov.br/cma/images/stories/Legislacao/Leis/Lei__9605_98_Lei_de_Crimes_Ambientais.pdf (date of access: 27.04.2023).

Lieberthal K., Oksenberg M. Policy Making in China: Leaders, Structures and Processes. Princeton.1988. 445 p.

Ministry of Ecology and Environment. 2021 State of Ecology and Environment Report Review. URL : http://english.mee.gov.cn/Resources/Reports/soe/SOEE2019/202204/P020220407417638702591.pdf (date of access: 20.04.2023).

Mozias P.M. Ekologicheskaya politika v Kitaye: vverh po lestnice, vedushei vhiz? [Ecological Policy in China : Up the Stairs Going Down?] // Obshestvo i gosudarstvo v Kitaye [State and Society in China]. Vol. XLVI. Part 2. Moscow. 2016. P. 274–314.

Porter M., Van der Linde C. Toward a New Conception of the Environment-Competitiveness Relationship // Journal of Economic Perspectives. 1995. N 97. P. 115–116.

Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future, 1987. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/5987our-common-future.pdf (date of access: 17.05.2023)

Statistical Communique of the People's Republic of China on the 2022 National Economic and Social Development // National Bureau of Statistics of China. URL: http: //www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202302/t20230227_1918979.html (date of access: 02.03.2023).

Stern D. The Rise and Fall of the Environmental Kuznets Curve // World Development. 2004. Vol. 8. N 8. P. 1419–1439.

Trento D. Agriculture Innovation Agenda in Brazil. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/msmes_e/brazil_240621.pdf (date of access: 20.05.2023).

World Bank. China Economic Update: Investing in High-quality Growth. May 2018. International Bank for Reconstruction and Development // The World Bank. 2018. 25 p.

Zhang Xuehua. Implementation of Pollution Control Targets in China : Has a Cenralized Enforcement Approach Worked? // China Quartely. 2017. N 231. P. 749–774.

Zheng Siqi, Kahn M. A New Era of Pollution Progress in Urban China? // Journal of Economic Perspectives. 2017. Vol. 31. N 1. P. 71–92.

DOI: 10.31249/rsm/2023.04.05

С.А. Толкачев, А.Ю. Тепляков

ЕВРОПЕЙСКАЯ ОБРАБАТЫВАЮЩАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В ГЛОБАЛЬНЫХ ЦЕПОЧКАХ СТОИМОСТИ: УСИЛЕНИЕ ИНТЕГРАЦИИ И ПОДРЫВ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

Аннотация. *Статья посвящена структурным проблемам обрабатывающей промышленности стран – членов ЕС. Исследование построено на материалах последнего обновления статистической базы данных TiVA «Торговля добавленной стоимостью», систематизирующей информацию о мировой динамике показателей глобальных цепочек стоимости (ГЦС). Выявлено, что в целом европейская обрабатывающая промышленность теряет свою конкурентоспособность как долю в общемировой добавленной стоимости обрабатывающей промышленности. При этом новые страны ЕС из Центральной, Восточной, отчасти Южной Европы сумели улучшить свои позиции в глобальных цепочках стоимости обрабатывающей промышленности и даже в высокотехнологичных отраслях за счет приема на своей территории выводимых производств из западноевропейских стран. Проведенный корреляционный анализ показателей динамики прямых и обратных связей в ГЦС с показателями прироста страновой доли обрабатывающей промышленности в общемировой доказал, что новые члены ЕС сумели с выгодой для себя использовать как аутсорсинговые импортные поставки, так и собственные экспортные поставки. Вместе с тем подобная перегруппировка промышленности в рамках ЕС не усиливает промышленный и научно-технический потенциал региона в целом.*

Ключевые слова: *глобальные цепочки стоимости; обрабатывающая промышленность; промышленная революция; высокотехнологичные отрасли промышленности; экономическая интеграция; специализация.*

Толкачев Сергей Александрович – доктор экономических наук, профессор, первый заместитель руководителя Департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Россия, Москва.
E-mail: tsa2000@mail.ru

Тепляков Артем Юрьевич – кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра исследований долгосрочных закономерностей развития экономики Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Россия, Москва.
E-mail: ateplyakov@hse.ru

Tolkachev S.A., Teplyakov A.Yu. European Manufacturing in Global Value Chains: Strengthening Integration and Undermining Competitiveness

Abstract. *The article deals with the structural problems of the manufacturing industry in the EU member states. The study is based on the latest update of the TiVA statistical database «Trade in Value Added», which systematizes information on the global dynamics of global value chain (GVC) indicators. The article establishes that the European manufacturing industry as a whole is losing its competitiveness as a share of global manufacturing value added. At the same time, the new EU countries from Central, Eastern, and partly Southern Europe have managed to improve their position in global manufacturing value chains and even in high-tech industries by hosting production facilities from Western European countries. Examples of the success of the new industrialization of countries such as Slovakia and Ireland are considered. Analysis shows that the preservation of the country's own currency within the EU has a more positive effect on the state of the manufacturing industry. A correlation analysis of forward and backward linkages indicators in GVCs with the indicators of the country's share of manufacturing growth in the global industry proves that the new EU members were able to benefit from both outsourced import supplies and their own export supplies. At the same time, this regrouping of industry within the EU does not strengthen the industrial and scientific and technical potential of the region as a whole.*

Keywords*: global value chains; manufacturing; industrial revolution; high-tech industries; economic integration; specialization.*

Tolkachev Sergey Alexandrovich – Doctor of Economics, Professor, First Deputy Head of the Department of Economic Theory of the Financial University under the Government of the Russian Federation. Russia, Moscow.
E-mail: tsa2000@mail.ru

Teplyakov Artem Yurievich – Candidate of Economic Sciences, Researcher at the Center for Research on Long-Term Patterns of Economic Development of the Financial University under the Government of the Russian Federation. Russia, Moscow.
E-mail: ateplyakov@hse.ru

Введение

Европейская консолидация во второй половине XX в., особенно ускорившаяся в 1990–2000-е годы, казалось бы, дала странам этого региона шанс на более устойчивое и сбалансированное социально-экономическое развитие, а также открыла «окно возможностей» для укрепления геополитической самостоятельности. Вместе с тем глобальный экономический кризис 2008–2009 гг. с его последующими рецидивами и социально-политическими последствиями, включая рост международной напряженности, породил принципиально новые вызовы для европейской обрабатывающей промышленности. Рассмотрим динамику и состояние последней сквозь призму тематики глобальных цепочек стоимости (ГЦС).

Проблематика ГЦС вообще и применительно к промышленности, в частности, является чрезвычайно популярной в последние десятилетия. Бурный всплеск интереса к проблематике ГЦС наблюдается с 1990-х годов, в период так называемой гиперглобализации, когда казалось, что поиск своего места в глобальных цепях поставок является основным инструментом повышения конкурентоспособности любой отрасли экономики. Одним из пионеров исследований ГЦС на Западе был Дж. Джереффи [Gereffi 1994; Gereffi 1998]. Нельзя не отметить, что именно европейские ученые организовали один из авторитетных центров исследований ГЦС – Центр экономического роста и развития факультета экономики и бизнеса университета Гронингена (URL: https://www.rug.nl/ggdc/?lang=en), где разработана «Мировая база данных затраты-выпуск» – WIOD (World Input-Output Database). А пионером исследований в этой области в 1990-е годы был британский Институт проблем развития (Institute of Development Studies, UK, URL: https://www.ids.ac.uk/), где в то время работали упомянутый Джереффи и его коллеги.

Другим важнейшим научным центром по данной проблематике является американский университет Дьюка (URL: https://globalvaluechains.org/), где была разработана Инициатива по изучению глобальных цепочек добавленной стоимости. Инициатива включает около 400 институтов и организаций во всем мире. В последние годы Джереффи и его коллеги работают именно в университете Дьюка, где они сразу после финансового кризиса 2008 г. начали изучать изменение состава и структуры ГЦС [Staritz et al 2010].

Всемирная торговая организация ВТО и Организация экономического сотрудничества и развития ОЭСР являются главными международными центрами – разработчиками авторитетной базы данных TiVA (Trade in Value Added) – Торговля добавленной стоимостью – наиболее емкой и представительной базы информации по ГЦС. Наше исследование в данной статье будет построено на материалах именно этой базы, последнее обновление которой охватывает период 1995–2018 гг. [TiVA 2021].

Общие тенденции динамики европейской обрабатывающей промышленности в ГЦС

Последнее обновление базы данных TiVA в конце 2021 г. предоставило возможность проанализировать длинный непрерывный хронологический ряд с 1995 по 2018 г., т.е. почти за четвертьвековой период, включающий время и расцвета глобализационных процессов, и мирового кризиса 2008–2009 гг., и оформления тенденций к регионализации и локализации (см. табл. 2–5).

Прежде всего обратимся к показателю доли обрабатывающей промышленности в стоимости всего объема произведенных товаров и услуг (см. табл. 2). В первом приближении он может служить для оценки уровня индустриализации в национальной экономике. Примечательно, что на фазу расцвета хозяйственной глобализации (до кризиса 2008–2009 гг.), когда особенно была популярна концепция перехода к постиндустриальному обществу, пришлось его заметное среднемировое снижение: с 20,51 до 17,75% (почти на 3 процентных пункта!).

Вместе с тем за десятилетие после начала «острой» кризисной фазы происходит стабилизация значения этого показателя: 17,75% в 2008 г. и 17,89% – в 2018 г. Это может косвенно свидетельствовать о росте понимания на высшем экспертно-управленческом уровне широкого круга государств значения так называемой «новой индустриализации» [Толкачев и Побываев 2016] на базе передовых технологий. Например, такие крупные экономики мира в 2018 г. сохранили долю обрабатывающей промышленности в стоимости всего объема произведенных товаров и услуг на уровне, существенно превышающем среднемировой: Китай (29,42%), Япония (22,52%), Индонезия (20,87%) и др. Ряд других значимых национальных экономик с 2008 г., напротив, даже нарастили значение данного показателя: Южная Корея (с 29,18 до 29,71%), Мексика (с 16,75 до 19,23%), Турция (с 19,19 до 21,78%), Тайвань (с 26,22 до 30,55%) и др.

Что касается Европы в 1995–2018 гг., то здесь наблюдались противоречивые тенденции. Прежде всего, напомним, что ее общепризнанным экономико-технологическим «ядром» являются Германия, Италия и Франция, а также Великобритания, официально вышедшая из состава ЕС в 2020 г. (который находится за пределами анализируемого хронологического ряда).

Хотя в рассматриваемом периоде эти европейские «гиганты» демонстрировали прирост стоимости продукции обрабатывающей промышленности (см. табл. 2 в Приложении), однако с 2008 г. росла только Германия (+5,48% за десятилетие). Более драматично у данных стран снижается «вес» обрабатывающей промышленности как в стоимости произведенных в национальной экономике товаров и услуг (на 2–40%), так и в стоимости продукции обрабатывающей промышленности всего мира (на 38–51%), причем Франция

(с 16,98 до 11,46% – по первому показателю и с 4,15 до 2,02% – по второму) и Великобритания (с 17,22 до 10,37%; с 3,56 до 1,88%) «пикируют» более стремительно, чем Германия (с 23,48 до 22,98%; с 9,33 до 5,83%) и Италия (с 21,66 до 17,72%; с 3,94 до 2,34%).

Несколько более позитивно в 1995–2018 гг. «выглядят» позиции этих государств, связанные с развитием высокотехнологичных обрабатывающих производств[1] (см. табл. 3 в Приложении). Доля британских и французских высокотехнологических отраслей в стоимости продукции обрабатывающей промышленности умеренно растет, оставаясь примерно на уровне среднемировой (43,34–44,16%). Аналогичные немецкий и итальянский показатели растут более уверенно, правда первый (61,61% в 2018 г.) существенно превосходит среднемировой уровень, а второй (39,71%) немного не «дотягивает» до него. Хотя прирост стоимости продукции высокотехнологических производств в данных странах оказался выше прироста стоимости продукции обрабатывающей промышленности (опять-таки после 2008 г. росла только Германия с показателем +14,11%), однако и в этом случае он уступал среднемировому приросту, снижая глобальный экономический «вес» европейских «гигантов».

В чью же пользу произошло перераспределение добавленной стоимости их обрабатывающей промышленности? Поскольку примерно 60% внешней торговли стран ЕС является внутриблоковой[2], а его функционирование подчиняется принципу «четырех свобод», в порядке гипотезы предположим, что в период расцвета глобализации (до мирового экономического кризиса 2008–2009 гг.) процесс «бегства заводов» в значительной степени носил внутриевропейский характер.

Анализ таблиц 2–3 позволяет выявить такую группу стран – членов ЕС (включая и те европейские государства, которые входят в его общий рынок[3]), где в 1995–2018 гг. объемы как обрабатывающей промышленности в целом,

1. Включает: а) ***высокотехнологичные отрасли:*** *производство фармацевтической продукции, производство офисного оборудования и вычислительной техники, производство электронных компонентов, аппаратуры для радио, телевидения и связи, производство медицинских изделий; средств измерений, контроля, управления и испытаний; оптических приборов, фото- и кинооборудования; производство летательных аппаратов, включая космические; б)* ***среднетехнологичные отрасли высокого уровня:*** *химическое производство, производство машин и оборудования, производство электрических машин и электрооборудования, производство автомобилей, прицепов и полуприцепов, производство прочих транспортных средств [Городникова и др., 2017: 52–54].*

2 . Данные Евростата и ЮНКТАД [Гладков, 2020: 59].

3 . Исландия, Лихтенштейн, Норвегия и Швейцария входят в общий рынок ЕС, но не в его таможенный союз.

так и высокотехнологичного сектора, в частности, увеличились на 100% и более (см. табл. 1).

Таблица 1

Европейские страны – лидеры промышленного роста в 1995–2018 гг.

№	*Страна*	*Прирост стоимости продукции обрабатывающей промышленности, %*	*Прирост стоимости продукции высокотехнологичного сектора, %*
1.	Ирландия	807	955
2.	Литва	639	789
3.	Эстония	522	693
4.	Румыния	417	511
5.	Словакия	385	630
6.	Болгария	363	510
7.	Чехия	322	552
8.	Латвия	281	697
9.	Польша	267	318
10.	Венгрия	257	498
11.	Исландия	154	171
12.	Словения	130	207

Источник: таблица составлена авторами на основе таблиц 2–3 Приложения.

Корреляционный анализ на основе прямых и обратных связей

Неудивительно, что как раз преимущественно для этих стран в период расцвета глобализационных процессов (1995–2008), нашедшего свое выражение в значительном расширении «нисходящих» (обратных)[4] и «восходящих» (прямых)[5] связей для подавляющего числа государств (см. табл. 4), корреляция как Backward (далее – BW), так и Forward (далее – FW) GVC Participation с долей национальных обрабатывающих производств в стоимости продукции обрабатывающей промышленности всего мира составляет более +0,5 (что соответствует средней, высокой и очень высокой силе прямой связи). На практике это означало активное включение «малых» стран Европы, особенно тех, что прежде находились в советской зоне экономического

4. Масштаб «нисходящих связей» измеряется посредством Backward GVC Participation (доля созданной за рубежом добавленной стоимости в стоимости экспортной продукции данной страны).

5. Масштаб «восходящих связей» измеряется посредством Forward GVC Participation (доля добавленной стоимости данной страны в стоимости экспортной продукции других стран).

влияния (так называемые «новые европейские страны»), в глобальные производственные цепочки, контролируемые бизнесом «европейских гигантов».

Так, крупнейшим автопроизводителем на территории стран Центральной и Восточной Европы является Volkswagen Group со штаб-квартирой в Германии, основные промышленные мощности которого находятся в Чехии, Польше и Венгрии. Значимую роль в данном регионе играют также французские группы Renault (представленная в Румынии и Словении) и Peugeot (работающая в Чехии и Словакии). В ЕС главными импортерами автомобилей из Центральной и Восточной Европы являются Германия, Франция, Великобритания и Италия [Возмилова и Волгина 2016, с. 9–10].

С «новыми европейскими странами» поделились своим промышленным потенциалом не только «европейские гиганты». Например, шведские ТНК лидируют по объемам накопленных прямых инвестиций во всех трех Балтийских странах. Инвесторы из Финляндии наиболее активны в Эстонии, тогда как ТНК из Нидерландов на втором месте в Латвии и Литве. «Замыкают тройку» норвежские ТНК [Кузнецов 2015, с. 39].

Среди «малых стран» Европы, продемонстрировавших в 1995–2018 гг. промышленный «рывок» и перечисленных выше, исторически «особняком» стоят Исландия и Ирландия. Однако если Исландия показала довольно «скромные» результаты, то Ирландия, в отличие от «новых европейцев», извлекавших выгоду преимущественно от включения национальных предприятий в производственные цепочки ЕС, стала одним из самых заметных в мире бенефициаров экономической глобализации.

Наряду с удачной промышленной и налоговой политикой Ирландии, свою роль сыграли субсидии через структурные фонды Европейского союза, потраченные в основном на развитие образования и транспортной инфраструктуры: дорог, мостов, портов и т.п. Это существенно повысило производительность ирландской экономики. Членство же в ЕС открыло для ирландских товаров и услуг один из крупнейших в мире рынков сбыта, что оказалось важным фактором для иностранных инвесторов. Такие технологические «гиганты», как Dell, Intel, Microsoft, Google и др., инвестировали десятки млрд долл. в Ирландию, создав производство и сервисные центры [Кокшаров 2009].

Возвращаясь к корреляционному анализу, отметим, что высокая положительная FW-корреляция с долей национальных обрабатывающих производств в стоимости продукции обрабатывающей промышленности всего мира означает, что страна увеличивала свою долю в мировой обрабатывающей промышленности за счет производства промежуточной промышленной продукции для экспорта в другие страны, которые использовали её для собственного экспорта. Высокая положительная BW-корреляция означает, что страна использовала импорт для наращивания экспорта своей промышленной продукции.

Данные таблицы 5 показывают, что высокие значения коэффициентов FW-корреляции (свыше 0,75) за период 1995–2018 гг. продемонстрировали только «новоевропейские» страны – Латвия, Литва, Румыния, а также маленькая Мальта. Значимые коэффициенты корреляции (от 0,60 до 0,75) показали Болгария, Венгрия, Чехия, Польша и крошечный Люксембург. Почти все развитые «староевропейские» страны показали отрицательные и незначимые коэффициенты корреляции.

Анализируя значимые положительные коэффициенты BW-корреляции (свыше +0,6), отмечаем, что почти тот же состав «новоевропейских» стран доказал свою способность успешно организовать импорт компонентов для наращивания собственного экспорта – Эстония, Латвия, Литва, Болгария, Польша, Венгрия, Словакия. Почти все «староевропейцы» продемонстрировали значимые отрицательные коэффициенты BW-корреляции, особенно четыре крупнейшие страны: Франция (–0,91), Германия (–0,81), Италия (–0,7), Великобритания (–0,89). Такие показатели корреляции доказывают, что данные страны именно за счет существенного роста аутсорсинга (положительный прирост BW, отраженный в таблице 4) ослабили свою промышленную базу и снизили долю национального промышленного производства в общемировом.

Для сравнения отметим противоположную ситуацию в Казахстане, который успешно проводил свою индустриализацию за счет импортозамещения (отрицательный коэффициент BW-корреляции –0,51) и добился заметного усиления своих промышленных позиций на мировой арене.

Подтверждает результаты наших расчетов исследование специалиста Венского института международных экономических исследований Р. Столлингера, посвященное структурным изменениям в европейской промышленности. Он на материалах базы данных WIOD за период 1995–2011 гг., показал, что промышленное производство в ЕС все больше концентрируется в центральноевропейском производственном ядре (ЦЕПЯ) – Германия, Австрия, Чехия, Словакия, Венгрия, Польша. Эти страны увеличили свою суммарную долю в добавленной стоимости экспорта европейской обрабатывающей промышленности с 34,5 до 42,6%, т.е. на 8,1 п.п., тогда как развитые страны Западной и Северной Европы уменьшили свою долю на 11,2 п.п., а страны Восточной и Южной Европы незначительно выросли на 3,1% [Stöllinger 2016, с. 12]. Этот «производственный разрыв» в Европе совпадает с углублением экономической интеграции в рамках глобальных ГЦС. Доклад показал, что члены ЦЕПЯ выигрывают от участия в ГЦС с точки зрения структурных изменений в сторону обрабатывающей промышленности, в то время как в других странах – членах ЕС участие в ГЦС ускоряет процесс деиндустриализации.

Очень показателен в этом плане пример Словакии, которая, благодаря крупным иностранным инвестициям в автомобилестроительную отрасль ста-

новится одной из ведущих европейских стран с развитой автосборкой. Автомобильная отрасль уже составляет 13% ВВП и 54% промышленного производства Словакии (в сравнении с 33 и 31% в Венгрии и Чехии), а также 33% промышленного экспорта страны. Одна из последних крупных сделок – решение концерна Вольво об инвестициях в размере 1,2 млрд долл. в строительство новейшего технологического завода по выпуску электромобилей в словацком Кошице, где уже размещены производственные площадки европейских Фольксваген, Пежо-Ситроен, Ягуар Лэнд Ровер, а также корейской КИА. При этом словацкое подразделение станет равноправным участником «европейского треугольника» Вольво, наряду с подразделениями в Бельгии и самой Швеции [Grzegorczyk 2022].

Казалось бы, Европа, перераспределив «внутри себя» промышленный потенциал, снизила производственные и транзакционные издержки, оптимизировала общеевропейское разделение труда и повысила региональный уровень конкурентоспособности. Вместе с тем цифры говорят обратное. В 1995–2018 гг. произошло заметное снижение глобального «веса» и обрабатывающей промышленности, и высокотехнологичного сектора всех стран, входящих в ЕС или имеющих с ним общий рынок: приблизительно с 31,22 до 20,90% и с 30,42 до 23,07% соответственно (см. табл. 2–3). Косвенным свидетельством утрачивания промышленных позиций Европы в мире является сокращение количества ее компаний в рейтинге Forbes Global 2000 с 513 до 426, или на 17% за посткризисное десятилетие 2008–2019 гг. [The World's Largest Public Companies 2020].

Тем временем, например, Китай, Южная Корея, Индия, Индонезия, Мексика, Турция, а также Россия и Казахстан существенно нарастили глобальный «вес» и собственной обрабатывающей промышленности, и национального высокотехнологичного сектора. При этом, если в 1995 г. Китайская Народная Республика по доле своих обрабатывающей промышленности и высокотехнологичного сектора в мировых объемах производства была примерно на уровне Великобритании (3,65 против 3,56% и 3,91 против 3,66% соответственно), то почти четверть века спустя (2018) оказалась «тяжелее» всего ЕС и европейских стран, входящих с ним в общий рынок: 26,73 против 20,90% и 25,21 против 23,07% соответственно. Если Южная Корея в 1995 г. уступала любому «европейскому гиганту», то теперь она практически сопоставима с Францией и Великобританией вместе взятыми: 3,32 против 3,90% – по первому показателю и 4,71 против 3,83% – по второму (2018).

Европейские ученые, использующие для анализа альтернативную базу данных WIOD, также выявили драматическое падение конкурентоспособности обрабатывающей промышленности Старого Света за последние 20 лет. Д.М. Турегано и Р. Маршински на основе методики Тиммера и др. [Timmer 2013] подсчитали доход, получаемый каждым региональным экономическим

центром от продажи конечной продукции за счет всех этапов создания стоимости в ГЦС [Turégano and Marschinski 2020]. Они выяснили что за 15 лет с 2000 по 2014 г. европейская обрабатывающая промышленность снизила свою долю с 30 до 22%. Причем в 2000 г. Европа обгоняла все прочие центры (США, Япония, Индия, Китай). США и Япония также уменьшили свою долю, но менее значительно – с 20 до 15% и с 10 до 7% соответственно. А вот Индия и особенно Китай серьезно увеличили свою долю в мировом «пироге» ГЦС – с 2 до 4%, и с 5 до 20% соответственно. В итоге уже к 2014 г. блок «старых» промышленно-развитых стран (Европа, США, Япония) создавал менее 50% добавленной стоимости в общемировых ГЦС обрабатывающей промышленности.

Отдельной проблемой является вопрос о влиянии валютной системы на промышленное развитие страны. Выше мы сформулировали тезис о том, что Германия, Франция, Италия, Великобритания в 1995–2018 гг. стали «донорами» капитала для других стран, входящих в Европейский союз или имеющих с ним общий рынок. Разделив оставшиеся страны ЕС на две группы (входящие в зону евро и сохранившие национальную валюту), получаем следующие данные.

В 2008–2018 гг. 63,64% (7 из 11) стран, имеющих собственную валюту, показали рост продукции обрабатывающей промышленности (см. табл. 2). По высокотехнологичным обрабатывающим производствам (см. табл. 3) эта доля еще выше – 72,73% (8 из 11 государств). Страны, входящие в зону евро, напротив, продемонстрировали более низкие показатели: 37,50% (6 из 16) и 62,50% (10 из 16) соответственно. При этом государства ЕС (без «европейских гигантов»), сохранившие национальную валюту в рейтинге Forbes Global 2000 за период 2008–2019 гг. «потеряли» только две компании (со 100 до 98, или –2,00%) в отличие от стран, входящих в зону евро, чьи «потери» составили 19,40% (со 134 до 108) предприятий.

Выводы

Во-первых, с середины 1990-х до конца 2010-х годов в Евросоюзе (в широком смысле: включая Швейцарию, Норвегию и Исландию) осуществлялось внутриблоковое перераспределение промышленного потенциала. Основными донорами выступили крупнейшие страны, а именно: Германия, Франция, Италия и Великобритания.

Во-вторых, выгодами от этого процесса за счет встраивания в международные производственные цепочки, конструируемые «европейскими гигантами», смогли воспользоваться почти исключительно «новые европейские государства», особенно центральноевропейские Польша, Чехия, Венгрия, Словакия (за счет теснейшей интеграции с Германией и Австрией), а также

Болгария, Ирландия, Исландия, Латвия, Литва, Румыния, Словения, Эстония. Корреляционный анализ подтвердил, что они существенно выиграли от включения в промышленные ГЦС как за счет прямых, так и обратных связей.

В-третьих, на фоне всех европейских стран, безусловно, сильно выделяется Ирландия. Благодаря сравнительно низким производственным издержкам, с одной стороны, а также исторической и языковой общности с главными англосаксонскими странами (Великобритания и США) – с другой, она, являясь и членом ЕС и участником зоны евро, стала своеобразным «окном» для выхода американских компаний на европейский рынок и продемонстрировала «экономическое чудо».

В-четвертых, предварительно установлено, что более успешное продвижение промышленных предприятий в ГЦС связано с сохранением странами собственной валюты. Вместе с тем данный вывод требует дополнительного эмпирического подтверждения.

Таким образом, объединенная (хотя и имеющая неодинаковый уровень интеграции) Европа за анализируемый период ощутимо утратила свои промышленные позиции. Транзит промышленных мощностей из «старой» в «новую» Европу не способствовал росту промышленной конкурентоспособности объединенной Европы, и прежде всего, стран ее традиционного промышленного ядра – Германия, Франция, Бенилюкс, Италия. Тем самым «староевропейцы» не сумели использовать вывод промышленных мощностей в «новоевропейские» страны для концентрации научно-технологических ресурсов на развитии высокотехнологичных промышленных отраслей.

Приложения

Таблица 2

Динамика развития обрабатывающих производств в европейских и других странах (1995–2018), %

№	*СТРАНА*	*Доля обрабатывающей промышленности в стоимости всего объема произведенных товаров и услуг*			*Прирост стоимости продукции обрабатывающей промышленности*		*Доля национальных обрабатывающих производств в стоимости продукции обрабатывающей промышленности всего мира*		
		1995	*2008*	*2018*	*1995–2008*	*2008–2018*	*1995*	*2008*	*2018*
СТРАНЫ, ВХОДЯЩИЕ В ЗОНУ ЕВРО									
1.	Австрия	20,51	20,00	19,46	75,44	2,88	0,76	0,74	0,56
2.	Бельгия	21,08	17,10	15,12	46,72	–7,22	0,94	0,77	0,53
3.	Германия	23,48	23,15	22,98	43,33	5,48	9,33	7,49	5,83
4.	Греция	12,59	10,68	9,79	117,67	–44,73	0,26	0,32	0,13
5.	Испания	17,92	14,31	13,13	112,92	–20,80	1,71	2,04	1,19
6.	Италия	21,66	17,83	17,72	68,60	–14,53	3,94	3,72	2,34
7.	Латвия	20,26	10,90	12,21	257,27	6,55	0,02	0,03	0,03
8.	Литва	19,85	18,09	18,40	552,12	13,34	0,02	0,07	0,06
9.	Люксембург	13,51	8,26	6,09	61,88	–5,56	0,04	0,04	0,03
10.	Нидерланды	17,17	13,41	13,18	64,10	–5,07	1,20	1,10	0,77
11.	Португалия	18,73	14,53	15,25	73,08	–4,34	0,34	0,33	0,23
12.	Республика Ирландия	22,11	20,00	35,13	264,01	149,18	0,23	0,48	0,87
13.	Республика Кипр	10,64	6,87	6,09	75,07	–21,59	0,02	0,02	0,01
14.	Республика Мальта	20,22	14,71	8,45	75,44	–3,00	0,01	0,01	0,01
15.	Словакия	24,64	22,88	22,63	353,36	7,01	0,08	0,19	0,15
16.	Словения	26,42	22,33	23,96	120,53	4,68	0,09	0,11	0,08
17.	Финляндия	25,58	24,58	17,91	107,40	–30,34	0,52	0,60	0,31
18.	Франция	16,98	12,87	11,46	39,64	–15,54	4,15	3,25	2,02
19.	Эстония	19,72	15,75	15,74	399,54	24,47	0,01	0,03	0,03
СТРАНЫ ЕС, НЕ ВХОДЯЩИЕ В ЗОНУ ЕВРО									
20.	Болгария	11,73	15,67	16,42	266,69	26,26	0,03	0,07	0,07
21.	Великобритания	17,22	10,78	10,37	36,78	–6,66	3,56	2,73	1,88
22.	Венгрия	22,52	22,59	23,50	243,80	3,76	0,15	0,30	0,23
23.	Дания	17,29	14,31	15,38	59,79	7,54	0,47	0,42	0,34
24.	Польша	22,92	19,52	20,23	220,45	14,52	0,49	0,89	0,75
25.	Румыния	25,74	24,95	21,22	437,98	–3,95	0,15	0,46	0,33
26.	Хорватия	22,44	16,25	15,36	127,57	–18,83	0,08	0,10	0,06
27.	Чехия	24,41	24,86	25,61	301,99	4,93	0,23	0,51	0,40
28.	Швеция	23,11	18,95	15,56	60,47	–11,81	0,94	0,84	0,55

Продолжение таблицы 2

№	*СТРАНА*	*Доля обрабатывающей промышленности в стоимости всего объема произведенных товаров и услуг*			*Прирост стоимости продукции обрабатывающей промышленности*		*Доля национальных обрабатывающих производств в стоимости продукции обрабатывающей промышленности всего мира*		
		1995	*2008*	*2018*	*1995–2008*	*2008–2018*	*1995*	*2008*	*2018*
ЕВРОПЕЙСКИЕ СТРАНЫ, ВХОДЯЩИЕ В ОБЩИЙ РЫНОК ЕС									
29.	Исландия	16,06	12,64	10,38	113,98	18,88	0,02	0,02	0,02
30.	Норвегия	13,56	9,22	7,21	111,64	–26,78	0,31	0,37	0,20
31.	Швейцария	20,29	21,23	19,10	68,83	15,07	1,12	1,06	0,90
ЕВРОПЕЙСКИЕ СТРАНЫ, НЕ ВХОДЯЩИЕ В ЕС									
32	Казахстан	10,74	10,88	11,28	567,82	33,12	0,04	0,13	0,13
33	Российская Федерация	17,96	19,06	16,77	449,14	–17,26	0,96	2,95	1,80
34	Турция	24,53	19,19	21,78	160,21	15,47	0,87	1,27	1,08
КРУПНЕЙШИЕ ПРОМЫШЛЕННЫЕ НЕЕВРОПЕЙСКИЕ СТРАНЫ									
35	Китайская Народная Республика	31,13	34,03	29,42	574,56	162,88	3,65	13,79	26,73
36	Соединенные Штаты Америки	17,41	13,03	11,87	44,51	27,41	21,21	17,17	16,13
37	Япония	25,05	22,92	22,52	–15,32	–4,17	21,86	10,37	7,33
38	Республика Корея	27,52	29,18	29,71	99,89	66,96	2,41	2,70	3,32
39	Индия	21,61	19,07	17,95	208,64	103,94	1,25	2,16	3,24
40	Бразилия	18,99	19,90	14,41	131,59	–20,19	2,20	2,86	1,68
41	Мексика	20,60	16,75	19,23	153,54	23,26	1,18	1,67	1,52
42	Индонезия	24,85	25,32	20,87	134,16	54,58	0,96	1,26	1,43
43	Канада	18,68	12,00	11,13	65,89	2,23	1,76	1,64	1,23
44	Тайвань	28,18	26,22	30,55	39,79	65,48	1,25	0,98	1,20
45	**Мир**	20,51	17,75	17,89	78,50	35,62	–	–	–

Источник: таблица составлена авторами на основе: Trade in Value Added: 2021 / OECD. – URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=TIVA_2021_C1 (дата обращения: 23.02.2023).

Таблица 3

Динамика развития высокотехнологичных производств в европейских и других странах (1995–2018), %

№	*СТРАНА*	*Доля высокотехнологических производств в стоимости продукции обрабатывающей промышленности*			*Прирост стоимости продукции высокотехнологических производств*		*Доля национальных высокотехнологических производств в стоимости продукции высокотехнологичного сектора всего мира*		
		1995	*2008*	*2018*	*1995–2008*	*2008–2018*	*1995*	*2008*	*2018*
СТРАНЫ, ВХОДЯЩИЕ В ЗОНУ ЕВРО									
1.	Австрия	34,92	42,94	44,98	115,75	7,76	0,61	0,74	0,57
2.	Бельгия	43,55	41,44	46,91	39,60	5,03	0,94	0,74	0,56
3.	Германия	51,54	56,95	61,61	58,36	14,11	11,08	9,85	8,13
4.	Греция	21,67	18,10	20,56	81,73	–37,21	0,13	0,13	0,06
5.	Испания	34,43	33,79	35,44	108,98	–16,92	1,35	1,59	0,95
6.	Италия	32,88	35,85	39,71	83,81	–5,33	2,98	3,08	2,11
7.	Латвия	9,71	16,69	20,32	514,24	29,72	0,00	0,01	0,01
8.	Литва	17,06	22,14	20,52	746,56	5,01	0,01	0,04	0,03
9.	Люксембург	23,28	20,47	21,71	42,29	0,18	0,02	0,02	0,01
10.	Нидерланды	39,07	44,57	45,97	87,18	–2,09	1,08	1,13	0,80
11.	Португалия	24,12	24,20	24,36	73,67	–3,72	0,19	0,18	0,13
12.	Республика Ирландия	52,93	52,61	61,59	261,80	191,69	0,28	0,58	1,22
13.	Республика Кипр	8,89	10,92	19,05	115,00	36,84	0,00	0,00	0,00
14.	Республика Мальта	28,92	38,05	30,93	130,85	–21,14	0,01	0,01	0,01
15.	Словакия	29,55	39,53	44,45	506,54	20,31	0,05	0,18	0,15
16.	Словения	33,72	43,88	44,82	186,95	6,93	0,07	0,11	0,08
17.	Финляндия	35,25	50,42	44,31	196,70	–38,79	0,42	0,70	0,31
18.	Франция	39,09	40,25	40,85	43,79	–14,26	3,74	3,02	1,87
19.	Эстония	19,54	25,65	24,93	555,68	20,99	0,01	0,02	0,02
СТРАНЫ ЕС, НЕ ВХОДЯЩИЕ В ЗОНУ ЕВРО									
20.	Болгария	21,88	21,66	28,83	263,05	68,06	0,02	0,04	0,04
21.	Великобритания	44,65	44,11	46,06	35,14	–2,54	3,66	2,78	1,96
22.	Венгрия	32,89	51,93	55,17	442,87	10,23	0,12	0,36	0,29
23.	Дания	40,49	46,24	56,16	82,47	30,61	0,44	0,45	0,43
24.	Польша	25,47	28,87	29,03	263,18	15,15	0,29	0,59	0,49
25.	Румыния	27,85	26,51	32,94	412,23	19,35	0,10	0,28	0,24
26.	Хорватия	27,18	28,30	23,32	136,92	–33,12	0,05	0,06	0,03
27.	Чехия	32,30	43,79	49,96	445,04	19,71	0,17	0,52	0,45
28.	Швеция	49,66	52,13	52,91	68,47	–10,49	1,07	1,01	0,66

Продолжение таблицы 3

№	*СТРАНА*	*Доля высокотехнологических производств в стоимости продукции обрабатывающей промышленности*			*Прирост стоимости продукции высокотехнологических производств*		*Доля национальных высокотехнологических производств в стоимости продукции высокотехнологичного сектора всего мира*		
		1995	*2008*	*2018*	*1995–2008*	*2008–2018*	*1995*	*2008*	*2018*
ЕВРОПЕЙСКИЕ СТРАНЫ, ВХОДЯЩИЕ В ОБЩИЙ РЫНОК ЕС									
29.	Исландия	10,51	10,70	11,22	117,84	24,61	0,00	0,00	0,00
30.	Норвегия	33,81	40,05	34,54	150,71	-36,85	0,24	0,34	0,16
31.	Швейцария	49,83	58,38	62,78	97,80	23,73	1,29	1,43	1,28
ЕВРОПЕЙСКИЕ СТРАНЫ, НЕ ВХОДЯЩИЕ В ЕС									
32.	Казахстан	8,13	8,20	11,28	573,38	83,19	0,01	0,03	0,03
33.	Российская Федерация	22,78	22,36	23,98	439,01	-11,27	0,50	1,52	0,98
34.	Турция	25,69	26,33	25,91	166,71	13,64	0,51	0,77	0,63
КРУПНЕЙШИЕ ПРОМЫШЛЕННЫЕ НЕЕВРОПЕЙСКИЕ СТРАНЫ									
35.	Китайская Народная Республика	46,52	46,29	41,64	571,13	136,48	3,91	14,73	25,21
36.	Соединенные Штаты Америки	48,32	48,68	51,84	45,61	35,66	23,60	19,29	18,94
37.	Япония	48,62	51,86	51,46	–9,68	-4,91	24,47	12,41	8,54
38.	Республика Корея	49,04	54,16	62,55	120,77	92,85	2,72	3,37	4,71
39.	Индия	27,16	35,20	38,66	299,96	124,03	0,78	1,75	2,84
40.	Бразилия	34,66	39,16	32,25	161,67	-34,27	1,76	2,58	1,23
41.	Мексика	38,50	39,98	47,60	163,31	46,74	1,04	1,54	1,64
42.	Индонезия	23,70	23,87	26,22	135,78	69,78	0,52	0,69	0,85
43.	Канада	43,27	35,47	37,42	35,98	7,86	1,75	1,34	1,05
44.	Тайвань	59,20	64,57	67,68	52,46	73,46	1,70	1,46	1,83
45.	**Мир**	43,43	43,34	44,16	78,14	38,18	-	-	-

Источник: таблица составлена авторами на основе: Trade in Value Added: 2021 / OECD. – URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=TIVA_2021_C1 (дата обращения: 23.02.2023).

Таблица 4

Динамика прямых (FW) и обратных (BW) связей в обрабатывающей промышленности европейских стран (1995–2018), прирост в %

№	*СТРАНА*	*BW, %*			*FW, %*		
		1995	*2008*	*2018*	*1995*	*2008*	*2018*
СТРАНЫ, ВХОДЯЩИЕ В ЗОНУ ЕВРО							
1.	Австрия	27,8	36,8	40,1	12,4	17,2	17,1
2.	Бельгия	40,5	50,1	46,9	12,4	14,5	14,2
3.	Германия	17,0	27,1	27,5	15,2	16,8	17,0
4.	Греция	22,7	36,9	46,8	8,2	10,6	9,6
5.	Испания	26,6	35,7	34,9	10,6	12,2	13,3
6.	Италия	20,8	29,7	29,1	10,8	13,6	14,6
7.	Латвия	24,2	29,9	30,0	12,4	14,3	13,3
8.	Литва	36,9	45,5	42,2	9,0	11,3	12,6
9.	Люксембург	48,2	59,6	60,0	10,6	7,9	6,5
10.	Нидерланды	31,7	39,0	45,4	12,2	17,4	14,5
11.	Португалия	30,8	39,3	42,5	9,0	11,7	11,1
12.	Республика Ирландия	38,5	47,1	40,5	8,7	8,2	8,2
13.	Республика Кипр	43,2	41,2	29,4	4,6	8,1	6,0
14.	Республика Мальта	54,6	58,0	45,1	5,8	4,3	4,7
15.	Словакия	40,0	54,9	57,8	13,1	14,1	15,2
16.	Словения	35,7	44,8	45,3	9,7	13,3	15,0
17.	Финляндия	25,6	36,9	34,3	15,1	15,6	16,2
18.	Франция	21,5	30,6	33,8	13,0	14,8	15,0
19.	Эстония	40,9	42,3	46,1	10,1	12,3	11,1
СТРАНЫ ЕС, НЕ ВХОДЯЩИЕ В ЗОНУ ЕВРО							
20.	Болгария	23,6	56,3	49,2	11,5	10,5	13,0
21.	Великобритания	20,6	29,4	30,0	12,7	15,0	13,8
22.	Венгрия	35,5	57,4	56,9	9,2	10,9	12,5
23.	Дания	25,1	33,3	29,0	10,2	13,9	10,9
24.	Польша	19,9	38,3	40,0	13,0	16,0	16,6
25.	Румыния	22,3	27,7	29,8	12,0	15,3	16,7
26.	Хорватия	29,9	37,3	35,3	8,3	8,3	8,6
27.	Чехия	30,2	45,7	49,4	12,5	15,3	15,3
28.	Швеция	27,0	35,0	34,1	13,7	14,1	14,6
ЕВРОПЕЙСКИЕ СТРАНЫ, ВХОДЯЩИЕ В ОБЩИЙ РЫНОК ЕС							
29.	Исландия	20,8	31,0	34,1	7,7	17,3	11,9
30.	Норвегия	26,6	32,5	32,7	20,4	29,9	28,0
31.	Швейцария	27,0	33,2	29,8	9,9	11,3	11,9
ЕВРОПЕЙСКИЕ СТРАНЫ, НЕ ВХОДЯЩИЕ В ЕС							
32.	Казахстан	19,3	22,4	13,2	20,7	30,1	33,8
33.	Российская Федерация	10,8	11,2	11,8	18,1	28,5	27,2
34.	Турция	10,7	26,8	26,5	8,3	12,8	14,3

Источник: таблица составлена авторами на основе: Trade in Value Added: 2021 / OECD. – URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=TIVA_2021_C1 (дата обращения: 23.02.2023).

Таблица 5

Коэффициенты корреляции FW и BW с долей национальных обрабатывающих производств в стоимости продукции обрабатывающей промышленности всего мира (1995–2018)

№	*СТРАНА*	*BW-корреляция*	*FW-корреляция*
СТРАНЫ, ВХОДЯЩИЕ В ЗОНУ ЕВРО			
1.	Австрия	–0,66	–0,55
2.	Бельгия	–0,67	–0,20
3.	Германия	–0,81	–0,47
4.	Греция	–0,73	–0,24
5.	Испания	–0,34	–0,55
6.	Италия	–0,70	–0,75
7.	Латвия	0,61	0,79
8.	Литва	0,74	0,86
9.	Люксембург	–0,78	0,71
10.	Нидерланды	–0,91	–0,28
11.	Португалия	–0,83	–0,28
12.	Республика Кипр	0,59	–0,07
13.	Республика Ирландия	–0,14	–0,43
14.	Республика Мальта	–0,19	0,85
15.	Словакия	0,86	0,41
16..	Словения	0,00	–0,44
17.	Финляндия	–0,45	0,21
18.	Франция	–0,91	–0,67
19.	Эстония	0,59	0,51
СТРАНЫ ЕС, НЕ ВХОДЯЩИЕ В ЗОНУ ЕВРО			
20.	Болгария	0,79	0,61
21.	Великобритания	–0,89	0,17
22.	Венгрия	0,62	0,59
23.	Дания	–0,56	0,21
24.	Польша	0,83	0,62
25.	Румыния	0,32	0,78
26.	Хорватия	0,43	–0,54
27.	Чехия	0,81	0,64
28.	Швеция	–0,58	–0,54
ЕВРОПЕЙСКИЕ СТРАНЫ, ВХОДЯЩИЕ В ОБЩИЙ РЫНОК ЕС			
29.	Исландия	–0,42	–0,27
30.	Норвегия	–0,07	–0,15
31.	Швейцария	0,07	–0,31
ЕВРОПЕЙСКИЕ СТРАНЫ, НЕ ВХОДЯЩИЕ В ЕС			
32.	Казахстан	–0,52	0,90
33.	Российская Федерация	–0,13	0,87
34.	Турция	0,64	0,65

Источник: таблица составлена авторами на основе: Trade in Value Added: 2021 / OECD. – URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=TIVA_2021_C1 (дата обращения: 23.02.2023).

Библиография

Возмилова С.С., Волгина, Н.А. Автомобилестроение в странах Центральной Восточной Европы: современные тенденции развития // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2016. № 1. С. 7–21.

Гладков И.С. Внешнеторговые связи Евросоюза в условиях нестабильности мировой экономики // Современная Европа. 2020. № 7. С. 56–66. URL: http://www.sov-europe.ru/images/pdf/2020/7-2020/Gladkov-7-20.pdf (дата обращения: 23.02.2023).

Городникова Н.В., Гохберг Л.М., Дитковский К.А. и др. Индикаторы инновационной деятельности: статистический сборник // М.: НИУ ВШЭ.

Кокшаров А. Похождения кельтского тигра // Эксперт. 2009. 28 дек. URL: https://expert.ru/expert/2010/01/pohozhdeniya_keltskogo_tigra/ (дата обращения: 23.02.2023).

Кузнецов А.В. Место стран Балтии в географических сегментах крупнейших ТНК Европы // Балтийский регион. № 1 (23). С. 36–48.

Толкачев С.А., Побываев С.А. Неоиндустриализация как ответ на кризис существующей системы глобализма // Научные труды Вольного экономического общества России. 2016. Т. 197. № 1. С. 129–140.

Gereffi G.A. Commodity Chains Framework for Analysing Global Industries // Brighton: Institute of Development Studies. 1998. Vol. 12. P. 1–9.

Gereffi G., Korzeniewicz M. Commodity Chains and Global Capitalism // Greenwood Press, Westport. 1994.

Grzegorczyk M. Volvo investment will make Slovakia's biggest industry – car manufacturing – even bigger // Emerging Europe. July, 2022. URL: https://emerging-europe.com/business/volvo-investment-will-make-slovakias-biggest-industry-car-manufacturing-even-bigger/ (дата обращения: 23.02.2023).

Staritz C., Gereffi G., Cattaneo O. Global Value Chains in a Postcrisis World: A Development Perspective // World Bank Publications, Washington, D.C. 2010. URL: http://www.cggc.duke.edu/pdfs/Gereffi_ GVCs_in_the_Postcrisis_World_Book.pdf (дата обращения: 23.02.2023).

Stöllinger R. Structural Change and Global Value Chains in the EU // The Vienna Institute for International Economic Studies. Working Paper. July, 2016. № 127.

The World's Largest Public Companies // Microsoft Power BI Community. November, 2000. URL: https://community.powerbi.com/t5/Data-Stories-Gallery/FORBES-GLOBAL-2000-The-World-s-Largest-Public-Companies/m-p/1545558 (дата обращения: 23.02.2023).

Timmer M.P., Los B., Stehrer R., Vries G., de. Fragmentation, Incomes and Jobs: an Analysis of European Competitiveness // Economic Policy. *2013.* № 28(76). URL: https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwps/ecbwp1615.pdf (дата обращения: 23.02.2023).

Trade in Value Added: 2021 // OECD. Stat. URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=TIVA_2021_C1 (дата обращения: 23.02.2023).

Turégano, D.M., Marschinski, R. Electronics Lead Concerns over the EU's Declining Share in Global Manufacturing Value Chains // CEPR. Aug., 2020. URL: https://voxeu.org/article/eu-s-declining-share-global-manufacturing-value-chains (дата обращения: 23.02.2023).

References

Gereffi G. A Commodity Chains Framework for Analysing Global Industries. Brighton: Institute of Development Studies. 1998. Vol. 12. P. 1–9.

Gereffi G., Korzeniewicz M. Commodity Chains and Global Capitalism. Greenwood Press, Westport. 1994.

Gladkov I.S. Vneshnetorgovy`e svyazi Evrosoyuza v usloviyax nestabil`nosti mirovoj ekonomiki [Foreign Trade Relations of the European Union in the Conditions of Instability of the World Economy]. Sovremennaya Evropa. N 7. P. 56–66.

Gorodnikova N.V., Gohberg L.M., Ditkovskij K.A. ets. Indikatory innovacionnoj deyatel`nosti: 2017: statisticheskij sbornik [Indicators of Innovation Activity: 2017: Statistical Collection]. Moscow: NIU VShE. 2017.

Grzegorczyk M. Volvo investment will make Slovakia's biggest industry – car manufacturing – even bigger. Emerging Europe. July, 2022. URL: https://emerging-europe.com/business/volvo-investment-will-make-slovakias-biggest-industry-car-manufacturing-even-bigger/ (date of access: 23.02.2023).

Grzegorczyk M. Volvo investment will make Slovakia's biggest industry – car manufacturing – even bigger. Emerging Europe. July, 2022. URL: https://emerging-europe.com/business/volvo-investment-will-make-slovakias-biggest-industry-car-manufacturing-even-bigger/ (date of access: 23.02.2023).

Koksharov A. (2009) Pohozhdeniya kel'tskogo tigra [Adventures of the Celtic Tiger], Ekspert. Dec, 2018. URL: https://expert.ru/expert/2010/01/pohozhdeniya_keltskogo_tigra/ (date of access: 23.02.2023).

Kuznecov, A.V. Mesto stran Baltii v geograficheskih segmentah krupnejshih TNK Evropy [The Place of the Baltic States in the Geographical Segments of the Largest TNCs in Europe], Baltijskij region. 2015. N 1 (23). P. 36–48.

Staritz, C., Gereffi, G., Cattaneo, O. Global Value Chains in a Postcrisis World: A Development Perspective. World Bank Publications, Washington, D.C. 2010. URL: http://www.cggc.duke.edu/pdfs/Gereffi_ GVCs_in_the_Postcrisis_World_Book.pdf (date of access: 23.02.2023).

Stöllinger, R. Structural Change and Global Value Chains in the EU. The Vienna Institute for International Economic Studies. Working Paper. July, 2016. N 127.

The World's Largest Public Companies. Microsoft Power BI Community. November, 2000. URL: https://community.powerbi.com/t5/Data-Stories-Gallery/FORBES-GLOBAL-2000-The-World-s-Largest-Public-Companies/m-p/1545558 (date of access: 23.02.2023).

Timmer M.P., Los B., Stehrer R. and de Vries G. Fragmentation, Incomes and Jobs: an Analysis of European Competitiveness. Economic Policy. 2013. N 28(76). URL: https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwps/ecbwp1615.pdf (date of access: 23.02.2023).

Tolkachev S.A., Pobyvaev, S.A. Neoindustrializaciya kak otvet na krizis sushhestvuyushhej sistemy globalizma [Neo-industrialization as a Response to the Crisis of the Existing System of Globalism], Nauchny`e trudy Vol`nogo ekonomicheskogo obshhestva Rossii. 2016. Vol. 197. N 1. P. 129–140.

Trade in Value Added. OECD. 2021. URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=TIVA_2021_C1 (date of access: 23.02.2023).

Turégano D.M., Marschinski R. Electronics Lead Concerns over the EU's Declining Share in Global Manufacturing Value Chains. Aug., 2020. URL: https://voxeu.org/article/eu-s-declining-share-global-manufacturing-value-chains (date of access: 23.02.2023).

Vozmilova S.S., Volgina N.A. Avtomobilestroenie v stranah Central'noj Vostochnoj Evropy: sovremennye tendencii razvitiya [Automotive Industry in the Countries of Central Eastern Europe: Current Development Trends]. Vestnik RUDN. Seriya «Ekonomika». 2016. N 1. P. 7–21.

DOI: 10.31249/rsm/2023.04.06

О.Н. Новикова

УЛЬТРАПРАВЫЕ: ВЗАИМОСВЯЗЬ ВНУТРЕННЕЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ УГРОЗЫ

Аннотация. *В статье рассматривается угроза ультраправого экстремизма, которая существует как во внутреннем, так и в международном измерении. В фокусе исследования изучение антиправительственных экстремистских идей и основных организаций, которые сейчас выдвигаются на первый план и оцениваются как реальная и растущая угроза для Соединенных Штатов Америки и не только. Антиправительственные ультраправые отказывают государственным властям в легитимности, принципиально не желая подчиняться их правилам и предписаниям. Они предпринимают коллективные действия, а также используют насилие и угрозы в отношении политиков и представителей правительства. В статье анализируется деятельность наиболее влиятельных движений антиправительственных экстремистов «Хранители присяги» и «Суверенные граждане», которые рассматриваются властями как угроза для внутренней безопасности Соединенных Штатов. Не пожелав отделять ультраправый экстремизм от проявления политического инакомыслия и исходя из политических соображений, американские власти причислили протестующих у Капитолия людей, уверенных в фальсификации выборов президента, к ультраправым террористам. В статье зафиксирован процесс интернационализации активности ультраправых. Связующим звеном во взаимодействии ультраправых Европы и Америки является украинская партия Национальный корпус[1]. В работе освещается проблема участия иностранных боевиков ультраправых убеждений в конфликте на Украине. Идеологической мотивацией их приезда на Украину является «борьба с коммунистическим влиянием и угрозой со стороны неосоветской России». Показана эволюция отношения европейских столиц к боевикам, направляющимся на Украину – от однозначной поддержки до опасений, что боевики, действуя в идеологизированной среде, получив боевой опыт и оружие, при возвращении, создавая транснациональные сети единомышленников, могут способствовать усилению правого экстремизма в евроатлантических странах.*

Ключевые слова: *ультраправый экстремизм; антиправительственный экстремизм; терроризм; Соединенные Штаты; Украина; иностранные боевики.*

1. Запрещена в РФ.

**Новикова Ольга Николаевна – кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник Института научной информации
по общественным наукам РАН. Россия, Москва.
E-mail: inionnovikova@gmail.com**

Novikova O.N. The Far-Right: Interplay of domestic and international threats

Abstract. *This article examines the threat of right-wing extremism, which exists in both the domestic and international dimensions. The focus of the study is on anti-government extremist ideas and major organizations that are now coming to the fore and are assessed as a real and growing threat to the United States and beyond. The anti-government far-right denies the legitimacy of state authorities and is fundamentally unwilling to obey their rules and regulations. It takes collective action, as well as violence and threats against politicians and government officials. This article analyzes the activities of the most influential anti-government extremist movements, the Oath Keepers and Sovereign Citizens, which are seen by authorities as a threat to the domestic security of the United States. U.S. authorities have classified people who occupied the Capitol Building, convinced that the presidential election had been rigged, as far-right terrorists. Based on political considerations, the American establishment did not want to separate far-right extremism from political dissent. The article records the process of internationalization of far-right activity. The link in the interaction between the European and American far-right is the Ukrainian party National Corps. The paper highlights the problem of the participation of foreign fighters of the far-right persuasion in the conflict in Ukraine. Their ideological motivation for coming to Ukraine is «to support Ukraine against the influence of communism and what they view as the threat of a neo-Soviet Russia». The paper shows the evolution of European leadership's attitudes toward militants going to Ukraine, from unequivocal support to fears that foreign fighters, acting in an ideologized environment, gaining combat experience and weapons, may upon their return contribute to the strengthening of right-wing extremism in Euro-Atlantic countries by creating transnational networks of like-minded individuals.*

Keywords: *right-wing extremism; anti-government extremism; terrorism; the United States; Ukraine; foreign fighters.*

**Novikova Olga Nikolaevna – Candidate of Historical Sciences,
Leading Researcher at the Institute of Scientific Information
on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences.
Russia, Moscow.
E-mail: inionnovikova@gmail.com**

Современный насильственный правый экстремизм[2] не является монолитным блоком. Он включает различные идеологические течения. Это неонацистские, антиисламские, антимигрантские, идентаристские, ультранационалистические, неофашистские, крайне правые движения суверенных граждан, экстремисты-одиночки [Pauwels 2021]. Среди движений, выдвинувшихся на первый план в последние годы, антиправительственный экстремизм.

Антиправительственный экстремизм в США

На первый взгляд кажется, что термин «антиправительственный экстремизм» полностью исчерпывает его содержание: это экстремизм, направленный против правительства, против власти. Но при ближайшем рассмотрении приходит понимание, что этот термин слишком широк, поскольку практически все разновидности экстремистских идеологий имеют своей стратегической целью заставить власть изменить свои решения или установленный властью порядок вещей. Точнее будет сформулировать, что антиправительственный экстремизм сфокусирован на действующей власти как источнике всех кризисных явлений в государстве. С. Джексон, доцент Колледжа готовности к чрезвычайным ситуациям, внутренней безопасности и кибербезопасности Университета Олбани, предлагает различать собственно идеологический антиправительственный экстремизм и экстремизм, возникший в результате неверной, по мнению протестующих, позиции властей по какому-то конкретному вопросу. Это могут быть ограничительные меры правительства во время пандемии COVID-19, иммиграционная политика, позиция в отношении абортов и т.д. Как на практике отличить идеологический экстремизм от «проблемного»? Граница эта может быть размыта, однако очевидно, что никакие действия правительства, его попытки решить возникшую проблему, выйти из кризиса, не могут удовлетворить «идеологических» антиправительственных экстремистов. Антиправительственные экстремисты включены в Соединенных Штатах в категорию внутреннего терроризма. Это зафиксировано в документе под названием «Анализ стратегической разведки и информация о внутреннем терроризме», представленном на рассмотрение профильных комитетов Конгресса Федеральным бюро расследований (ФБР) и Министерством внутренней безопасности (МВБ) США. В документе определяются пять категорий внутреннего терроризма: насильственный экстремизм на расовой

2. В докладе Генерального секретаря Генеральной Ассамблеи ООН 2015 г. термин насильственный экстремизм, как и терроризм, не имеет общепризнанного определения. Воинствующий экстремизм охватывает более широкую категорию проявлений, чем терроризм, поскольку включает формы идеологически мотивированного насилия, которые не могут считаться террористическими актами [План действий 2015].

или этнической почве, насильственный экстремизм в защиту прав животных / окружающей среды, насильственный экстремизм, связанный с абортами, *антиправительственный воинствующий экстремизм* и другие угрозы внутреннего терроризма. Притом указывается, что самый значительный процент расследований преступлений *антиправительственного характера* (38%) был зафиксирован в 2021 г., что связано с «осадой Капитолия» в январе 2021 г. и включением ее участников в категорию внутренних террористов. Заметим, что в предшествующем году самый высокий процент расследований (40%) приходился на преступления на расовой и этнической почве [Strategic Intelligence 2022, p. 20].

Известно, что исламские террористы, определяя целевые группы людей для нападения, рассматривали их через призму «ближний» или «дальний» враг. В свою очередь крайне правые террористы также осуществили такое разделение. В качестве «дальнего врага» они определили такую аут-группу как афроамериканцы, иммигранты и представители ЛГБТ-сообщества, которые, по мнению ультраправых, реализуют приписываемый им проект «великого замещения» белого населения Европы и Америки населением «цветным», ставя под угрозу всю «белую» цивилизацию. А в группу «ближних врагов» они включили левых активистов, еврейскую элиту и представителей власти. В умах ультраправых идея «великого замещения» выходит за пределы конкретной группы меньшинств. Опираясь на теорию заговора, крайне правые активисты обвиняют «ближнего врага», а это может быть правительство, политический класс, еврейские элиты, за то, что они допускают «демографическое и культурное замещение» [Ware, Clarke 2022, p. 1]. Так что антиправительственные экстремисты преследуют «внутреннего врага».

В ранее упомянутом документе, разработанном в ФБР и МВБ, дается определение насильственному экстремизму, направленному против правительства и власти: «Эта категория угроз включает в себя потенциально незаконное применение силы или насилия или угрозу применения силы или насилия в нарушение федерального закона, в поддержку политических и / или социальных целей, которые, как считается, проистекают из антиправительственных или направленных против власти настроений, включая противодействие предполагаемой экономической, социальной или расовой иерархии или предполагаемого превышения полномочий, халатности или нелегитимности правительства. Эта категория угроз обычно включает угрозы со стороны анархистских насильственных экстремистов (AVE), насильственных экстремистов-ополченцев (MVE) и насильственных экстремистов-суверенных граждан (SCVE)» [Strategic Intelligence 2022, p. 5]. В соответствии с этим документом, изданным в Соединенных Штатах, мы не можем рассматривать антиправительственный экстремизм как подкатегорию правого экстремизма, поскольку

туда включаются анархистские экстремисты, обычно относящиеся к левому лагерю. Хотя очевидно, что в последние годы самые влиятельные антиправительственные движения принадлежали к правому направлению, и в подавляющем большинстве исследований антиправительственный экстремизм причисляется к правому лагерю.

Интересно отметить, что влияние крайне правой идеологии на организационную структуру государства в Европе и Соединенных Штатах Америки было диаметрально противоположным. В Европе это влияние способствовало образованию сильных тоталитарных государств, которыми руководили диктаторы Муссолини, Гитлер и Франко. В Соединенных Штатах деятельность крайне правых была направлена на борьбу с чрезмерной, как им казалось, властью федерального правительства. Такое мнение было распространено и в Республиканской партии. Подобное мировоззрение имеет давнюю традицию выступлений против федерального правительства, восходящую к событиям, приведшим к Гражданской войне в Америке и ее последствиям в 1860-х годах. В русле этой же тенденции проходила деятельность Ку-клукс-клана и позднее Отряда Comitatus (Posse comitatus). В XX–XXI вв. распространение получили ополченческие движения, особенно опасные тем, что его члены, располагая огнестрельным оружием, участвовали в столкновениях с полицией и совершали террористические акты.

Одна из самых известных ополченческих организаций США – это «Хранители присяги», предрекающие рядовым американским гражданам неизбежный конфликт с правительством. Принято считать, что организация возникла 19 апреля 2009 г., когда на митинге основатель группы Стюарт Родс, бывший десантник, выпускник Йельского университета, представил «Декларацию приказов, которым мы не будем подчиняться». Все собравшиеся принесли торжественную присягу.

В учредительном документе указываются вероятные правительственные приказы, которым члены организации не собираются подчиняться. Среди них конфискация огнестрельного оружия, введение военного положения, использование иностранных войск на территории США.

Основа мировоззрения группы – решительная оппозиция федеральным властям. Врагами макроуровня «хранители присяги» считают марксизм и Организацию Объединенных Наций. Члены группы, увлекаясь теориями заговоров, считают, что глобальные институты навязывают идеи марксизма и социализма американским гражданам. Но не меньшими угрозами в их представлении являются тиранические действия исполнительной власти, и «хранители присяги» допускают возможность насильственной смены правительства США, которое, якобы, лишает граждан страны их естественных прав. Когда начали набирать силу движения Black Lives Matter и антифашистские группы, «хранители присяги» решительно выступили против них, хотя «хра-

нителей» нельзя причислить к расистам, поскольку расизм они публично отвергают [Kriner, Lewis 2021, p. 2].

Структура организации довольно рыхлая, местные отделения нередко действуют вне контроля национального руководящего совета, состоящего из совета директоров во главе с Родсом. Предполагается, что в организации «Хранители присяги» насчитывается до 3 тыс. активных членов, и она имела на своей странице в Facebook 500 тыс. подписчиков. Основной состав группы – это военные (действующие или отставники), сотрудники правоохранительных органов – люди, давшие присягу защищать Конституцию Соединенных Штатов. Именно поэтому организация называется «Хранители присяги». В настоящее время можно говорить об общей тенденции проникновения лиц экстремистских наклонностей в вооруженные силы США, растет их число и среди ветеранов, что является наихудшим сценарием слияния экстремистской идеологии с военным опытом. Часть экстремистов приходят на военную службу в целях получения боевой подготовки. Но многих вербуют радикальные группировки, в том числе «Хранители присяги». Вербовку упрощает посттравматический синдром, потеря цели и чувства боевого товарищества у ветеранов, а также растерянность и неуверенность в себе новобранцев в новых условиях.

До января 2020 г. «хранители присяги» только иногда прибегали к насильственным действиям, свои функции они ограничивали охранными мероприятиями во время демонстраций и акций протеста, заявляя о себе как о силе, способной препятствовать беспорядкам и погромам на улицах. Конечно, они занимались и деятельностью символического и пропагандистского характера в Интернете.

И именно эта как бы ненасильственная основа претерпевала кардинальные изменения с 2015 по 2021 г., когда группа постепенно переходила к положительной оценке использования военной силы федеральным правительством в период правления Д. Трампа, которого она поддерживала, в том числе осуществляя охрану во время его митингов. Кстати, после тщательного анализа выяснилось, что четверть всех публичных мероприятий, в которых так или иначе участвовали «хранители присяги», перерастали в насилие [Kriner, Lewis 2021, p. 6].

Члены «Хранителей присяги» вступали в потасовки с левыми группами, например «Антифа», на которых Д. Трамп возложил вину за беспорядки, имевшие место по всей стране в связи с гибелью афроамериканца Джорджа Флойда. В штурме Капитолия участвовал 21член организации [Kriner, Lewis 2021, p. 1]. Поддержка кандидата в президенты, потом действующего президента – представителя власти – находилась в резком противоречии с традиционной идеологией группы. Чтобы выйти из положения и не оттолкнуть при этом основную базу поддержки лидеры организации несколько изменили

свой нарратив, адаптируясь к новому партнерству. Главным своим оппонентом они сделали не федеральное правительство, а левые организации. Используя обычные свои ссылки на Революционную войну, они превратили Д. Трампа в её главного поборника. Они ушли от термина «военное положение» и сделали акцент на военных как главных действующих лиц перемен [Weil 2022, p. 28–29].

Когда отдельный экстремист сочетает в себе элементы нескольких идеологий, это получило в научных исследованиях название «идеология салатбара». Это значит, что экстремисты в своих действиях довольно часто руководствуются комбинацией идей: например, один экстремист может быть мотивирован антиправительственными идеями наряду с превосходством белых, в то время как другой культивирует крайнее женоненавистничество и верит в теории заговора. Также экстремист иногда переходит из одного лагеря, скажем, левого, в правый. Организация не может себе позволить такой непоследовательности нарратива, поэтому прибегает к осторожной его корректировке, и, находясь на одной идеологической платформе с новым партнером (например, с Д. Трампом), не создает нового совместного нарратива.

После событий 6 января и начала федерального расследования каких-либо заметных проявлений деятельности «хранителей присяги» не наблюдется. Позже руководителю группы С. Родсу были предъявлены обвинения, и он был осужден за подстрекательство к заговору и за свою роль в подготовке к 6 января на 18 лет тюремного заключения. Еще в декабре 2021 г. генеральный прокурор округа Колумбия подал гражданский иск, где фигурирует организация «Хранители присяги». В этом иске используется современная версия закона о Ку-клукс-клане 1871 г., который был принят после Гражданской войны для обеспечения безопасности выполняющих свои обязанности государственных служащих и для защиты гражданских прав [Barrett, Hamburger, Weiner 2021]. Группа обвинялась в том, что она планировала и участвовала в нападении на здание Капитолия. Но несмотря на это, организация демонстрирует удивительную устойчивость своего онлайн-присутствия, она очень активно действует в социальных сетях. Группа вступает в симбиотические отношения с такими организациями, как QAnon и Boogaloo. Власти опасаются, что идеология «хранителей присяги», их версия справедливости и патриотизма может продолжать находить отклик в американском обществе и пережить саму группу. А их убеждение в «украденной у Трампа победе» разделяют не только члены и сторонники группы, но и значительная часть населения страны. Знаменательно в этом отношении высказывание С. Родса: «Я думаю, что примерно половина этой страны не признает Байдена легитимным. Они не признают эти выборы. Это означает, что все, что выходит из его уст, будет считаться не имеющим никакой силы или эффекта, все, что он подпишет в качестве закона, мы не признаем легитимным. Мы будем очень

похожи на отцов-основателей. В итоге мы будем признавать закон недействительным и сопротивляться» [Connolly 2020].

Организация «Хранители присяги» – не единственная американская организация, члены которой мотивированы идеями антиправительственного экстремизма.

Суверенные граждане – самая большая угроза

Летом 2014 г. в рамках Национального консорциума по изучению терроризма и противодействию ему (START) был издан доклад для Министерства внутренней безопасности США. В соответствии с этим документом организация суверенных граждан являлась в 2013–2014 гг., с точки зрения правоохранительных органов, самой большой угрозой. Притом исламские экстремисты располагались лишь на втором месте. Далее по убывающей шкале шли ополченцы, расисты-скинхеды и неонацисты. Следует отметить, что в период 2006–2007 гг. суверенные граждане находились только на восьмом месте [Carter D., Carter J., Chermak S. Drew 2014, p. 7]. Около 30% крайне правых экстремистов ранее были или состояли вплоть до 2020 г. членами движений суверенных граждан, антиправительственных ополченцев и / или выражали антиправительственные взгляды [Jensen, Yates, Kane 2020]. Конечно, «суверенные граждане» не являются «идеологически чистой» организацией. Их идеология частично совпадает со взглядами активистов таких групп, как ополченцы, супрематисты, противники вакцинации, о чём мы упоминали ранее.

В официальном документе ФБР содержится характеристика членов движения «Суверенные граждане», которые определяются как «лица, которые открыто отвергают свой статус гражданина США, считают, что большинство форм установленного правительства, власти и институтов являются незаконными, и стремятся, полностью или частично, с помощью незаконных актов силы или насилия, продвинуть свои притязания на иммунитет от государственной власти. Простое отстаивание политических или социальных позиций, политический активизм, использование сильной риторики или обобщенное философское принятие тактики насилия не являются экстремизмом и могут быть защищены конституцией» [цит. по: Sarteschi 2020].

Для американских «суверенных граждан» характерен отказ существующим государствам в легитимности. Они считают, что не подпадают под юрисдикцию федерального правительства, обвиняя его в произволе, пытаются дистанцироваться от существующей системы, занимаются «бумажным терроризмом» [Fiebig, Koehler 2022, p. 8]. Имеется в виду подача в суды исков, которые изначально являются необоснованными. В целом идеология движения «Суверенные граждане» символизирует отход от представления

о традиционном национальном государстве и являет собой пример радикальной индивидуализации концепции гражданства, когда «суверенные граждане» заявляют о своём гражданстве в отношении округа или штата, а для некоторых их гражданство ограничивается семьей [Hodge 2019, p. 4].

«Суверенные граждане» – это в основном мужчины, доля женщин – максимум 25%. Известно, что, изучая взаимосвязь категорий возраст и преступность, ученые пришли к выводу, что процент преступности в популяции увеличивается, начиная с подросткового периода (12–16 лет) и растет в юношеском возрасте (16–20 лет). После 20 лет этот процент снижается [Loeber, Farrington and ets 2015]. Считается, что с возрастом человек встраивается в стабильную социальную среду: вливается в трудовой коллектив, создает собственную семью. И в целом с возрастом увеличивается самоконтроль. Однако в случае с «суверенными гражданами» данные правила не работают. Радикализация членов этого движения наступает в зрелом возрасте, но при определенных обстоятельствах, когда ослабляются защитные факторы, к которым в первую очередь относится потеря работы или серьезные финансовые затруднения, которые ведут к неплатежеспособности, долгам и потере собственности. Поэтому движение носит циклический характер, когда подъемы чередуются со спадами, в большой мере такой характер диктуется экономическими причинами на макроуровне. Суверенисты свои личные экономические трудности, а также многих американских граждан, например вследствие кризиса 2008 г., связывают с вредоносной деятельностью демократов в правительстве США, и некоторые возлагают вину на «еврейское влияние на международные финансы». К преступным действиям «суверенных граждан» толкает также чувство несправедливости, которая, по их мнению, допущена к ним со стороны правительства. Здесь важно подчеркнуть, что их деятельность носит реактивный характер и начинается после контакта с представителями власти, которых они обвиняют в незаконных посягательствах, и оправдывается суверенистами как простая самооборона. В то же время они угрожают насилием в отношении судей и сотрудников правоохранительных структур. Обвинение в коррупции федерального правительства постоянно присутствует в нарративе суверенистов. Еще одно обвинение – это контроль правительства со стороны иностранных финансовых групп, неких теневых структур, которые стремятся создать единое мировое правительство и новый мировой порядок. «Суверенные граждане» осуждают государство за участие в международных организациях – ООН, Всемирном банке, НАФТА и др. Они также против признания международных договоров и конвенций, поскольку, по их мнению, это мешает государству гарантировать своим гражданам права собственности.

Экстремисты антиправительственного толка существуют не только в США, но и в Германии, Канаде, Новой Зеландии и Австралии. В немецкой

газете Handelsblatt 9 мая 2022 г. было опубликовано следующее сообщение: «немецкие города и местные сообщества регистрируют “драматический” рост насилия в отношении чиновников и избранных представителей» [цит. по: Kałabunowska 2022, p. 87]. В 2019 г. в Германии был убит Вальтер Любке из партии ХДС, в Великобритании – убит депутат Парламента Джо Кокс, в Польше – мэр Гданьска Павел Адамович [ibid].

В Канаде самым известным праворадикальным движением является «Свободные люди на земле», в Германии аналогом американских «суверенных граждан» можно назвать организацию «имперских граждан» [см.: Белинский 2020]. И хотя идеология у этих движений неоднородна, а конечные цели их деятельности отличаются, в глаза бросается безусловное наличие общих черт. Связано это с тем обстоятельством, что они все держат в поле зрения американских «суверенных граждан» и во многом ориентируются на них.

Если рассматривать основные характеристики эволюции крайне правого экстремизма, то замечены были некоторые отчетливые тенденции. Власти начинают считать членов, как они полагают, правопопулистских партий правыми экстремистами, таким образом размывая грань между крайне правыми экстремистскими группировками и политическими партиями. Например, в ФРГ Федеральное ведомство по охране конституции поставило партию «Альтернатива для Германии» под наблюдение и включает её членов в число правых экстремистов [Spiegel 2023]. Представляется, что такие действия в отношении «Альтернативы для Германии» являются избыточными и продиктованы попыткой затормозить рост партии в рейтингах электоральных предпочтений, где «Альтернатива для Германии» обошла социал-демократов. Точно так же французская правопопулистская партия Национальное объединение фигурирует во французских, и не только, СМИ как крайне правая или даже ультраправая партия, таковой не являясь.

А вот реальной угрозой для государственной безопасности выглядит проникновение в армию и правоохранительные органы экстремистской идеологии и формирование в рядах военнослужащих радикальных группировок. Притом это явление имеет место как в США, так и в Германии [см: Van Dongen, Veilleux-Lepage and ets. 2022; Белинский 2021].

И, наконец, есть свидетельство того, что ультраправые группы и отдельные лица устанавливают связи на международном уровне.

Интернационализация ультраправых: правый экстремизм и Украина

Ультраправые структуры в Европе и США были вдохновлены появлением на Украине откровенных ультраправых организаций, которые пользуются поддержкой государства.

На Западе среди правых экстремистов популярна украинская группировка Правый сектор[3]. А что касается группы «Карпатская сечь», то её представители успешно налаживают контакты с правыми организациями из европейских столиц. Они совершили поездку в Рим в январе 2019 г. на собрание ультраправых и в Будапешт на праздник, организованный «Венгерским легионом» в честь попытки прорыва нацистских сил во время советского наступления в 1945 г. [Lister 2020, p. 35].

Не секрет, что несмотря на зафиксированные неоднократные нарушения прав человека, батальон (полк, бригада) Азов[4] пользовался поддержкой лично президента П. Порошенко [Lister 2020]. Среди горячих сторонников украинских националистов был и Брентон Таррант, австралийский террорист, убивший в двух мечетях 51 человека во время пятничной молитвы. Его 74-хстраничный манифест был переведен на украинский язык и распространялся on-line среди украинских военизированных формирований. В 2014 г. полк Азов влился в украинскую национальную гвардию, а в 2016 г. на его базе была создана политическая партия Национальный корпус[5] во главе с А. Билецким. Это произошло на конференции в Киеве, где присутствовали его сторонники из Польши, Латвии, Хорватии, Греции, Италии и Германии. Сейчас международной деятельностью Национального корпуса руководит Елена Семеняка, которая пытается мобилизовать сторонников украинских ультраправых во время своих поездок в Германию, Швецию, Польшу, Италию и Эстонию. Е. Семеняка считает, что пространство Восточной Европы и Украины – это та территория, с которой должно начаться возрождение Европы, находящейся в упадке. По приглашению Е. Семеняки на конференцию ультраправых организаций в Киеве в 2018 г. приехал известный деятель американского крайне правого движения Грег Джонсон, который выступил с идеей создания белого этногосударства как цели североамериканских новых правых. Он заявил, что то, что «происходит на Украине, является образцом и вдохновением для националистов всех белых наций» [Lister 2020, p. 36]. В следующем году на форуме ультраправых в Стокгольме Е. Семеняка опять встретилась с Г. Джонсоном. Другой известный американский ультраправый Ричард Спенсер также поддерживал связи со своими европейскими коллегами. С европейскими, в частности с украинскими ультраправыми, общались и члены американской группировки «База» (the Base). По некоторым сведениям, на Украине воюют до 1000 американских военных (возможно, бывших) [Экс-майор 2023]. В западных исследованиях утверждается, что ультраправой идеологией вдохновляются немногие из них, как, например, бывшие во-

3. Запрещена в РФ.

4. Запрещен в РФ.

5. Запрещена в РФ.

еннослужащие США Крейг Лэнг и Алекс Цвифелхофер. И всё же, «связи между белыми супрематистами в Северной Америке и Европе продолжают углубляться, и ключевым посредником в этом является украинский “Национальный корпус”» [Lister 2020, p. 39]. Сплоченность крайне правых крепнет не только на поле боя, контакты устанавливаются, например, посредством спортивных соревнований в области смешанных боевых искусств и даже музыки. Украинский ежегодный музыкальный фестиваль Асгардсрей – популярное среди крайне правых из Европы и Америки место встречи. Его связи с «азовцами» широко известны [MacKenzie, Kaunert 2021, p. 10].

Иностранные боевики правого крыла

К основным странам происхождения боевиков на Украине исследователи причисляют Польшу, Грузию, Беларусь, Латвию, Литву, Румынию. Есть боевики из США, а среди западноевропейских стран можно назвать, Великобританию, Германию и Францию. Украина широко пропагандирует участие иностранных наемников в конфликте, продвигая идею не о локальном характере войны между Россией и Украиной, а о цивилизационном противостоянии Востока и Запада [Murauskaite 2022].

Было замечено, что практически все конфликты, в которых участвовали иностранные боевики, воспринимались ими как фронт защиты какой-либо транснациональной идентичности. Например, иностранные боевики, которые вливались в ряды джихадистов в Сирии, полагали, что Запад ведет наступление на мусульманский мир, который надо оборонять. У ультраправых, устремившихся на Украину, было другое целеполагание. «Ультра-националисты и крайне правые приехали поддержать Украину в борьбе с коммунистическим влиянием и тем, что они рассматривают как угрозу со стороны неосоветской России» [Meger 2019].

Вообще проблема иностранных боевиков ранее изучалась в западном академическом сообществе в связи с исламским джихадом, когда потоки европейских граждан устремились в Сирию и Ирак для того, чтобы вступить в ИГИЛ. Теперь траектория передвижения иностранных боевиков изменилась, как и их мотивация идеологического характера. Впрочем, если рассматривать деятельность иностранных боевиков крайне правых убеждений в историческом измерении, то нельзя забывать об их участии в гражданской войне в Испании, в войне в Южной Родезии, Никарагуа, в Балканских войнах, в конфликтах на Ближнем Востоке, в Балканских войнах 1990-х годов и, наконец, на Украине.

В условиях роста правого радикализма в Европе и Америке участие ультраправых иностранных боевиков в зарубежных конфликтах может усилить правый экстремизм в евроатлантических странах. Поэтому понятно

изменение настроя западноевропейских политиков в отношении иностранных боевиков-выходцев из западных стран. Изначально европейские правительственные чиновники Германии, Дании, Канады, Латвии и Нидерландов, а также министр иностранных дел Великобритании поддерживали желающих воевать на стороне Украины, во всяком случае заявляли о том, что их не будут преследовать в судебном порядке. Затем их риторика изменилась: они недвусмысленно стали отговаривать их туда ехать [Van Dongen, Weijenberg end ets. 2022]. Опасения политиков было связано не только с тем, что «добровольцы получат боевой опыт, возможно, будут действовать в крайне идеологизированной среде и создадут (транснациональные) сети единомышленников», но и с ситуацией, которая сложилась после войны в Югославии, когда «немецкие неонацисты, воевавшие в бывшей Югославии вместе с Хорватией, позже создали военизированные тренировочные лагеря, оставались влиятельными фигурами в ультраправых кругах и контрабандой провозили оружие и взрывчатые вещества с театра военных действий обратно в Германию» (ibid). Не секрет, что таким образом в Европе был создан нелегальный рынок оружия, и в последние годы в террористических нападениях на европейской территории задействовано оружие, использовавшееся в ходе войны в Югославии. Обеспокоенность европейцев объясняется также их опасениями в отношении возможного осуществления терактов возвратившихся боевиков. В зонах конфликта они приобрели опыт и знания, закалились в боях, а также получили доступ к оружию. Однако общая стратегия в отношении иностранных боевиков, направляющихся в Украину, у стран – членов ЕС отсутствует. И это контрастирует с жестким подходом ЕС к иностранным боевикам-джихадистам [Kaunert, MacKenzie, L´eonard 2023]. Как и в случае с правым терроризмом в целом растет тенденция рассматривать лиц ультраправых убеждений в странах ЕС как одиночек или людей, страдающих психическими расстройствами [см.: Smith, Buadze and ets. 2022].

Заключение

В списке приоритетов Соединенных Штатов в области национальной безопасности терроризм обозначен лишь на седьмом месте. Этот перечень приоритетов выглядит следующим образом: Китай, Россия, климат, энергетическая безопасность, пандемия и биозащита, продовольственная безопасность, контроль над вооружением, проблема нераспространения. Так что главным вызовом национальной безопасности США сейчас считается межгосударственное соперничество [National Security 2022, p. 4]. Тем не менее угрозы правого экстремизма и терроризма в США и Западной Европе продолжают жить, разрастаются и становятся более разнообразными и диффузными. Америка озабочена угрозами, которые могут обрушиться на неё извне, в то

время как самая большая угроза, как некоторые западные исследователи считают, исходит изнутри [Hoffman, Ware 2022, p. 5]. Очевидно, что официальный Вашингтон к внутренним террористам и антиправительственным экстремистам причисляет не только отдельные ультраправые группы, такие как «Хранители присяги» или «Суверенные граждане», но и участников событий 6 января 2021 г. «осаду Капитолия» власти расценили как угрозу западной либеральной демократии [Ware, Clarke 2022, p. 13]. Но прежде всего это был удобный случай для представления обвинений Д. Трампу – опасного конкурента Дж. Байдена. Сторонников Д. Трампа, участвовавших в «осаде Капитолия», обвиняют во внутреннем терроризме, а их к террористам отнести затруднительно. Интерпретация властей событий у Капитолия лишь обострила ситуацию. Недовольство, которое привело к «осаде Капитолия» только усилилось, как показала неудачная попытка покушения на спикера Палаты представителей за несколько недель до промежуточных выборов 2022 г. Проблема заключается в том, чтобы не воспринимать ультраправый экстремизм как однородную угрозу и отделять ультраправый терроризм от проявления политического инакомыслия, и это разграничение должно быть оформлено юридически. И не стоит замалчивать эту проблему, исходя из политических интересов. В то же время, очевидно, что после «нападения на Капитолий» американские власти будут более внимательно относиться к ультраправым экстремистам, в том числе к тем, которые на Украине попали в родственную идеологическую среду, имеют и продолжают получать там боевой опыт и со временем, если останутся в живых, будут возвращаться на родину.

Обращаясь к проблеме участия иностранных боевиков крайне правых убеждений в конфликте на Украине, западные политологи при анализе ставят себе определенные ограничения идеологического характера. Знаменательно выглядит рекомендация группы английских учёных, которые пишут: «… важно не преувеличивать масштабы присутствия ультраправых иностранных боевиков в Украине, в частности потому, что это может сыграть на руку российским властям, которые описывают вторжение в Украину как “денацификацию”» [Kaunert, MacKenzie, L´eonard 2023, p. 1]. В то же время, сами ультраправые рассматривают войну на востоке Украины как одно из главных сражений в глобальной войне между конкурирующими идеологиями. Для них защита Украины от «российского вторжения» – фронт сдерживания злонамеренной политической силы и защиты западных ценностей. Они убеждены, что результат войны на Украине будет иметь последствия для всей Европы и не только. Вот единственно с этим последним их утверждением можно согласиться.

Библиография

Белинский А.В. Придут честолюбивые дублеры…». Эволюция правого экстремизма в ФРГ в конце XX – начале XXI столетия // Россия и современный мир. 2020. № 1. С. 95–118. URL: http://rossovmir.ru/files/619.pdf (дата обращения: 19.04.2023).

Белинский А.В. Свастика на шевроне: правый экстремизм в правоохранительных органах и бундесвере ФРГ // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 4. С. 247–282. URL: https://upe-journal.ru/files/2021_%D0%90%D0%9F%D0%95_4_%D0%91%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%90%D0%92.pdf (дата обращения: 04.07.2023).

План действий по предупреждению воинствующего экстремизма. Доклад Генерального секретаря // ООН / STUDYLIB. 2015. 24 дек. URL: https://studylib.ru/doc/4443118/a.-usloviya--sposobstvuyushhie-voinstvuyushhemu-e-kstremizmu--i-ego?ysclid=llwahquim5303184601 (дата обращения: 29.06.2023).

Экс-майор армии США рассказал, сколько американцев воюет на Украине // MK.RU. 2023. 10 янв. URL: https://www.mk.ru/politics/2023/01/10/eksmayor-armii-ssha-rasskazal-skolko-amerikancev-voyuet-na-ukraine.html (дата обращения: 05.07.2023)

Spiegel: правые экстремисты, шпионы и китайские инвестиции – немецкая спецслужба отчиталась об угрозах для конституционного порядка // ИНО TV. 2023. 20 июня. URL: https://russian.rt.com/inotv/2023-06-20/Spiegel-pravie-ekstremisti-shpioni-i (дата обращения: 24.06.2023).

Barrett D., Hamburger T., Weiner R. «D.C. attorney general sues Proud Boys, Oath Keepers over Jan. 6 attack» // Washington Post. 2021. 14 Dec. URL: https://www.washingtonpost.com/national-security/racine-jan-6-lawsuit/2021/12/14/4e581d00-5c51-11ec-bda6-25c1f558dd09_story.html (дата обращения: 27.04.2023).

Carter D., Chermak S., Carter J., Drew J. Understanding law enforcement intelligence processes. Report to the Office of University Programs // Science and Technology Directorate University of Maryland START Center; College Park, MD., U.S. Department of Homeland Security. 2014. Jull. 19 p. URL: https://www.start.umd.edu/pubs/START_UnderstandingLawEnforcementIntelligenceProcesses_July2014.pdf (дата обращения: 16.04.2023).

Connolly G., Hall R. «America's largest militia says it will refuse to recognise Biden as president and 'resist' his administration» // Independent. 2020. Nov. 15. URL: https://www.independent.co.uk/news/world/americas/us-election-2020/oath-keepers-militia-donald-trump-joe-biden-2020-election-b1723323.html (дата обращения: 27.04.2023).

Fiebig V., Koehler G. Uncharted territory: Towards an evidence-based criminology of Sovereign Citizens through a systematic literature review // Perspectives on terrorism. 2022. Vol. 16. Issue 6. URL: https://www.universiteitleiden.nl/binaries/content/assets/customsites/perspectives-on-terrorism/2022/issue-6/pot-xvi-6-a4-fiebig-koehler.pdf (дата обращения: 04.07.2023).

Hodge E. The Sovereign Ascendant: Financial Collapse, Status Anxiety, and the Rebirth of the Sovereign Citizen Movement // Frontiers in Sociology. 2019. 26 Nov. Vol. 4. Article 76. 10 p. URL: https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fsoc.2019.00076/full (дата обращения: 29.04.2023).

Hoffman B., Ware J. The Terrorist Threats and Trends to Watch Out for in 2023 and Beyond // CTC Sentinel. 2022. Nov. / Dec. Vol. 15. Issue 11. P. 1–9. URL: https://ctc.westpoint.edu/wp-content/uploads/2022/12/CTC-SENTINEL-112022.pdf (дата обращения: 30.04.2023).

Jensen M., Yates E., Kane S. Profiles of individual radicalization in the United States (PIRUS) // START. College Park, MD. 2020. May. URL: https://www.start.umd.edu/pubs/START_PIRUS_ResearchBrief_May2020.pdf (дата обращения: 16.04.2023).

Kałabunowska A. Politically motivated extreme-right attacks against elected representatives in contemporary Germany // Perspectives on terrorism. 2022. Dec. Vol. 18, Issue 6. P. 87–98 (p. 87).

URL: https://www.universiteitleiden.nl/binaries/content/assets/customsites/perspectives-on-terrorism/2022/issue-6/pot-xvi-6-a7-kalabunowska.pdf (дата обращения: 30.04.2023).

Kaunert Ch., MacKenzie A., L´eonard S. Far-right foreign fighters and Ukraine: A blind spot for the European Union? // New Journal of European Criminal Law. 2023. Vol. 14, Issue 2. P. 247–266. URL: https://journals.sagepub.com/doi/epub/10.1177/20322844231164089 (дата обращения: 04.07.2023).

Kriner M., Lewis J. The Oath Keepers and their role in the January 6 insurrection // CTC Sentinel. 2021. Dec. 22. Vol. 14. Issue 10. P. 1–18. URL: https://ctc.westpoint.edu/wp-content/uploads/2021/12/CTC-SENTINEL-102021.pdf (дата обращения: 12.04.2023).

Lister T. The Nexus Between Right-Wing Extremists in the United States and Ukraine // CTC Sentinel. 2020. April. Vol. 13. Issue 4. p. 30–41. URL: https://ctc.westpoint.edu/the-nexus-between-far-right-extremists-in-the-united-states-and-ukraine/ (дата обращения: 04.07.2023).

Loeber, R., Farrington, D.P., Hipwell, A.E., Stepp, S.D., Pardini, D., Ahonen, L. Constancy and change in the prevalence and frequency of offending when based on longitudinal self-reports or official records: Comparisons by gender, race, and crime type // Journal of developmental and life-course criminology. 2015. 03 May. № 1(2), P. 150–168. URL: https://europepmc.org/article/med/27610337#free-full-text (дата обращения: 20.04.2023).

MacKenzie A., Kaunert Ch. Radicalisation, Foreign Fighters and the Ukraine Conflict: A Playground for the Far-Right? // Social Sciences. Special Issue Investigating Antecedents to Radicalisation: European Concepts at the Top of the Global Counter-Terrorism Agenda. 2021. Vol. 10. Issue 4. 16 p. URL: https://www.mdpi.com/2076-0760/10/4/116 (дата обращения: 28.06.2023).

Meger S. War Junkies: Why Foreign Fighters are Flocking to Ukraine // ABC News. 2019. 03 May. URL: https://www.abc.net.au/news/2019-05-04/ukraine-foreign-fighters-eger/11054728 (дата обращения: 28.06.2023).

Murauskaite E.E. Foreign Fighters in Ukraine: What Concerns Should Really Be on the Agenda? // Russia Matters. Harvard Kennedy School. Belfer Center for Science and International Affairs. 2022. 18 Aug. URL: https://www.russiamatters.org/analysis/foreign-fighters-ukraine-what-concerns-should-really-be-agenda (дата обращения: 25.06.2023).

National Security Strategy. The White House. Washington. 2022. 12 Oct. 48 p. URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf (дата обращения: 30.04.2023).

Pauwels A. Contemporary manifestations of violent right-wing extremism in the EU: An overview of P/CVE practices. European Commission // Radicalisation Awareness Network. 2021 15 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/366840916_Contemporary_manifestations_of_violent_right-wing_extremism_in_the_EU_An_overview_of_PCVE_practices (дата обращения: 01.07.2023).

Sarteschi Ch. M. Sovereign citizens: A narrative review with implications of violence towards law enforcement // Aggress Violent Behav. 2020. 24 Sep. URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7513757/ (дата обращения: 30.04.2023).

Smith A., Buadze A., Ranjan Dube A., Schleifer R., Liebrenz M. Volunteer Foreign Fighters in the Ukrainian Conflict and Considerations for Forensic Psychiatry: Toward an Interdisciplinary Dialogue // Front Psychiatry. 2022. 19 May. URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC9161556/ (дата обращения: 24.06.2023).

Strategic Intelligence Assessment and Data on Domestic Terrorism // Federal Bureau of Investigation. Department of Homeland Security. 2022. October. 44 p. URL: https://www.dhs.gov/sites/default/files/2022-10/22_1025_strategic-intelligence-assessment-data-domestic-terrorism.pdf (дата обращения: 25.03.2023).

Van Dongen T., Veilleux-Lepage Y., Leidig E., Rigault Arkhis H. Right-Wing Extremism in the Military: A Typology of the Threat // ICCT Research Paper, The Hague: International Centre for

Counter-Terrorism. 2022. May. URL: https://www.icct.nl/sites/default/files/2022-12/Right-wing-extremism-in-the-military-1.pdf (дата обращения: 24.06.2023).

Van Dongen T., Weijenberg G., Vugteveen M., Farrell-Molloy J. Foreign Volunteers in Ukraine: Security considerations for Europe // The International Centre for Counter-Terrorism (ICCT), The Hague, Netherlands. 2022. 04 May. URL: https://www.icct.nl/publication/foreign-volunteers-in-ukraine-security-considerations-for-europe/ (дата обращения: 29.06.2023).

Ware J., Clarke C. P. How far-right terrorists choose their enemies. Issue Brief // The Soufan Center. 2022. Dec. 19 p. URL: https://thesoufancenter.org/wp-content/uploads/2022/12/TSC-Issue-Brief-How-Far-Right-Terrorists-Choose-Their-Enemies-Dec-2022.pdf (дата обращения: 01.05.2023).

Weil A. Strategies of narrative coherence: How militias justify embracing state power // Perspectives on terrorism. 2022. Dec. Vol. 16. Issue 6. P. 19–33. URL: https://www.universiteitleiden.nl/binaries/content/assets/customsites/perspectives-on-terrorism/2022/issue-6/pot-xvi-6-a3-weil.pdf (дата обращения: 04.07.2023).

References

Barrett D., Hamburger T., Weiner R. «D.C. attorney general sues Proud Boys, Oath Keepers over Jan. 6 attack» // Washington Post. 2021. 14 Dec. URL: https://www.washingtonpost.com/national-security/racine-jan-6-lawsuit/2021/12/14/4e581d00-5c51-11ec-bda6-25c1f558dd09_story.html (date of access: 27.04.2023).

Belinskij A.V. «Pridut chestolyubivye dublery…». Evolyuciya pravogo ekstremizma v FRG v konce XX – nachale XXI stoletiya [Belinsky A.V. «There Will Come Ambitious Understudies…». The Evolution of Right Extremism in the German in the Late XX – Early XXI Centuries // Rossiya i sovremennyj mir. [Russia and the Contemporary World. INION RAN. 2020. N 1. S. 95–118. URL: http://rossovmir.ru/files/619.pdf (date of access: 19.04.2023). (In Russ.)

Belinskij A.V. Svastika na shevrone: pravyj ekstremizm v pravoohranitel'nyh organah i bundesvere FRG. [Belinsky A.V. Swastika on the Chevron: Right-Wing Extremism in Law Enforcement Agencies and the Bundeswehr of the Federal Republic of Germany] // Aktual'nye problemy Evropy. [Current Problems of Europe, INION RAN. 2021. N 4. – P. 247–282]. URL: https://upe-journal.ru/files/2021_%D0%90%D0%9F%D0%95_4_%D0%91%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%90%D0%92.pdf (date of access:04.07.2023). (In Russ.)

Carter D., Chermak S., Carter J., Drew J. Understanding law enforcement intelligence processes. Report to the Office of University Programs // Science and Technology Directorate University of Maryland START Center; College Park, MD., U.S. Department of Homeland Security. 2014. Jull. 19 p. URL: https://www.start.umd.edu/pubs/START_UnderstandingLawEnforcementIntelligenceProcesses_July2014.pdf (date of access: 16.04.2023).

Connolly G., Hall R. «America's largest militia says it will refuse to recognise Biden as president and 'resist' his administration» // Independent. 2020. November 15. URL: https://www.independent.co.uk/news/world/americas/us-election-2020/oath-keepers-militia-donald-trump-joe-biden-2020-election-b1723323.html (date of access: 27.04.2023).

Eks-major armii SSHA rasskazal, skol'ko amerikancev voyuet na Ukraine. [A former U.S. Army major revealed how many Americans are fighting in Ukraine] // MK.Ru. 10.01.2023. URL: https://www.mk.ru/politics/2023/01/10/eksmayor-armii-ssha-rasskazal-skolko-amerikancev-voyuet-na-ukraine.html (date of access: 05.07.2023). (In Russ.)

Fiebig V., Koehler G. Uncharted territory: Towards an evidence-based criminology of Sovereign Citizens through a systematic literature review // Perspectives on terrorism. 2022. Vol. 16. Issue 6. URL: https://www.universiteitleiden.nl/binaries/content/assets/customsites/perspectives-on-terrorism/2022/issue-6/pot-xvi-6-a4-fiebig-koehler.pdf (date of access: 04.07.2023).

Hodge E. The Sovereign Ascendant: Financial Collapse, Status Anxiety, and the Rebirth of the Sovereign Citizen Movement // Frontiers in Sociology. 2019. 26 Nov. Vol. 4. Article 76. 10 p. URL: https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fsoc.2019.00076/full (date of access: 29.04.2023).

Hoffman B., Ware J. The Terrorist Threats and Trends to Watch Out for in 2023 and Beyond // CTC Sentinel. 2022. November/December. Vol. 15. Issue 11. P. 1–9. URL: https://ctc.westpoint.edu/wp-content/uploads/2022/12/CTC-SENTINEL-112022.pdf (date of access: 30.04.2023).

Jensen M., Yates E., Kane S. Profiles of individual radicalization in the United States (PIRUS) // START. College Park, MD. 2020. May. URL: https://www.start.umd.edu/pubs/START_PIRUS_ResearchBrief_May2020.pdf (date of access: 16.04.2023).

Kałabunowska A. Politically motivated extreme-right attacks against elected representatives in contemporary Germany // Perspectives on terrorism. 2022. Dec. Vol. 18, Issue 6. P. 87–98 (p. 87). URL: https://www.universiteitleiden.nl/binaries/content/assets/customsites/perspectives-on-terrorism/2022/issue-6/pot-xvi-6-a7-kalabunowska.pdf (date of access: 30.04.2023).

Kaunert Ch., MacKenzie A., L´eonard S. Far-right foreign fighters and Ukraine: A blind spot for the European Union? // New Journal of European Criminal Law. 2023. Vol. 14, Issue 2. P. 247–266. URL: https://journals.sagepub.com/doi/epub/10.1177/20322844231164089 (date of access: 04.07.2023).

Kriner M., Lewis J. The Oath Keepers and their role in the January 6 insurrection // CTC Sentinel. 2021. Dec. 22. Vol. 14. Issue 10. P. 1–18. URL: https://ctc.westpoint.edu/wp-content/uploads/2021/12/CTC-SENTINEL-102021.pdf (date of access: 12.04.2023).

Lister T. The Nexus Between Right-Wing Extremists in the United States and Ukraine // CTC Sentinel. 2020. April. Vol. 13. Issue 4. P. 30–41. URL: https://ctc.westpoint.edu/the-nexus-between-far-right-extremists-in-the-united-states-and-ukraine/ (date of access: 04.07.2023).

Loeber, R., Farrington, D. P., Hipwell, A. E., Stepp, S. D., Pardini, D., Ahonen, L. Constancy and change in the prevalence and frequency of offending when based on longitudinal self-reports or official records: Comparisons by gender, race, and crime type // Journal of developmental and life-course criminology. 2015. 03 May. N 1(2). P. 150–168. URL: https://europepmc.org/article/med/27610337#free-full-text (date of access: 20.04.2023).

MacKenzie A., Kaunert Ch. Radicalisation, Foreign Fighters and the Ukraine Conflict: A Playground for the Far-Right? // Social Sciences. Special Issue Investigating Antecedents to Radicalisation: European Concepts at the Top of the Global Counter-Terrorism Agenda. 2021. Vol. 10. Issue 4. 16 p. URL: https://www.mdpi.com/2076-0760/10/4/116 (date of access: 28.06.2023).

Meger S. War Junkies: Why Foreign Fighters are Flocking to Ukraine // ABC News. 2019. 03 May. URL: https://www.abc.net.au/news/2019-05-04/ukraine-foreign-fighters-eger/11054728 (date of access: 28.06.2023).

Murauskaite E.E. Foreign Fighters in Ukraine: What Concerns Should Really Be on the Agenda? // Russia Matters. Harvard Kennedy School. Belfer Center for Science and International Affairs. 2022. 18 Aug. URL: https://www.russiamatters.org/analysis/foreign-fighters-ukraine-what-concerns-should-really-be-agenda (date of access: 25.06.2023).

National Security Strategy. The White House. Washington. 2022. 12 Oct. 48 p. URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf (date of access: 30.04.2023).

Pauwels A. Contemporary manifestations of violent right-wing extremism in the EU: An overview of P/CVE practices. European Commission // Radicalisation Awareness Network. 2021. 15 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/366840916_Contemporary_manifestations_of_violent_right-wing_extremism_in_the_EU_An_overview_of_PCVE_practices (date of access: 01.07.2023).

Plan dejstvij po preduprezhdeniyu voinstvuyushhego E`kstremizma. Doklad General`nogo sekretarya [An action plan to prevent violent Extremism. Report of the Secretary-General] // OON [UN] /

STUDYLIB. 2015. 24 Dec. URL: https://studylib.ru/doc/4443118/a.-usloviya--sposobstvuyushhie-voinstvuyushhemu-e-kstremizmu--i-ego?ysclid=llwahquim5303184601 (date of access: 29.06.2023).

Sarteschi Ch. M. Sovereign citizens: A narrative review with implications of violence towards law enforcement // Aggress Violent Behav. 2020. 24 Sep. URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7513757/ (date of access: 30.04.2023).

Smith A., Buadze A., Ranjan Dube A., Schleifer R., Liebrenz M. Volunteer Foreign Fighters in the Ukrainian Conflict and Considerations for Forensic Psychiatry: Toward an Interdisciplinary Dialogue // Front Psychiatry. 2022. 19 May. URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC9161556/ (date of access: 24.06.2023).

Spiegel: pravye ekstremisty, shpiony i kitajskie investicii – nemeckaya specsluzhba otchitalas' ob ugrozah dlya konstitucionnogo poryadka [Spiegel: right-wing extremists, spies and Chinese investments – German secret service reports on threats to constitutional order] // // INO TV. 2023. June 20. URL: https://russian.rt.com/inotv/2023-06-20/Spiegel-pravie-ekstremisti-shpioni-i (date of access:24.06.2023). (In Russ.)

Strategic Intelligence Assessment and Data on Domestic Terrorism // Federal Bureau of Investigation. Department of Homeland Security. 2022. October. 44 p. URL: https://www.dhs.gov/sites/default/files/2022-10/22_1025_strategic-intelligence-assessment-data-domestic-terrorism.pdf (date of access: 25.03.2023).

Van Dongen T., Veilleux-Lepage Y., Leidig E., Rigault Arkhis H. Right-Wing Extremism in the Military: A Typology of the Threat // ICCT Research Paper, The Hague: International Centre for Counter-Terrorism. 2022. May. URL: https://www.icct.nl/sites/default/files/2022-12/Right-wing-extremism-in-the-military-1.pdf (date of access: 24.06.2023).

Van Dongen T., Weijenberg G., Vugteveen M., Farrell-Molloy J. Foreign Volunteers in Ukraine: Security considerations for Europe // The International Centre for Counter-Terrorism (ICCT), The Hague, Netherlands. 2022. 04 May. URL: https://www.icct.nl/publication/foreign-volunteers-in-ukraine-security-considerations-for-europe/ (date of access: 29.06.2023).

Ware J., Clarke C.P. How far-right terrorists choose their enemies. Issue Brief // The Soufan Center. 2022. Dec. 19 p. URL: https://thesoufancenter.org/wp-content/uploads/2022/12/TSC-Issue-Brief-How-Far-Right-Terrorists-Choose-Their-Enemies-Dec-2022.pdf (date of access: 01.05.2023).

Weil A. Strategies of narrative coherence: How militias justify embracing state power // Perspectives on terrorism. 2022. Dec. Vol. 16. Issue 6. P. 19–33. URL: https://www.universiteitleiden.nl/binaries/content/assets/customsites/perspectives-on-terrorism/2022/issue-6/pot-xvi-6-a3-weil.pdf (date of access: 04.07.2023).

DOI: 10.31249/rsm/2023.04.07

А.Н. Юрин

ПОЛИТИКА КУЛЬТУРЫ В ПРЕДВЫБОРНЫХ ПРОГРАММАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ ФРГ 2021 г.[1]

Аннотация. *Тексты предвыборных программ представляют собой многообещающий источник для исследования политики культуры Германии. Целый ряд свойств этого источника позволяет исследовать дискурсивные формы и образы культуры, которые конструируются в широком спектре политических идеологий. В предвыборных программах отражаются и воспроизводятся многие устоявшиеся позиции, идеологемы, понятия, институциональные структуры и долгосрочные программы в области политики культуры. При этом состязательный характер выборов заставляет партии модифицировать свои тексты, адаптировать их, исходя из меняющихся социально-политических реалий, помещать в фокус рассмотрения новые темы и апеллировать к различным социальным группам.*

Особый интерес представляют свойства текста и дискурсивные практики, отраженные в нем, которые переопределяют базовые понятия, создают новые структурные и понятийные иерархии, что, в свою очередь, ведет к реструктуризации и трансформации политики культуры.

Опираясь на методологию критического дискурс-анализа, в этой статье рассматриваются ключевые вопросы политики культуры в предвыборных программах крупнейших федеральных партий Германии 2021 г. Особое внимание уделяется множественным образам культуры и языковым средствам их конструирования. Компаративный анализ текстов позволил выделить основные полемические узлы, такие как «культура памяти», «экономизация культуры», «отношение к колониальному прошлому», «реституция культурных объектов» и другие, в обсуждении которых прослеживается борьба за содержание базовых понятий, включение и исключение различных социальных групп, и множественные дискурсивные стратегии описания прошлого.

Ключевые слова*: Германия; политика культуры; предвыборные программы; политические партии; дискурс-анализ.*

1. Статья написана при поддержке гранта РНФ № 20-18-00482 «Трансформации идей превосходства на Западе и в России в конце XIX – начале XXI в.».

**Юрин Александр Николаевич – кандидат культурологии,
старший научный сотрудник ИВИ РАН. Россия, Москва.
E-mail: yurinalexander@mail.ru**

Yurin A.N. **Cultural politics in the 2021 election programs of the political parties of Germany**

Abstract. *The texts of election programs are a promising source for the study of the German cultural politics. A number of properties of this source allow for exploring discursive forms and images of culture that are being constructed in a wide range of political ideologies. Election programs reflect and reproduce many well-established and shared positions, ideologies, concepts, institutional structures and long-term programs in the field of cultural politics. At the same time, the competitive nature of the elections forces federal parties to modify their texts, adapt them to changing socio-political realities, place new topics in the focus of consideration and appeal to various social groups. Of particular interest are the properties of the text and the discursive practices reflected in it, which redefine basic concepts, create new structural and conceptual hierarchies, which, in turn, leads to the restructuring and transformation of cultural politics.*

Based on the methodology of critical discourse analysis, this article examines the key issues of cultural politics in the election programs of the largest federal parties in Germany in 2021. Special attention is paid to multiple cultural images and linguistic means of construction. Comparative analysis of the texts allowed to identify the key polemical nodes, such as «culture of memory», «economization of culture», «attitude to the colonial past», «restitution of cultural objects», etc., where one can observe a struggle for the content of basic concepts, inclusion and exclusion of various social groups, and multiple discursive strategies for describing the past.

Keywords*: Germany; cultural politics; election programs; political parties; discourse analysis.*

**Yurin Aleksandr Nikolaevich – Candidate of Culturology,
Senior Researcher at IVI RAS. Russia, Moscow.
E-mail: yurinalexander@mail.ru**

Систематическое и компаративное исследование текстов предвыборных программ ведущих политических партий нечасто встречается в отечественной научно-исследовательской литературе, посвященной политике культуры в ФРГ. И этому есть ряд причин. Во-первых, предвыборные программы являются лишь предполагаемой проекцией в будущее, воплощение которой в жизнь будет зависеть от множества факторов, таких как успех или поражение на выборах, политической конъюнктуры, компромиссов в рамках коали-

ционных соглашений [Merz, Regel 2013, p. 211–241], системных изменений [Niedermayer 2017, p. 1–43] и других факторов, связанных с реализацией политических проектов. Изменения в партийной системе также толкают авторов программ на внесение изменений, которые могли бы сигнализировать другим партиям о возможных компромиссах. Во-вторых, тексты предвыборных программ с каждым годом становятся все длиннее и сложнее [Merz 2017], что оставляет открытым вопрос о глубине прочтения и их влиянии на избирателя. В-третьих, политика культуры в значительной степени является прерогативой федеральных земель.

Понимая специфичность и ограниченность предвыборных программ как источника для изучения политики культуры, стоит признать ряд качеств, которые выгодно отличают его и наделяют большим эвристическим потенциалом. Во-первых, тексты предвыборных программ являются документом, который представляет консолидированную позицию партии. Это исключает денонсацию тех или иных позиций, высказанных отдельными членами партии *ad hoc*, часто в специфических контекстах. Во-вторых, предвыборные программы представляют собой относительно однородные и сопоставимые тексты, что делает их удобным материалом для сравнительного анализа. Тексты пишутся и публикуются по одному и тому же поводу, с одной и той же целью, в один и тот же хронологический период. Не было бы преувеличением сказать, что эти тексты составляются с расчетом на то, что их будут сравнивать. В-третьих, предполагаемый состязательный характер выборов толкает авторов программ на постоянное обновление текстов, их адаптацию к современным реалиям и проблемам, и, конечно же, на поиск новых целевых аудиторий, которые можно было бы привлечь на свою сторону. Следовательно, в текстах программ не только отражаются и воспроизводятся многие устоявшиеся позиции, идеологемы, понятия, институциональные структуры и долгосрочные программы в области культуры, но и предлагаются новые.

Тексты предвыборных программ партий, не вошедших в правительство, не теряют своей ценности с точки зрения научно-исследовательского интереса, поскольку в них содержатся те проекты и видение политики культуры, которые не попадут в коалиционное соглашение, и, скорее всего, не будут реализованы. Таким образом, изучение текстов предвыборных программ позволяет включить, в том числе, и те образы, позиции и видение политики культуры, которые исключаются на каждом из электоральных циклов.

Стоит сказать, что в 2021 г. культура была представлена в текстах предвыборных программ в бундестаг в качестве важного домена политики, и ей посвящены отдельные главы и параграфы. Нередко культура формулируется как «цель государства» (Staatsziel) (Союз 90 / Зелёные; Левая; СвДП; СДПГ), «основа демократии» (СДПГ; Левая; Союз 90 / Зелёные), как важный «экономический фактор развития» (СвДП; СДПГ; ХДС / ХСС), или же через

характеристику Германии как «культурной нации»[2] (СвДП; ХДС / ХСС; АдГ). Формулируя культуру в качестве цели государства, партии, как правило, выступают за изменение базовых норм и правил – внесение изменений в основной закон.

Все эти и многие другие качества предвыборных программ (при учете всех ограничений) делают их многообещающим источником для критического дискурс-анализа, чья роль заключается в раскрытии дискурсивных практик, поддерживающих социальный мир, а также тех, которые связаны с неравными властными отношениями [Jørgensen, Phillips 2002, p. 63]. Критический дискурс-анализ предлагает исследовательскую перспективу, в которой текст неразрывно связан с дискурсивными практиками, а также с более широким спектром социальных практик, в соотношении с которыми они возникают [Fairclough 2013, p. 25]. При анализе текстов политических программ, позиция, сформулированная Норманом Фэкрклo, о том, что – «одним из аспектов власти является способность устанавливать и поддерживать определенное структурирование того или иного домена, – определенный способ делить на части и проводить между ними границы, а также упорядочивание этих частей в иерархические отношения доминирования и подчинения» [Fairclough 2013, p. 13], – находит свое отражение в производстве и потреблении текстов, а также в осуществлении определенных дискурсивных практик.

В этом смысле нас интересует не только то, каким образом в тексте возникают определенные языковые структуры, а то, каким образом структура текста влияет на формирование смыслов, образов, создание иерархий, отношений равенства и неравенства. Иными словами, то, каким образом через создание определенных дискурсивных отношений в тексте осуществляется политика. Следовательно, структурная и понятийная иерархия в тексте может быть рассмотрена в качестве проекции властных отношений. В определенном смысле борьба за ключевые понятия и их определения или взаимоотношения между ними может рассматриваться не только как отражение политики, но и как осуществление политики как таковой [Бурдье 2007, с. 23]. В этом ракурсе тексты предвыборных программ представляются релевантным и многообещающим источником, поскольку сами по себе являются проекцией политического планирования.

2. Здесь стоит отличать употребление понятия «культурная нация» (Kulturnation) в академическом и общественно-политическом дискурсах. Если в академическом дискурсе под этим понятием часто подразумевается определенная модель национального строительства, основанная на общем языке, истории, культуре и религии, то в общественно-политическом дискурсе речь идет, скорее, о культурном наследии страны: ее писателях, поэтах, композиторах и художниках. (Прим. автора).

Тот факт, что программы с каждым годом растут в объеме и становятся сложнее, предполагает формирование сложной структуры текста с тематическими блоками, параграфами и страницами. Это, в свою очередь, напрямую влияет на то, каким образом будет происходить чтение текстов и потребление смыслов. С уверенностью можно сказать, что публикуемое оглавление не только позволяет, но и стимулирует нелинейное или же фрагментарное прочтение программы с фокусом на отдельных тематических рубриках (табл. 1).

Таблица 1

Оглавление и структура программ

Партии	*Название программы*	*Раздел / глава*	*Параграфы*
Левая	Время действовать! За социальную безопасность, мир и климатическую справедливость.	Культура, устойчивая к кризисам, разнообразная и доступная для всех.	– Укрепить многообразие медиа, независимость журналистики и свободу прессы. – Защитить свободу религии и свободу от религии, а также разделение церкви и государства. – Спорт – это не роскошь. – Конец криминализации наркотиков.
СДПГ	Из уважения к твоему будущему. Программа будущего СДПГ.	Общество уважения.	– Ценить работу. – Повысить шансы на трудоустройство. – Расширить солидарность. – Защитить людей в возрасте. – Быть в ответе друг за друга. – Доступное жилье. – Благоприятное взросление. – Осуществление равенства. – Жить вместе. – Усилить демократию. – **Поддержать культуру[3].** – Лучше понимать друг друга. – Жить в безопасности. – Защита здоровья, защита молодежи и декриминализация оборота наркотических средств. – Уважать природу.

3. Здесь и далее по тексту выделение автора.

Продолжение таблицы 1

Партии	*Название программы*	*Раздел / глава*	*Параграфы*
Союз 90 / Зеленые	Германия. Все внутри. Предвыборная программа в бундестаг 2021.	Жить вместе.	– Мы сделаем государство эффективнее и ближе к гражданам и гражданкам. – Мы выступаем за многообразие, признание и равные права. – Мы обновим демократический фундамент. – Мы сформируем многообразное общество иммиграции. – Мы фокусируемся на феминизме, queer-политике и равенстве полов. – Мы усилим безопасность и права граждан и гражданок. – Мы гарантируем правовое государство и защиту прав потребителей. – **Мы поддержим культуру, искусство и спорт.** – Мы будем строить Европу и дальше.
СвДП	Дел больше, чем, когда бы то ни было. Предвыборная программа свободных демократов.	Никогда модернизация не была столь срочной и необходимой: модернизируем, наконец, нашу страну!	– Легкодоступное государство. – Инновационная нация. – Недвижимость. – Дигитализация. – Современный мир труда. – Здоровье. – Уход. – Современное право для сильных семей. – Защита частной жизни. – Дееспособное правовое государство. – Защита свободы слова и прессы. – Демократия и парламентаризм. – Толерантное и открытое общество. – Усиление коммун, спорта и волонтерской деятельности. – **Культура.**
ХДС / ХСС	Программа за стабильность и обновление. Вместе за современную Германию.	Новое качество жизни в городе и селе – из любви к нашей родине.	– Хорошая жизнь в оживленных селах и городах. – Равные условия жизни и экономическое развитие во всех регионах. – Усиление сплоченности и волонтерства. – Интеграция как фундамент для совместного сосуществования. **– Германия как культурная нация.** – Современный медиаландшафт. – Целенаправленная поддержка спорта.
АдГ	Германия. Но нормальная.	Культура.	– Немецкая ведущая культура вместо «мультикультурализма». – Поддержка культуры. – Обычаи и память.

Источник: составлено автором на основе программ политических партий 2021.

В свою очередь, заранее заданная структура текста создает квазиупорядоченность и иерархии, которые сами по себе являются мощными семантическими доминантами, задающими интерпретационные модели. Так, например, в программе партии Союз 90 / Зеленые (2021) раздел, посвященный политике культуры, размещен в качестве параграфа в главе под названием «Жить вместе», где он соседствует с такими темами, как: «разнообразное общество иммиграции», «феминизм, queer-политика и гендерное равенство», «построение Европы» и др. При этом название самого параграфа «Мы поддерживаем культуру, искусство и спорт», с одной стороны, создает отношения квазиоднородности и видового равенства, позволяющее перечисление через запятую культуры, искусство и спорт, а с другой – имплицитно проводит границы между этими сферами. Это лишь один из примеров, который наглядно демонстрирует то, каким образом структура, рубрики и другие таксономические отношения формируют смысловое поле и предиспозиции для дальнейшего прочтения и интерпретации текста.

Объединение разных тем и сфер политики в одни главы или параграфы является не только свойством того или иного текста или же продиктовано прагматикой письма, оно может также быть отражением институционализации политики или, наоборот, составлять базу для будущих институтов. Так, например, темы культуры и медиа нередко соседствуют друг с другом или даже объединяются в одни параграфы, что коррелирует с объединением конкретных политических функций в появившейся в 1999 г. должности Уполномоченного федерального правительства по вопросам культуры и медиа (Beauftragte der Bundesregierung für Kultur und Medien) [Klein 2009, S. 111]. В этом смысле текстовая структура, установление дискурсивных связей между различными темами или ключевыми понятиями могут также быть рассмотрены в качестве попыток перераспределения властных отношений и реструктуризации различных доменов политики.

При этом важно и то, когда происходит нарушение предзаданной структуры, кажущихся привычными и квазиконвенциональными последовательностей, когда в тексте всплывают темы и сюжеты, которые, строго говоря, не подпадают под ту или иную рубрику, выстраивая новые аргументационные линии и дискурсивные связи.

Так, например, в программе Левой партии (2021) раздел, посвященный культуре, под названием «Культура: устойчивая к кризисам, разнообразная и доступная для всех» включает следующие параграфы:

– «Усиление разнообразия медиа, независимой журналистики и свободы прессы».

– «Мы защищаем свободу религии и свободу от религии, а также разделение церкви и государства».

– «Спорт – это не роскошь».

– «Конец криминализации наркотиков».

Очевидно, что параграф, посвященный декриминализации наркотиков, кажется неуместным в разделе культуры (у всех остальных партий эта позиция находится в разделе, главе или параграфе, посвященном здоровью), что создает ощущение смыслового разрыва. Примечательно, что Левая партия формирует позицию по одному из важных полемических узлов в общественно-политическом дискурсе через тему культуры, где она получает новые характеристики: «Мы не хотим давать моральные оценки тяге к наркотическому опьянению. Оно является составной частью культуры, даже если с ним связаны определенные риски и возможные негативные последствия» [Левая партия 2021, с. 131].

Стоит отметить и то, что развитие темы культуры, попытки как-то ее определить или дать ключевые характеристики необязательно могут быть представлены в параграфе или разделе, посвященном культуре. Нередко важные позиции в отношении видения культуры могут разворачиваться в параграфах, которые напрямую с ней не связаны. Хорошим примером для демонстрации этого является программа партии Альтернатива для Германии (АдГ), в которой важные позиции и характеристики в отношении культуры присутствуют в главах: «Демократия и правовое государство»; «ЕС и Европа»; «Внешняя политика и политика безопасности»; «Ислам»; «Миграция, убежище и интеграция»; «Образование, наука и исследование»; «Культура»; «Медиа»: «Климат, энергетика, техника и дигитализация». Такое дисперсное распределение темы культуры по многим тематическим блокам может поставить вопрос о ее доминировании в программе АдГ, где основные направления деятельности, так или иначе, соотносятся с видением культуры.

Состязательность выборов и компетитативный характер программ не только открывают возможности для сравнительного анализа текста, но зачастую делают его необходимым для более полной и корректной интерпретации отдельных фрагментов.

Так, например, партия Альтернатива для Германии формулирует следующую позицию в разделе «Культура».

Дебаты, о якобы необходимой «деколонизации» нашей культуры, которые сопровождаются демонизацией «белого мужчины», ставят под сомнение представление о нашей культурной идентичности в общем. АдГ представляет единственную политическую силу, которая противостоит демонтажу нашей историко-культурной идентичности. Мы отвергаем так называемую «критическую расовую теорию», согласно которой расизма в отношении белых быть не может. АдГ также выступает против всеобщей выдачи находок и предметов культуры (Sammlungsgütern), исходя **из колониального контекста** [Альтернатива для Германии 2021, с. 159].

Этот пассаж напрямую апеллирует к определенным интеллектуальным и общественно-политическим дебатам, а АдГ представляется как единственная политическая партия, выступающая против «критической расовой теории» в определенном ее прочтении. В этом случае присутствует прямая отсылка к позициям других партий. Позиция АдГ представляется в качестве реакции на другие или как «позиционирование второго порядка» [Harré, Van Langenhove 1999, p. 20].

Последний тезис из этого фрагмента, который касается реституции культурных объектов, оказавшихся в Германии в период или вследствие колониализма, может показаться несколько невнятным. Однако здесь АдГ формулирует свою позицию в отношении еще одного важного полемического узла, который так или иначе присутствует практически во всех предвыборных программах ведущих партий ФРГ в 2021 г. Даже с точки зрения формулировки это является практически прямой антитезой позиции, сформулированной в программе (Союз 90 / Зелёные и Левой партии). Для понимания и интерпретации ключевых полемических узлов и формулировок необходимо расширение контекста, исторических рамок и исследование других социальных практик. Очевидно, что выстраивание разных позиций к одним и тем же формулировкам и социальным практикам в программах 2021 говорит об уже данном опыте и социальной реальности. В этом случае речь идет о создании и функционировании с 2019 г. при поддержке федерального и земельных правительств «Контактной группы по культурным объектам из колониальных контекстов»[4].

Интертекстуальное исследование помогает лучше понять и оценить важность некоторых позиций, которые в рамках текста программы не выглядят развернутыми или достаточно артикулированными, но проявляются в рамках сравнительного анализа текстов.

Левая партия выступает против экономизации и приватизации задач по базовому жизнеобеспечению государства. Культура является первоочередной задачей земель и коммун [Левая партия 2021, p. 125].

С одной стороны, этот тезис может быть интерпретирован исходя из общих идеологических установок левых в отношении экономики и рыночных отношений. С другой стороны, он приобретает новое звучание, будучи противопоставлен таким позициям, как:

– мы свободные демократы выступаем за сильную экономику культуры **(Kulturwirtschaft)** и креативную экономику **(Kreativwirtschaft)** как важную

4. Официальный сайт Kontaktstelle für Sammlungsgut aus kolonialen Kontexten in Deutschland. URL: https://www.cp3c.de/ (дата обращения: 09.07.2023).

ветвь экономики Германии. Мы хотим открыть программы поддержки для малых предприятий и самозанятых в сфере экономики культуры и креативной экономики [СвДП 2021, с. 55].

– Мы установим условия для рынков экономики культуры (Kulturwirtschaft) и креативной экономики (Kreativwirtschaft) таким образом, что соответствующие бизнес-модели и модели извлечения прибыли (Erlösmodelle) будут только усилены [СДПГ 2021, с. 48].

– Мы приложим все свои усилия, чтобы восстановить впечатляющую экономическую динамику и высокий ежегодный рост экономики культуры (Kulturwirtschaft) и креативной экономики (Kreativwirtschaft), которые были достигнуты до пандемии [ХДС / ХСС 2021, с. 136; Beyme 2012].

Из этого примера видно, что предвыборные программы не просто могут быть, но и должны читаться и анализироваться интертекстуально. Именно такой подход позволяет наиболее полно проанализировать борьбу различных дискурсов за (пере-)определение политики культуры.

Важно и то, что основные темы, представленные в программных документах 2021 г., коррелируют с основным направлением деятельности государственного министра по делам культуры и медиа, отчеты о которых представлены на сайте федерального правительства[5], нередко практически дословно совпадают с некоторыми формулировками из предвыборных программ.

– Поддержка искусств и культуры.
– Поддержка художников и артистов.
– Устойчивость окружающей среды (Nachhaltigkeit) в культуре и медиа.
– Культурное участие.
– Объекты культуры из колониальных контекстов.
– Экономика культуры и креативная экономика.
– И др.

В попытках дать определения, описать или охарактеризовать ту или иную сферу политики культуры авторы предвыборных программ вынуждены называть определенные социальные группы, места, события и действия по отношению к ним (поощрение / наказание; включение / исключение; память / забвение и т.д.). Еще одним важным полемическим узлом является культура памяти (табл. 2).

5. Официальный сайт правительства Германии. Die Bundesregierung. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/bundesregierung/bundeskanzleramt/staatsministerin-fuer-kultur-und-medien/kultur (дата обращения: 09.07.2023).

Таблица 2

Культура памяти: ключевые тезисы

Левая	– Критическое рассмотрение истории Германии в XIX и XX вв., особенно проработка преступлений национал-социализма. – Память о колониализме и связанных с ним рабстве и работорговле. – Усиление функционирования мемориалов, а также центров документации как мест обучения и коммеморации. – Проработка и рефлексия постколониальной континуальности (Kontinuitäten). – Антифашистская культура памяти. – Поддержка культуры памяти, ориентированной на реалии иммиграционного общества (Einwanderungsgesellschaft). – Улучшение условий труда, прежде всего педагогического персонала в музеях и мемориальных центрах. – Возвращение украденных предметов искусства в период национал-социализма и установление правил реституции незаконно приобретенных культурных ценностей из колониальных контекстов.
СДПГ	– Национализм, расизм, антисемитизм и антицыганизм ставят нас перед новыми вызовами, особенно в проработке преступлений национал-социализма и Шоа. – Поддержка научной и историко-дидактической проработки свидетельств и документов периода национал-социализма. – Поддержка малых инициатив и мест памяти. – Поддержка изучения СЕПГ-диктатуры. – Поддержка Центра будущего европейской трансформации и германского единства[6]. – Развитие постколониальной культуры памяти, которое принимает во внимание совершенное немцами колониальное преступление. – Изменение отношения к колониально обременённым культурным ценностями в музеях. – Поддержка на федеральном уровне мест, связанных с историей демократии в Германии.
СвДП	– Усиление культуры памяти. – Модернизация концепции мемориалов. – Информирование о преступлениях обеих германских диктатур, как национал-социализма, так и ГДР, остается долгосрочной задачей. – Нелегальная торговля культурными ценностями должна быть пресечена. – Создание фондов для закупок предметов искусства.
ХДС / ХСС	– Сохранение культурной памяти и проработка национал-социализма и СЕПГ-диктатуры, для ориентации будущих поколений против антисемитизма, расизма и экстремизма остается долгосрочной задачей. – Работа фонда «Места истории германской демократии». – Благодаря федеральной программе «Молодежь помнит» мы хотим дигитализировать работу со свидетельствами эпохи. – Установление происхождения предметов искусства, в особенности в период национал-социализма, СЕПГ-диктатуры и колониализма, остается одним из основных направлений политики культуры. – Защита деятелей культуры, которые подвергаются преследованию за рубежом и просят убежища в Германии.

6. Zukunftszentrum für Europäische Transformation und Deutsche Einheit.

Продолжение таблицы 2

Союз 90 / Зелёные	– Отдать дань уважения, признать и произвести компенсацию таким группам пострадавших, как так называемые «асоциальные»; «рецидивисты» и «жертвы эвтаназии». Истории их жизни, ровно, как и совершивших убийства, должны быть исследованы и получить оценку. – Финансово поддержать исследовательскую работу. – Поддержать места памяти мирной революции 1989 г., немецкого воссоединения и последующих глубинных трансформационных процессов в Восточной Германии. – Мы хотим создать правовые правила возвращения украденных произведений искусства (Raubkunst) в период национал-социализма и ГДР. – СЕПГ-диктатура также должна быть проработана, благодаря продолжению исследований и работы по гражданскому воспитанию отделения Федерального уполномоченного по архивам Штази[7]. – Вернуться к теме колониализма и поддержать общественные дебаты о колониальном наследии, которые позволят создать антирасистский взгляд на историю и общество. – Критическая проработка колониальных преступлений и деколонизация общественных пространств. – Установить правила реституции культурного наследия из колониальных контекстов. – Открыть культуру памяти для множественного опыта и историй людей, которые иммигрировали в Германию, или чья история связана с ней. – Ввести активную культуру памяти во всех государственных и общественных организациях.
АдГ	– Сохранение обычаев и диалектов. – Страдание изгнанных (Heimatvertriebenen) не должно быть забыто. – Архитектурные памятники и родная архитектура создают чувство родины и культурную идентичность. – Сохранение и реконструкция исторических центров городов. – Уважение к истории Германии во всей ее целостности. Официальная культура памяти не должна концентрироваться только на негативных сторонах нашей истории, но также должна принимать во внимание и позитивные. – АдГ выступает против поношения Германской империи (Kaiserreichs), ее достижений и агрессии в отношении памятников Бисмарку. – Против «деколонизации» культуры; критической расовой теории, направленной только против белых. – Против всеобщего (pauschale) возвращения культурных ценностей из колониальных контекстов. – Создание информационного центра и мемориала жертвам коммунистической тирании (Gewaltherrschaft).

Источник: составлено автором на основе предвыборных программ 2021 г.

Как видно из таблицы 2, в политическом спектре присутствует много общих мест, но при этом заметны и различия, которые касаются как позиции по одним и тем же вопросам, так и социальных групп, событий и мест, которые должны стать объектами политики памяти в Германии.

7. Bundesbeauftragte für die Unterlagen des Staatssicherheitsdienstes der ehemaligen Deutschen Demokratischen Republik.

В свою очередь составители программ являются ограниченными в использовании языковых средств и вынуждены работать с доступными понятиями, которые формируются интеллектуалами, учеными или другими социальными акторами, такими как: «культурная нация»; «ведущая культура»; «параллельные сообщества»; «конституционный патриотизм»; «культура памяти»; «креативная экономика»; «постколониальный»; «постиммигрантский» и др. При этом зачастую эти понятия деконтекстуализируются, трансформируются и адаптируются в новых контекстах, что ведет к их ресемантизации. Иногда схожие, на первый взгляд, формулировки и характеристики культуры приобретают новые интерпретации за счет помещения в разные контексты. Это характерно не только для партий, находящихся близко друг к другу в политическом спектре, но и для тех, которые находятся на противоположных его концах.

– Способствовать преодолению социального неравенства и культурного подавления – есть задача **прогрессивной просвещенческой культуры**, чьим содержанием и целью является гуманистический образ человека и всеобъемлющее солидарное раскрытие ассоциированных индивидов [Левая партия 2021, с. 125].

– Наша идентичность определяется нашим немецким языком, нашими ценностями, нашей историей и культурой. Последняя же тесно связана с христианством, **Просвещением**, нашими произведениями искусства и научными достижениями [Альтернатива для Германии 2021, с. 156].

Примечательно, что Просвещение выступает в качестве основной характеристики культуры как у левых, так и у правых, при этом для Левой партии оно, скорее, выступает в качестве инклюзивного понятия и апеллирует к универсальным принципам, позволяющим объединить различные культуры, в то время как для АдГ оно является отличительной характеристикой немецкой ведущей культуры и противопоставляется другим культурам.

В текстах программ также видны попытки адаптировать политику культуры к современным социально-политическим и экономическим реалиям. Это видно как в апелляции к пострадавшим художникам и деятелям культуры в период пандемии COVID-19, так и в попытках включить компьютерные игры в домен политики культуры. Здесь снова обнаруживается размытие границ между различными доменами политики: так, например, социал-демократы говорят о том, что «компьютерные игры – это культурный продукт, мотор инноваций и экономический фактор» [СДПГ 2021, с. 48], а христианские демократы, говоря о поддержке экономики культуры и креативной экономики, включают сюда и компьютерные игры, наряду с кино, музыкой, литературой и издательской деятельностью [ХДС / ХСС 2021, с. 136]. В то же время компьютерные игры размещаются в главах или параграфах, посвященных спорту у Зеленых и свободных демократов.

Комплексное критическое изучение текстов предвыборных программ демонстрирует большой потенциал для исследования политики культуры. В них не только обнаруживаются базовые понятия политики культуры, но и борьба за их переопределение. Тексты программ являются важным источником для изучения институционализации политики культуры, поскольку содержат отсылки, критику и предложения к реформированию привычных институтов, а также проекты новых. Диахронное изучение программ помогло бы выявить изменения в представлениях о политике культуры как в рамках программатики одной конкретной политической партии, так и во всем спектре. А помещение текстов программ в более широкий контекст общественно-политического и интеллектуального дискурса могло бы внести вклад в изучение широкого спектра дискурсивных практик, формирующих современную политическую культуру Германии.

Библиография

Бурдье Пьер Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко // М.: Институт экспериментальной социологии; СПб: Алетейя, 2007. 288 с.

Предвыборная программа в бундестаг (2021) Левой партии. «Zeit zu handeln! Für soziale Sicherheit, Frieden und Klimagerechtigkeit. Wahlprogramm zur Bundestagswahl 2021». URL: https://manifesto-project.wzb.eu//down/originals/2021-1/41223_2021.pdf (дата обращения: 09.07.2023).

Предвыборная программа в бундестаг (2021) Свободной демократической партии Германии (СвДП). «Nie gab es mehr zu tun. Wahlprogramm der Freien Demokraten». URL: https://manifesto-project.wzb.eu//down/originals/2021-1/41420_2021.pdf (дата обращения 09.07.2023)

Предвыборная программа в бундестаг (2021) Социал-демократической партии Германии (СДПГ). «Aus Respekt vor deiner Zukunft. Das Zukunftsprogramm der SPD». URL: https://manifesto-project.wzb.eu//down/originals/2021-1/41320_2021.pdf (дата обращения: 09.07.2023).

Предвыборная программа в бундестаг (2021). Христианско-демократический союз Германии (ХДС) и Христианско-социальный союз в Баварии (ХСС). «Das Programm für Stabilität und Erneuerung. Gemeinsam für ein modernes Deutschland». URL: https://manifesto-project.wzb.eu//down/originals/2021-1/41521_2021.pdf (дата обращения: 09.07.2023).

Предвыборная программа в бундестаг 2021. Партии Альтернатива для Германии (АдГ). «Deutschland. Aber normal. Programm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum 20. Deutschen Bundestag». URL: https://manifesto-project.wzb.eu//down/originals/2021-1/41953_2021.pdf (дата обращения: 09.07.2023).

Fairclough N. Language and Power // 2nd Edition. London: Routledge, 2013. 260 p.

Harré R. Van Langenhove, L. Positioning theory: Moral contexts of intentional action // Blackwell, 1999. 217 p.

Jørgensen M., Phillips L.J. Discourse Analysis as Theory and Method // SAGE Publications, 2002. 230 p.

Klein A. Kulturpolitik: eine Einführung. 3., aktualisierte Aufl. Wiesbaden: VS, Verl. für // Sozialwiss. 2009. 262 S.

Merz N. Alle Wahlprogramme lesen? Dauert nur 17 Stunden // Zeit Online. 2017. URL: https://www.zeit.de/politik/deutschland/2017-08/bundestagswahl-wahlprogramme-parteien-computeranalyse/komplettansicht#print (дата обращения: 09.07.2023).

Merz N., Regel S. Die Programmatik der Parteien. SS. 211–241 // Niedermayer O. (Hrsg.) Handbuch Parteienforschung. Wiesbaden: Springer VS, 2013. 926 S.

Niedermayer O. Die Entwicklung des Parteiensystems bis nach der Bundestagswahl 2017. SS. 1–43 // Jun U., Niedermeyer O. (Hrsg.) Die Parteien nach der Bundestagswahl 2017: aktuelle Entwicklungen des Parteienwettbewerbs in Deutschland. Wiesbaden: Springer, VS. 2020. 252 S.

References

Burd'e P'er Sociologiya social'nogo prostranstva / Per. s franc.; otv. red. perevoda N.A. Shmatko. M. : Institut eksperimental'noj sociologii; SPb: Aletejya, 2007. 288 s.

Fairclough N. Language and Power. 2nd Edition. London: Routledge, 2013. 260 p.

Harré R. Van Langenhove, L. Positioning theory: Moral contexts of intentional action. Blackwell. 1999. 217 p.

Jørgensen M., Phillips L.J. Discourse Analysis as Theory and Method. SAGE Publications, 2002. 230 p.

Klein A. Kulturpolitik: eine Einführung. 3., aktualisierte Aufl. Wiesbaden: VS, Verl. für Sozialwiss. 2009. 262 S.

Merz N. Alle Wahlprogramme lesen? Dauert nur 17 Stunden. Zeit Online. 2017. URL: https://www.zeit.de/politik/deutschland/2017-08/bundestagswahl-wahlprogramme-parteien-computeranalyse/komplettansicht#print (date of access: 09.07.2023)/

Merz N., Regel S. Die Programmatik der Parteien. S. 211–241. Niedermayer O. (Hrsg.) Handbuch Parteienforschung. Wiesbaden: Springer VS, 2013. 926 S.

Niedermayer O. Die Entwicklung des Parteiensystems bis nach der Bundestagswahl 2017. S. 1–43. Jun U., Niedermeyer O. (Hrsg.) Die Parteien nach der Bundestagswahl 2017: aktuelle Entwicklungen des Parteienwettbewerbs in Deutschland. Wiesbaden: Springer, VS. 2020. 252 S.

Predvybornaya programma v bundestag (2021) Levoj partii. «Zeit zu handeln! Für soziale Sicherheit, Frieden und Klimagerechtigkeit. Wahlprogramm zur Bundestagswahl 2021». URL: https://manifesto-project.wzb.eu//down/originals/2021-1/41223_2021.pdf (date of access: 09.07.2023).

Predvybornaya programma v bundestag (2021) Social-demokraticheskoj partii Germanii (SDPG). «Aus Respekt vor deiner Zukunft. Das Zukunftsprogramm der SPD». URL: https://manifesto-project.wzb.eu//down/originals/2021-1/41320_2021.pdf (date of access: 09.07.2023).

Predvybornaya programma v bundestag (2021) Svobodnoj demokraticheskoj partii Germanii (SvDP). «Nie gab es mehr zu tun. Wahlprogramm der Freien Demokraten». URL: https://manifesto-project.wzb.eu//down/originals/2021-1/41420_2021.pdf (date of access: 09.07.2023).

Predvybornaya programma v bundestag (2021). Hristiansko-demokraticheskij soyuz Germanii (HDS) i Hristiansko-social'nyj soyuz v Bavarii (HSS). «Das Programm für Stabilität und Erneuerung. Gemeinsam für ein modernes Deutschland». URL: https://manifesto-project.wzb.eu//down/originals/2021-1/41521_2021.pdf (date of access: 09.07.2023).

Predvybornaya programma v bundestag 2021. Partii Al'ternativa dlya Germanii (AdG). «Deutschland. Aber normal. Programm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum 20. Deutschen Bundestag». URL: https://manifesto-project.wzb.eu//down/originals/2021-1/41953_2021.pdf (date of access: 09.07.2023).

DOI: 10.31249/rsm/2023.04.08

Ф.О. Трунов

КРИЗИС ВОЕННОГО ПРИСУТСТВИЯ ФРГ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ В НАЧАЛЕ 2020-х годов

Аннотация. *Проблема создания и сохранения глобального военного присутствия существует для каждого действительно влиятельного государства. В статье внимание обращено на Германию с учетом её положения как «восходящей» державы (притом из числа стран Запада) и особой исторической ответственности как агрессора во Второй мировой войны. В рассматриваемой связи с начала 1990-х годов ФРГ основное внимание уделяла обычно небоевому использованию бундесвера в зонах вооруженных конфликтов, тем позиционируя себя на международной арене как миротворца. Однако в конце 2010-х – начале 2020-х годов либо произошел вынужденный стратегический уход Германии из ряда ключевых зон нестабильности (в Сомали, Афганистане, Сирии), либо отчетлива высокая вероятность данного сценария (в Ираке и Мали). Раскрываются политические и военные причины этого. Особое внимание уделено тем ограниченным результатам, которых ФРГ достигла в создании сил кризисного реагирования, «заточенных» под использование в зонах локальных конфликтов на глобальном уровне. Освещен вопрос трудностей и перспектив создания Германией системы заграничных военных баз на территории стабильных государств вне зоны ответственности НАТО. В связи с этим основное внимание сосредоточено на партнерах Берлина в Латинской Америке и Индо-Тихоокеанском регионе. Делается вывод об общих причинах кризиса глобального военного присутствия и перспективах его преодоления. В исследуемой связи подчеркнута контрпродуктивность растущего вклада ФРГ в «сдерживание» РФ и КНР.*

Ключевые слова. *Стратегическое присутствие; влияние; держава; Германия; бундесвер; вооруженные конфликты; силы кризисного реагирования; военные базы.*

Трунов Филипп Олегович – кандидат политических наук,
ведущий научный сотрудник Отдела Европы и Америки
ИНИОН РАН. Россия, Москва.
E-mail: 1trunov@mail.ru
WoS Researcher ID: AAC-7844-2020
Scopus Author ID: 57211605240
ORCID: 0000-0001-7092-4864

Trunov Ph.O. **The crisis of the German military presence in the international arena in the early 2020s**

Abstract. *The problem of creating and maintaining a global military presence is relevant for each genuinely influential state. The article examines Germany taking into account its role as a rising power (first of all, inside the Euro-Atlantic community) and special historical responsibility as the key aggressor in the World War II. Since the 1990s, Germany has focused on the non-combat usage of the Bundeswehr in the zones of armed conflicts outside of NATO`s zone of responsibility. In doing so, it has positioned itself as a peacemaker on the global stage. But in the late 2010s and early 2020s, Germany was forced to make a strategic exit from some zones of instability (in Somali, Afghanistan, Syria) and faced with the same scenario in others (in Iraq and Mali). The article reveals the political and military reasons for it. It also shows the limited results of Germany`s efforts in creating a crisis response force to be used in zones of instability in different parts of the world. The author also pays attention to the difficulties in and prospects for establishing military bases in the stable states outside of NATO`s zone of responsibility. In this regard the key attention is paid to the partners of Germany in South America and the Indo-Pacific region. The article draws conclusions about the key reasons of the crisis of German global military presence and the prospects for overcoming it. In the context the paper stresses the counterproductiveness of the growing contribution of Germany to the «containment» of the Russian Federation and the PRC.*

Keywords. *Strategic presence; influence; power; Germany; Bundeswehr; armed conflicts; crisis management forces; military bases.*

Trunov Philipp Olegovich – candidate of political sciences,
presenter Researcher, Department of Europe and America,
INION RAN. Russia, Moscow.
E-mail: 1trunov@mail.ru
WoS Researcher ID: AAC-7844-2020
Scopus Author ID: 57211605240
ORCID: 0000-0001-7092-4864

Понятие «восходящая» держава традиционно ассоциируется с игроками за пределами Евро-Атлантического сообщества. Исключением, лишь подтверждающим правило, является кейс ФРГ. Во Второй мировой войне Германия стала ключевым агрессором, стремясь к порабощению человечества с предельно широкой – как функционально, так и географически – опорой на военную силу в её «чистом» виде. Принуждение к подписанию безоговорочной капитуляции, временная утрата национальной государственности сделали априори невозможным открытое возвращение ФРГ державных позиций в условиях биполярного миропорядка. Отложенный полноценный старт её движения

к лидерству произошел только в условиях окончания предшествующей холодной войны. Его частью стало распространение юрисдикции ФРГ на территорию ГДР (1990). До этого, создав мощный военный потенциал после вступления в НАТО (1955), Западная Германия принципиально отказывалась от его применения за пределами своей территории. Но с начала 1990-х годов стартовал процесс использования бундесвера не только вовне границ ФРГ, но и зоны ответственности Североатлантического альянса, найдя юридическое оформление на национальном уровне уже в 1994 г. [Varwick 2007].

Систему глобального стратегического присутствия, т.е. имеющего военную составляющую, Германия последовательно выстраивала с опорой на участие в урегулировании вооруженных конфликтов в различных регионах мира. Почему был избран данный вариант? Антитезой исторического наследия как крупнейшего агрессора выступало создание имиджа ФРГ как глобального миротворца. С начала 1990-х годов фокус в использовании вооруженных сил (ВС) ведущих государств мира сместился с подготовки к широкомасштабной войне на борьбу с преимущественно неклассическими угрозами безопасности. К их числу относятся: распространение «ячеек» террористических группировок, контрабанда оружия, взрывчатых и наркотических веществ, массовая неконтролируемая миграция. Все эти риски нестабильности зарождаются в основном в зонах вооруженных конфликтов. На практике спектр внутренних сил, участвующих в каждом из них, разнообразен и многочислен, тем существенно затрудняя возможности для урегулирования и часто делая необходимым привлечение внешних игроков. Особые требования предъявляются к ним в смысле эффективного использования вооруженных сил: в рамках деятельности по миротворчеству и поддержанию мира они должны были решать не только собственно военные задачи, но и содействовать созданию в целом условий и политико-психологической атмосферы перехода территории к постконфликтной (мирной) стадии развития.

Истеблишмент ФРГ расценивал такие рамочные условия для заграничного применения бундесвера крайне выгодными, так как де-юре они должны были обеспечить необходимый уровень легитимизации. Германия прилагала собственные военные усилия исключительно как часть многосторонних – прежде всего в сотрудничестве с партнерами по евроатлантическим институтам (НАТО, ЕС), реже с другими игроками. Подчеркивая успехи в деле денацификации и инкорпорирования ценностей либеральной демократии, Бонн / Берлин презентовал себя как «гражданскую», а, точнее, «невоенную державу» (*нем*. Zivilmacht) [Risse 2007, S. 49]. Термин означал для ФРГ в сравнении с другими игроками ограниченность обращений к потенциалу ВС, а в тех случаях, когда это имело место, – приверженность принципу «стратегической сдержанности». Сам бундесвер позиционировался как инструмент стабилизации в широком смысле ситуации в зонах вооруженных конфликтов

[Weißbuch… 2016, S. 90–95], де-юре отнюдь не нарушая формулы: «с немецкой земли будет исходить только мир», что была закреплена в договоре об окончательном урегулировании в отношении Германии (1990). На практике это должно было означать последовательное стремление ФРГ к небоевому (несиловому) использованию потенциала ВС, исключая случаи вынужденной самообороны.

Это правило имело, однако, ряд исключений: ключевые из них – участие ВВС ФРГ в военно-воздушных операциях НАТО на Балканах в 1995 г. (против Республики Сербия) и в 1999 г. (бомбардировки Сербии) [Baumann 2007, S. 69], что использовалось Германией для утверждения в роли региональной державы. Уже в XXI в. имело место точечное боевое применение спецназа в зонах нестабильности (в частности, в Афганистане) вне мандата Бундестага [Schwarzbuch 2016]. Вместе с тем в подавляющем большинстве случаев действительно наблюдалось несиловое использование применение военных. Когда урегулирование требовало разгрома или критического ослабления радикальных незаконных вооруженных формирований (НВФ), как это было в Афганистане в 2001–2002 гг., Сирии и Ираке к 2014 г., Мали в 2013 г., ФРГ оказывалась в зависимости от западных партнеров, готовых и способных проводить необходимые силовые акции (прежде всего, США и Франции).

Ко второй половине 2010-х годов Германия достигла заметных успехов в создании системы глобального военного присутствия с опорой на использование бундесвера в зонах вооруженных конфликтов. На региональном уровне эта схема в достаточно масштабном виде была апробирована на Балканах (в Боснии и Герцеговине, Косово, а также Македонии) в 1990-е – начале 2000-х годов. С начала 2000-х годов она нашла применение на Среднем Востоке (в Афганистане, что превратился в крупнейшее направление заграничного применения ВС ФРГ) [Antrag… 2011], с середины 2000-х годов – на Ближнем Востоке (в Ливане, десятилетие спустя также в Ираке и отчасти в Сирии), к середине 2010-х годов – в Западной Африке (Мали с распространением на группу *G5 Sahel* в целом). Параллельно Германия предпринимала неоднократные (в начале 1990-х годов, в начале и конце 2000-х годов) попытки закрепиться в районе Африканского рога. К середине 2000-х годов объем военного присутствия вне зоны ответственности НАТО, особенно в Азии и Африке, составлял до семи тыс. [Varwick 2007, S. 250], в отдельные моменты следующего десятилетия доходя до десяти тыс. солдат и офицеров [Glatz, Hansen, Kaim, Vorrath 2018, S. 8–11]. Однако в 2014–2015 гг. этот показатель упал до трех с половиной тыс., а в начале 2020-х годов – до двух-двух с половиной тыс. военнослужащих без учета группировок внутри зоны ответственности НАТО [Рассчитано на основе: Anzahl… 2022].

К этому времени Германия прекратила участие в военно-тренировочной миссии ЕС в Сомали (2018) и почти обнулила вклад в функционирование

морских сил объединения, предназначенных для борьбы с пиратством в Аденском заливе [Anzahl… 2022]. Вслед за США ФРГ была вынуждена пойти на полный демонтаж войскового присутствия под эгидой НАТО на севере Афганистана в апреле–июне 2021 г. К 2022 г. бундесвер полностью свернул участие в деятельности II западной антитеррористической коалиции в Сирии, еще ранее уменьшив его размеры в соседнем Ираке [Antrag… Drucksache 20/408 2022: 1–4]. Параллельно оставался весьма ограниченным еще с 2010 г. объем германских военных в составе миссии ООН на юге и прибрежных водах Ливана [Anzahl… 2022]. В апреле 2022 г. Берлин был вынужден согласиться с временным прекращением деятельности военно-тренировочной миссии ЕС в Мали [Antrag… Drucksache 20/1761 2022, S.7–9], а в сентябре 2022 г. риск такого сценария возник для последнего (!) крупного наземного контингента бундесвера – в составе миротворческих сил ООН в этой африканской стране, откуда уже была вынуждена осуществить стратегический выход Франция [Сидоров 2022]. Деградация военных позиций Германии на глобальном уровне тем болезненнее в условиях «смены вех» в стране (окончание продолжительной «эры» А. Меркель) и первых этапов новой реформы бундесвера, нацеленной на восстановительный рост его мощи [Bundeswehr-Pläne… 2017].

Задача статьи – исследовать кризис военно-стратегических позиций ФРГ вне зоны ответственности НАТО, выявить его причины и перспективы преодоления. В первых частях статьи автор остановился на данном круге проблем применительно к зонам нестабильности, в последней – задался вопросом о потенциале создания Германией системы военных баз в мире. Методологически работа опирается на положения теорий урегулирования конфликтов (в разделе, касающемся вооруженных как таковых) и строительства ВС с применением сравнительного анализа. Специалистами создан существенный задел в изучении особенностей военного присутствия ФРГ в различных частях мира [Арзаманова 2022; Major, Swistek 2022, S. 6–8; Tull 2019]. Однако наблюдается недостаток комплексных исследований, т.е. изучающих данную проблематику не применительно к конкретным региональным и страновым сюжетам, но на глобальном уровне в целом, особенно с учетом масштабных изменений начала 2020-х годов.

Демонтаж военного присутствия ФРГ в зонах вооруженных конфликтов

Следует подчеркнуть, что практически во всех представленных выше случаях свёртывание военного присутствия Германии носило *вынужденный* характер, будучи обусловлено широким кругом причин. В данном случае не следует преувеличивать значение фактора пандемии: обусловленная ею

«заморозка» мирополитических процессов сделала возникавшие тенденции их развития более отчетливыми, но отнюдь не создавала их непосредственно. Так, действия Германии как часть многосторонних усилий стран Запада не приводили к достижению положительной «точки невозврата» в урегулировании практически ни в одном из случаев. В 2020–2022 гг. это стало заметнее, чем ранее, однако, не будучи чем-то качественно новым.

В определенной мере стратегические неудачи объяснялись ошибками собственно военного характера. Радикальные НВФ, стремясь контролировать обширные территории, вынуждены были переходить от горизонтальной к вертикальной системе организации управления и военизированных отрядов. Это обусловливало их уязвимость перед несоизмеримо лучше оснащенными ВС стран Запада, что показали кампании 2001–2002 гг. в Афганистане и 2013 г. в Мали. Утрачивая общий контроль, НВФ вновь возвращались к горизонтальной схеме управления силами (автономные отряды), повстанческим и террористическим тактикам, что заметно усложняло противодействие им. В фазе смены стратегии радикальные силы были обычно наиболее уязвимы. Однако между сильным поражением НВФ и развертыванием войсковых сил стран Запада для реализации мер по миротворчеству и поддержанию мира часто наблюдался временной лаг (от нескольких месяцев до двух-трех лет), не позволяя достичь полного разгрома НВФ. Эта ошибка усугублялась недостаточностью первоначально выделенных сил и средств – их существенное увеличение происходило позже, когда время было упущено, а логика урегулирования требовала уже передачи нитей управления процессом местным органам власти и силам безопасности в стране происхождения конфликта. Так, в Афганистане выдвижение первых подразделений НАТО (притом из бундесвера) к северу от Кабула началось лишь с осени 2003 г., т.е. два года спустя начала урегулирования [Hett 2005, S. 12–18]. Развертывание в обширных провинциях Кундуз и Бадахшан условно достаточных сил бундесвера (эквивалент неполной бригады) был осуществлен только в 2008–2012 гг. [Antrag… 2011, S. 4]. Процесс урегулирования в Мали стартовал с 2013 г., однако заметный вклад (равноценный усиленному батальону) в урегулирование ФРГ стала вносить только с 2016–2019 гг. [Antrag… 2019, S. 3–5].

В Афганистане имело место также заметное запаздывание подготовки значительной по численности армии: в необходимых объемах эта деятельность стартовала лишь с конца 2000-х годов [Antrag… 2011]. В Мали она была начата в течение первого года, однако её объемы оказались недостаточны для перелома в борьбе с радикальными НВФ. Кроме того, некоторые из обученных частей приходилось возвращать на досрочную переподготовку из-за продемонстрированной низкой боеспособности [Сидоров 2018, с. 123–124]. Конкретно в случае Мали это вдвойне ударяло по ФРГ, вносившей наибольший вклад в деятельность *EUTM Mali* [Antrag… 2019, S. 3–5].

«Узким местом» выступала и недостаточная эффективность войсковой активности бундесвера: опасаясь потерь (и тем отзыва мандата) на севере Афганистана германские военные часто передвигались по одним и тем же маршрутам в неизменное время, не прочесывая обширные труднопроходимые районы на предмет схронов и комбатантов, пока те еще просачивались с юга поодиночке или мелкими группами [Hett 2005, S. 15–18]. В Мали не менее половины контингента (суммарно чуть более тысячи военных) были заняты охраной многонациональной базы, обслуживанием её и команд разведывательных беспилотников. «В поле» ФРГ могла выделить до 500 военнослужащих [см.: Antrag… 2019, S. 4–8], полагаясь на партнеров из Африканского союза и Францию (в рамках проводимой ею операции *Barkhane*).

Сторона конфликта, на которую делался упор со стороны Евро-Атлантического сообщества в смысле разноплановой (особенно военной) поддержки, либо оказывалась не готова к принятию ведущей роли в урегулировании, либо со временем отдалялась от стран – участниц ЕС и НАТО. Так, масштабные усилия по подготовке и оснащению вооруженных сил (штат – до 240 тыс.) и полиции (до 160 тыс.) Афганистана [Antrag… 2011] завершились полным провалом: под напором «Талибана»[*1] в 2021 г. они развалились подобно «карточному домику» в течение двух месяцев (!) после ухода миссии НАТО. В Сомали прекращение участия ФРГ в работе военно-тренировочной миссии *EUTM Somali* в марте 2018 г. стало реакцией на невозможность правительственных войск помешать восстановлению позиций «Аш-Шабаб»[*]. Схожая картина наблюдалась в Ираке весной 2019 г.: очередное усиление «Исламского государства» (ИГ)[*] на севере страны вынудило ФРГ пойти на временный (с возвращением в 2020 г.) демонтаж военно-тренировочной миссии, готовившей кадры правительственных войск и курдских пешмерга [Antrag… Drucksache 20/408 2022]. Новое укрепление ИГ[*] показало спорную эффективность II западной антитеррористической коалиции в Ираке в сопоставлении с действиями в соседней Сирии России и Ирана [Манойло 2020, с. 146–147]. В сотрудничестве с официальным Дамаском они смогли достичь качественного перелома в борьбе с ИГ[*]. На сирийском направлении это стало одной причиной свертывания ФРГ военной активности, а другой – низкая боеспособность военизированных формирований «умеренной» оппозиции, вступавших в симбиотические связи с «Джебхат ан-Нусрой», ИГ и иными радикальными НВФ.

В Мали, несмотря на функционирование спектра миссий с участием стран Запада – смешанных, т.е. имевших боевую составляющую, *Barkhane* (под командованием Франции, 2015–2021) и *Takuba* (под эгидой ЕС, 2020–

1. Здесь и далее [*] обозначены запрещенные в РФ организации.

2022), военно-тренировочной *EUTM Mali* и миротворческой *MINUSMA* – с конца 2010-х годов наблюдалась деградация урегулирования. На фоне успехов в деле замирения туарегов на севере Мали боевики террористических НВФ успешно перегруппировались на юг, в сопредельные с Буркина-Фасо районы, начав восстанавливать потенциал еще до наступления пандемии [Unterrichtung… 2020, S. 6–15] и ускорив это уже в ходе неё [Antrag… Drucksache 20/1761 2022]. Результатом стали смещение силовиками президента и правительства в Мали (в августе 2020 и вновь в мае 2021 г.) и Буркина-Фасо (в январе 2022 г.) с последующим дистанцированием от стран – участниц ЕС. Основная причина – желание местных военных, уставших от длительного функционирования радикальных НВФ на своей территории, пойти *альтернативным* путем – без встроенного и направляющего участия стран Запада. Переходные власти в Бамако вынудили пойти на свертывание миссий *Barkhane* и *Takuba,* временно приостановить (без конкретизации сроков возобновления) деятельность *EUTM Mali* к маю 2022 г. [Antrag… Drucksache 20/1761 2022, S. 7–9]. В этой ситуации ФРГ оказалась в более выгодном положении, чем другие страны Запада, особенно Франция, прилагая большие военные усилия по линии миссии ООН – в отличие от других, возглавляемых странами-участницами или институтами Евро-Атлантического сообщества, она вызывала токсичность, но всё же меньшую, у малийских военных [ibidem]. Однако это общее правило не распространялось на контингент Германии: новые власти в Бамако, как и ранее в случае других миссий, попытались поставить его деятельность под контроль. Жёстко реагируя на это, ФРГ заявила о снижении активности, т.е. военной помощи, не собираясь, однако, выводить войсковой контингент в составе *MINUSMA*. В данном случае повторялась ситуация с германскими инструкторами в составе *EUTM Mali*: несмотря на временное прекращение миссии в целом, они продолжили оставаться в Мали (в расположении сил бундесвера в *MINUSMA*) и Нигере [Anzahl… 2022]. Это отражало неготовность Германии пойти на свертывание последней крупной миссии вне зоны ответственности НАТО. Берлин объявлял свои действия законными, считая переходные власти в Мали нелегитимными вследствие формы их прихода к власти [Antrag… Drucksache 20/1761 2022]. Однако решения ФРГ вразрез с позицией руководства страны пребывания германского континента наделяет его признаками *интервенции*. Следует подчеркнуть, что не только в Мали, но и большинстве других случаев ФРГ не удалось избежать восприятия своих контингентов как форм навязываемого извне военного присутствия. Провозглашаемый отказ от боевого использования и активное участие солдат и офицеров Германии в помощи мирному населению (раздача гуманитарной помощи, восстановление значимых объектов социальной и экономической инфраструктуры) смягчали подобное восприятие местным населением, однако не решали эту проблему.

В целом странам и институтам Евро-Атлантического сообщества не удалось выработать дееспособной схемы урегулирования вооруженных конфликтов. Надежды на то, что в постбиполярных реалиях миропорядок станет лучше регулируемым [Risse 2007, S. 56], не оправдались: представляется, что этому мешало прежде всего стремление к западноцентричности данного процесса. Масштабные попытки привить ценности либеральной демократии на политическую почву стран Азии и Африки, что легло в основу урегулирования, не дали положительного результата.

Данная проблема ещё более обострилась в условиях растущей вовлеченности ФРГ в «холодную войну» между Евро-Атлантическим сообществом и РФ (с 2014 г.), а также выстраиваемую США, их партнерами систему «сдерживания» КНР (старт плавного подключения Германии – 2021 г.) [Арзаманова 2022; Dieter 2021]. Тем самым официальный Берлин предельно выпукло обозначил традиционную интегрированность в «коллективный» Запад, отдаляя себя от «не-Запада». Именно к нему относили себя силы, стремящиеся взять процесс урегулирования в свои руки в Мали (переходные военные власти) или в Афганистане (движение «Талибан»[*]). По мере развития конфронтаций возрастало их негативное влияние на возможности стран Запада по урегулированию вооруженных конфликтов – не гипотетических (как «российская угроза»), а экзистенциональных угроз для безопасности стран – участниц НАТО и ЕС. Для ФРГ эта проблема проявилась уже с 2014–2015 гг., резко обострившись на фоне специальной военной операции (СВО) РФ. Последняя являла вынужденное строго градуированное применение военной силы с целью недопущения неконтролируемой эскалации напряженности, т.е. перерастания «холодной войны» в полномасштабную «горячую». Действия Германии в контексте усилий Запада в целом оказались нацелены на ужесточение «сдерживания» РФ, что еще более усложняет для Берлина изыскивание необходимого потенциала для обеспечения должного присутствия в зонах нестабильности в Азии и Африке.

Проблема ограниченности профильной военно-ресурсной базы ФРГ

Для эффективного постоянного использования на отдаленных рубежах от территории страны пригодны далеко не все войска, но лишь специальным образом подготовленные, экипированные и оснащенные. Их уместно обозначить *силами кризисного реагирования* (СКР). Будучи относительно немногочисленны (тысячи, редко десятки тысяч военнослужащих), СКР должны готовиться к автономному использованию мелкими подразделениями – от роты и ниже вплоть до отдельно взятого бойца как самостоятельной боевой единицы. Это требовало от каждого военнослужащего СКР необходимой инициа-

тивности (но строго в пределах мандата контингента), способности эффективно действовать обычно в незнакомых природно-климатических условиях. Военнослужащий СКР обязан отнюдь не поверхностно разбираться в ходе развития и урегулирования вооруженного конфликта (включая знания о всех его значимых сторонах-участницах), в зоне которого он использовался. В техническом плане каждый боец, не говоря о командире, обязан быть оснащен комплектом спутниковой связи и навигации. Особые требования предъявлялись к парку военной техники СКР: они должны были быть густо насыщены наземными (особенно разведывательными) и воздушными (вертолеты, поддержка беспилотных летательных аппаратов различного предназначения) машинами, по возможности с дублирующим комплектом. Это требовало также полноценной тыловой поддержки на территориях, где обычно отсутствовала необходимая базовая инфраструктура.

Для всех видов вооруженных сил компонентой СКР являлись силы специальных операций (ССО), однако они традиционно были немногочисленны (так, в сухопутных войсках ФРГ на начало 2022 г. их имелось 1,5 тыс.) [Kommando Spezialkräfte… 2022]. Организационно в состав дивизии сил быстрого реагирования. Суммарно она имела 14,5 тыс. солдат и офицеров [Division… 2022], однако за вычетом частей транспортной авиации и вспомогательных сил, собственно войсковых подразделений насчитывалось лишь порядка шести тыс. военных (одна бригада и ССО) [Рассчитано на основе: Luftlandebrigade 1 2022, Kommando Spezialkräfte… 2022]. В ВМС к СКР относились фрегаты (с придаваемыми вертолетами и подразделениями морской пехоты), которые были сведены в две эскадры, имевшие суммарно 11 боевых вымпелов [2. Fregattengeschwader 2022; 4. Fregattengeschwader 2022]. В ВВС ФРГ в начале 2020-х годов как таковые СКР отсутствовали. Это объяснялось тем, что практически вся основная нагрузка в составе заграничных миссий ложилась на наземные войска (в том числе сильную армейскую авиацию) и ВМС. Последние из родов войск в целом достигли наибольших успехов в деле создания СКР [см.: Синдеев 2021].

Еще в 1990-е годы стала ясна необходимость создания профильных военных сил. Однако только к 2005 г. были определены контуры СКР, притом из-за их нехватки планировалось использовать в качестве частичной замены наиболее боеспособные подразделения сил общего назначения (СОН) [Grundzüge… 2004, S. 21–27]. Соответствующий положительный опыт был наработан на Балканах в 1990-е годы, однако применительно к Азии и Африке он оказался менее приемлемым. Главной трудностью оказалась невозможность создать СКР необходимой численности, особенно в случае армии. Вместо планируемых двух дивизий (каждая традиционно имела по три войсковых бригады) была создана лишь одна, притом включавшая только ССО и одну германскую войсковую бригаду [Division… 2022], что де-факто существовала

еще с предшествующей холодной войны. В итоге с учетом пятиочередной схемы ротации (шесть месяцев в районах применения вне зоны ответственности, после чего 24 месяца в районах постоянных дислокаций в резерве или для выполнения иных задач) сами СКР были способны развернуть: по линии армии – лишь чуть более одной тыс. боевого состава и одну-полторы тыс. сил поддержки, ВМС – два-три фрегата, т.е. эквивалент всего лишь одной-двух батальонных и одной морской оперативной групп. Основная причина проблем – последовательный процесс редукций бундесвера с 1990-х до середины 2010-х годов. Изначально планировалось осуществлять дорогостоящее оснащение и применение СКР за счет уменьшения СОН [Varwick 2007: S. 252–258], однако логика «сокращений ради сокращений» вкупе с отсутствием роста военных расходов в 2000-е – первой половине 2010-х годов в итоге не позволили нарастить СКР до нужного уровня.

Новая холодная война между Евро-Атлантическим сообществом и РФ привела к резкому возросшему объему использования боеспособных частей СОН для комплектования группировок НАТО внутри зоны её ответственности. Тем сильно сократилось «окно возможностей» для замены СКР подразделениями СОН в отдаленных зонах нестабильности, особенно по линии сухопутных войск. Стартовавший в конце 2010-х годов восстановительный рост ВС (личного состава, парка единиц оружия и военной техники) и профильных расходов нацелен прежде всего на наращивание СОН. Напротив, задача увеличения СКР (доукомплектования до штата единственной дивизии) отложена как минимум до начала 2030-х годов [Bundeswehr-Pläne… 2017].

Сложности и перспективы создания военных баз в стабильных государствах вне Евро-Атлантического сообщества

Вне зоны ответственности НАТО альтернативой утраты позиций в зонах нестабильности для ФРГ потенциально могло бы стать создание сети военных баз. Почему Германия не делала этого до начала 2020-х годов? *Во-первых,* в её случае отсутствовал феномен постимперских пространств, где традиционно наблюдались попытки воссоздания стратегического влияния. В отличие от Великобритании и Франции, Германия потеряла колониальные владения уже в Первую мировую войну, т.е. на треть века раньше. Кроме того, сами по себе заморские владения Второго рейха были несоизмеримо менее обширны, географически разбросаны, функционировали относительно недолго. Заметны попытки стратегического возвращения ФРГ в Намибию (в 1890–1915 гг. – Германская Юго-Западная Африка), препятствием чему служит политика жесткого угнетения местного населения в период колонизаторства Вторым рейхом [Ивкина 2022].

Во-вторых, важна ограниченная политико-дипломатическая и особенно практически нулевая военная активность ФРГ за пределами НАТО в предшествующую «холодную войну». Это обусловливало отсутствие не только наработанных позиций, но и накопленного опыта тесного военного сотрудничества со странами бывшего «третьего мира», когда многие из них проходили стадию становления национальной государственности.

Определенную роль играет тот факт, что сама ФРГ была реципиентом масштабного иностранного военного присутствия (группы держав и стран – союзниц по НАТО) [Fleckenstein 1990, S. 2–4]. С одной стороны, это позволило глубоко понять специфику военных баз внешних игроков, создаваемых на длительную перспективу, с другой – Бонну / Берлину оказалось не так легко перейти из положения объекта в субъект в данном вопросе.

В-третьих, исключительно значимо восприятие Германии. Исторически – Третьего рейха как ключевого агрессора во Второй мировой войне. Сама ФРГ позиционировала себя последовательным адептом «либеральной демократии» [A Multilateralism… 2021]. Это являлось безусловным преимуществом в диалоге со странами Запада, которые не входили в ЕС и НАТО. Однако данные игроки в основном расположены в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР), для них наиболее важным союзником выступали США, особенно в военном плане. В случае остальных государств мира, многие из которых относилось к не-Западу, позиционирование Германии выступало фактором усложнения для доверительного диалога. Логично, что трудности усиливались по мере втягивания Берлина в выстраивание конфронтаций с РФ и КНР.

Наиболее предпочтительным для ФРГ вариантом баз бундесвера являются военно-морские базы (ВМБ). В сопоставлении с другими типами (воздушной, сухопутной) данный вариант в намного меньшем масштабе создает эффект навязываемого иностранного присутствия. Большинство единиц техники (кораблей, субмарин) будут в основном находиться в Мировом океане – вне государства-реципиента и даже его территориальных вод. Стремясь оптимизировать численность персонала и расходы на ВМБ, ФРГ будет скорее заинтересована в создании базы не с нуля, но во взятии в аренду с технической модернизацией береговой инфраструктуры сегмента порта – сугубо военного или принимающего гражданские суда. Уже отмечалось, что ВМФ из всех видов войск в бундесвере обладал наибольшими возможностями в области кризисного реагирования. Кроме того, преимуществом Германии выступает географически диверсифицированный и разнообразный по номенклатуре экспорт морских кораблей (особенно фрегатов, корветов, патрульных катеров) и субмарин (прежде всего, проектов 212, а также 209). Для отстаивания позиции в вопросе создания ВМБ ФРГ может использовать не только факт поставок боевых единиц, но и гарантии их технико-технологической

модернизации, продаж необходимых запчастей, помощи в обучении личного состава. Очевидно, что для партнера будет особенно важен вопрос «всесезонности» такого сотрудничества. На практике, однако, официальный Берлин не всегда сможет гарантировать это из-за идеологического догматизма.

Доминирующим над всеми сугубо военными, военно-техническими аспектами является общеполитический фон: степень продвинутости межгосударственного диалога в средне- и долгосрочной ретроспективе и перспективе. Так, признаки интереса Германии к созданию заграничной ВМБ наблюдались в случае Бразилии. Помимо достаточно крупного размера военного экспорта из ФРГ, благоприятный фон задавался взаимной поддержкой сторон в *G4* – группы «восходящих» держав, претендующих на постоянные места в Совете Безопасности ООН. Однако краеугольным камнем, определяющим необходимые рамочные условия для постановки вопроса о ВМБ, выступает запуск и функционирование механизма межправительственных консультаций. Но первые переговоры в данном формате, проведенные при Д. Русеф в августе 2015 г. [Pressestatements… 2015], оказались по состоянию на начало 2020-х годов единственными, отражая последовавшую деградацию диалога при Ж. Болсонару. Вместе с тем определенные перспективы возможны после очередного избрания президентом Бразилии Л. Да Силвы.

«Окно возможностей» появилось в случае ИТР (Австралия, Япония) в условиях развития «холодной войны» США, группы их партнеров с КНР. Однако существенной трудностью является позиция самой ФРГ в вопросе развития данной конфронтации. Берлин подключился к её выстраиванию только после начала президентства Дж. Байдена, при Д. Трампе не желая поддерживать его планы в реалиях «ледникового периода» в диалоге. В сопоставлении с российским (притом по состоянию еще до начала СВО) на китайском направлении объем и чувствительность мер ФРГ против оппонента несоизмеримо меньше. Так, вместо огромной нагрузки по комплектованию группировок НАТО в Европе Берлин в начале 2020-х годов на Дальнем Востоке ограничился отправкой фрегата «Бавария» с военно-дипломатической миссией [Indo-Pazifik… 2021]. Вопреки первоначальным планам кораблю было отказано в заходе в порты КНР [Арзаманова 2022, с. 268]. Фрегат принял активное участие в совместных учениях с ВМС Австралии, США и Японии, демонстративно проследовал через спорные районы Восточно- и Южно-китайского морей [там же]. Однако ограниченность вклада ФРГ в «сдерживание» КНР не могла не вызвать неудовольствия со стороны группы англосаксонских держав. Наглядным проявлением того стало создание 15 сентября 2021 г. *AUKUS* – объединения Австралии, Великобритании и США, и 24 июня 2022 г. *Blue Pacific Alliance* с участием указанного триумвирата, а также Новой Зеландии и Японии. Это структуры избирательного состава отчетливо продемонстрировали круг ключевых партнеров США в «сдерживании» КНР,

де-факто представляя пример недружественного мультилатерализма по отношению к ФРГ. Примечательно, что *AUKUS* был учрежден одновременно с пребыванием фрегата «Бавария» у Австралии [Remarks… 2021; Deutsches Kriegsschiff… 2021]. Несмотря на активные шаги официального Берлина по сближению (и достаточно объемный военный экспорт наземных вооружений), Канберра как минимум в ближне- и среднесрочной перспективе едва ли будет заинтересована в появлении у себя ВМБ ФРГ. Существенно лучшие перспективы наличествуют в случае Японии – с Токио у Германии наиболее продвинутые отношения в сфере безопасности и обороны из всех дальневосточных игроков, а также среди партнеров по *G4*. Вместе с тем такой опыт сотрудничества актуализирует историческую память о германо-японском союзе во Второй мировой войне, когда обе державы были ключевыми агрессорами на глобальном уровне.

* * *

На рубеже 2010-х – 2020-х годов ФРГ столкнулась с обвальным, подобным «эффекту домино», ослаблением военного присутствия в зонах нестабильности. Как минимум на среднесрочную перспективу низки шансы его восстановления, в том числе частично в новых субрегионах, как и вероятность создания первых военных баз Германии в отдалении от Евро-Атлантического сообщества. Эти тенденции резко сокращают возможности для утверждения ФРГ в положении полноправного глобального игрока: стартовав еще в 2000-е годы, этот процесс рискует перейти в категорию отложенных.

Отчасти это обусловлено тактическими ошибками, в том числе в вопросах развития и использования бундесвера на дальних рубежах от ФРГ. Но основная причина неудач официального Берлина в реализации его амбициозных планов усматривается в жестком позиционировании Германии как органичной части «коллективного» Запада. Логично возрастание трудностей в этом отношении в условиях возникновения и развития новых «холодных войн» с РФ и КНР. Это заставляет ФРГ перенаправлять ресурсы, в том числе собственно военные, вовнутрь зоны ответственности Евро-Атлантического сообщества, тем де-факто отдаляя Германию от создания прочных военно-стратегических позиций на мировой арене в целом.

Библиография

Арзаманова Т.В. Отдельные аспекты стратегического планирования Германии в Индо-Тихоокеанском регионе в условиях возвращения соперничества великих держав // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4. С. 258–284.

Ивкина Н.В. Культурно-гуманитарные отношения Германии и Намибии: опыт преодоления колониализма // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2022. № 1. С. 171–181.

Манойло А.В. Конфликт в Сирии и внешняя политика России // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 2. С. 145–172.

Сидоров А.С. Военно-политический баланс возможностей Франции в Сахеле: этапы и механизмы выхода с ТВД // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4. С. 79–108.

Сидоров А.С. Франция в Сахеле: текущие проблемы и возможное развитие военного конфликта // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 4. С. 116–137.

Синдеев А.А. Германия и трансформационные процессы в сфере безопасности: проблемы военно-морских сил // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 7. С. 18–21.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an dem Einsatz der Internationalen Sicherheitsunterstützungstruppe in Afghanistan. Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode. Drucksache 17/4402, 13.01.2011. 8 S.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA). Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/8972, 03.04.2019. 12 S.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA). Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. Drucksache 20/1761, 11.05.2022. 12 S.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung des Einsatzes bewaffneter deutscher Streitkräfte – Stabilisierung sichern, Wiedererstarken des IS verhindern, Versöhnung in Irak fördern. Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. Drucksache 20/408, 12.01.2022. 12 S.

Anzahl der an internationalen Einsätzen beteiligten deutschen Soldaten der Bundeswehr (Stand: 19. Dezember 2022) // Statista.de. 19.12.2022. URL: https://de.statista.com/statistik/daten/studie/72703/umfrage/anzahl-der-soldaten-der-bundeswehr-im-ausland/#professional (дата обращения: 20.12.2022).

Baumann R. Deutschland als Europas Zentralmacht // Handbuch zur deutschen Außenpolitik / S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf (Hrsg.). Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften / GWV Fachverlage GmbH, 2007. S. 62–72.

Bundeswehr-Pläne: Heer soll drei neue Divisionen bekommen // DBwV. 19.04.2017. URL: https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/politik-verband/beitrag/news/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volle-divisionen-bekommen/ (дата обращения: 20.12.2022).

Deutsches Kriegsschiff besucht Westaustralien // BMVg. 30.09.2021. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/deutsches-kriegsschiff-besucht-fremantle-5225188 (дата обращения: 20.12.2022).

Deutschland und Japan intensivieren militärische Kooperation // BMVg. 22.06.2021. URL: https://www.bmvg.de/de/aktuelles/deutschland-und-japan-intensivieren-militaerische-kooperation-5097576 (дата обращения: 20.12.2022).

Dieter H. First Summit of the Anti‑China Coalition // SWP-Comment. 2021. № 36. 5 p.

Division Schnelle Kräfte // BMVg. 2022. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/division-schnelle-kraefte (дата обращения: 20.12.2022).

Fregattengeschwader // BMVg. 2022. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/organisation/einsatzflottille-2/2-fregattengeschwader (дата обращения: 20.12.2022).

Fregattengeschwader // BMVg. 2022. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/organisation/einsatzflottille-2/4-fregattengeschwader (дата обращения: 20.12.2022).

Fleckenstein B. Fremde Truppen im Vereinigten Deutschland – Gegenwärtige Situation und künftige Aussichten // SOWI-Arbeitspapier. 1990. № 44. 12 S.

Glatz R., Hansen W., Kaim M., Vorrath J. Die Auslandseinsätze der Bundeswehr in Wandel. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik, 2018. 52 S.

Grundzüge der Konzeption der Bundeswehr. Berlin: BMVg, 2004. 52 S.

Hett J. Provincial Reconstruction Teams in Afghanistan. Das amerikanische, britische und deutsche Modell. Berlin: Zentrum für Internationale Friedenseinsätze, 2005. 30 p.

Indo-Pazifik: Die «Bayern» auf diplomatischer Mission // BMVg. 29.07.2021. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/indo-pazifik-fregatte-bayern-diplomatische-mission-5204746 (дата обращения: 20.12.2022).

Kommando Spezialkräfte // BMVg. 2022. Mode of access: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/division-schnelle-kraefte/kommando-spezialkraefte (дата обращения: 20.12.2022).

Luftlandebrigade 1. // BMVg. 2022. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/division-schnelle-kraefte/luftlandebrigade-1 (дата обращения: 20.12.2022).

Major C., Swistek G. Die NATO nach dem Gipfel von Madrid // SWP-Aktuell. 2022. № 49. 8 S.

A Multilateralism for the People. Federal Government White Paper. Berlin: Federal government, 2021. 148 p.

Pressestatements von Bundeskanzlerin Merkel und der brasilianischen Präsidentin Rousseff anlässlich der 1. Deutsch-Brasilianischen Regierungskonsultationen // Bundeskanzleramt. 20.08.2015. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressestatements-von-bundeskanzlerin-merkel-und-der-brasilianischen-praesidentin-rousseff-anlaesslich-der-1-deutsch-brasilianischen-regierungskonsultationen-am-20-august-2015-846404 (дата обращения: 20.12.2022).

Remarks by President Biden, Prime Minister Morrison of Australia, and Prime Minister Johnson of the United Kingdom Announcing the Creation of AUKUS // The White House. 15.09.2021. URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/09/15/remarks-by-president-biden-prime-minister-morrison-of-australia-and-prime-minister-johnson-of-the-united-kingdom-announcing-the-creation-of-aukus/ (дата обращения: 20.12.2022).

Risse T. Deutsche Identität und Außenpolitik // Handbuch zur deutschen Außenpolitik / S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf (Hrsg.). Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften / GWV Fachverlage GmbH, 2007. S. 49–61.

Schwarzbuch. Kritisches Handbuch zur Aufrüstung und Einsatzorientierung der Bundeswehr. Berlin: Rosa-Luxemburg-Stiftung, 2016. 124 S.

Tull D. UN Peacekeeping in Mali // SWP-Comment. 2019. № 23. 4 S.

Unterrichtung durch die Bundesregierung. Bericht der Bundesregierung zur Lage und zum deutschen Engagement in Mali / Sahel. Aktuelle Lage, Ziele und Handlungsfelder des deutschen Engagements. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/18080, 25.03.2020. 20 S.

Varwick J. Bundeswehr // Handbuch zur deutschen Außenpolitik / S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf (Hrsg.). Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften / GWV Fachverlage GmbH, 2007. S. 246–258.

Weißbuch 2016 zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr. Berlin: Bundesregierung, 2016. 143 S.

References

A Multilateralism for the People. Federal Government White Paper. Berlin: Federal government, 2021. 148 p.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an dem Einsatz der Internationalen Sicherheitsunterstützungstruppe in Afghanistan. Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode. Drucksache 17/4402, 13.01.2011. 8 S.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA). Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/8972, 03.04.2019. 12 S.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA). Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. Drucksache 20/1761, 11.05.2022. 12 S.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung des Einsatzes bewaffneter deutscher Streitkräfte – Stabilisierung sichern, Wiedererstarken des IS verhindern, Versöhnung in Irak fördern. Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. Drucksache 20/408, 12.01.2022. 12 S.

Anzahl der an internationalen Einsätzen beteiligten deutschen Soldaten der Bundeswehr (Stand: 19. Dezember 2022). Statista.de. 19.12.2022. URL: https://de.statista.com/statistik/daten/studie/72703/umfrage/anzahl-der-soldaten-der-bundeswehr-im-ausland/#professional (date of access: 20.12.2022).

Arzamanova T.V. Otdel'nye aspekty strategicheskogo planirovanija Germanii v Indo-Tihookeanskom regione v uslovijah vozvrashhenija sopernichestva velikih derzhav [Some aspects of German strategic planning in Indo-Pacific region facing the return of great power rivalry]. Current problems of Europe. 2022. N 4. Pp. 258–284.

Baumann R. Deutschland als Europas Zentralmacht // Handbuch zur deutschen Außenpolitik / S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf (Hrsg.). Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften / GWV Fachverlage GmbH, 2007. S. 62–72.

Bundeswehr-Pläne: Heer soll drei neue Divisionen bekommen. DBwV. 19.04.2017. URL: https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/politik-verband/beitrag/news/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volle-divisionen-bekommen/ (date of access: 20.12.2022).

Deutsches Kriegsschiff besucht Westaustralien. BMVg. 30.09.2021. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/deutsches-kriegsschiff-besucht-fremantle-5225188 (date of access: 20.12.2022).

Deutschland und Japan intensivieren militärische Kooperation. BMVg. 22.06.2021. URL: https://www.bmvg.de/de/aktuelles/deutschland-und-japan-intensivieren-militaerische-kooperation-5097576 (date of access: 20.12.2022).

Dieter H. First Summit of the Anti‑China Coalition. SWP-Comment. 2021. N 36. 5 p.

Division Schnelle Kräfte. BMVg. 2022. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/division-schnelle-kraefte (date of access: 20.12.2022).

Fleckenstein B. Fremde Truppen im Vereinigten Deutschland – Gegenwärtige Situation und künftige Aussichten. SOWI-Arbeitspapier. 1990. N 44. – 12 S.

Fregattengeschwader. BMVg. 2022. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/organisation/einsatzflottille-2/2-fregattengeschwader (date of access: 20.12.2022).

Fregattengeschwader. BMVg. 2022. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/organisation/einsatzflottille-2/4-fregattengeschwader (date of access: 20.12.2022).

Glatz R., Hansen W., Kaim M., Vorrath J. Die Auslandseinsätze der Bundeswehr in Wandel. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik, 2018. 52 S.

Grundzüge der Konzeption der Bundeswehr. Berlin: BMVg, 2004. 52 S.

Hett J. Provincial Reconstruction Teams in Afghanistan. Das amerikanische, britische und deutsche Modell. Berlin: Zentrum für Internationale Friedenseinsätze, 2005. 30 p.

Indo-Pazifik: Die «Bayern» auf diplomatischer Mission. BMVg. 29.07.2021. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/indo-pazifik-fregatte-bayern-diplomatische-mission-5204746 (date of access: 20.12.2022).

Ivkina N.V. Kul'turno-gumanitarnye otnoshenija Germanii i Namibii: opyt preodolenija kolonializma [Cultural and humanitarian relations between Germany and Namibia: experience of colonialism overcoming]. Bulletin of Omsk University. Series: Historical Sciences. 2022. N 1. Pp. 171–181.

Kommando Spezialkräfte. BMVg. 2022. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/division-schnelle-kraefte/kommando-spezialkraefte (date of access: 20.12.2022).

Luftlandebrigade 1. BMVg. 2022. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/division-schnelle-kraefte/luftlandebrigade-1 (date of access: 20.12.2022).

Major C., Swistek G. Die NATO nach dem Gipfel von Madrid. SWP-Aktuell. 2022. N 49. 8 S.

Manoilo A.V. Konflikt v Sirii i vneshnjaja politika Rossii [Conflict in Syria and Russian foreign policy activism]. Current problems of Europe. 2022. N 2. Pp. 145–172.

Pressestatements von Bundeskanzlerin Merkel und der brasilianischen Präsidentin Rousseff anlässlich der 1. Deutsch-Brasilianischen Regierungskonsultationen. Bundeskanzleramt. 20.08.2015. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressestatements-von-bundeskanzlerin-merkel-und-der-brasilianischen-praesidentin-rousseff-anlaesslich-der-1-deutsch-brasilianischen-regierungskonsultationen-am-20-august-2015-846404 (date of access: 20.12.2022).

Remarks by President Biden, Prime Minister Morrison of Australia, and Prime Minister Johnson of the United Kingdom Announcing the Creation of AUKUS. The White House. 15.09.2021. Mode of access: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/09/15/remarks-by-president-biden-prime-minister-morrison-of-australia-and-prime-minister-johnson-of-the-united-kingdom-announcing-the-creation-of-aukus/ (date of access: 20.12.2022).

Risse T. Deutsche Identität und Außenpolitik. Handbuch zur deutschen Außenpolitik / S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf (Hrsg.). Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften / GWV Fachverlage GmbH, 2007. S. 49–61.

Schwarzbuch. Kritisches Handbuch zur Aufrüstung und Einsatzorientierung der Bundeswehr. Berlin: Rosa-Luxemburg-Stiftung, 2016. 124 S.

Sidorov A.S. Francija v Sahele: tekushhie problemy i vozmozhnoe razvitie voennogo konflikta [France in the Sahel: ongoing problems and possible development military conflict] // Urgent problems of Europe. 2018. N 4. Pp. 116–137.

Sidorov A.S. Voenno-politicheskij balans vozmozhnostej Francii v Sahele: jetapy i mehanizmy vyhoda s TVD. [The military-political balance of France's capabilities in the Sahel: stages and mechanisms of exit from the theater of operations]. Current problems of Europe. 2022. N 4. Pp. 79–108.

Sindeev A.A. Germanija i transformacionnye processy v sfere bezopasnosti: problemy voenno-morskih sil [Germany and transformation processes in security: problems of the navy]. Society: politics, economy, law. 2021. N 7. Pp. 18–21.

Tull D. UN Peacekeeping in Mali // SWP-Comment. 2019. N 23. 4 S.

Unterrichtung durch die Bundesregierung. Bericht der Bundesregierung zur Lage und zum deutschen Engagement in Mali / Sahel. Aktuelle Lage, Ziele und Handlungsfelder des deutschen Engagements. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/18080, 25.03.2020. 20 S.

Varwick J. Bundeswehr. Handbuch zur deutschen Außenpolitik / S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf (Hrsg.). Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften / GWV Fachverlage GmbH, 2007. S. 246–258.

Weißbuch 2016 zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr. Berlin: Bundesregierung, 2016. 143 S.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА
PHENOMENOLOGY OF SOVIET SOCIETY

DOI: 10.31249/rsm/2023.04.09

Е.Н. Емельянова

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКАЯ ВОЙНА 1919–1920 гг. В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. *Статья посвящена событиям советско-польской войны 1919–1920 гг., геополитическому аспекту этой проблемы. Становление Версальской системы сопровождалось борьбой различных международных сил за сферы влияния. Советско-польская война стала проявлением этого столкновения, выразившегося в противостоянии Польши, действовавшей под покровительством Франции, и Советской России, опирающейся на все леворадикальные силы Европы. На базе архивных документов и последних исследований историков рассматривается борьба различных политических сил в Европе по вопросу советско-польской войны, роль Коминтерна в событиях 1920 г., разногласия по тактическим вопросам в руководящих кругах Польши и большевистской партии, позиция европейской социал-демократии. Значительное внимание уделяется переговорам с лидерами Второго Интернационала о поддержке большевиков в «революционном наступлении». Анализируются противоречия между устремлениями европейских компартий, лидеров ИККИ и национальными интересами Советской России.*

Несмотря на интернациональную риторику, большевистское руководство старалось укреплять международное положение страны, используя для этого союз с европейским коммунистическим и лево-социалистическим движением, а также поддержку держав, заинтересованных в трансформации Версальской системы.

Национальные интересы Советской России оказались для большевистского руководства важнее интернациональных задач. Поэтому утопическая идея «мировой революции» и разрушения Версальской системы после военных неудач 1920 г. была скорректирована, уступив место политике мирного сосуществования и стремлению добиться политического признания. Рижский мир 1921 г. стал компромиссом между великими державами и Польшей, с одной стороны, и Советской Россией – с другой. Версальская система утвердилась в более устраивающем российское государство варианте, чем могло бы быть. Несмотря на потерю части территорий, были и положительные итоги: социалистические правительства Белоруссии и Украины ориентировались на Москву. А следовательно, геополитические позиции России укрепились. Большевистское руководство и позднее использовало противоречия между великими державами, балансируя между революционной и реальной политикой, укрепляя при этом международные позиции Советского государства.

Ключевые слова: *советско-польская война 1919–1920 гг.; международные отношения; Польша; Россия; Европа; коммунистические; социалистические партии; Коминтерн.*

Емельянова Елена Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Отдела истории Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН). Россия, Москва.
E-mail: e.n.emelyanova@mail.ru

Emelyanova E.N. Soviet-Polish war of 1919–1920 in the context of international politics

Annotation. *The article is devoted to the events of the Soviet-Polish war of 1919–1920, particularly the geopolitical aspect of this problem. The formation of the Versailles system was accompanied by the struggle of various international forces for spheres of influence. The Soviet-Polish war became a manifestation of this clash, expressed in the confrontation between Poland, acting under the auspices of France, and Soviet Russia, relying on all the radical left forces of Europe. On the basis of archival documents and recent research by historians, the article considers the struggle of various political forces in Europe on the issue of the Soviet-Polish war, the role of the Comintern in the events of 1920, disagreements on tactical issues in the leading circles of Poland and the Bolshevik Party, and the position of European social democracy. Significant attention is given to negotiations with the leaders of the Second International on supporting the Bolsheviks in the «revolutionary offensive». The author analyses the contradictions between the aspirations of the European Communist Parties, the leaders of the ECCI, and the national interests of Soviet Russia.*

Despite the international rhetoric, the Bolshevik leadership tried to strengthen the country's international position, using an alliance with the European communist and left-socialist movement, as well as the support of the powers interested in transforming the Versailles system.

The national interests of Soviet Russia turned out to be more important for the Bolshevik leadership than international objectives. Therefore, the utopian idea of «world revolution» and the destruction of the Versailles system after the military failures of 1920 was reconsidered, giving way to a policy of peaceful coexistence and the desire to achieve political recognition. The Peace of Riga in 1921 was a compromise between the great powers and Poland on the one hand, and Soviet Russia on the other. The Versailles system was established in a version that suited the Russian state more than it could have been. Despite the loss of part of the territories, there were also positive results: the socialist governments of Belarus and Ukraine followed Moscow, and consequently, Russia's geopolitical position was strengthened. The Bolshevik leadership afterwards also used the contradictions between the great powers, balancing between revolutionary and real politics, while strengthening the international positions of the Soviet state.

Keywords: *Soviet-Polish war of 1919–1920; international relationships; Poland; Russia; Europe; communist; socialist parties; Comintern.*

Emelyanova Elena Nikolaevna – PhD in History, Associate Professor, Senior Researcher of the Department of History of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN). Russia, Moscow.
E-mail: e.n.emelyanova@mail.ru

Изучение истории международных отношений в переломные эпохи формирования новых мировых систем позволяет лучше понять многие процессы современности. В этом отношении интересна история советско-польской войны 1919–1920 гг. О событиях той эпохи в последнее время написано достаточно много [Восточная Европа… 2007; Зуев 2006; Лебедева, Терехова 2021; Матвеев 2021; Михутина 1994; Carr 1953; Rezmer 2010 и др.].

Опубликованы новые интересные документы [Польско-советская война… 1994; Советско-польские отношения… 2017; Коминтерн и идея мировой революции… 1998; Материалы «Особой папки» … 1997; Большевистское руководство… 1996 и др.]. Однако международный аспект этой проблемы, попытки изменения Версальской системы, роль Коминтерна в событиях 1920 г., интернациональные задачи РКП(б) и позиция европейской социал-демократии освещены в российской печати недостаточно. В данной работе автор останавливается именно на этих вопросах.

Исследование основано на использовании архивных документов и последних работ историков. Его методологическую основу составляют принципы объективности, историзма, критического подхода к использованным источникам и всестороннего анализа поставленной проблемы.

Версальская система, сложившаяся после Первой мировой войны, была направлена на исключение Советской России из числа великих держав и ликвидацию большевистской власти. Коммунистическое руководство, на первом этапе придерживаясь утопической идеи мировой революции, само пыталось разрушить «мировой империализм». Эти два противоположных вектора движения глобальных политических сил столкнулись в военном конфликте 1919–1920 гг.

Позиция великих держав (создателей Версальской системы) по отношению к Польше была неоднозначной. Франция поддерживала планы по возрождению сильного польского государства. Англия делала ставку на Германию как противовес Франции и ее союзникам, прежде всего Польше. США в конечном счете встали на сторону Англии [Зубачевский 2019, с. 84–85]. В це-

лом Великобритания и Соединенные Штаты были более склонны к переговорам с большевиками, чем Франция.

В самом польском руководстве, как докладывали представители КРПП, по отношению к России сложились две группировки. Первая, во главе с Ю.К. Пилсудским и поддерживаемая социалистами, вынашивала идею создания федерации под эгидой Польши, в которую бы входили Литва, Белоруссия и Украина [Документы Секретариата ИККИ, д. 31(а), л. 34–36]. Этим республикам предлагалось отказаться от части своих территорий (Виленской области, Восточной Галиции, Западной Белоруссии и Волыни) в пользу поляков, а самим стать буфером между Польшей и Советской Россией [Матвеев 2020, с. 23]. Группировка Пилсудского была против сотрудничества с А.И. Деникиным, так как тот рассчитывал на восстановление Российской империи (правда, при этом за Польшей признавалась самостоятельность).

Другое направление, во главе которого стоял руководитель польского представительства на Парижской конференции Р.С. Дмовский, напротив, ориентировалось, по совету Франции, на военное сотрудничество с Деникиным, надеясь на восстановление «Всея России» и на союз с ней против Германии. Уделяя большое внимание западным границам и присоединению к Польше немецких земель, Дмовский готов был отказаться от Белоруссии, части Литвы, Волыни и даже от части Восточной Галиции. Эта группировка пользовалась полной поддержкой Франции, так как их устремления совпадали. К тому же она имела сильное влияние на польское правительство и на министра иностранных дел И.Я. Падеревского [Документы Секретариата ИККИ, д. 31(а), л. 34–36].

За сотрудничество с Советской Россией в Польше выступали только польские коммунисты [там же]. Но на международной арене РСФСР поддерживали Литва (в обмен на признание за ней Виленщины), Чехо-Словакия и Германия [Зубачевский 2019, с. 120–122]. Из политических движений – лейбористы, левые социал-демократы и правые в Германии, социалисты Франции, Италии и других стран, эсеры, национальное движение в Галиции и Подкарпатской Руси.

В ноябре 1918 г. РСФСР аннулировала Брестский мир и взяла курс на возвращение ранее утраченных территорий под лозунгом «мировой революции». В феврале 1919 г. была провозглашена Литовско-Белорусская Советская Социалистическая Республика, а в марте 1919 г. в Харькове – Украинская Советская Социалистическая Республика. Но, как считает профессор Г.Ф. Матвеев, в конце 1918 – начале 1919 г. большевистское правительство не имело планов войны с Польшей. «Большевикам в тот момент важнее было утвердить советские режимы в Прибалтике, особенно в Литве, граничившей с Германией, на пролетариат которой они возлагали особые надежды» [Матвеев 2020, с. 25].

Польша же стремилась расширить свои границы в основном за счет соседних территорий на востоке. Первый этап советско-польской войны начался в феврале 1919 г., когда произошли столкновения польских и советских войск. В апреле 1919 г. поляки захватили Вильно, столицу Литовско-Белорусской Советской республики, а в августе заняли Минск и достигли Березины [там же, с. 26]. На Украине под напором Деникина красным тоже пришлось отступить. К ноябрю 1919 г. войска белых контролировали большую часть украинской территории. Однако возрождение Российской империи не устраивало Пилсудского. Осенью 1919 г. он заключил негласное соглашение с большевиками о перемирии. Это позволило Красной Армии разбить Деникина. В конце 1919 – начале 1920 г. Советская власть на Украине была восстановлена.

Международное положение Советской России зимой 1920 г. было очень неопределенным. С одной стороны, разгром осенью 1919 г. Деникина и обращение русских кооперативов к английскому правительству с предложением об экономическом сотрудничестве способствовали улучшению отношений между Великобританией и РСФСР. В мае 1920 г. произошла встреча между представителем российского правительства Красиным и Ллойд Джорджем на предмет возможного заключения торгового договора [Carr 1953, p. 163].

С другой стороны, Польша, подталкиваемая Францией, готовила новое наступление на восток. Советское правительство предпринимало все возможное, чтобы предотвратить эту агрессию. В конце января 1920 г. Советское руководство предложило Польше установить «границу по линии разграничения войск по рекам Березина, Припять и Горынь. Эта так называемая “линия Ленина” проходила восточнее рижской границы 1921 г. и с лихвой удовлетворяла территориальные аппетиты Польши» [Матвеев 2020, с. 26–27].

Но Польша отвергла советскую инициативу, поскольку сама готовилась к войне. Перед вторжением 21 апреля 1920 г. польское правительство заключило военно-политическое соглашение с С.В. Петлюрой (УНР). В апреле 1920 г. польская армия предприняла наступление на Украину и Белоруссию. Начался второй этап советско-польской войны. В мае 1920 г. польские войска были уже в Киеве, но со второй половины месяца Красная армия перешла в контрнаступление. Когда советские войска приближались к границам Польши, польское правительство обратилось к великим державам с просьбой о посредничестве в переговорах с Советской Россией. 5–16 июля 1920 г. состоялась конференция в Спа (Бельгия) (заседание Верховного совета Антанты). На ней было предложено установить «этническую границу», рекомендованную Верховным советом Антанты в декабре 1919 г. Ллойд Джордж выступил против включения Восточной Галиции в состав Польши. Пилсудский, соглашаясь с решением союзников, вероятно, не думал их исполнять [Зубачевский 2019, с. 122, 124].

11 июля 1920 г. Керзон направил большевистскому правительству ноту, содержащую ультимативное требование остановить наступление. России предлагались границы, по которым за ней оставалась Восточная Галиция, обеспечивающая стратегический путь в Венгрию. «Получая Восточную Галицию, мы имели бы базу против всех современных государств. При таких условиях мы становились бы в соседство с прикарпатской Русью, которая кипит больше, чем Германия, и является прямым коридором в Венгрию, где небольшого толчка достаточно для того, чтобы вспыхнула революция» [Я прошу записывать меньше… 1992, с. 22], – признавал позднее Ленин. Но одновременно Керзон потребовал от советского правительства заключить перемирие не только с Польшей, но и с Врангелем. А это означало аннексию Крыма. К тому же предполагалось, что армии в Восточной Галиции должны были остановиться на линии, которую занимали на момент подписания перемирия. Этот факт, а также признание Лондоном Восточной Галиции за Россией, подтолкнуло советское командование к наступлению на Львов [Зубачевский 2019, с. 122, 126–128]. «Ленин оценил условия Антанты как “сплошное жульничество ради аннексии Крыма” и просил Сталина распорядиться “о бешеном усилении наступления”» [там же, с. 124].

В советском руководстве и Коминтерне не было единой точки зрения на перспективы советско-польской войны. Л.Д. Троцкий [Троцкий 1990, с. 191–194], его заместитель Э.М. Склянский, Г.В. Чичерин и один из руководителей Польской коммунистической партии Ю. Мархлевский, проводивший переговоры с Польшей от имени советского правительства, были против военного вторжения в Польшу. Троцкий полагал, что у Красной армии не хватит сил, а потому необходимо согласиться на предложение Антанты.

Другие, поддерживаемые В.И. Лениным и И.В. Сталиным, рассчитывали на то, что продвижение Красной армии и вступление ее в Варшаву ускорит свержение Пилсудского и вызовет революционное восстание в польской столице. Этой же точки зрения придерживалось и большинство деятелей КРПП. На запрос Ленина о перспективах польской революции И.С. Уншлихт 15 июля сообщил о том, что «с подходом наших войск» к польским границам в Польше возможен советский переворот, который, в свою очередь, может облегчить переворот в Германии [Большевистское руководство… 1996, с. 144]. Позднее Ленин говорил, что «…Польша – такой могущественный элемент в этом Версальском мире, что, вырвав этот элемент, мы ломали весь Версальский мир» [Я прошу записывать меньше… 1992, с. 18]. Таким образом, победа коммунистической революции в Польше рассматривалась как условие изменения всего мирового порядка.

На состоявшемся 16 июля пленуме ЦК РКП(б) победила точка зрения, ориентированная на революционное наступление. Было решено помочь социализации Польши, что дало бы возможность выйти к границам Германии.

Чтобы подчеркнуть, что Красная армия выполняет не завоевательную, а освободительную функцию, пленум заявил о готовности установить границы Польши значительно восточнее линии Керзона [Польско-советская война… 1994, с. 85]. На тот момент большевики придерживались идеалистических взглядов на то, что все границы на земле временны, и что в ближайшем будущем сформируется единое социалистическое пространство. Эта идея нашла свое отражение в лозунге «Федерации Социалистических республик Европы и Азии как первой ступени к образованию единой Мировой Советской республики» [Емельянова 2017, с. 154].

С этого момента, как отмечал Ленин на IX конференции РКП(б), советско-польская война приобрела революционный характер. 24 июля 1920 г. И.В. Сталин писал В.И. Ленину по этому поводу: «Теперь, когда мы имеем Коминтерн, побежденную Польшу, и более или менее сносную Красную армию, когда, с другой стороны, Антанта добивается передышки в пользу Польши для того, чтобы реорганизовать, перевооружить польскую армию, создать кавалерию и потом снова ударить, может быть в союзе с другими государствами, – в такой момент и при таких перспективах было бы грешно не поощрять революцию в Италии <...> Поэтому на очередь дня Коминтерна нужно поставить вопрос об организации восстания в Италии и в таких еще не окрепших государствах, как Венгрия, Чехия (Румынию придется разбить). Триста тысяч люмпенов в Германии, если бы они даже в самом деле существовали в природе, конечно, не меняют и не могут менять дело. Короче: нужно сняться с якоря и пуститься в путь, пока империализм не успел еще маломальски наладить свою разлаженную телегу, а он может еще наладить ее кое-как на известный период, и сам не перешел в решительное наступление» [Большевистское руководство… 1996, с. 148].

Решение данного вопроса в ЦК РКП(б) совпало с работой II конгресса Коминтерна. Данный форум должен был определить политику международного коммунистического движения в условиях «наступления мировой революции». Левое крыло европейской социал-демократии, имеющее значительное влияние в ведущих странах Европы, поддержало большевиков в советско-польской войне. Это была попытка усилиями всех левых сил разрушить Версальскую систему и создать новую, социалистическую [Емельянова 2017, с. 153–155].

В течение месяца после II конгресса ИККИ обсудил вопросы о взаимодействии с социалистами Англии, США, Германии, Франции и Италии. Одной из главных задач было налаживание контактов с руководством лейбористской партии Великобритании. Попытки установить связь с лидером Независимой лейбористской партии Р. Макдональдом предпринимались еще в марте 1919 г. [Третий конгресс Коминтерна, л. 4], когда велись переговоры об объединении Независимой лейбористской партии (ILP), Британской социалистической пар-

тии (BSP) и Социалистической Рабочей партии (SLP). Но тогда им не удалось договориться. Независимая лейбористская партия вышла из движения за объединение. В августе 1920 г. ИККИ потребовал от только что образованной компартии Великобритании добиваться вхождения в лейбористскую партию, что должно было обеспечить поддержку России одной из влиятельнейших партий Великобритании. В мае 1920 г. в Москву приехала делегация английских рабочих, в состав которой входили представители Независимой лейбористской партии [Carr 1953, p. 184–186]. 26 мая делегация была принята Лениным. Центральной темой разговора был вопрос о помощи рабочего движения Англии Советской России по поводу заключения мирного договора с Антантой и о борьбе против английского правительства. Позднее состоялась официальная встреча английских рабочих с руководством ИККИ. И здесь ставились те же вопросы. В целом эта поездка дала положительный результат. Английские Советы действия, образованные коммунистами и левыми лейбористами, поддержали РСФСР в самую критическую для нее минуту и не дали отправить на помощь Польше английский флот, пригрозив начать всеобщую забастовку. 10 августа делегация от Центрального Совета действий была принята Ллойд Джорджем [ibid., p. 212], и английское правительство вынуждено было отказаться от своего намерения.

В июне 1920 г. в Москве побывали представители Социалистической партии Франции. 19 июня они были приглашены на заседание ИККИ [ibid., p. 187], где ставился вопрос о присоединении французских социалистов к Коминтерну. Французская социалистическая партия принимала участие в работе II конгресса и, как подтвердилось в дальнейшем, поддержала все его решения.

На конгресс, по приглашению ИККИ, прибыла также делегация Независимой социал-демократической партии Германии [Документы Секретариата ИККИ, д. 21, л. 19]. 9 августа она приняла участие в заседании ИККИ, на котором обсуждался вопрос об объединении КПГ и НСДПГ, об исключении из последней реформистов и о вхождении ее в III Интернационал. Левые члены НСДПГ, в лице Э. Деймига, заявили о полной солидарности с Коминтерном по теоретическим и практическим вопросам, а правые (В. Дитман и А. Криспин) отмечали, что в целом признают программу Коминтерна, в том числе его ориентацию на вооруженное восстание и диктатуру пролетариата в форме Советов, но против недооценки коммунистами возможности мирного прихода к власти через парламент, а не только через восстание и гражданскую войну [Документы Секретариата ИККИ, д. 28, л. 55–58]. Таким образом, хотя с правыми договориться не удалось, поддержка левых в НСДПГ была обеспечена. На практике это вылилось в формирование со стороны Германии на границах с Польшей немецких коммунистических полков, которые рвались вступить в бой с польскими войсками. Неожиданно наступление Красной

Армии было поддержано со стороны крайне правых в Германии. Немцы допускали создание на спорных с Польшей территориях в результате плебисцита «Вольного государства Западной Пруссии», что позволило бы соединить Советскую Россию и Германию. Уполномоченный НКИД В.Л. Копп не отрицал возможности его признания РСФСР и Советским польским правительством, в случае образования последнего [Зубачевский 2019, с. 130, 134]. У немецких коммунистов на западных границах Германии тоже были обширные планы, которые шли дальше намерений советского руководства. Они собирались создать единый национальный фронт, в состав которого вошли бы все политические силы страны, с целью военного похода на Францию. Это могло бы изменить всю геополитическую ситуацию в Европе. «...В Германии, – говорил В.И. Ленин, – ...наметился блок последовательных и крайних патриотов и коммунистов, признающий сознательный блок с Советской Россией» [Я прошу записывать меньше… 1992, с. 19]. И в другом месте: «Когда немецкие левые, договорились до такой нелепости, что не нужно гражданской войны, а, напротив, нужна общенародная война против Франции, – это была неслыханная глупость. Так ставить вопрос, – это граничило с изменой. Без гражданской войны советскую власть в Германии не получишь» [там же]. РКП(б) выступила против похода на Францию, заявив, что Советская Россия воюет только против Польши [там же, с. 18].

Летом 1920 г. ставился вопрос о совместных действиях с итальянскими социалистами. Но в отличии от Франции и Германии большая часть правых в Итальянской Социалистической партии от сотрудничества с коммунистами отказалась. 11 и 25 августа в ИККИ обсуждался вопрос об исключении из ИСП реформистов и об объединении ее с Союзом синдикалистов во главе с А. Бордигой. Было принято решение о вхождении социалистической партии Италии в Коммунистический Интернационал [Документы Секретариата ИККИ, д. 28, л. 55–58.]. Если учитывать вышеупомянутое письмо Сталина, то можно со значительной долей уверенности утверждать, что вопрос о социалистическом перевороте в Италии также обсуждался на заседании ИККИ. Советскую Россию и Коминтерн в условиях советско-польской войны поддержали не только левые и центристы из ИСП, но и итальянские профсоюзы, лидеры которых позднее стояли у истоков образования Красного Интернационала профсоюзов.

1920 год стал наивысшей точкой поддержки РСФСР рабочими организациями Европы. Осенью на съездах Французской социалистической партии и НСДПГ было принято решение об объединении с компартиями Франции и Германии.

16 июля 1920 г., когда Красная армия вела успешное наступление на Польшу, решением пленума ЦК РКП были образованы Белорусский и Южно-Галицийский Революционные комитеты [Пленумы ЦК ВКП(б), VII–XVIII со-

зыва, д. 31]. В июле была восстановлена независимая Белорусская Советская Республика. В этом же месяце на территории современной Тернопольской и части Львовской областей была провозглашена Галицийская Советская Социалистическая республика, через которую открывался путь на Венгрию и Германию. 23 июля был образован Временный польский революционный комитет, в состав которого входили Ф.Э. Дзержинский, Ю. Мархлевский и др. Его задачей было установление советской власти на польской территории. Дзержинский сразу же поставил вопрос о формировании польской Красной армии. Но восстание в самой Польше поднять не удалось. В стране господствовали националистические настроения.

Со второй половины августа Красная армия вынуждена была отступить под напором хорошо вооруженной союзниками польской армии. В сентябре 1920 г. польские войска были уже на территории Белоруссии и Украины.

Развернувшиеся в сентябре 1920 г. революционные события в Италии, когда рабочие во время забастовки захватили промышленные предприятия, а итальянское правительство не решилось применить против них войска, проходили уже на фоне поражения РСФСР в советско-польской войне; хотя у части русского руководства еще было желание собрать силы и начать новое наступление.

На IX конференции ЦК РКП(б) в сентябре 1920 г. В.И. Ленин, убеждая своих товарищей принять резолюцию о заключении мира с Польшей, вместе с тем заявил: «А в общем можно сказать, что международная обстановка совершенно независимо от наших шагов в Польше получила полный размах. Если бы была еще Советская Польша или Советская Венгрия, было бы лучше. Отнюдь не зарекаемся, что завтра не рискнем и за Венгрию. Я уверен, что конференция согласится с нами в этом отношении. Но мы скажем, что мы рискнем таким образом, что с каждым удвоенным шагом будем помнить, где остановиться. Будем рисковать, рассчитывая помочь Италии, хотя, к сожалению, сейчас это практически невозможно» [Я прошу записывать меньше… 1992, с. 28].

Таким образом, не отказываясь от стратегического курса на революционную войну, IX конференция приняла решение о заключении мирного договора с Польшей.

Военные действия между РСФСР и Польшей были прекращены 18 октября 1920 г., а мирный договор, подписанный 21 марта 1921 г., стал компромиссом между воюющими державами. Россия теряла значительную территорию (в том числе Западную Белоруссию, Западную Украину, пришлось пожертвовать Галицийской Советской республикой), однако Польша приобретала гораздо меньше, чем могла получить по предложению СНК РСФСР от 28 января 1920 г. Кроме того, советская власть была установлена в Белоруссии и на Украине. Правительства этих республик были ориентированы на

союз с Москвой. Крым остался российским. Версальская система утвердилась в более устраивающем Россию варианте, чем могло бы быть. К тому же поддержка Советской России международной социал-демократией и рабочим движением в Европе, вероятно, оказали определенное влияние на правительства Англии, Франции, Италии и Германии. Балансируя между революционной и реальной политикой, большевистское руководство выторговало более важную уступку – признание Советской России де-факто уже в 1921 г. Хотя разрушить Версальскую систему не удалось, тезис о необходимости ее ликвидации господствовал в коминтерновской пропаганде еще долго, пока не уступил место новой первостепенной задаче: борьбе с фашизмом.

Большевистское руководство в конечном счете всегда подчиняло интернациональные задачи национальным интересам России. Коминтерн играл роль «мягкой силы» для укрепления международных позиций страны. Как только великие державы приняли СССР в Лигу Наций, деятельность этой организации была существенно ограничена, а позднее и совсем прекращена.

Библиография

Большевистское руководство. Переписка, 1912–1927 / Ин-т гос. упр. и соц. исслед. Моск. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова и др.; Редкол.: А.В. Квашонкин и др. (с рос. стороны), A. Berelowitch и др. (с фр. стороны), E. Cinella и др. (с итал. стороны). М.: РОССПЭН, 1996. 423 с.

Восточная Европа после Версаля / редкол.: И.И. Костюшко (отв. ред.) и др. СПб.: Алетейя, 2007. 244 с.

Документы Секретариата ИККИ (Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала) // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 21. Л. 19.

Документы Секретариата ИККИ (Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала) // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 28. Л. 55–58.

Документы Секретариата ИККИ (Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала) // РГАСПИ. Ф.495. Оп. 18. Д. 31(а). Л. 34–36.

Емельянова Е.Н. Концепции национально-государственного строительства в решениях II конгресса Коминтерна // Научный диалог. 2017. № 4. С. 145–158.

Зубачевский В.А. Политика России в Центрально-Восточной Европе (первая треть XX века): геополитический аспект М.: РОССПЭН, 2019. 277 с.

Зуев М.Н. Советская Россия и Польша, 1918–1920 гг.: советско-польское вооруженное противостояние 1918–1919 гг. Советско-польская война 1920 г. / М-во обороны Российской Федерации, Ин-т военной истории. М.: [б. и.], 2006. 249 с.

Коминтерн и идея мировой революции. Документы / Отв. ред. Я.С. Драбкин. М.: Наука, 1998. 947 с.

Лебедева Н.С., Терехова Н.Г. РКП(б) и польская политика Коминтерна. 1919–1925 годы // Славяноведение. 2020. № 5. С. 13–28.

Лушин А.И., Савченко Д.А. Малоизвестные страницы Советско-польской войны 1919–1920-х годов / Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2019. № 2 (50) С. 86–93.

Матвеев Г.Ф. Польша в советской внешней политике с конца 1919 до 16 июля 1920 года // Новая и новейшая история. 2021. № 3. С. 130–143.

Матвеев Г.Ф. Советско-польская война и два сценария для Восточной Европы // Польша в борьбе за Восточную Европу 1920–2020. Сб. ст. / Под общ. ред. В.Ю. Крашенинниковой; отв. ред. Д.С. Буневич. М.: Изд. «Кучково поле», 2020. С. 19–28.

Материалы «Особой папки» Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений, 1923–1944 гг.: сб. / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики и др.; [Ред. И.И. Костюшко]. М.: ИСБ, 1997. 141 с.

Михутина И.В. Польско-советская война 1919–1920 гг. / Отв. ред. Ю.С. Новопашин; Рос. АН, Ин-т славяноведения и балканистики, Междунар. фонд югослав. исслед. и сотрудничества «Слав. Летопись». М.: ИСБ, 1994. 322 с.

Пленумы ЦК ВКП(б), VII–XVIII созыва // РГАСПИ. Ф.17. Оп. 2. Д. 31.

Польско-советская война, 1919–1920: в 2 ч. / Рос. АН, Ин-т славяноведения и балканистики и др.; Ред. И.И. Костюшко. Ч. 2. М.: ИСБ, 1994. 221 с.

Советско-польские отношения в 1918–1945 гг.: Сборник документов в 4-х т. / Под общ. ред. М.М. Наринского, А.В. Мальгина. Т. 1. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. 626 с.

Третий конгресс Коминтерна // РГАСПИ. Ф. 490. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.

Троцкий Л. Моя жизнь: опыт автобиографии: в 2 т. М.: Книга, 1990. Т. 2. 344 с.

«Я прошу записывать меньше: это не должно попадать в печать». Выступления В.И. Ленина на IX конференции РКП(б) // Исторический архив. 1992. № 1. С. 12–30.

Carr E. The Bolshevik Revolution. 1917–1923. London: Macmillan, 1953. Vol. 3. 644 p.

Nowak A. Wojna polsko-sowiecka 1919–1921 roku w świetle najnowszych publikacji URL: https://www.rcin.org.pl/Content/2037/WA303_3976_KH100-r1993-R100-nr3_Kwartalnik-Historyczny%2005%20Nowak.pdf (дата обращения: 14.03.2022).

Rezmer W. Walki o Wilno w styczniu 1919 roku – początek wojny polsko-sowieckiej // EUROPA ORIENTALIS. Studia z Dziejów Europy Wschodniej i Państw Bałtyckich. 2010. № 2. S. 55–74. URL: https://apcz.umk.pl/EO/article/view/EO.2010.003/2551 (дата обращения: 14.03.2022).

References

Bol'shevistskoe rukovodstvo. Perepiska, 1912–1927 [Bolshevik leadership. Correspondence, 1912–1927] In-t gos. upr. i soc. issled. Mosk. gos. un-ta im. M.V. Lomonosova i dr.; Redkol.: A.V. Kvashonkin i dr. (s ros. storony), A. Berelowitch i dr. (s fr. storony), E. Cinella i dr. (s ital. storony) [Institute of public administration and social research of the Moscow state university named after M.V. Lomonosov and others; Editorial board: A.V. Kvashonkin et al. (from the Russian side), A. Berelowitch et al. (from the French side), E. Cinella et al. (from the Italian side)]. Moscow: ROSSPEN, 1996. 423 p. (In Russ.)

Carr E. The Bolshevik Revolution. 1917–1923. London: Macmillan, 1953. Vol. 3. 644 p.

Dokumenty Sekretariata IKKI (Ispolnitel'nyj Komitet Kommunisticheskogo Internacionala). [Documents of the ECCI Secretariat (Executive Committee of the Communist International)] Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). F. 495. Inv. 18. F. 21. (In Russ.)

Dokumenty Sekretariata IKKI (Ispolnitel'nyj Komitet Kommunisticheskogo Internacionala). [Documents of the ECCI Secretariat (Executive Committee of the Communist International)] Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI) F. 495. Inv. 18. F. 28. (In Russ.)

Dokumenty Sekretariata IKKI (Ispolnitel'nyj Komitet Kommunisticheskogo Internacionala). [Documents of the ECCI Secretariat (Executive Committee of the Communist International)] Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). F. 495. Op. 18. F. 31(a). (In Russ.)

Emel'yanova E. N. Koncepcii nacional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva v resheniyah II kongressa Kominterna [Emelyanova E.N. Concepts of national-state construction in the decisions of the II Congress of the Comintern] Nauchnyj dialog [Scientific Dialogue]. 2017. N 4. P. 145–158. (In Russ.)

Komintern i ideya mirovoj revolyucii. Dokumenty [The Comintern and the Idea of the World Revolution. Documents] Otv. red. Ya.S. Drabkin [Rep. ed. Ya.S. Drabkin]. Moscow: Nauka, 1998. 947 p. (In Russ.)

Lebedeva N.S., Terekhova N.G. RKP(b) i pol'skaya politika Kominterna. 1919–1925 gody [Lebedeva N.S., Terekhova N.G. RCP(b) and the Polish policy of the Comintern. 1919–1925] Slavyanovedenie [Slavic studies] 2020. N 5. P. 13–28. (In Russ.)

Lushin A.I., Savchenko D.A. Maloizvestnye stranicy Sovetsko-pol'skoj vojny 1919–1920-h gg. [Lushin A.I., Savchenko D.A. Little-known pages of the Soviet-Polish war of 1919–1920 s.] Vestnik NII gumanitarnyh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya [Bulletin of the Research Institute for the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia]. 2019. N 2 (50) P. 86–93. (In Russ.)

Materialy «Osoboj papki» Politbyuro CK RKP(b)-VKP(b) po voprosu sovetsko-pol'skih otnoshenij, 1923–1944 gg.: sb. Ros. akad. nauk, In-t slavyanovedeniya i balkanistiki i dr.; [Red. I.I. Kostyushko]. Moscow: ISB, 1997. 141 p. (In Russ.)

Matveev G.F. Pol'sha v sovetskoj vneshnej politike s konca 1919 do 16 iyulya 1920 goda [Matveev G.F. Poland in Soviet Foreign Policy from the End of 1919 to July 16, 1920] Novaya i novejshaya istoriya [New and Contemporary History]. 2021. N 3. P. 130–143. (In Russ.)

Matveev G.F. Sovetsko-pol'skaya vojna i dva scenariya dlya Vostochnoj Evropy [Matveev G.F. Soviet-Polish war and two scenarios for Eastern Europe] Pol'sha v bor'be za Vostochnuyu Evropu 1920–2020. Sb. st. [Poland in the struggle for Eastern Europe 1920–2020. Collection of articles] Pod obshch. red. V.Yu. Krasheninnikovoj; otv. red. D.S. Bunevich [Under the total. ed. V.Yu. Krasheninnikova; resp. ed. D.S. Bunevich]. Moscow: Ed. «Kuchkovo pole», 2020. P. 19–28. (In Russ.)

Mihutina I.V. Pol'sko-sovetskaya vojna 1919–1920 gg. [Mihutina I.V. Polish-Soviet War 1919–1920] Otv. red. Yu.S. Novopashin; Ros. AN, In-t slavyanovedeniya i balkanistiki, Mezhdunar. fond yugoslav. issled. i sotrudnichestva «Slav. Letopis'» [Rev. ed. Yu.S. Novopashin; Ros. Academy of Sciences, Institute of Slavic and Balkan Studies, Intern. Yugoslav fund. research and cooperation «Slav. Chronicle»]. Moscow: ISB, 1994. 322 p. (In Russ.)

Nowak A. Wojna polsko-sowiecka 1919–1921 roku w świetle najnowszych publikacji URL: https://www.rcin.org.pl/Content/2037/WA303_3976_KH100-r1993-R100-nr3_Kwartalnik-Historyczny%2005%20Nowak.pdf (date of access: 14.03.2022).

Plenumy CK VKP(b), VII–XVIII sozyva [Plenums of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, VII–XVIII convocation] Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). F. 17. Inv. 2. F. 31. (In Russ.)

Pol'sko-sovetskaya vojna, 1919–1920: v 2 ch. [Polish-Soviet War, 1919–1920: in 2 hours] Ros. AN, In-t slavyanovedeniya i balkanistiki i dr.; Red. I.I. Kostyushko. CH. 2. [Ros. Academy of Sciences, Institute of Slavic Studies and Balkan Studies, etc.; Ed. I.I. Kosciuszko. Part 2]. Moscow: ISB, 1994. 221 p. (In Russ.)

Rezmer W. Walki o Wilno w styczniu 1919 roku – początek wojny polsko-sowieckiej // EUROPA ORIENTALIS. Studia z Dziejów Europy Wschodniej i Państw Bałtyckich. 2010. N 2. S. 55–74. URL: https://apcz.umk.pl/EO/article/view/EO.2010.003/2551 (date of access: 14.03.2022).

Sovetsko-pol'skie otnosheniya v 1918–1945 gg.: Sbornik dokumentov v 4-h. t. [Soviet-Polish relations in 1918–1945: Collection of documents in 4 vols] Pod obshch. red. M.M. Narinskogo, A.V. Mal'gina. T. 1 [Under the total. ed. M.M. Narinsky, A.V. Malgin. V. 1]. Moscow: «Aspekt Press», 2017. 626 p. (In Russ.)

Tretij kongress Kominterna [Third Congress of the Comintern] Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). F. 490. Inv. 1. F. 3. (In Russ.)

Trockij L. Moya zhizn': opyt avtobiografii: v 2 t. [Trotsky L. My life: the experience of autobiography: in 2 vols]. Moscow: Kniga, 1990. V. 2. 344 p. (In Russ.)

Vostochnaya Evropa posle Versalya [Eastern Europe after Versailles] redkol.: I.I. Kostyushko (otv. red.) i dr. [editorial board: I.I. Kostyushko (responsible editor) and others]. St. Petersburg: Aletejya, 2007. 244 p. (In Russ.)

«Ya proshu zapisyvat' men'she: eto ne dolzhno popadat' v pechat'». Vystupleniya V.I. Lenina na IX konferencii RKP(b) [«I ask you to write down less: this should not get into print». Speech by V.I. Lenin at the IX Conference of the RCP (b)] Istoricheskij arhiv [Historical archive]. 1992. N 1. P. 12–30. (In Russ.)

Zubachevskij V.A. Politika Rossii v Central'no-Vostochnoj Evrope (pervaya tret' XX veka): geopoliticheskij aspect [Zubachevsky V.A. Russian Policy in Central-Eastern Europe (the first third of the 20th century): a geopolitical aspect] Moscow: ROSSPEN, 2019. 277 p. (In Russ.)

Zuev M.N. Sovetskaya Rossiya i Pol'sha, 1918–1920 gg.: sovetsko-pol'skoe vooruzhennoe protivostoyanie 1918–1919 gg. Sovetsko-pol'skaya vojna 1920 g. [Zuev M.N. Soviet Russia and Poland, 1918–1920: Soviet-Polish Armed Confrontation 1918–1919. Soviet-Polish War of 1920] M-vo oborony Rossijskoj Federacii, In-t voennoj istorii [Ministry of Defense of the Russian Federation, Institute of Military History]. Moscow: [b. i.], 2006. 249 p. (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2023.04.10

В.В. Тихонов

КАК «ИСТОРИЯ НАРОДОВ СССР» СТАЛА «ИСТОРИЕЙ СССР»: К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВОК СОВЕТСКОГО КУРСА ИСТОРИИ В 1930-е годы[1]

Аннотация. *В статье анализируется процесс попытки внедрения в конце 1920-х – начале 1930-х годов историографического концепта «История народов СССР» в качестве альтернативы «Истории России / Русской истории», считавшейся «великодержавной» и «шовинистической». Первоначально это было реализовано на Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов (1928–1929), и в этом виделся важный шаг к обновлению исторического знания, путь к созданию «равноправной» истории и инструмент борьбы одновременно с «великорусским шовинизмом» и «местным национализмом». Попытка внедрения нового формата связывается с так называемым «великим переломом» и сопутствующей ему «мобилизацией наций», их форсированному развитию. Однако с середины 1930-х годов наблюдался дрейф советской идеологии в сторону консолидации и государственнических установок. В исторической науке это отразилось в том, что «История народов СССР» постепенно вытеснялась другим историографическим концептом – «Историей СССР», в котором имплицитно акцент делался на государстве и унификации. Причем это реализовывалось на образовательном, научно-концептуальном и институциональном уровнях. Происходила замена идеи национального многообразия СССР идеей единого социалистического государства и великой державы. Важную роль в переходе сыграл общесоюзный конкурс школьных учебников. Окончательно эта тенденция была закреплена в 1937 г. появлением «Краткого курса истории СССР» под редакцией А.В. Шестакова. Трансформация в 1930-е годы содержания исторического нарратива рассматривается на примере программ курсов отечественной истории, отложившихся в фонде А.В. Шестакова в Архиве РАН (ф. 638) и подготовленных разными специалистами для студентов исторических и неисторических специальностей.*

Ключевые слова: *советский исторический нарратив; история народов СССР; история СССР; сталинизм; М.Н. Покровский; А.В. Шестаков.*

1. Работа выполнена в рамках проекта Российского научного фонда № 23-18-00303 по теме «Советский исторический нарратив: содержание, акторы и механизмы конструирования».

Тихонов Виталий Витальевич – доктор исторических наук,
Институт российской истории РАН. Россия, Москва.
E-mail: tihonovvitaliy@list.ru
Scopus Author ID: 55480752700
Researcher ID Web of Science: G-5553-2016

Tikhonov V.V. How the «History of the Peoples of the USSR» became the «History of the USSR»: on the question of the transformation of ideological attitudes of the Soviet course of history in the 1930s[2]

Abstract. *The article analyzes the process of attempts to introduce in the late 1920s-early 1930s the historiographical concept of «History of the Peoples of the USSR» as an alternative to «History of Russia / Russian History», which was considered a hallmark of «great-power» and «chauvinistic». Initially, this was implemented at the First All-Union Conference of Marxist Historians (1928–1929), and was seen as an important step towards updating historical knowledge, a path to creating an «equal» history and a tool for fighting both «Great Russian chauvinism» and «local nationalism». An attempt to introduce a new format is associated with the so-called great turning point and the accompanying «mobilization of nations» and their accelerated development. However, since the mid-1930s, there has been a drift of Soviet ideology towards consolidation and statist attitudes. In historical science, this was reflected in the fact that the «History of the peoples of the USSR» was gradually replaced by another historiographical concept – the «History of the USSR», in which the implicit emphasis was placed on the state and unification. Moreover, this was implemented at the educational, scientific, conceptual and institutional levels. The idea of national diversity of the USSR was replaced by the idea of a single socialist state and a great power. The All-Union competition of school textbooks played an important role in the transition. Finally, this trend was consolidated in 1937 with the appearance of the «Short Course of the History of the USSR» edited by A.V. Shestakov. The transformation of the content of the historical narrative in the 1930s is examined drawing from the example of the national history course programs deposited in the A.V. Shestakov Foundation in the Archive of the Russian Academy of Sciences (f. 638) and prepared by various specialists for students of historical and non-historical specialties.*

Keywords: *Soviet historical narrative; history of the peoples of the USSR; history of the USSR; Stalinism; M.N. Pokrovsky; A.V. Shestakov.*

Tikhonov Vitaly Vitalievich – Doctor of Historical Sciences,
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.
Email: tihonovvitaliy@list.ru
Scopus Author ID: 55480752700
Researcher ID Web of Science: G-5553-2016

2. The work was carried out within the framework of the project of the Russian Scientific Foundation No. 23-18-00303 on the topic «Soviet historical narrative: content, actors and mechanisms of construction»

Маркировка исторического нарратива фокусирует его задачи и определяет его наполнение. За названиями «История государства Российского» Н.М. Карамзина, «История русского народа» Н.А. Полевого, «История России с древнейших времен» С.М. Соловьева и т.д. лежали авторские концепции и их конкретное воплощение. Советское время не было исключением. Определение предмета истории отражало фундаментальные трансформации советской идеологии и исторической политики.

В 1930-е годы можно было наблюдать, как название курса «История народов СССР» постепенно трансформировалось в «Историю СССР». Казалось бы, разница небольшая, на которую исследователи советской исторической науки просто не обращают внимания. Однако в этой перемене отразились изменения базовых установок советской исторической идеологии.

В 1920-е годы курсы советских историков маркировались, как правило, по национально-государственному принципу, типичному еще для дореволюционной историографии. Определение предмета курса отечественной истории не отличалось четкостью и постоянством. Например, ключевое историческое издание того времени, написанное лидером советских историков М.Н. Покровским носило название «Русская история в самом сжатом очерке». Известный тогда историк С.А. Пионтковский в 1928 г. выпустил курс лекций «Очерки истории России в XIX–XX веках» [Пионтковский 1928, 1930; Однако переиздав их в 1935 г., автор дал им уже другое название: Пионтковский 1935]. То есть название русская / российская история все еще использовалось в качестве зонтичного, включающего в том числе и историю нерусских народов, пусть и в небольших пропорциях.

Вопрос о том, как определить предмет курса истории был актуализирован в конце 1920-х годов и определялся рядом факторов внутренней политики: национальной коренизацией, форсированным развитием культуры народов СССР, а также началом борьбы со «старыми спецами» [Мартин 2011; Аманжолова 2021]. Несмотря на то, что в середине 1920-х годов базовой доктриной развития СССР было провозглашено «построение социализма в отдельно взятой стране», Советский Союз рассматривался как прообраз мирового союза социалистических республик. В советской идеологии присутствовал мощный антиколониальный компонент, транслируемый и в историческое знание [Golubev 2023].

Ярко комбинация указанных причин проявилась на Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов (28.12.1928–4.1.1929). Сборник трудов вышел только в 1930 г., а предисловие к нему датировано 20.11.1929 г., т.е. написано уже по итогам мероприятия. В нем Покровский указывал, что одной из задач съезда стало переформатирование тематическо-дисциплинарных рубрик, доставшихся от «старой» исторической науки. В новых условиях было решено отказаться от названия секции «История России», а вместо этого

секция стала «Историей народов СССР». Покровский писал: «…Мы поняли, – чуть-чуть поздно, – что термин "русская история" есть контрреволюционный термин, одного издания с трехцветным флагом и "единой, неделимой"». И далее: «История угнетенных народов не может не упоминать об истории народа-угнетателя, но отсюда заключать к их тождеству было бы величайшей бессмыслицей» [Труды Первой Всесоюзной… 1930, с. IX].

Итак, на конференции произошло знаковое событие – на смену национально-государственной истории, маркируемой как русская история / история России, пришла многонациональная история народов СССР. Такая «сепарация» была обусловлена идеологией деколонизации и революционного освобождения наций. Сквозной темой для целого ряда секций на конференции стала проблема империализма. Помимо общего антиимпериалистического пафоса это было обусловлено и напряженной международной обстановкой и нагнетаемым в конце 1920-х годов в СССР ожиданием новой империалистической войны [Симонов 1996].

«Великий перелом» конца 1920-х – начала 1930-х годов, как грандиозный мобилизационный проект («наступление социализма по всему фронту»), включал и мобилизацию наций. Предполагалось, что форсированное развитие национальных культур позволит быстро перейти к их последующей консолидации. Эта линия была утверждена на XVI съезде ВКП (б) (июнь-июль 1930 г.), где говорилось об опасности «великорусского шовинизма» и иллюзий насчет исчезновения национально-культурных различий у народов СССР. Сталин провозгласил, что «надо дать национальным культурам развиться и развернуться, выявив все свои потенции, чтобы создать условия для слияния их в одну общую культуру с одним общим языком в период победы социализма во всем мире. Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной стране для слияния их в одну общую социалистическую (и по форме и по содержанию) культуру с одним общим языком, когда пролетариат победит во всем мире и социализм войдет в быт…» [Сталин 1933, с. 566]. Предполагалось развернуть борьбу как с «великорусским шовинизмом», так и с местным «буржуазным национализмом».

В связи с этим Общество историков-марксистов подготовила тезисы о перспективах своей работы в свете решений XVI съезда. Помимо прочего предполагалось усилить внимание к изучению истории народов СССР и развитию исторической науки в национальных республиках: «Перед нами стоит уже теперь вплотную совершенно положительная задача – создание истории народов СССР руками научно-исторических сил самих этих народов и помощь в создании самих этих научных исторических сил среди различных национальностей СССР. Наша работа по подготовке исторических кадров должна теперь главным образом стремиться к разрешению этой задачи.

Тесная связь в этом деле с теми национальными республиками, которые уже имеют такие кадры (Белоруссия, Грузия, Украина), и дружная вместе с историками-марксистами этих народов борьба как против великорусского, так и против местного национального шовинизма, больше чем когда-либо является нашей обязанностью» [Тезисы фракции совета Общества историков-марксистов 1931, с. 10]. Итак, тезисы Общества, на тот момент претендовавшего на центральное положение в советской исторической науке, фиксировали концепт «история народов СССР». Именно в такой формулировке это перейдет в исторические курсы. Первой «ласточкой» стала «Книга для чтения по истории народов СССР» (Харьков, 1930), заявленная первым изданием, реализовывавшем формат истории народов СССР.

18 января 1931 г. слушатель Института красной профессуры, чуваш по происхождению и будущий классик чувашской исторической науки, Иван Данилович Кузнецов[3] писал своему учителю по ИКП, М.Н. Покровскому, с просьбой высказать мнение по поводу проблем определения предмета истории народов СССР. Поводом стал как раз выход «Книги для чтения по истории народов СССР».

И.Д. Кузнецов указывал на все еще существующую неопределенность предмета истории народов СССР: «Не то она наука, которая изучает историю народов всего Союза, русских включительно, не то русских исключительно, не то она является обобщающим названием для историй всех народов СССР?» [Желательно, чтобы вы сказали на этот... 2018, с. 106].

Формат истории народов СССР, с его точки зрения, является эффективным в борьбе с «великорусским шовинизмом» и одновременно «местным национализмом», поскольку позволяет снять конфликт двух подходов, когда «шовинистический» ракурс лишал нерусские народы «историчности», а те в свою очередь, занимаясь поиском своего места в истории, впадали в другую крайность – искали в древности доказательства своего исторического величия и стремились возродить «золотой век». Второе – также разновидность националистической пропаганды [там же, с. 108]. Новый подход И.Д. Кузнецов расценил как «перелом» на «историческом фронте».

Рассматривая разработку истории народов СССР как часть социалистического строительства эпохи «великого перелома», Кузнецов призывал к форсированному ее изучению. В его понимании, это должно было стать полноценной дисциплиной – «наукой истории народов СССР», которая «…должна мыслиться как всеобщая история народов СССР – как синтез историй всех народов СССР» [Желательно, чтобы вы сказали на этот... 2018,

3. Правда, признанным мэтром он станет спустя много лет, после того, как будет арестован по обвинению в чувашском национализме и пройдет сталинские лагеря. См.: [Матюшин 2008; Богомазова 2008].

с. 109]. Для выработки новой «науки» требуется не только последовательная критика адептов «великодержавной» концепции истории (Н.М. Карамзина, С.В. Бахрушина и др.), но и борьба с «великодержавными пережитками в своих марксистских рядах» [там же].

Однако для «историографического рывка» требуется ускоренное развитие кадров национальных историографий. Причем, если Украина, Грузия и Белоруссия не сильно отстали от русской историографии, то «многие народы еще ничего не имеют, стоят перед задачей создания исторической науки, минуя немарксистские и антимарксистские стадии развития…» [там же, с. 110].

Записка И.Д. Кузнецова демонстрирует энтузиазм историков-националов, видевших в формате «истории народов СССР» возможность сломать устоявшиеся структуры исторического нарратива, не рассматривавшего нерусские народы в качестве полноценных исторических субъектов.

Однако наравне с установкой на «мобилизацию» наций, уже в 1931 г. Сталин, корректируя тезис Маркса о том, что «у пролетариата нет отечества» заявил, что «у нас есть отечество [СССР. – *В. Т.*] и мы будем отстаивать его независимость» [Бранденбергер 2017, с. 35–36]. Таким образом, в публичное пространство вбрасывалась новая идеологема, позволяющая уйти от радикального интернационализма и государственного нигилизма к более государственнической идеологии.

Итак, в конце 1920 – начале 1930-х годов были сформулированы потенциально противоречивые установки. Формально их можно было примирить. Однако если смотреть на прошлое, как на историю народов СССР, то акцент неизбежно делается на многообразие, даже если анализировать процесс через призму универсалистского формационно-классового подхода. Если же делать акцент на государстве, то предполагается унификация и акцент на центральных властных структурах в ущерб многообразию. Фактически обе установки действовали на протяжении 1930-х годов, но вторая постепенно вытесняла первую.

Наглядное представление об изменении предмета курса истории дают программы Московского государственного педагогического института им. Бубнова, в котором преподавал А.В. Шестаков и, благодаря своему авторитету, играл роль наставника молодых преподавателей, и в чьем личном фонде и отложились программы [АРАН. Ф. 638. Оп. 2. Д. 49]. Важно, что они отразили значительный хронологический отрезок, позволив тем самым проследить произошедшие изменения. На данный комплекс источников уже обращал внимание Н.В. Тихомиров, рассмотревший их под углом критики концепции М.Н. Покровского [Тихомиров 2021].

Итак, первая программа, подготовленная В. Максимовым, реализовывалась в 1930/31 учебном году, носила название «Программа по истории народов СССР» и предназначалась для первого курса экономического и философ-

ского отделений института. Впрочем, собственно истории народов СССР здесь было относительно немного. Очевидно, что высшая школа оказалась не готова к требованию построить курс многонациональной истории народов СССР. В программе отчетливо было видно, что она строилась на проблемах социально-экономического развития. Взаимоотношения России и нерусских народов рассматривались через призму концепции колониально-классовой эксплуатации.

В определении характера крестьянских войн XVII в. указывалось на участие в движениях представителей нерусских народов (как представителей «колониально-угнетенных окраин»). Особый раздел носил название «Создание колониальной империи и колониальная политика самодержавия в эпоху феодализма», его содержание было следующим: «Завоевание Новгорода и Новгородских колоний, завоевание Казани, Приуралья и Сибири. Завоевание Украины и южных степей. Экспроприация “инородцев”, торговый грабеж и насаждение христианизации. Распространение крепостничества на окраинах. Методы колонизации окраин Московским государством. Экспроприация колониальных народов Приуралья в связи с развитием горнозаводской промышленности и закрепощение рабочей силы. Отношение господствующих классов Московского государства к господствующим классам колониальных окраин. Борьба колониально-угнетенных масс против Московского самодержавия. Великодержавный шовинизм в буржуазной историографии» [АРАН. Ф. 638. Оп. 2. Д. 49. Л. 25].

«Колониальный грабеж» рассматривался в качестве лейтмотива политики царизма и в XVIII–XIX вв. Внешняя и колониальная политика царизма XIX в. (речь шла о присоединении и завоевании Кавказа) тесно переплетались. Кроме того, царизм насаждал крепостнические порядки в национальных окраинах. Пореформенный период не принес изменений, но особенно акцентировался рост национально-освободительного движения. В экономическое сфере подчеркивалось значение промышленного кризиса 1900-х годов и неравномерность развития капитализма в Российской империи, породившая специфическое взаимоотношение более развитых и отсталых районов, к последним причислялись Азербайджан, Казахстан и Узбекистан [АРАН. Ф. 638. Оп. 2. Д. 49. Л. 25 об].

В курс включались и типичные для того времени лабораторные работы, предполагавшие самостоятельное изучение студентами перипетий истории недавней гражданской войны в отдельных республиках СССР [АРАН. Ф. 638. Оп. 2. Д. 49. Л. 22–22 об].

В том же духе была составлена программа для историков, автором которой выступал О. Шекун. Разумеется, материал преподносился в более расширенной форме, чем для неисторических специальностей. В частности, нашлось место для критики «великорусского шовинизма» в историографии, в

первую очередь М.К. Любавского [АРАН. Ф. 638. Оп. 2. Д. 49. Л. 27–31]. Заметное место в обоих программах занимала теория торгового капитализма М.Н. Покровского.

Выходя за рамки Московского педагогического института, стоит указать, что формат курса «История народов СССР» являлся стандартным и для других учебных заведений. В 1932 г. вышел очерк Н.Н. Ванага по истории народов СССР [Ванаг 1932]. Такие же курсы в 1935/36 г. в МИФЛИ и МГИАИ читал Ю.В. Готье [Тихонов 2012, с. 266–267; Кириллова 2023; Тараторкин 2022]. В 1935/36 уч. году в Среднеазиатском университете (Ташкент) курс «История народов СССР» читался П.П. Смирновым [Комочев, Карандеева 2022, с. 99]. В Институте красной профессуры (ИКП) курс отечественной истории читался П.С. Дроздовым и обозначался как «История народов СССР» [Долгова 2020; Долгова 2022, с. 282–375].

Переломом стала знаменитая встреча историков с И.В. Сталиным, который высказал свое недовольство существующими учебниками истории. Согласно воспоминаниям присутствовавшего там историка С.А. Пионтковского, Сталин указал, что нужна не «история народов СССР», а «история СССР», поскольку «русский народ в прошлом собирал другие народы, к такому же собирательству он приступил и сейчас» [Дневник историка С.А. Пионтковского, с. 487–488].

Трансформация началась со знаменитого «Постановления о преподавании гражданской истории» 1934 г. и «Замечаний на конспекты по истории СССР» за авторством И.В. Сталина, С.Н. Кирова и А.А. Жданова, в которых, однако, не фиксировалось четкой формулы, но авторы (а по сути, Сталин) предпочитали все же «историю СССР», хотя и пеняли составителям конспектов за акцент на истории Великороссии [К изучению истории 1946, с. 17–26].

Появление новых установок создавало для историков своеобразную концептуальную ловушку. Не было ясно, «история СССР» – это синоним «истории народов СССР» или нет. Например, известный во второй половине 1930-х годов «красный профессор» П.С. Дроздов делал знак равенства между «историей СССР» и «историей народов СССР». В установочной статье в журнале «Историк-марксист» он писал: «“Замечания” требуют, чтобы историки, наконец, перешли от русской истории, т.е. истории только Руси, к построению курса истории СССР, т.е. истории всех народов, которые вошли в состав СССР» [Дроздов 1936, с. 10].

Важным фоном изменений стало принятие в 1936 г. новой Конституции. В ней провозглашался конец классовой сегрегации, прекращалось поражение в правах отдельных категорий населения и т.д., т.е. подчеркивалось единство народа [Великанова 2021]. В целом новая Конституция стала не гимном новому социалистическому обществу, но государству – Советскому Союзу. В значительной степени новая Конституция стала юридической фиксацией

заявления Сталина, сделанного в 1931 г. о том, что «у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость» [Бранденбергер 2017, с. 35–36]. В публичное пространство внедряются новые актуальные идеологемы: «советский патриотизм», «советский народ», «дружба народов» [Виноградов 1995; Brandenberger 2021; Tillett 1969; Whittington 2019; Тихонов 2022]. В этом контексте акцент на СССР, как на нечто единое, а не сумму «народов СССР», выглядел реализацией данной установки.

Однако, видимо, окончательно формат «истории СССР» был закреплен в 1937 г. появлением «Краткого курса истории СССР» под редакцией А.В. Шестакова. Подготовленный для начальной школы, учебник А.В. Шестакова рассматривался как элемент линейки учебников, предназначенный для выстраивания стройной и единой системы партийного и «гражданского» образования [Докладная записка 2014, с. 228–233]. При этом нельзя говорить, что именно этот учебник задал направление, поскольку в ходе конкурса на школьные учебники истории название, в котором курс определялся именно как «история СССР», носило большинство представленных пособий [Тихонов 2021(б)].

Соответственно, уже в 1937 г. программа курса для исторического факультета МГПИ называлась «Программой курса лекций по истории СССР». Одна из задач курса была сформулирована, как критика националистических исторических схем, фашистских исторических и расовых теорий [АРАН. Ф. 638. Оп. 2. Д. 49. Л. 52]. В курсе сохранялась установка на презентацию истории народов СССР. Предполагались лекции «Древнейшие государства на территории Кавказа от 1 тыс. до н.э. до VI в. н.э. (Армения, Грузия, Азербайджан)» и «Древнейшие государства на территории Средней Азии от 1 тыс. до н.э. до VI в. н.э. до арабского завоевания». Специально выделялась лекция «Готское государство в Восточной Европе», что, очевидно, было связано с притязаниями нацистской Германии на Крым, как готское царство, т.е. «исконно германскую территорию» [Юрочкин 2017, с. 327–344].

Истории народов СССР в программе были отражены следующим образом: Народы Волжско-Окско-Камского междуречья (с древнейших времен до XVIII в.) (меря, мари, мордва, удмурты и др.); Средняя Азия и Кавказ под властью арабов (VII–XI вв.); Народы Закавказья в X–XII вв.; Средняя Азия под властью монголов и Золотая Орда от Тамерлана до Тохтамыша; Литовское государство и народы Прибалтики в XIII–XIV вв.; Средняя Азия и Кавказ в XV – начале XVI в.; Народы Западной Сибири в XV–XVI вв. и их завоевание; Восстание Ивана Болотникова и народов колоний Московского государства в начале XVII в.; Украина и Белоруссия в середине XVII в. в борьбе за национальную самостоятельность. Богдан Хмельницкий; Народы колоний; Народы Восточной Сибири и их завоевание в XVII в. … Уход русских завоевателей с Амура… Формы эксплуатации…; Средняя Азия и Кавказ

в XVII в.; Колониальная политика Российской империи в 1-й половине XVIII в.; Восстание крестьянства, уральского казачества, крепостных рабочих и народов колоний в 1773–1775 гг. [АРАН. Ф. 638. Оп. 2. Д. 49. Л. 52–122]. Стоит отметить, что и для неисторических специальностей сжато, но сохранялся сильный национальный компонент.

Комментируя представленную структуру, стоит отметить, что, сохраняя значительный компонент национальных историй, программа все же отражала дрейф в сторону государственности, что и зафиксировало определение предмета ее содержания. Более того, в представленной программе попытались соединить описанные выше установки: 1) демонстрацию национального разнообразия и равноправия и 2) усиление государственнического компонента. Материал получился громоздким. Программа 1938–1939 гг. шла по линии сокращения материала. Но национальный компонент пострадал мало.

В целом можно сделать вывод, что после 1937 г. в советской исторической науке закрепился формат «Истории СССР», потеснивший «Историю народов СССР». Но в программах национальный компонент был представлен все еще широко. Впрочем, четкой официальной установки на определении отечественной истории как «Истории СССР», видимо, все же не было. Поэтому в эти годы встречались и программы, в которых курсы значились именно как «История народов СССР» [Куфаев 1939; Программа по курсу 1940]. Однако в официальных изданиях «история СССР», т.е. история государства, окончательно взяла верх.

Новый формат закреплялся и при помощи институциональных структур. В созданном в 1936 г. штабе советской исторической науки, Институте истории СССР, предполагалось организовать сектор истории СССР, внутри которого выделялись бы группы по истории отдельных народов [«Центром исторической науки в СССР» 2021, с. 74]. Таким образом, «история СССР» выдвигалась на первый план, а «история народов СССР» становилась дополнением. Интересно отметить, что предлагавшаяся структура в миниатюре повторяла матрешечную структуру самого СССР. Но из-за недостатка специалистов и загруженности массой других коллективных проектов [Тихонов 2021 (а)] даже в таком усеченном формате исследования народов СССР так и не были развернуты. Впрочем, в Институте существовал Кабинет народов СССР, но еще до войны его переименовали в Научно-библиографический кабинет по истории СССР [Институт российской истории РАН 2021, с. 615–616, сноска 7].

В этой терминологической игре отразились и важные идейные трансформации советской идеологии. От идеи Советского Союза, как прообраза мировой социалистической республики равных национальностей, происходил постепенный дрейф в сторону идеи СССР, как единого социалистического

государства и великой державы. Данный тренд окончательно восторжествует уже в послевоенное время.

Библиография

Аманжолова Д.А., Дроздов К.С., Красовицкая Т.Ю., Тихонов В.В. Советский национальный проект в 1920–1940-е годы: идеология и практика. М.: Новый хронограф, 2021. 576 с.

Архив Российской академии наук. Ф. 638 (А.В. Шестаков). Оп. 2. Д. 49.

Богомазова Ю.А. И.Д. Кузнецов – ученый, педагог и общественный деятель. Дисс. на соик. к.и.н. Чебоксары, 2008. 358 с.

Бранденбергер Д. Сталинский руссоцентризм: Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2017. 407 с.

Ванаг Н.Н. Краткий очерк истории народов СССР. Л.: Партиздат, 1932. 414 с.

Великанова О. Конституция 1936 года и массовая политическая культура сталинизма. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 360 с.

Виноградов И. Жизнь и смерть советского понятия «дружба народов» // Cahiers du Monde russe. 1995. № 4 (36). P. 455–462.

Дневник историка С.А. Пионтковского (1927–1934) / Отв. ред. и вступ, статья А.Л. Литвина. Казань: Казан. гос. ун-т, 2009. 516 с.

Докладная записка председателя программно-методической комиссии А.И. Стецкого А.А. Жданову об учебных пособиях и учебных планах курсов по усовершенствованию парткадров [20–27 апреля 1937 г.] // «Краткий курс истории ВКП (б)». Текст и его история. В 2 частях. Часть I / Сост. М.В. Зеленов, Д. Бранденбергер. М.: РОССПЭН, 2014. С. 228–233.

Долгова Е.А. Конспект слушателя Института красной профессуры по истории, или О возможностях диалога в учебной аудитории в 1930-е гг. // Диалог со временем. 2020. № 70. С. 157–170.

Долгова Е.А. Конспект слушателя Института красной профессуры: источник и исследование. М.: РГГУ, 2022. 467 с.

Дроздов П.С. Решение партии и правительства об учебниках по истории и задачи советских историков // Историк-марксист. 1936. № 1. С. 9–22.

«Желательно, чтобы вы сказали на этот счет свое авторитетное слово»: Докладная записка И.Д. Кузнецова М.Н. Покровскому. 1931 г. / Публ. В.В. Семирадова // Исторический архив. 2018. № 3. С. 104–112.

Институт российской истории РАН. 1936–2021. Очерк истории. Биобиблиографический словарь / отв. ред. Ю.А. Петров, А.А. Чернобаев. М., 2021. 656 с.

К изучению истории. М.: Партиздат, 1946. 38 с.

Кириллова М.Н. «Древнейшая история СССР» в лекционных курсах Ю.В. Готье 1930-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2023. – Т. 14. – Вып. 2 (124). URL: https://history.jes.su/s207987840024697-5-1/. DOI: 10.18254/S207987840024697-5.

Комочев Н.А., Карандеева А.А. Профессор П.П. Смирнов в Историко-архивном институте. 1930–1940-е гг. Документальная летопись. М.: РГГУ, 2022. 227 с.

Куфаев М.Н. Программа по Истории народов СССР: Курс лекций проф. М.Н. Куфаева / Ленингр. ком. ин-т журналистики им. В.В. Воровского. Л.: Б. и., 1939. 30 с.

Мартин Т. Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011. 855 с.

Матюшин П.Н. И.Д. Кузнецов в лагерях ГУЛАГа и на поселении Севера (сентябрь 1941 года – ноябрь 1945 года – январь 1956 года) // Вестник Чувашского университета. 2008. № 4. С. 71–77.

Пионтковский С.А. Очерки истории России в XIX–XX веках: Курс лекций. [Харьков]: Пролетарий, 1928. 300 с.

Пионтковский С.А. Очерки истории России в XIX–XX веках: Курс лекций. 2-е изд. [Харьков]: Пролетарий, 1930. 488 с.

Пионтковский С.А. Очерки истории СССР XIX–XX вв. М.; Л.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1935. 528 с.

Программа по курсу История народов СССР: Для техникума / УУЗ-НКМП-РСФСР. Моск. заочн. инст. металлопромышленности. М.: МЗИМП, 1940. 31 с.

Симонов Н.С. «Крепить оборону Страны Советов» («Военная тревога» 1927 г. и её последствия) // Отечественная история. 1996. № 3. С. 155–160.

Сталин И. Вопросы Ленинизма. М.: ГИПЛ, 1933. 612 с.

Тараторкин Ф.Г. «История народов СССР» Ю.В. Готье в МГИАИ (1936/1937 учебный год) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 9. С. 139–154.

Тезисы фракции совета Общества историков-марксистов о задачах марксистской исторической науки в реконструктивный период // Историк-марксист. 1931. Т. 21. С. 8–17.

Тихомиров Н.В. Отражение борьбы за новую концепцию истории СССР в программах курсов истории для вузов (1930-е гг.) // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2021. Т. 7. № 1. С. 88–95.

Тихонов В.В. «С русским размахом и американской деловитостью»: коллективные и индивидуальные формы организации исследований в Институте истории АН СССР // Российская история. 2021 (а). № 5. С. 144–154.

Тихонов В.В. В преддверии «дружбы народов»: отражение межнациональных отношений народов СССР в школьных учебниках по истории 1930-х гг. // История и историки: Историографический вестник. 2014–2019. М., 2021 (б). С. 70–86.

Тихонов В.В. Московская историческая школа: научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина. М.; СПб.: Нестор-история, 2012. 320 с.

Тихонов В.В. От «СССР-цев» до «советского народа»: в поисках единства на 1/6 суши планеты Земля // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 4. С. 188–201.

Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. 28.XII.1928 – 4.I.1929. Том первый. М., 1930. XV, 558 с.

«Центром исторической науки в СССР должен быть Институт истории Академии наук». Проект директора института академика Н.М. Лукина. 1936 г. / Публ. В.В. Тихонов, А.А. Чернобаев // Исторический архив. 2021. № 2. С. 71–80.

Юрочкин В.Ю. Готский вопрос. Симферополь: СОНАТ, 2017. 495 с.

Brandenberger D. Global in Form, Soviet in Content: The Changing Semantics of Internationalism in Official Soviet Discourse, 1917–1991 // The Russian Review. 2021. № 80 (October 2021). Pp. 2–20.

Golubev A. No natural colonization: the early Soviet school of historical anti-colonialism // Canadian Slavonic Papers. 2023. № 2 (65). Pp. 190–204.

Tillett L. The Great Friendship: Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities. Chapel-Hill, 1969. X, 468 с.

Whittington A. Making a Home for the Soviet People: World War II and the Origins of the Sovetskii Narod // Empire and Belonging in Eurasian Borderlands. Cornell University Press, 2019. P. 147–149.

References

Amanzholova D.A., Drozdov K.S., Krasovickaja T.Ju., Tihonov V.V. Sovetskij nacional'nyj proekt v 1920–1940-e gody: ideologija i praktika [The Soviet National Project in the 1920s–1940s: ideology and Practice]. M.: Novyj hronograf, 2021. 576 p. (In Russ.)

ARAN. F. 638 (A.V. Shestakov). Op. 2. D. 49.

Bogomazova Ju.A. I.D. Kuznecov – uchjonyj, pedagog i obshhestvennyj dejatel' [I.D. Kuznetsov – scientist, teacher and public figure]. Diss. na soik. k.i.n. Cheboksary, 2008. 358 p. (In Russ.)

Brandenberger D. Global in Form, Soviet in Content: The Changing Semantics of Internationalism in Official Soviet Discourse, 1917–1991 // The Russian Review. 2021. N 80 (October 2021). P. 2–20.

Brandenberger D. Stalinskij russocentrizm: Sovetskaja massovaja kul'tura i formirovanie russkogo nacional'nogo samosoznanija (1931–1956 gg.) [Stalin's Russocentrism: Soviet Mass Culture and the Formation of Russian National Identity (1931–1956).]. M.: Politicheskaja jenciklopedija, 2017. 407 p. (In Russ.)

«Centrom istoricheskoj nauki v SSSR dolzhen byt' Institut istorii Akademii nauk» Proekt direktora instituta akademika N.M. Lukina. 1936 g. [«The center of historical science in the USSR should be the Institute of History of the Academy of Sciences» Project of the director of the Institute, Academician N.M. Lukin. 1936] / Publ. V.V. Tihonov, A.A. Chernobaev // Istoricheskij arhiv [Historical Archive]. 2021. N 2. P. 71–80. (In Russ.)

Dnevnik istorika S.A. Piontkovskogo (1927–1934) [The Diary Of S.A. Piontkovskogo (1927–1934)] / Otv. red. i vstup, stat'ja A.L. Litvina. Kazan': Kazan, gos. un-t, 2009. 516 p.

Dokladnaja zapiska predsedatelja programmno-metodicheskoj komissii A.I. Steckogo A.A. Zhdanovu ob uchebnyh posobijah i uchebnyh planah kursov po usovershenstvovaniju partkadrov [20–27 aprelja 1937 g.] [A memorandum by the chairman of the Program and Methodological Commission A.I. Stetsky to A.A. Zhdanov on textbooks and curricula of courses on improving party frames [April 20–27, 1937]] // «Kratkij kurs istorii VKP (b)». Tekst i ego istorija. V 2 chastjah. Chast' I. [«A short course in the history of the CPSU (b)». The text and its history. In 2 parts. Part I] / Sost. M.V. Zelenov, D. Brandenberger. M.: ROSSPJeN, 2014. P. 228–233. (In Russ.)

Dolgova E.A. Konspekt slushatelja Instituta krasnoj professury po istorii, ili O vozmozhnostjah dialoga v uchebnoj auditorii v 1930-e gg. [Summary of the student of the Institute of the Red Professorship in History, or About the possibilities of dialogue in the classroom in the 1930s.] // Dialog so vremenem [Dialogue with time]. 2020. N 70. P. 157–170. (In Russ.)

Dolgova E.A. Konspekt slushatelja Instituta krasnoj professury: istochnik i issledovanie [Summary of the student of the Institute of the Red Professorship: source and research]. M.: RGGU, 2022. 467 p. (In Russ.)

Drozdov P.S. Reshenie partii i pravitel'stva ob uchebnikah po istorii i zadachi sovetskih istorikov [The decision of the Party and the government on history textbooks and the tasks of Soviet historians] // Istorik-marksist [Marxist historian]. 1936. N 1. P. 9–22. (In Russ.)

Golubev A. No natural colonization: the early Soviet school of historical anti-colonialism // Canadian Slavonic Papers. 2023. N 2 (65). P. 190–204.

Institut rossijskoj istorii RAN. 1936–2021. Ocherk istorii. Biobibliograficheskij slovar' [Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 1936–2021. An outline of history. Biobibliographic Dictionary] / otv. red. Ju.A. Petrov, A.A. Chernobaev. M., 2021. 656 p. (In Russ.)

Jurochkin V.Ju. Gotskij vopros [Goth question]. Simferopol': SONAT, 2017. 495 p. (In Russ.)

K izucheniju istorii [To study history]. M.: Partizdat, 1946. 38 p. (In Russ.)

Kirillova M.N. «Drevnejshaja istorija SSSR» v lekcionnyh kursah Ju.V. Got'e 1930-h gg. [«The ancient history of the USSR» in the lecture courses of Y.V. Gauthier in the 1930s.] // Jelektronnyj

nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istorija» [Electronic scientific and educational magazine «History».]. – 2023. – T. 14. – Vyp. 2 (124). URL: https://history.jes.su/s207987840024697-5-1/. DOI: 10.18254/S207987840024697-5. (In Russ.)

Komochev N.A., Karandeeva A.A. Professor P.P. Smirnov v Istoriko-arhivnom institute. 1930–1940-e gg. Dokumental'naja letopis' [Professor P.P. Smirnov at the Historical and Archival Institute. The 1930s and 1940s. Documentary chronicle]. M.: RGGU, 2022. 227 p. (In Russ.)

Kufaev M.N. Programma po Istorii narodov SSSR: Kurs lekcij prof. M.N. Kufaeva [Program on the History of the Peoples of the USSR] / Leningr. kom. in-t zhurnalistiki im. V.V. Vorovskogo. L.: B. i., 1939. 30 p. (In Russ.)

Martin T. Imperija «polozhitel'noj dejatel'nosti»: Nacii i nacionalizm v SSSR, 1923–1939 [The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939]. M.: ROSSPJeN, 2011. 855 p. (In Russ.)

Matjushin P.N. I. D. Kuznecov v lagerjah GULAGa i na poselenii Severa (sentjabr' 1941 goda – nojabr' 1945 goda – janvar' 1956 goda) [I.D. Kuznetsov in the GULAG camps and in the settlement of the North (September 1941– November 1945 – January 1956)] // Vestnik Chuvashskogo universiteta [Bulletin of the Chuvash University]. 2008. N 4. P. 71–77. (In Russ.)

Piontkovskij S.A. Ocherki istorii Rossii v XIX–XX vekah: Kurs lekcij [Essays on the history of Russia in the XIX–XX centuries: A course of lectures]. [Har'kov]: Proletarij, 1928. 300 p. (In Russ.)

Piontkovskij S.A. Ocherki istorii Rossii v XIX–XX vekah: Kurs lekcij [Essays on the history of Russia in the XIX–XX centuries: A course of lectures]. 2-e izd. [Har'kov]: Proletarij, 1930. 488 p. (In Russ.)

Piontkovskij S.A. Ocherki istorii SSSR XIX–XX vv. [Essays on the history of the USSR of the XIX–XX centuries]. M.; L.: Gos. social'no-jekonomicheskoe izd-vo, 1935. 528 p. (In Russ.)

Programma po kursu Istorija narodov SSSR: Dlja tehnikuma / UUZ-NKMP-RSFSR. Mosk. zaochn. inst. Metallopromyshlennosti [The program of the course History of the peoples of the USSR: For technical school]. M.: MZIMP, 1940. 31 p. (In Russ.)

Simonov N.S. «Krepit' oboronu Strany Sovetov» («Voennaja trevoga» 1927 g. i ejo posledstvija) [«Strengthen the defense of the Soviet Country» («Military alarm» of 1927 and its consequences)] // Otechestvennaja istorija [Native history]. 1996. N 3. P. 155–160. (In Russ.)

Stalin I. Voprosy Leninizma [Questions of Leninism]. M.: GIPL, 1933. 612 p. (In Russ.)

Taratorkin F.G. «Istorija narodov SSSR» Ju.V. Got'e v MGIAI (1936/1937 uchebnyj god) [«The History of the Peoples of the USSR» by Yu.V. Gauthier at MGIAI (1936/1937 academic year)] // Vestnik RGGU. Serija «Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kul'turologija» [Bulletin of the Russian State University. The series «Literary studies. Linguistics. Cultural studies»]. 2022. N 9. P. 139–154. (In Russ.)

Tezisy frakcii soveta Obshhestva istorikov-marksistov o zadachah marksistskoj istoricheskoj nauki v rekonstruktivnyj period [Theses of the faction of the Council of the Society of Marxist Historians on the tasks of Marxist historical science in the reconstructive period] // Istorik-marksist [Marxist historian]. 1931. Vol. 21. P. 8–17. (In Russ.)

Tihomirov N.V. Otrazhenie bor'by za novuju koncepciju istorii SSSR v programmah kursov istorii dlja vuzov (1930-e gg.) [Reflection of the struggle for a new concept of the history of the USSR in the programs of history courses for universities (1930s)] // Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Istoricheskie nauki. Juridicheskie nauki» [Bulletin of the Mari State University. The series «Historical Sciences. Legal Sciences»]. 2021. Vol. 7. N 1. P. 88–95. (In Russ.)

Tikhonov V.V. «S russkim razmahom i amerikanskoj delovitost'ju»: kollektivnye i individual'nye formy organizacii issledovanij v Institute istorii AN SSSR [«With Russian scope and American efficiency»: collective and individual forms of research organization at the Institute of History of the USSR Academy of Sciences] // Rossijskaja istorija [Russian History]. 2021 (a). N 5. P. 144–154. (In Russ.)

Tikhonov V.V. Moskovskaja istoricheskaja shkola: nauchnoe tvorchestvo Ju.V. Got'e, S.B. Veselovskogo, A.I. Jakovleva i S.V. Bahrushina [Moscow Historical School: scientific creativity of Y.V. Gauthier, S.B. Veselovsky, A.I. Yakovlev and S.V. Bakhrushin]. M.; SPb.: Nestor-istorija, 2012. 320 p. (In Russ.)

Tikhonov V.V. Ot «SSSR-cev» do «sovetskogo naroda»: v poiskah edinstva na 1/6 sushi planety Zemlja [From the «USSR-tsev» to the «Soviet people»: in search of unity on 1/6 of the land of the planet Earth] // Novoe proshloe / The New Past. 2022. N 4. P. 188–201. (In Russ.)

Tikhonov V.V. V preddverii «druzhby narodov»: otrazhenie mezhnacional'nyh otnoshenij narodov SSSR v shkol'nyh uchebnikah po istorii 1930-h gg. [On the eve of the «Friendship of Peoples»: reflection of the interethnic relations of the peoples of the USSR in school history textbooks of the 1930s.] // Istorija i istoriki: Istoriograficheskij vestnik [History and Historians: Historiographical Bulletin]. 2014–2019. M., 2021 (b). P. 70–86. (In Russ.)

Tillett L. The Great Friendship: Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities. Chapel-Hill, 1969. X, 468 p.

Trudy Pervoj Vsesojuznoj konferencii istorikov-marksistov. 28.XII.1928 – 4.I.1929. Tom pervyj [Proceedings of the First All-Union Conference of Marxist Historians. 28.XII.1928 – 4.I.1929. Volume one]. M., 1930. XV, 558 p. (In Russ.)

Vanag N.N. Kratkij ocherk istorii narodov SSSR [A brief sketch of the history of the peoples of the USSR]. L.: Partizdat, 1932. 414 p. (In Russ.)

Velikanova O. Konstitucija 1936 goda i massovaja politicheskaja kul'tura stalinizma [The 1936 Constitution and the mass political culture of Stalinism]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. 360 p. (In Russ.)

Vinogradov I. Zhizn' i smert' sovetskogo ponjatija «druzhba narodov» [The life and death of the Soviet concept of «friendship of peoples»] // Cahiers du Monde russe. 1995. N 4 (36). P. 455–462. (In Russ.)

Whittington A. Making a Home for the Soviet People: World War II and the Origins of the Sovetskii Narod // Empire and Belonging in Eurasian Borderlands. Cornell University Press, 2019. P. 147–149.

«Zhelatel'no, chtoby vy skazali na jetot schet svoe avtoritetnoe slovo»: Dokladnaja zapiska I.D. Kuznecova M.N. Pokrovskomu. 1931 g. [«It is desirable that you say your authoritative word on this matter»: I.D. Kuznetsov's memo to M.N. Pokrovsky. 1931] / Publ. V.V. Semiradova // Istoricheskij arhiv [Historical Archive]. 2018. N 3. P. 104–112. (In Russ.)

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ
REFLECTIONS, COMMUNICATIONS, COMMENTS

DOI: 10.31249/rsm/2023.04.11

А.В. Гордон

БЫТЬ СОБОЙ В ЭПОХУ ВОЙН И РЕВОЛЮЦИЙ. О ЛИЧНОСТИ П.А. КРОПОТКИНА В НОВЕЙШЕЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Аннотация. *Личность выдающегося политического и общественного деятеля России многократно становилась предметом исследования, изобилуя противоречивыми оценками. Книга В.В. Дамье и Д.И. Рублева «Петр Кропоткин. Жизнь анархиста», представляя последнее слово в отечественной кропоткинистике, оставляет пространство для размышлений. Что побудило отпрыска знатного рода стать на революционную стезю, а потом на волне популярности в анархистском движении выступить защитником национальной государственности? Авторы ищут ответа, добросовестно реконструируя этапы жизненного пути Кропоткина в ипостасях революционера и анархиста. Однако многогранность этой личности требует ставить вопрос шире, выдвинув вперед мировоззренческие аспекты, собственно трактовку исторического процесса, в которой характерный для естествоиспытателя эволюционизм переплетался с цикличностью, поступательность общественного прогресса соседствовала с катастрофизмом. Исключительную роль в формировании мировоззрения играл индуктивный метод. Идя к обобщениям от эмпирических наблюдений, Кропоткин добился замечательных успехов при географическом исследовании Сибири и Дальнего Востока. Применялся этот метод и при выработке политической позиции, которая менялась в зависимости от ситуации. В 1914 г. Кропоткин выступил в защиту Франции от германской агрессии, оценивая вклад страны в европейскую цивилизацию и революционный потенциал. В 1917 г. поддержал Временное правительство, отстаивая необходимость национального единства для защиты революционных завоеваний и спасения России от агрессии. Диктатура большевиков и политика «военного коммунизма» углубили понимание Кропоткиным переходного периода к социализму признанием фундаментального значения демократических ценностей и институтов. Профсоюзы, кооперация, федерализм сделались кредо заключительного периода жизни.*

Ключевые слова: *П.А. Кропоткин; А.А. Боровой; анархизм; социализм; эволюционизм; индуктивный метод; Пажеский корпус; география Сибири; Первая мировая война; Великая французская революция; Российская революция 1917 г.; Советская власть.*

Гордон Александр Владимирович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН. Россия, Москва.
E-mail: gordon_aleksandr@mail.ru
Scopus Author ID: 57193746873

Gordon A.V. On being yourself in an era of wars and revolutions: Piotr Kropotkin's personality in the modern interpretation

Abstract. *The personality of the great political and public figure of Russia Piotr Kropotkin has been a subject of much research, replete with contradictory judgments. The book by V.V. Damye and D.I. Rublev «Piotr Kropotkin. Life of an Anarchist», is the latest example of Russian «Kropotkin studies», raising some questions to reflect upon. What prompted the offspring of a noble family to embark on a revolutionary path, and then, on the wave of popularity in the anarchist movement, to advocate for national statehood? Biographers seek answers, faithfully reconstructing the stages of Kropotkin's life journey in the roles of revolutionary and anarchist. However, the multifaceted nature of this personality requires to pose a wider question, bringing forward his worldview aspect and actual interpretation of historical process, in which the evolutionism pertaining to a naturalist was intertwined with historical cyclicism; the ongoing steps of social progress coexisted with catastrophism. The inductive method played an exceptional role in shaping his worldview. Going to generalizations from empirical observations, Kropotkin made remarkable progress in the geographical study of Siberia and the Far East. This method was also applied in the development of his political positions, which varied depending on the situation. In 1914. Kropotkin spoke in defense of France against German aggression, assessing the country's contribution to European civilization and revolutionary potential. In 1917 he supported the Provisional Government, advocating necessity of the national union to defend the revolutionary gains and Russia itself against aggression. The Bolshevik dictatorship and the policy of «war communism» deepened Kropotkin's understanding of the transitional period to socialism by recognizing the fundamental importance of democratic values and institutions. Trade unions, cooperation, and federalism became the credo of the final period of his life.*

Keywords: *P.A. Kropotkin; A.A. Borovoj; anarhism; evolutionism; inductive method; Corps of pages; geography of Siberia; World war I; French revolution; Russian revolution 1917; Soviet power.*

Gordon Alexander Vladimirivish – Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.
E-mail: gordon_aleksandr@mail.ru
Scopus Author ID: 57193746873

Выход в свет капитального труда о Кропоткине ознаменовался эмоциональными откликами в медиапространстве, в которых восприятие личности выдающегося ученого, мыслителя, революционера, соединилось с оценкой реконструкции его жизненного пути авторитетными исследователями российского и международного анархизма В.В. Дамье и Д.И. Рублевым. Энциклопедический масштаб издания, стремление авторов выявить все обстоятельства многотрудной и драматической жизни классика анархизма, опираясь на предельно широкий круг разнообразных источников, были замечены и оценены комментаторами. Книга систематизирует «лавину фактов, событий и персонажей, составляющих жизнь Кропоткина», – отзывался обозреватель «Коммерсанта» [Мокроусов 2022, с. 11].

В фокусе перекрестных мнений оказалось то, что комментатор «Известий» Лидия Маслова с юмором назвала «петровским пассажем» [Маслова 2022]. Точнее, речь зашла о двух «пассажах» – о том, как потомок основателей российской государственности стал ее ниспровергателем, а затем в ходе Первой мировой войны сделался ее защитником – уже будучи признанным «антиэтатистом», антагонистом всякой государственности. Комментаторы отмечали, что столь драматический поворот не мог не отразиться в его освещении, и желание авторов уклониться от окончательных оценок не устранило противоречий в реконструкции жизненного пути и личности их героя. Любопытно наблюдение обозревателя сайта «Горький» о несоответствии симпатий авторов к Кропоткину предложенному в книге «анархистскому дискурсу» [Гранд 2022].

Книга написана в перспективе мультидисциплинарного направления исследований, бурно развивавшегося в постсоветский период и получившего название «анарховедения»[1]. Выявляя дискуссионные вопросы истории анархизма в мировой науке, противоречивые оценки жизни и деятельности его виднейшего представителя, наконец сложность эволюции самого Кропоткина, авторы бесспорно способствуют углубленному восприятию и всесторонней оценке этой эволюции. Однако насколько плодотворно в реконструкции столь многогранной личности («космос» [там же]) средоточие на одной ипостаси революционера-анархиста?

Биографы нашли тонкую и, думаю, точную интонацию в оценке личности Кропоткина: его «искусство оставаться собой, жить по собственным убеждениям, жить полно и ярко. И если надо – плыть против течения» [Дамье, Рублев, 2022, с. 10]. То было выражением самой натуры. И порой признанный анархистским движением классик позволял себе в принципиальных

1. По подсчетам П.И. Талерова, число публикаций по анархизму с середины XIX в. по 2006 г. составило около 8300, тогда как с 2007 до 2022 г. превысило 6 тыс. [Апология с. 8].

вопросах выступать против последнего, что обнажает уязвимые точки «анарховедческого» подхода.

Спорные вопросы кропоткинистики начинаются с обстоятельств вступления князя-рюриковича на революционную стезю. Поскольку над биографами тяготеет ретроспективная предопределенность, уже в детстве Кропоткина ищут истоки разрыва с установленным порядком. Обладая развитой эмпатией, Петр сострадал дворовым, становившимся жертвами барского произвола; притом и он, и старшая сестра Елена в своих воспоминаниях приводят единичные случаи. Больше осложняли их детство семейные коллизии: ранняя смерть мамы, отношения с мачехой, суровость отца [Кравченко 2023; Кропоткин 1988]. Но было у Пети и другое: дружба с братом-сверстником, пробуждение страсти натуралиста, первая любовь, отразившаяся в дневнике записью о желании остаться в родимых местах. С ностальгическим чувством вспоминал Петр Алексеевич родительский дом.

Неоправданна негативная однотонность в освещении пребывания будущего революционера в Пажеском корпусе. Среди выпускников этого привилегированного учебного заведения А.Н. Радищев, немало декабристов, включая П.И. Пестеля [Киянская 2006], видные государственные деятели Н.Н. Муравьев-Амурский, Я.И. Ростовцев, М.В. Родзянко, военачальники Д.С. Дохтуров, И.Ф. Паскевич, А.А. Брусилов. Сетования Кропоткина на казарменную обстановку понятны, она мешала занятиям самообразованием. И нет сомнения, Кропоткин превосходил однокашников в своем развитии. Однако стоит прислушаться к мнению брата, выпускника Московского кадетского корпуса: «Напрасно ты так свысока смотришь на корпусное образование. При старании, поверь мне, ты вынесешь очень много полезных сведений из корпусных стен»[2]. «Вынесу все, что может быть мне полезным, – отвечал Петр брату, – вынесу довольно много, но все-таки этого слишком мало»[3].

Образование, полученное в корпусе, включало овладение математическими методами, которое понадобилось в сибирских экспедициях, как и занятия практической астрономией, геодезией. Пригодились уроки рисования и черчения. А еще были знакомство с предметами естественно-научного цикла, знание иностранных языков (немецкий, французский), отличное преподавание русской литературы. Петр Алексеевич не собирался быть кадровым военным, и его военная служба была недолгой; однако в оценке обстоятельств Русско-японской и Первой мировой войн очевидна эрудиция военного.

Снискал Петр уважение воспитанников, даже попытался выпускать с ними журнал. Оказался в корпусе на хорошем счету, рвение и способности сде-

2. Александр Петру 26 февраля 1860 г. [Переписка т. 1, с. 185].

3. Петр Александру 28 марта 1860 [Переписка т. 1, с. 187].

лали его первым учеником, в звании фельдфебеля стал камер-пажом императора. Ему прочили блестящие перспективы при дворе, и от поездки в Сибирь отговаривали многие, начиная с руководства. В решении уехать выявляются различные мотивы, среди которых немало значили материальные расчеты: без дотации отца поступление в военную академию либо в университет, чего больше желал выпускник Пажеского корпуса, было затруднительным. Угнетал петербургский климат, овладевала страсть к путешествиям. Но, пожалуй, решающим можно считать стремление вырваться из той среды, что мешала его развитию и полноценной реализации. Кропоткин «предпочитает "настоящую" работу на далекой окраине России праздной и пустой жизни гвардейского офицерства в столице» [Переписка 1933 т. 2, с. 7], – отметил И.Т. Смилга в предисловии к переписке братьев Кропоткиных.

Некорректными представляются односторонние оценки значения сибирского периода в формировании взглядов и самой личности Кропоткина. Образцом недопонимания может служить суждение А.А. Борового: «Сибирь на этот раз из белой кости патентованного дворянчика сумела отлить великого революционера» [Дамье, Рублев 2022, с. 77]. Классик посткропоткинского анархизма – яркая личность, заслуженно привлекающая в последнее время внимание исследователей[4]. И, в частности, Боровой очень ярко описал обретение анархистского мироощущения в просветлении, постигшем его на скамейке Люксембургского сада в Париже[5].

У Кропоткина в Сибири тоже нередко случались озарения, но совсем иного рода. По очертаниям горной вершины ему открылось, что впереди потухший вулкан, о существовании которых в той местности никто не писал. А увиденные ледниковые отложения дали толчок к концепции ледникового периода. Буквально прозрел начинающий географ, увидев расположение горных хребтов в Южной Сибири. Но то была не интроспекция, как у Борового, а эмпирическое познание («индуктивный метод»), в котором исследование внешнего мира заключает обобщение результатов наблюдений и экспериментов. И к революционному анархизму Кропоткин шел опытным путем, отправляясь от наблюдений за внешней средой.

Что же было с Кропоткиным в Сибири, что дало пребывание на окраине Российской империи будущему ниспровергателю? Столичному интеллигенту воочию предстала российская глубинка. Знакомому по литературе с положением английских рабочих в условиях промышленной революции довелось увидеть каторжный труд работников золотых приисков, жалкое существование сплавщиков. А для профессионального становления ученого-географа

4. См. библ.: [Рублев, Рябов 2011, с. 221–222].

5. См. фрагменты неопубликованных воспоминаний Борового в предисловии П.В. Рябова [Боровой 2019].

характерны наблюдения о быте и верованиях местных народностей. Отметил он относительное преуспеяние среди русских крестьян-переселенцев, их чувство собственного достоинства. Выделил трудолюбие китайских крестьян, задумался о специфике трудоинтенсивного земледелия [Кропоткин 1983].

Кропоткин овладел искусством общения с простыми людьми, что крайне понадобилось, когда он стал агитатором в рабочих кварталах. В перипетиях сибирской жизни развивался его исключительный дар привлекать сердца людей независимо от их происхождения и социального положения, чувствовать себя естественно в любой среде: от дворцов до жилищ бедноты.

А формированию его взглядов в революционно-анархистском направлении способствовал опыт государственной службы. Кропоткин оказался «винтиком» бюрократического аппарата империи, став адъютантом генерала Б.К. Кукеля, начштаба войск Восточной Сибири. В 20 лет был произведен в есаулы (равнозначно армейскому капитану), получил орден Св. Станислава третьей степени. Либеральный начальник постарался привлечь молодого офицера из столицы к работе над реформами, назначив его чиновником по особым поручениям, и тот лелеял надежду, что своей административной деятельностью сможет принести пользу обществу. Но вскоре все встало на свои «казенные» места: Кукеля по доносу отозвали, и на Сибирь распространилось реакция после либеральных реформ, начало которой камер-паж Александра II успел прочувствовать в столице.

К счастью для Кропоткина и отечественной науки, он замечательно реализовался в другом амплуа государственной службы – в экспедициях. «Хочу путешествовать», – заявил выпускник Пажеского корпуса начальствовавшему над военно-учебными заведениями вел. кн. Михаилу Николаевичу, объясняя свой неординарный выбор. В конце жизни, подводя итог страсти к путешествиям, Кропоткин формулировал программу подготовки географов: с пробуждения желания исследовать и «духа бродяжничества с научной целью» до смелости обобщений, «вместе с их *научно-индуктивной* обоснованностью»[6].

70 тыс. верст по сибирской и дальневосточной тайге, лесам и болотам, горным перевалам и рекам навсегда остались в памяти Кропоткина, запечатлелись они и на географических картах, и в исторических анналах российской науки. Изведал он и восторг перед необъятными просторами, и экстаз землепроходца, первым вступившего туда, где еще «не было цивилизованного человека», когда сознаешь, что, «рисуя карту этой неизвестной местности, приобщаешь ее к культурному миру» [Переписка 1933 т. 2, с. 21]. Неслучайно эти без малого пять лет он называл самыми счастливыми.

6. В.П. Семенову-Тян-Шанскому 8 сентября 1920 [Кропоткин Письма].

Кропоткин стал профессиональным исследователем природы, и это, резюмировал биограф, можно считать главным результатом сибирского периода жизни [Маркин 2002, с. 97]. География в широком смысле природо- и обществоведения навсегда сделалась спутницей его жизни. Став членом Русского географического общества и знакомясь с материалами изучения страны, он вынашивал мысль составить полное географическое описание России, очертив «различные формы хозяйственной жизни» [там же, с. 127]. Задумался и об изучении Арктики. Предсказав существование архипелага, названного Землей Франца-Иосифа, Кропоткин разработал и обосновал проект экспедиции в полярные широты. И отнюдь не лишено оснований предположение биографа, что реализация этого плана увлекла бы Кропоткина на стезю продолжения научно-исследовательской деятельности [там же, с. 148]. Напротив, отклонение его в бюрократических инстанциях сделалось еще одним мотивом обращения Кропоткина к политике.

Придя к выводу о порочности государственного устройства Российской империи, Кропоткин в поисках альтернативы отправляется за рубеж, «познакомиться с тем, что пишут современные социалисты», как объяснял брату. Он штудирует литературу, не доходившую до России; но главным в формировании его мировоззрения оказалось общение с членами Юрской федерации Интернационала, поддерживавшей М.А. Бакунина. При характерной «сальтовитальности» потребность в непосредственном общении с носителями определенных взглядов, эмоциональная связь с ними становились для Кропоткина едва ли не более значимыми, чем формулирование подобных взглядов в философских трактатах и научных трудах.

Именно благодаря общению с ремесленниками-часовщиками из Юрского района Швейцарии будущий классик анархизма обрел социалистическую идеологию в ее анархистской разновидности. Справедливо обращается внимание на специфику ремесленного производства, контрастирующую с заводским производством, работники которого, «выварившиеся в фабричном котле», выполняющие единственную рабочую операцию и превратившиеся в придаток машины, оказались действующими лицами марксистских теорий [Дамье, Рублев 2022, с. 160]. Для Кропоткина целостность производственного процесса, в котором сливались воедино все рабочие операции, и самостоятельность производителя в распоряжении своим трудом становились идеальным образом трудящегося человека. А цеховая организация ремесленного производства и автономный образ жизни цеховой общины сделались образцом общества будущего.

1870-е годы оказались этапными в жизни Кропоткина: утвердившись в социалистическом образе мысли и обретя анархистские идеалы, он становится революционным агитатором – искусным оратором и не менее талантливым публицистом. Какие цели ставил Кропоткин на этой стезе? В его публицистике

на самом видном месте формула «сам народ» – который должен осознать необходимость революции, ее социалистические цели и т.п. Его вера в народ кажется безграничной, сближаясь с феноменом чудесного спасения.

Так, А.И. Герцена, испытывавшего тяжелую депрессию после поражения революции 1848 г. и семейной трагедии, в представлении Кропоткина, «спасла вера в народ… *в творческие силы народа*»[7]. Притом метафора богоспасения обретала вполне конкретный вид политических задач. Интеллигенция, призывавшая народ к идеалам свободы, равенства и братства и погибавшая «без стона, без упрека ради торжества своих идеалов», не смогла выработать формы для «народной социальной республики», что и стало, как в 1793 г., причиной поражения социального движения. И Герцен, по Кропоткину, понял, что искать эти формы «надо в народе, с народом»[8].

Тем не менее классик анархизма, отстаивавший прерогативу самосознания масс, не менее отчетливо выступал за их просвещение. В целях пробуждения от гнета покорности и «летаргии отчаяния», ясного понимания целей борьбы и, в конечном итоге – преобразования разрушительной энергетики стихийного выступления в созидательную деятельность. В магистральном историческом труде по Великой французской революции Кропоткин выдвинул программный постулат своей теории революции: «Если нищета и отчаяние толкали народ к бунту, то надежда на улучшение вела его к революции» [Кропоткин 1979, с. 19]. Откуда же приходит народу надежда? От прогрессивной интеллигенции! Применительно к революции XVШ в. – от философов Просвещения. Идеи равенства и верховенства Закона, призыв к уничтожению сословных привилегий и упразднению учреждений, на них основанных могли, по убеждению Кропоткина, вдохновить народ [там же, с. 7].

В конце жизни Петр Алексеевич возлагал свои надежды на развитие профсоюзного и кооперативного движений. Однако признавал: их активисты «еще не сознают предстоящей им будущности… *не прониклись социалистическим идеалом* (курсив мой. – *А. Г.*)». И «орудиями коммунистического преобразования общества» они могут стать, если «вдохнуть живую силу в оба эти движения, – оформить, разработать, обосновать их», – писал он единомышленнику. Вновь, видим, обращается внимание на внешнее идеологическое и организационное «сопровождение» массового движения, разумеется при сотрудничестве с теми, кто приходит «из недр рабочих и крестьянских»[9].

Функцию политического просвещения Кропоткин брал и на себя лично. Не зря И.Т. Смилга назвал его «культуртрегером» [Переписка 1933 т. 2, с. 7]. По собственным словам Петра Алексеевича, он «всегда старался быть «куль-

7. Кружку им. Герцена в Лондоне. 4 апреля 1912 г. [Письма].

8. Там же.

9. А.М. Атабекяну 2 мая 1920 [Кропоткин Письма].

турником», т.е. насадителем *«знания»,* одновременно оставаясь революционером, и не брезгал такими большими работами, как разработка истории Французской Революции (и истории человечества вообще) с народнической точки зрения, – зная, что именно *знающие* рабочие будут наилучшими революционерами»[10].

Исповедуя бунтарство в бакунинском стиле и прокламируя апологию стихийности, Кропоткин исподволь разрабатывал концепцию подготовительного периода к революции и преобразования общества как процесса (а не одномоментного акта). Поворот в его творчестве произошел на рубеже XIX–XX вв., когда от пропаганды революционно-анархистских идей Кропоткин перешел к тому, что считал научным обоснованием анархизма. При этом он вышел за пределы проблематики и концептуальности классически-бакунинского анархизма. Неслучайно искушенный в анализе идей русский философ А.И. Введенский, сравнивая ранние пропагандистские сочинения Кропоткина с теоретическими работами позднего времени, различил «двух авторов»: «ярко выраженного революционного утописта» и «идеолога эволюции самого общества на основе воспитания людей в духе творческой и сознательной инициативы»[11].

Наиболее выразительным свидетельством такого поворота явилось выдвижение принципа поступательности солидаристских отношений в природе и обществе («биосоциологический закон взаимопомощи» [Кропоткин 2011]). Здесь в полной мере проявился эволюционизм мировоззрения Кропоткина, и на первый план в качестве исторического континуитета вышла кумулятивность форм и установлений социабильности от одной эпохи к другой.

Такой подход вызвал острую критику еще при жизни Кропоткина, продолжается она по сию пору. Нередко видят здесь основание идеализировать происходящее, в частности находить «тягу к свободе и справедливости… где ее вовсе не было» [Дамье, Рублев, с. 408]. Думаю, дело не в возрасте, на который указывают биографы, не в личной склонности их персонажа и не в особенностях его научного метода. Как бы это ни звучало тавтологией, идеализация проистекает от отстаивания идеала, а «вопросу о должном» у анархиста, по словам философа И.А. Ильина, подчинено «познание сущего, предречение будущего, изучение прошлого». Становится крайне затруднительным изолировать познавательный процесс от такого влияния. Кропоткин со «свойственной ему чуткостью и тонкостью» указывает на явления, «не замеченные ранее и верно им схваченные»; однако порой возникает ощущение «почти незаметной

10. Н.А. Рубакину 27 марта 1913 [там же]. Курсив Кропоткина.
11. Введенский А.И. Анархизм и религия [Анархизм 2015, с. 291].

сдвинутости в его утверждении, переливающееся иногда в прямую тенденциозность»[12].

Что же заметил и «схватил» Кропоткин, как это выразилось в эволюции его взглядов? Произошло то, что С.Ф. Ударцев охарактеризовал «осознанием Кропоткиным реально происходивших процессов» [Ударцев 1989, с. 80]. Началась Первая мировая война, и революционный мыслитель одним из первых оценил ее эпохальный смысл: «Теперешняя война творит новую историю. Она всем народам ставит новые условия общественного строительства» [Кропоткин 2009, с. 496]. Самому Петру Алексеевичу возникшая ситуация продиктовала поворот в политическом мышлении, что отчетливо выразилось в изменении его отношения к государству. Сохраняя преданность анархистским идеалам безгосударственности, революционный мыслитель выступил с защитой национальной государственности и подчеркнул значение сохранения таковой для успеха социальной революции.

Для историков, пишут В.В. Дамье и Д.И. Рублев, в «оборонческой» позиции Кропоткина видится некая «загадка»: «с чего вдруг» пламенный защитник анархической доктрины неприятия всякой, в том числе демократической государственности, столь же бескомпромиссно выступил в ее защиту [Дамье, Рублев 2022, с. 569]. И надо отдать должное биографам: непонятая многими кропоткинистами, непринятая большинством «однопартийцев» «оборонческая» позиция становится в их изложении вполне логичной в развитии взглядов Кропоткина на войну.

Кропоткин – противник всяких войн не только по гуманным соображениям, но еще из-за неизбежного подъема националистических настроений, что губительно для интернационального сплочения трудящихся и социальных движений. Притом прекрасно понимает, что остановить боевые действия антивоенными воззваниями и призывами к всеобщей забастовке, чем занялось большинство анархистских деятелей, нереально. Категорически отвергает пораженческие лозунги заодно с доктриной превращения империалистической войны в гражданскую, популярной среди левых у анархистов и социал-демократов. Не принимает он и тезис левых о равной ответственности всех сторон за развязывание войны.

Не задумываясь, Кропоткин встает на защиту Франции. Оценивая эту позицию, любят писать о его «франкофильстве» и «германофобии». Действительно, подобно многим русским людям того времени, Петр Алексеевич находился под обаянием французской культуры. Как политику Франция была дорога русскому революционеру своей историей. Однако решали другие мо-

12. Ильин И.А. Предпосылки анархизма (Психологический очерк) [Анархизм 2015, с. 182].

тивы. За десятилетия вперед Кропоткин предвидел, что экспансионистский курс правящих кругов Германии, полагающихся на мощь своих вооруженных сил, приведет к войне. Профессиональный военный, он реально оценивал превосходство последних, выявившееся в 1870 г. и подтвердившееся в 1914 г., когда германское нашествие было остановлено на подступах к Парижу («чудо на Марне»). Быть против драки, не значит «стоять сложа руки, когда злой и сильный бьет слабого» [Кропоткин 2009, с. 493], – популярно объяснял он свою позицию.

И переводил разговор в теоретическую плоскость. Войну республиканской Франции с Германской империей Кропоткин представлял цивилизационным конфликтом, «столкновением двух враждебных миров – двух цивилизаций». Одна, глубоко демократическая, другая – воплощение имперского господства, которое привело бы к «порабощению всей европейской культуры задачам военного преобладания» [Талеров 2021, с. 129]. Торжество Германии, писал Кропоткин, «значило бы приостановку на долгие годы той цивилизации, носителем которой была Франция» [Кропоткин 2009, с. 485–486].

Следует ли утверждать, что Кропоткин «изменил сам себе» [Дамье, Рублев 2022, с. 574], выступив в защиту Франции на стороне Антанты? Верней формулировка, что он «изменялся», иначе говоря, в его взглядах появлялись новые элементы в результате осмысления радикально изменившейся со времени усвоения идей анархизма ситуации [см. Талеров 2016, с. 193]. Кропоткин оставался приверженцем социальной революции, притом что во время Первой мировой наибольшей опасностью для нее полагал наступление реакции на «полстолетия, если не боле» в случае победы Германии [Кропоткин 2009, с. 485–486].

Отстаивание национального единства в отпоре германскому нашествию явилось для Кропоткина-революционера закономерным решением. Вовсе «не мирить всех со всеми» [Дамье, Рублев 2022, с. 647] намеревался Петр Алексеевич в 1917 г. Его целью было объединение тех сил, что поддержали свержение царизма; в таком объединении он видел преграду для реставрации монархии и залог нового государственного устройства России. И его предложение на московском Государственном совещании в августе 1917 г. провозгласить Россию республикой было поддержано овацией представительной и поляризованной по политическим взглядам публики, собравшейся в Большом театре.

В основу республиканского устройства России Кропоткин выдвигал федеративный принцип как альтернативу «балканизации», распаду страны на национальные государства. П.Н. Милюков обнаружил, что в поздних работах Кропоткина анархо-социалистический «идеал отодвигался в такую бесконечную даль, что между ним и его осуществлением образовывался громадный промежуток», в результате в нем, по мнению тогдашнего лидера кадетов,

«оставалось место и для самых смелых исторических конструкций – в будущем, и для житейского компромисса – в настоящем» [Милюков 1991, с. 154].

Поистине, «смелой» для анархиста «исторической конструкцией» сделалось толкование перехода к безгосударственности через период демократической федеративной государственности. Переосмысливая итоги революций прошлого, Кропоткин обращал теперь внимание на фундаментальное значение политической демократии (прежде всего свободы слова, прессы, объединений и демонстраций) – всего того, что в надежде на обретение высшей социальности революционным актом анархисты, заодно с марксистами-ленинцами, с роковыми для себя и страны последствиями не осознали в должной мере. Зловещие явления диктатуры, установившейся в России после Октября 1917 г. и ознаменовавшейся ликвидацией политических свобод, завоеванных при свержении самодержавия, направили мысль Кропоткина к переоценке прежних взглядов и в этом направлении.

Мыслитель указывает учредителям «пролетарской диктатуры» на преемственность между социалистической и так называемыми буржуазными революциями. Завоевания революций прошлых веков в Нидерландах, Англии, Франции, пишет он, сделали возможным «умственный прогресс в Европе, положили начало низвержению идолов религии и власти и подготовили ту самую пролетарскую революцию, которой защитником и руководителем считает себя Советское правительство»[13].

В обращениях к большевистскому руководству ветеран революционного движения откровенно излагал свое отношение к Советской власти. Оно глубоко двойственное. Одобряя цель Октябрьской революции, Кропоткин категорически отвергает средства, используемые властью. «Стремление совершить социальный переворот, – пишет он, – общая цель всей нашей социалистической и анархической работы за последние 40–50 лет». И при всех недостатках и непоследовательности революция в России «набросает программу изменений в социалистическом направлении, которые… будут происходить в разных странах в течение следующих 100–120 лет… Но метод, которым большевики думают совершить переворот, из центра, якобинскою властью и террором, я считаю безусловно ложным»[14].

Сугубое возмущение Кропоткина вызывало запрещение всех небольшевистских печатных изданий: «Целая страна низводится на степень рабского безмолвия». Он предостерегает: «Уничтожение вольного почина во всей жизни страны, хозяйственной и политической и даже в выражении мысли, неизбежно, роковым образом ведет… к глубокой реакции на несколько деся-

13. С.Л. Мильнеру 6 февраля 1919 [Кропоткин Письма].

14. С.Л. Мильнеру 6 марта 1919 [там же].

тилетий»[15]. Когда перед Советской властью встал вопрос о нормализации отношений с европейскими странами, классик анархизма популярнейшим образом объясняет, что ликвидация свободы печати в советской России является препятствием: «Право выражать свои мысли, свои убеждения и свою критику правительства словом и в печати, представляет на Западе такое ценное завоевание; из-за него столько было пролито крови, что оно считается основным положением всякой не-тиранической государственности»[16].

Одновременно Кропоткин протестовал против интервенции Антанты. «Такое вмешательство, – писал он датскому литератору Георгу Брандесу, – имело бы своим последствием взрыв русского шовинизма; оно привело бы нас опять к шовинистической монархии и вызвало бы среди русских – заметьте это особенно – враждебное отношение к Западной Европе, чреватое печальными последствиями»[17].

Был ли поздний Кропоткин в «разладе с эпохой»[18]? Таким было почти единодушное мнение не только большевиков, но и анархистов. Нестор Махно, а вслед за ним немало авторов работ о Кропоткине, ссылаются на старость и состояние здоровья, которые предположительно ослабили его революционный дух. Более основательно объяснение тактическими соображениями. Вероятно, политической тактикой можно отчасти объяснить переход на центристские позиции, выразившийся в поддержке Временного правительства. Важнее, однако, обратить внимание на представление о сложности переходного периода, которое укрепилось у Кропоткина после Октября 1917 г.

«Одномоментная» социализация общества обманула ожидания той революционной среды, к которой принадлежал Кропоткин, а дальнейшие действия большевистской диктатуры на путях огосударствления общественной жизни и бюрократизации Советов, не говоря уже о терроре, его глубоко возмутили, о чем он прямо заявил вождю большевиков: «Если бы даже диктатура партии была подходящим средством, чтобы нанести удар капиталистическому строю (в чем я сильно сомневаюсь), *то для создания нового, социалистического строя она безусловно вредна*». Если такое положение продлится, «самое слово "социализм" обратится в проклятие», как произошло с понятием равенства во Франции после Террора, предупреждал Кропоткин[19].

Кропоткин не только возмущался. Глубоко проникаясь человеческими страданиями из-за воцарившихся в стране голода и разрухи, в полной мере лично испытывая эти бедствия, он указывал на губительные последствия

15. С.Л. Мильнеру 6 февраля 1919 [Кропоткин Письма].
16. С.Л.Мильнеру 6 марта 1919 [там же].
17. Георгу Брандесу 28 апреля 1919 [там же].
18. Таким было заключение И.Т. Смилги [Переписка 1932 Т. 1. С. 20–21].
19. В.И. Ленину 4 марта 1920 [Кропоткин Письма].

политики «военного коммунизма». И, прорицая переход к НЭПу, буквально заклинал правителей страны: во избежание катастрофы «нужно торопиться с переходом к более нормальным условиям жизни». Теоретик строя, названного им «анархо-коммунистическим», выдвигал принципиальную альтернативу партийной диктатуре – «строительство снизу», развитие общественной инициативы, широкое привлечение к устроению нового уклада жизни «местных сил», самих крестьян и рабочих[20].

«Я глубоко верю в будущее», – обращался Петр Алексеевич к ближайшему соратнику, излагая свой прогноз на будущее, больше похожий на политическую программу. В своеобразный «символ веры» входили профсоюзное движение, крестьянская кооперация, федерализм. Первое с центром во Франции, по убеждению Кропоткина, «выступит великою силою в течение ближайших 50-и лет, чтобы приступить к созданию коммунистического безгосударственного общества». «*Творческое* ядро коммунистической жизни» представит в такой временной перспективе также кооперация «и именно *русское, крестьянское* кооперативное движение», подчеркнул Кропоткин (притом, что к создававшимся в то время в России коммунам он относился скептически). Федерализм, оптимальный для перехода к безгосударственности, ему виделся в малых государствах. Народы таких стран, избавившись от опасности завоевания (урок мировой войны), избавятся и от необходимости быть частью мощного централизованного государства, а это облегчит им путь к преобразованию в коммуны, объединяющиеся в «федеральные союзы»[21].

Легко находить противоречия между ранним и поздним Кропоткиным, пропагандистом и теоретиком, интернационалистом и патриотом, апологетом безгосударственности и вдумчивым аналитиком различных типов государственности. Так выделяются лишь отдельные грани феномена многогранности, которую являла натура выдающегося политического деятеля.

Кропоткин – не только непартийное, но, хочется сказать, вневременное явление. Его энциклопедизм типичен для эпохи Просвещения, в российском революционном движении князь-рюрикович, камер-паж императора выглядел бы более органично на дворянско-декабристском этапе. В пору диктатуры отстаивал демократию. В отношении к научно-техническому прогрессу провидец постиндустриального общества. Невероятно сложно было Петру Алексеевичу с его верой в человека и нравственный прогресс человечества оставаться собой в эпоху войн и революций. И все же в дикой схватке массовых страстей он сохранил врожденное благородство души и трезвость ума, оставшись образцом высокой нравственности и утонченной духовности.

20. В.И. Ленину 4 марта 1920 [Кропоткин Письма].

21. А.М. Атабекяну 2 мая 1920 [там же].

И соратники (в большинстве), и оппоненты (немало) Кропоткина признавали удивительную целостность всего облика и гармоничность его личности: «В душе Кропоткина противоречие просто не чувствовалось; оно не мешало равновесию, гармонии, которыми было проникнуто всё его существо» [Милюков 1991, с. 154].

Библиография

Анархизм: pro et contra. Антология / П.И. Талеров, сост., вступ. ст., коммент. СПб.: РХГА, 2015. 1142 с.

Апология безвластия. Анархистская альтернатива решения социально-политических проблем / ред. П.И. Талеров. СПб.: РХГА, 2022. 428 с.

Боровой А.А. Революционное миросозерцание. Общественные идеалы современного человечества: Либерализм. Социализм. Анархизм / предисл. П.В. Рябова. М.: URSS; Ленанд, 2019. 184 с.

Гранд А. Человек – человеку муравей. URL: https://gorky.media/reviews/chelovek-cheloveku-muravej/ (дата обращения: 15.04.2023).

Дамье В.В., Рублев Д.И. Петр Кропоткин: Жизнь анархиста. М.: Альпина нон-фикшн, 2022. 664 с.

Киянская О.И. Пестель. М.: Молодая гвардия, 2005. 355 с.

Кравченко (Кропоткина) Е.А. О себе, семье, соседях и мятежном брате: Воспоминания / подгот., ред. и коммент. П.И. Талеров. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Изд-во РХГА, 2023. 323 с.

Кропоткин П.А. Великая французская революция 1789–1793 / Примеч. А.В. Гордона, Е.В. Старостина. Ст. В.М. Далина, Е.В. Старостина. М.: Наука, 1979. 576 с.

Кропоткин П.А. Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса / предисл. А.Ю. Фёдорова; вступ. ст. М.И. Гольдсмит; прилож. Д.И. Рублёва. Изд. 2-е, доп. М.: URSS, 2011. 278 с.

Кропоткин П.А. Записки революционера / Предисл., примеч. В.А. Твардовской. М.: Московский рабочий, 1988. 544 с.

Кропоткин П.А. Избранные труды / сост., коммент. П.И. Талерова, ст. П.И. Талерова, А.А. Ширинянца. М.: РОССПЭН, 2009. 896 с.

Кропоткин П.А. Письма. 1911–1920. /подгот. А.В. Бирюков. URL: http://oldcancer.narod.ru/Nonfiction/PAK-Letters91.htm (дата обращения: 8.06.2023).

Кропоткин П.А. Письма из Восточной Сибири / сост. и вступ. ст. В.А. Маркина. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1983. 190 с.

Маркин В.А. Неизвестный Кропоткин. М.: Олма-пресс, 2002. 446 с.

Маркин В.А. Кропоткин. М.: Молодая гвардия, 2009. 334 с.

Маслова Л. Петровский пассаж. Как потомок древней княжеской семьи стал отцом анархизма. Подробности жизни Петра Кропоткина в новой биографии великого бунтаря. URL: https://iz.ru/1333980/lidiia-maslova/petrovskii-passazh-kak-potomok-drevnei-kniazheskoi-semi-stal-ottcom-anarkhizma/ (дата обращения: 15.04.2023).

Милюков П.Н. Воспоминания / предисл. Н.Г. Думовой. М.: Госполитиздат, 1991. 528 с.

Мокроусов А. Князь-бунтовщик. Вышла новая биография Петра Кропоткина // Коммерсантъ. 2022. 28 июня. №113. С. 11.

Переписка Петра и Александра Кропоткиных / Предисл. И. Смилги. Ред., примеч., вступ. ст. Н. Лебедева. В 2-х т. М.; Л: ACADEMIA, 1932–1933. Т. 1. 1857–1862. Т. 2. 1862–1871.

Рублёв Д.И., Рябов П.В. Алексей Алексеевич Боровой: человек, мыслитель, анархист // Россия и современный мир. 2011. № 2. С. 221–239.

Талеров П.И. Классический анархизм в теории и практике российского революционного движения. 1860-е – 1920-е гг. СПб.: Институт иностр. языков, 2016. 480 с.

Талеров П.И. П.А. Кропоткин о войне: этический и правовой аспекты // Нравственно-гуманистические идеи П.А. Кропоткина и перспективы совершенствования права в условиях новых вызовов. М.: Проспект. 2021. С. 125–136.

Ударцев С.Ф. Кропоткин. М.: Юрид. лит. 1989. 144 с.

References

Anarkhizm: pro i contra. Antologiya [Anarchism: pro et contra. Anthology] / sost., vstup. st., komment. P.I. Talerova. Sankt-Peterburg: RHGA, 2015. 1142 s. (In Russ.)

Apologiya bezvlastiya. Anarkhistsaya al'ternativa resheniya social'no-politicheskih problem [Apology of anarchy. An anarchist alternative of the solution of social political problems / red. P.I. Talerov. Sankt-Peterburg: RHGA, 2022. 428 s. (In Russ.)

Borovoj A.A. Obshchestvennyye idealy sovremennogo chelovechestva: Liberalizm. Socializm. Anarhizm [Revolutionary outlook. Social ideals of modern humanity: Liberalism. Socialism. Anarchism] / predisl. P.V. Ryabov. Moskva: URSS, 2019. 184 s. (In Russ.)

Dam'ye V.V., Rublev D.I. Petr Kropotkin. Zhizn' anarkhista [Piotr Kropotkin. The life of an anarchist]. Moskva: Al'pina non-fiction, 2022. 664 s. (In Russ.)

Grand A. Chelovek – cheloveku muravej [Man vs man ant]. URL: https://gorky.media/reviews/chelovek-cheloveku-muravej/ (date of access: 15.04.2023). (In Russ.)

Kiyanskaya O.I. Pestel' [Pestel]. Moskva: Molodaya gvardiya. 2005. 335 s. (In Russ.)

Kravchenko (Kropotkina) E.A. O sebe, sem'e, sosedyakh i myatezhnom brate: Vospominaniya [About myself, family, neighbours and rebellious brother: Memoirs] / podgot., red. i comment P.I. Talerov. Sankt-Peterburg: Isdatel'stvo RHGA, 2023. 323 s. (In Russ.)

Kropotkin P.A. Izbrannye trudy [Selected works] / sost., komment. P.I. Talerova, st. P.I. Talerova, A.A. Shirinyantsa. Moskva: ROSSPEN, 2009. 896 s. (In Russ.)

Kropotkin P.A. Pis'ma [Letters] 1911–1920 / podgot. A.V. Birykov URL: http://oldcancer.narod.ru/Nonfiction/PAK-Letters91.htm (date of access: 8.06.2023). (In Russ.)

Kropotkin P.A. Pis'ma iz Vostochnoj Sibiri [Letters from East Syberia] / sost. i. vstup. st. V.A. Markina. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1983. 190 s. (In Russ.)

Kropotkin P.A. Velikaya frantsuzskaya revolyutsiya 1789–1793 [The Great French Revolution 1789–1793] / Primech. A.V. Gordona, E.V. Starostina. Stat'i V.M. Dalina, E.V. Starostina. Moskva: Nauka, 1979. 576 s. (In Russ.)

Kropotkin P.A. Vzaimnaya pomoshch' sredi zhivotnykh i lyudey kak dvigatel' progressa [Mutual assistance among animals and people as an engine of progress] / predisl. A.Yu. Fedorova, vstup. st. M.I. Gol'dsmit, prilozh. D.I. Rubleva. Isd. 2 dop. Moskva: URSS, 2011. 278 s. (In Russ.)

Kropotkin P.A. Zapiski revolyutsionera. [Memoirs of a Revolutionist] / Predisl., primech. V.A. Tvardovskoy. Moskva: Moskovskij rabochij, 1988. 544 s. (In Russ.)

Markin V.A. Kropotkin. Moskva: Molodaya gvardiya, 2009. 334 s. (In Russ.)

Markin V.A. Neizvestnyy Kropotkin [Unknown Kropotkin]. Moskva: Olma pres, 446 c. (In Russ.)

Maslova L. Petrovskij passazh. Kak potomok drevnej kniazheskoj sem'i stal otcom anarkhizma Podrobnosti zhizni Petra Kropotkina v novoj biographii velikogo buntaria [Peter's passage. How a descendant of an ancient princely family became the father of anarchism. Details of the life of Peter Kropotkin in the new biography of the great rebel]. URL: https://iz.ru/1333980/lidiia-maslova/

petrovskii-passazh-kak-potomok-drevnei-kniazheskoi-semi-stal-ottcom-anarkhizma/ (date of access: 15.04.2023). (In Russ.)

Miljukov P.N. Vospominaniya [Memoirs] / predisl. N.G. Dumovoj. Moskva: Gospolitizdat, 1991. 528 s. (In Russ.)

Mokrousov A. Knyaz'-buntovshchik. Vyshla novaya biografiya Petra Kropotkina [Rebel prince. New biography of Peter Kropotkin published]. Kommersant. 2022. N 113. S. 11. (In Russ.)

Perepiska Petra i Aleksandra Kropotkinykh [Correspondence of Peter and Alexander Kropotkin] / Predisl. I. Stuchki. Red., primech., vstup. st. N. Lebedeva. V 2-kh t. Moskva; Leningrad: Akademiya, 1932. T. 1. 1857–1862. 1933. T. 2. 1862–1871. (In Russ.)

Rublev D.I., Ryabov P.V. Aleksey Alekseyevich Borovoj; chelovek, muslitel' anarchist [Alexey Alekseevich Borovoy: man, thinker, anarchist] Rossiya i sovremenyj mir. 2011. N 2. S. 221–239. (In Russ.)

Talerov P.I. Klassicheskiy anarkhizm v teorii i praktike rossiyskogo revolyutsionnogo dvizheniya. 1860-ye – 1920-ye gg. [Classical anarchism in the theory and practice of the Russian revolutionary movement. 1860s–1920s]. Sankt-Peterburg, 2016. (In Russ.)

Talerov P.I. P.A. Kropotkin pro voynu: eticheskiy i pravovoy aspekty [Kropotkin about the war: ethical and legal aspects] // Nravstvenno-gumanisticheskiye idei P.A. Kropotkina i perspektivy sovershenstvovaniya prava v usloviyakh novykh vyzovov [Moral and humanistic ideas of P.A. Kropotkin and prospects for improving the law in the face of new challenges]. Moskva, 2021. S. 125–136. (In Russ.)

Udartsev S.F. Kropotkin. Moskva: jurid.lit. 1989. 144 s. (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2023.04.12

А.В. Володько

«РУССКИЙ ГЕНИЙ» АКАДЕМИК ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ ИПАТЬЕВ

Аннотация. *Статья посвящена Владимиру Николаевичу Ипатьеву (1867–1952), великому русскому химику, чьи научные достижения сохраняют актуальность и сегодня, во многом определяя путь развития современной химической науки и промышленности. Он сделал блестящую научную и военную карьеру в Российской империи, став действительным членом Императорской Санкт-Петербургской академии наук и генерал-лейтенантом. В этот период В.Н. Ипатьев сделал ряд поистине первопроходческих открытий, заложивших основу для развития целых отраслей промышленности (синтезировал изопрен – основной компонент синтетического каучука, разработал процесс катализа при высоких температурах и давлениях, который сегодня обеспечивает до 80% химического производства). В годы Первой мировой войны он проявил себя талантливым организатором – под его руководством была почти с нуля создана отечественная химическая промышленность. После октября 1917 г. В.Н. Ипатьев не покинул Россию, считая, что ученый должен приносить пользу родине, а не конкретному режиму, и активно сотрудничал с большевиками. Однако, когда в СССР начались массовые репрессии, опасаясь за свою жизнь остался за границей и вскоре был лишен звания академика и советского гражданства. Эмигрировавший в США В.Н. Ипатьев, продолжал плодотворную научную деятельность, разработав процесс каталитического крекинга, без которого немыслима современная нефтехимия, и технологию получения высокооктанового бензина, чье применение в военной авиации внесло существенный вклад в победу над нацизмом. Пребывая в эмиграции, В.Н. Ипатьев, беспредельно любивший свою Родину, неоднократно пытался получить разрешение российских властей вернуться в Россию.*

Ключевые слова: *Владимир Николаевич Ипатьев; русский химик; ученый-исследователь; химическая наука и промышленность; Россия; США.*

Володько Анна Вячеславовна – кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.
Россия, Москва.
E-mail: avolodko@inbox.ru
Web of Science Researcher ID: AAV-7281-2020
Scopus Author ID: 57195673900

Volodko A.V. «Russian genius» academician Vladimir Nikolaevich Ipatiev

Abstract. *The article is devoted to Vladimir Nikolayevich Ipatiev (1867–1952), a great Russian chemist, whose scientific achievements are still relevant today, largely determining the way of development of modern chemical science and industry. He had a brilliant scientific and military career in the Russian Empire, becoming a full member of the Imperial St. Petersburg Academy of Sciences and a lieutenant general. During this period, he made a number of pioneering discoveries, which laid the foundation for the development of entire industries (he synthesized isoprene, the main component of synthetic rubber, and developed a process of catalysis at high temperatures and pressure, which today accounts for up to 80% of chemical production). During the World War I, he proved to be a talented organiser, with the national chemical industry being established almost from scratch under his supervision. After October 1917, Ipatiev did not leave Russia, believing that a scientist should serve the homeland and not a particular regime, and actively cooperated with the Bolsheviks. However, when mass repressions erupted in the Soviet Union, he remained abroad, fearing for his life, and was soon stripped of his academic title and Soviet citizenship. After emigrating to the United States, he continued his fruitful scientific career, having developed a catalytic cracking process, without which modern petrochemicals are unthinkable, and a high-octane gasoline production technology, the use of which in military aviation contributed significantly to the victory over Nazism. The first of these was the first time he had been in exile and the second time he had tried to obtain permission from the Russian authorities to return to his homeland.*

Keywords: *Vladimir Nikolayevich Ipatiev; Russian chemist; research scientist; chemical science and industry; Russia; USA.*

Volodko Anna Vyacheslavovna – PhD in Law, Senior Research Fellow,
Institute of General History, Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.
E-mail: avolodko@inbox.ru
Web of Science Researcher ID: AAV-7281-2020,
Scopus Author ID: 57195673900

Владимир Николаевич Ипатьев родился 9 (21) ноября 1867 г. в Москве в семье известного архитектора Николая Алексеевича Ипатьева (1841–1891). В 1892 г. окончил Михайловскую артиллерийскую академию, которая славилась сильной химической школой, и там под руководством профессора Чернова превратился в зрелого ученого, став самым молодым членом Русского физико-химического общества. Его первые работы высоко оценил Д.И. Менделеев. После окончания Академии, В.Н. Ипатьев остался в Михайловской артиллерийской академии на преподавательской работе, и одновременно занимался научными исследованиями в лаборатории Санкт-Петербургского императорского университета А.Е. Фаворского. В 1895 г. Владимир Николаевич защитил диссертацию на тему «О действии брома на третичные спирты и

бромистого водорода на ацетиленовые и алленовые углеводороды», за которую получил малую премию им. А.М. Бутлерова. Исследование было посвящено изопрену – веществу, незадолго до этого выделенному им из натурального каучука [Эрлих 2018, с. 19]. В то время эта работа носила в первую очередь теоретический характер, но уже в недалеком будущем изопрен стал основным компонентом синтетического каучука, весьма востребованного промышленностью в связи с бурным развитием автомобилестроения. В 1896–1897 гг. В.Н. Ипатьев работал в Мюнхене у профессора И. Байера, с которым опубликовал совместную работу о синтезе изопрена.

Вернувшись в Россию, он окончательно определился с основным направлением своих исследований в сфере органической химии – это было изучение процесса катализа при высоких температурах и высоком давлении, который теперь лежит в основе современной химической промышленности. Сегодня он обеспечивает более 80% продукции химических отраслей и около 20% ВВП развитых стран. В короткие сроки ему удалось выявить дешевые катализаторы из неблагородных металлов и даже глин, позволявшие поставить процесс катализа на промышленную основу. Вскоре он первым в мире получил из этилового спирта этилен и бутадиен (полимеризация последнего через несколько десятилетий была использована С.В. Лебедевым в промышленном методе получения синтетического каучука). Из этилена, впервые в мировой науке, В.Н. Ипатьев получил полиэтилен; важность этого полимера в современной жизни в объяснении не нуждается. А сконструированный им в 1904 г. прибор для проведения химических реакций при высоких давлениях – так называемая «бомба Ипатьева» – стал прообразом применяемых ныне в химической практике реакторов и автоклавов [там же].

Заслуги В.Н. Ипатьева получили высокое признание на Родине: в 1914 г. он был избран членом-корреспондентом, а в 1916 г. – действительным членом Императорской Санкт-Петербургской академии наук, а по военной линии дослужился до генерал-лейтенанта.

С началом Первой мировой войны способности В.Н. Ипатьева были направлены в первую очередь на защиту Отечества. Он занялся организацией производства взрывчатых веществ, базовые компоненты которых (толуол, азотную кислоту, аммиак, селитру) Россия прежде импортировала, причем в основном из Германии. Необходимо было срочно налаживать собственное производство. В начале 1915 г., уже в звании генерал-лейтенанта он возглавил Химический комитет Главного артиллерийского управления, чьей главной задачей было наращивание отечественного производства взрывчатых веществ, а также разработка средств защиты против отравляющих газов и изготовление этого нового страшного оружия в России. В связи с этим Владимир Николаевич Ипатьев разработал оригинальные процессы получения толуола из нефти и селитры путем окисления аммиака. В этот период проявилась еще

одна черта характера В.Н. Ипатьева: он оказался не только выдающимся ученым, но и талантливым организатором, как сейчас сказали бы – «эффективным менеджером»: руководил строительством новых заводов и расширением существующих, по сути созданием целых отраслей с нуля. В 1915 г. был введен в эксплуатацию первый бензольный завод (всего их построили около двух десятков), в 1917 г. заработал первый в России завод по синтезу азотной кислоты, были организованы производства фосгена и хлора. В результате деятельности Комитета общее производство взрывчатых веществ отечественной промышленностью возросло от 330 000 пудов в год до 2,7 млн пудов в год [Сидоров 1973, с. 440–446]. По сути, Комитет под руководством В.Н. Ипатьева в годы войны создал основу масштабной отечественной химической промышленности.

Февральская революция и последовавший за ней разгул «разъяренной стихии, могущей бессознательно разрушить всю страну» [Ипатьев 1945, с. 36], привел В.Н. Ипатьева в ужас. Он был не только патриотом, но и «человеком порядка», ненавидевшим анархию и с болью наблюдавшим, как государство погружается в хаос. Он опасался не только развала науки и химической промышленности, созданной такими усилиями, но и в буквальном смысле за собственную безопасность, жизнь своей семьи и коллег: как он писал позднее, «на каждом митинге определенно заявляли на необходимость перерезать всю буржуазию, включая в нее и трудовую интеллигенцию» [там же, с. 238].

Поэтому приход к власти большевиков стал для В.Н. Ипатьева в первую очередь воцарением в стране хоть какого-то порядка. Ни в коей мере не разделяя коммунистических убеждений, он не рвался на службу к большевикам, но и не пытался покинуть страну, а когда новая власть предложила ему сотрудничество, согласился, видя в этом возможность и дальше приносить пользу Родине.

Большевистское руководство, включая самого В.И. Ленина, высоко ценило специалиста такого уровня и его организаторские способности, назначив его на высокую должность главы Технического совета по химической промышленности и члена Президиума Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ), фактически члена Правительства. При этом В.И. Ленин особо оговорил, что В.Н. Ипатьев должен оставаться в Президиуме ВСНХ при любом его составе [там же, с. 253]. Он пользовался полной свободой как в своих исследованиях в собственной Лаборатории высоких давлений, так и в руководстве химической наукой Советской России, что позволило ему организовать целый ряд научно-исследовательских учреждений (Радиевый институт, Институт удобрений, Институт силикатов, Государственный институт прикладной химии). С санкции властей он активно контактировал с зарубежными учеными, в том числе в интересах государства, в частности участвовал в переговорах с Германией, скованной военными ограничениями Версальского

договора, о «подпольном» производстве в СССР отравляющих газов в интересах рейхсвера с соответствующим обменом технологиями [Ипатьев 1945, с. 331–345, 420–421]. Сам В.Н. Ипатьев в своих мемуарах отмечал, что «Политбюро и все партийные коммунисты имели ко мне полное доверие», которое «я очень ценил и ... никогда не позволял себе им злоупотребить. В этом отношении большевики не ошиблись в моем характере, и я честно перед своей родиной исполнял все возлагаемые на меня обязанности» [там же, с. 352–353, 354]. В мемуарах он с большим уважением говорил о В.И. Ленине, с которым несколько раз встречался лично, «стоявшем несомненно головой выше всех своих партийных товарищей» [там же, с. 150]. Особой заслугой Ленина В.Н. Ипатьев считал осознание собственных ошибок и переход от военного коммунизма к НЭПу, также высоко отзывался о Л.Д. Троцком, под чьим руководством ему довелось работать, в частности, отмечал его способности пропагандиста и оратора.

Однако после смерти В.И. Ленина и падения Л.Д. Троцкого, Владимир Николаевич Ипатьев лишился самых влиятельных покровителей, и его гармоничные отношения с властями начали постепенно разрушаться. С одной стороны, его 60-летний юбилей был широко отпразднован на официальном уровне, ученый получил Ленинскую премию и звание заслуженного деятеля науки. С другой стороны, академика постепенно оттесняли от принятия важных решений: так, в 1926 г. его вывели из Президиума ВСНХ и сняли с поста председателя Научно-технического отдела ВСНХ, управлявшего советской наукой [Формула жизни]. Тем не менее он по-прежнему не желал покидать Россию, хотя имел контракты с германскими фирмами, и однажды на вопрос немецкого коллеги о причинах ответил: «Я, как патриот своей Родины, должен оставаться в ней до конца моей жизни и посвятить ей все мои силы». Присутствовавший при разговоре Альберт Эйнштейн «громко заявил: “вот этот ответ профессора я вполне понимаю, так надо поступить”». Однако в конце 1920-х годов в СССР начались масштабные репрессии, «дело “Промпартии”» и др., затронувшие некоторых коллег и учеников Ипатьева. В своих Воспоминаниях ученый написал: «А.Е. [Чичибабин] сказал мне, что в Москве он слышал от одного коммуниста, будто ввиду недовольства в верхах развитием химической промышленности было решено арестовать последовательно следующих лиц: Шпитальского, Камзолкина, Кравца, Фокина и меня. Я не поверил А.Е. и сказал, что это сплетни, чтобы лучше работал. Но предсказание стало оправдываться: в начале 1929 г. был арестован Шпитальский, в июне – инженер Камзолкин, заведующий отделом химической промышленности в Госплане; в ноябре арестовали Кравца... Нельзя сказать, чтобы мне рисовалась приятная перспектива... попасть в лапы ГПУ» [Ипатьев 1945, с. 485]. Владимир Николаевич ощутил прямую угрозу собственной жизни. Подтверждалось его мнение о том, что «все неудачи пролетариат будет

сваливать на интеллигентный ... персонал. Бедному инженеру придется расплачиваться за неисполнение заводом нелепых заданий, и он будет не только удален со службы, но ... будет предан суду» [Ипатьев 1945, с. 218].

В конечном итоге в 1930 г. В.Н. Ипатьев воспользовался приглашением на Всемирный энергетический конгресс в Германии и вместе с женой отправился в Берлин и принял решение не возвращаться в Россию, как минимум до лучших времен, при этом не устраивая никаких демаршей. Таким образом, в 63 года ему, по сути, пришлось начинать все заново.

В Европе В.Н. Ипатьев задержался ненадолго. Германия, на его взгляд, была слишком тесно связана с СССР, а во Франции русское эмигрантское сообщество встретило его неприязненно, не могло простить сотрудничества с большевиками, и даже того, что в доме его брата, инженера Ипатьева, была расстреляна царская семья [Владимир Николаевич Ипатьев 2019]. В конечном итоге Ипатьевы обосновались в США[1], в Чикаго, где руководство нефтехимической компании Universal Oil Products (UOP) предоставило в его распоряжение лабораторию с правом подбора персонала и выбора тематики работ, с единственным условием – он должен был заниматься применением катализа в нефтехимической промышленности. Фундаментальные исследования он проводил в чикагском Северо-Западном университете (Northwestern University), с радостью принявшем в преподавательский состав «живого классика». Весьма пожилой ученый – «профессор», как его называли в UOP – сохранил неуемную энергию, что позволило ему, в частности, быстро освоить английский с нуля. Как отмечает его биограф Lewis Schmerling, Владимир Николаевич сумел очаровать всех своих сотрудников: «У него был необычайно приятный характер: он был отзывчив, вежлив, обаятелен. Он никогда не относился к своим сотрудникам как к подчиненным. Он никогда никому не выговаривал за ошибки, а предлагал выход из положения и обучал в самой ненавязчивой манере» [Schmerling 1975, с. 19].

Продолжая на основе имеющегося задела успешно решать задачи катализа для нефтехимии, в 1935 г. В.Н. Ипатьев первым в мире разработал промышленный процесс каталитического крекинга, который американские компании успешно внедрили в производство. Фирма Shell стала выпускать продукты с использованием промышленного каталитического крекинга в количестве 3000 куб. м/ч. Работы Ипатьева привели к ряду выдающихся изобретений, которые быстро нашли широкое всемирное практическое применение: синтез и полимеризацию этилена, пропилена, дивинила, изопрена и других наиболее распространенных полимеров, что дает основание считать его отцом современной промышленности полимеров [Эрлих 2018, с. 18].

1. В 1937 г. В.Н. Ипатьев получил гражданство США.

Одним из самых значимых его изобретений стал высокооктановый бензин, позволивший самолетам союзников добиться решающего перевеса в скорости во время Второй мировой войны. Особенность такого бензина – стойкость к детонации и возможность форсировать режим работы двигателя, что особенно было важно в авиации. Благодаря предложенным В.Н. Ипатьевым методам удалось производить десятки миллионов литров 100-октанового авиационного топлива в месяц. Благодаря этому истребители ВВС Великобритании смогли удержать превосходство в воздухе и отразить атаки превосходящих сил люфтваффе в Битве за Британию в июле–октябре 1940 г. [Владимир Николаевич Ипатьев 2019]. Кроме того, высокооктановый бензин, поставляемый в СССР по ленд-лизу, покрыл примерно треть потребностей Советских ВВС в авиационном топливе (всего было поставлено 1,2 млн т авиабензина; половина этого объема – горючее с октановым числом 100) [Октан победы 2022]. Таков был весьма серьезный вклад великого ученого в общую победу над нацизмом.

Более 200 изобретений Владимир Николаевич Ипатьев запатентовал в США [Jacoby Mitch 2019]. Его заслуги в развитии мировой химической науки и промышленности были по достоинству оценены на Западе. Хотя по ряду субъективных обстоятельств В.Н. Ипатьев так и не получил Нобелевскую премию, которую вполне заслуживал, в 1937 г. журнал «Тайм» назвал Ипатьева «Человеком года». В 1939 г. его избрали членом Национальной академии США, и в том же году в Париже вручили высшую награду Французского химического общества – медаль имени Антуана Лавуазье [Эрлих 2018, с. 21]. Годом позже он получил Золотую медаль Гиббса – высшую награду для американских химиков.

Столь же высоко его оценивали коллеги. На торжественном заседании Американского химического общества, посвященного 75-летию ученого, нобелевский лауреат Рихард Вильштеттер подчеркнул: «Никогда за всю историю химии в ней не появлялся более великий человек, чем Ипатьев»; а известный американский химик Фрэнк Уитмор отмечал: «Среди многих замечательных химиков Россия дала миру трех выдающихся. Это Ломоносов, Менделеев и Ипатьев. Ипатьев оказал гораздо большее влияние на мировую химию, чем оба его знаменитых соотечественника. Он был химиком-первооткрывателем и продолжает таким оставаться до сих пор» [там же, с. 21].

Успешно работая в Америке, В.Н. Ипатьев тем не менее остро ощущал разлуку с Родиной. В Чикаго, как рассказывал его ученик и душеприказчик Г. Пайнс, ученый, будучи благодаря своим патентам весьма богатым человеком, жил как будто «на чемоданах»: «Мы, его ученики, ... приобрели или построили для себя здесь, на берегу озера Мичиган, хорошие коттеджи. Владимир Николаевич не захотел иметь собственный дом. Он считал себя иностранцем и 22 года жил, снимая номер в гостинице, в Чикаго. Каждый из

нас имел свою автомашину. Он же отказался от этого «акта оседлости» и пользовался казенным транспортом. Почти все обзавелись собственными яхтами ... Владимир Николаевич отказался и от этого. ... Он жил Россией» [Кузнецов 1991, с. 374].

Владимир Николаевич регулярно отсылал в СССР отчеты о своих научных работах, а при оформлении патентов за рубежом всегда оговаривал, что лицензии по ним советскому государству должны предоставляться бесплатно. В первые годы к пребыванию В.Н. Ипатьева за границей власти относились терпимо, а в 1936 г. в СССР был издан его фундаментальный труд «Каталитические реакции при высоких температурах и давлениях». Но в середине 1930-х руководство Академии наук стало все настойчивее предлагать ему вернуться в СССР. Эти предложения ученый, зная о нарастающей волне политических репрессий на Родине, вежливо, но неизменно отклонял. В результате, в 1936 г., его лишили звания действительного члена Академии наук, а в 1937 г. – советского гражданства с запретом приезжать в СССР.

Уже в годы войны В.Н. Ипатьев, всей душой болея за свою страну и, вероятно надеясь, что его вклад в победу над гитлеровской Германией будет оценен, предпринял несколько попыток вернуться. В 1944 г. с этим вопросом он побывал на приеме у советского посла А.А. Громыко [Громыко 2015]. В разрешении на въезд советские власти ему отказали.

Владимир Николаевич Ипатьев так и не увидел Родину. Он скончался 29 ноября 1952 года в возрасте 85 лет, до последних дней не прекращая работу. В СССР и после смерти его имя и научные заслуги долгое время оставались под запретом. Только в 1990 г. Общее собрание АН СССР приняло постановление о восстановлении В.Н. Ипатьева (посмертно) в членах Академии наук СССР. Сегодня его вклад в мировую науку оценивается по достоинству и на Родине.

На русском православном кладбище св. Владимира в Джексоне, штат Нью-Джерси, на надгробии В.Н. Ипатьева выгравирована лаконичная надпись: «В память о русском гении Владимире Николаевиче Ипатьеве, изобретателе высокооктанового бензина» [Владимир Николаевич Ипатьев 2019]. Так американцы оценили вклад в мировую науку великого российского химика, академика В.Н. Ипатьева, одного из тех блестящих ученых, которые по разным причинам вынуждены были покинуть Родину.

Библиография

Владимир Николаевич Ипатьев // Вестник химической промышленности. 2019. 19 июля. URL: http://vestkhimprom.ru/posts/vladimir-nikolaevich-ipatev (дата обращения: 07.02.2023).

Громыко А.А. Памятное. Кн. 2. М.: Центрполиграф, 2015. 560 с.

Ипатьев В.Н. Жизнь химика: Воспоминания. Т. 1: 1867–1917. Нью-Йорк: [без изд.], 1945. 560 с.

Ипатьев В.Н. Жизнь химика: Воспоминания. Т. 2: 1917–1930. Нью-Йорк [без изд.], 1945 г. 635 с.

Кузнецов В.И. Повороты в творчестве академика В.Н. Ипатьева / Репрессированная наука. Л.: Наука, 1991. С. 367–376.

Октан победы. Сайт Национальной ассоциации нефтегазового сервиса. 2022. 08 дек. URL: https://nangs.org/news/downstream/refining/oktan-pobedy (дата обращения: 21.01.2023).

Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М.: Наука, 1973. 656 с.

Формула жизни В.Н. Ипатьева: к 150-летию со дня рождения ученого / Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. URL: http://ranar.spb.ru/rus/vystavki/id/792/ (дата обращения: 09.01.2023).

Эрлих Г.В. Человек, который любил химию // Химия и жизнь. 2018, № 2. С. 18–23.

Jacoby M. Vladimir Ipatieff is the catalysis superhero you've never heard of // Chemical and Engineering News. 2019. 01 May. URL: https://cen.acs.org/people/profiles/Vladimir-Ipatieff-catalysis-superhero-ve/97/i19 (дата обращения: 02.02.2023).

Schmerling L. Vladimir Nikolaevich Ipatieff. A Biographical Memoir. Washington: US National Academy of Sciences, 1975. 140 p.

References

E`rlix G.V. Chelovek, kotory`j lyubil ximiyu he man who loved chemistry // Ximiya i zhizn` [Chemistry and life]. 2018. N 2. P. 18–23. (In Russ.)

Formula zhizni V.N. Ipat`eva: k 150-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo [The formula of life V.N. Ipatiev: to the 150th anniversary of the birth of a scientist] / Sankt-Peterburgskij filial Arxiva Rossijskoj akademii nauk [St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences]. URL: http://ranar.spb.ru/rus/vystavki/id/792/ (date of access: 09.01.2023). (In Russ.)

Gromy`ko A.A. Pamyatnoe [Commemorative]. Kn. 2. M.: Centrpoligraf, 2015. 560 p. (In Russ.)

Ipat`ev V.N. Zhizn` ximika: Vospominaniya [The Life of a Chemist: Memoirs]. Vol. 1: 1867–1917. N`yu-Jork: [bez izd.], 1945. 560 p. (In Russ.)

Ipat`ev V.N. Zhizn` ximika: Vospominaniya [The Life of a Chemist: Memoirs]. Vol. 2: 1917–1930. N`yu-Jork [bez izd.], 1945. 635 p. (In Russ.)

Jacoby M. Vladimir Ipatieff is the catalysis superhero you've never heard of // Chemical and Engineering News. 2019. 01 May. URL: https://cen.acs.org/people/profiles/Vladimir-Ipatieff-catalysis-superhero-ve/97/i19 (date of access: 02.02.2023).

Kuzneczov V.I. Povoroty` v tvorchestve akademika V.N. Ipat`eva [Turns in the work of academician V.N. Ipatieva] / Repressirovannaya nauka / [Repressed science]. L.: Nauka, 1991. P. 367–376. (In Russ.)

Oktan pobedy [Octane of victory]. Sajt Nacional`noj associacii neftegazovogo servisa Website of the National Oil and Gas Service Association]. 2022. 08 Dec. URL: https://nangs.org/news/downstream/refining/oktan-pobedy (date of access: 21.01.2023). (In Russ.)

Schmerling L. Vladimir Nikolaevich Ipatieff. A Biographical Memoir. Washington: US National Academy of Sciences, 1975. 140 p.

Sidorov A.L. E`konomicheskoe polozhenie Rossii v gody` Pervoj mirovoj vojny` [The economic situation in Russia during the First World War]. M.: Nauka, 1973. 656 p. (In Russ.)

Vladimir Nikolaevich Ipat`ev [Vladimir Nikolaevich Ipatiev] // Vestnik ximicheskoj promy`shlennosti [Bulletin of the chemical industry]. 2019. 19 Jull. URL: http://vestkhimprom.ru/posts/vladimir-nikolaevich-ipatev (date of access: 07.02.2023). (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2023.04.13

М.А. Ядова, Е.В. Якимова

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ ИНИОН РАН: ПРОБЛЕМАТИКА, ТРАНСФОРМАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

***Аннотация**. В статье анализируются проблемы информационно-аналитической работы и изменения, произошедшие с бывшими реферативными журналами социального профиля, которые издаются в Институте научной информации по общественным наукам РАН (в качестве примера рассматриваются серии «Сер. 11. Социология», «Сер. 4. Государство и право» и «Сер. 9. Востоковедение и африканистика»). Отмечается, что трансформация принципов подбора и организации материалов в некоторых журналах обусловила переход к формированию в каждом из номеров специализированных тематических разделов. Обычно тематические выпуски открываются вводной статьей, в которой делается попытка не просто обозначить ту или иную тему, а заявить изучаемую проблему в рамках широкого междисциплинарного подхода с привлечением наработок в смежных социальных дисциплинах. Проблемное поле каждого из рассматриваемых журналов чрезвычайно широко; в большинстве материалов, независимо от тематики издания, анализируются различные стороны актуальных проблем современности, от решения которых зависит социально-политическое и экономическое развитие многих стран мира.*

Подчеркивается, что информационно-аналитические журналы занимают важное место в системе научно-информационной деятельности, выполняя навигационно-просветительскую функцию и помогая ученым ориентироваться в потоке научной литературы на русском и иностранных языках. Наиболее распространенные жанры – глубоко фундированные статьи и обзоры актуальной научной литературы, рецензии, рефераты. Представленные в журналах публикации нацелены на многоаспектное и комплексное рассмотрение объекта и предмета изучения. По мнению авторов, эти работы дают читателям возможность оценить состояние отечественных и зарубежных социальных исследований той или иной тематики, снабжают их полезной информацией о происходящих в мире общественных процессах, тенденциях и явлениях, а также способствуют более основательному междисциплинарному сотрудничеству представителей социальных наук.

***Ключевые слова:** научная информация; научно-информационная деятельность; информационно-аналитический журнал; реферативный журнал; Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН).*

Ядова Майя Андреевна – кандидат социологических наук, заведующая отделом социологии и социальной психологии, Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Россия, Москва.
E-mail: m.yadova@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2988-1513
Scopus Author ID: 55390048500
Web of Science Researcher ID: S-7750-2019

Якимова Екатерина Витальевна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии, Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Россия, Москва.
E-mail: e.yakimova2011@yandex.ru

Yadova M.A., Yakimova E.V. Information-Analytical Journals of INION RAN: Issues, Transformations, and Future Development

Abstract*. The article analyzes the problems of information-analytical work and changes that have occurred to some of the former abstract journals of social focus, which are published in the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (drawing upon the example of such series as «Ser. 11. Sociology», «Ser. 4. State and Law», «Ser. 9. Oriental and African Studies»). The article highlights the fact that the transformation of the principles of selecting and organizing materials in these journals led to the formation of specialized thematic sections in each of the issues. Usually thematic issues open with an introductory article, which attempts not only to identify a particular topic, but to state the problem being studied within the framework of a broad interdisciplinary approach involving developments in related social disciplines. The thematic sections analyze various aspects of current problems of our age, which determine sociopolitical and economic developments of most countries in the world.*

The articles emphasizes that analytical journals occupy an important place in academic and information activities, performing navigational and educational functions and helping scholars navigate scientific literature in Russian and foreign languages. The most common genres are deeply–based articles and reviews of current academic literature on social topics, reviews, and structural abstracts. Publications presented in the journals are aimed at a multidimensional and comprehensive consideration of the object and subject of study. It is the authors' opinion that these works give readers the opportunity to assess the state of domestic and foreign social research on a particular topic, provide them with useful information about social processes, trends and phenomena taking place in the world, and also contribute to more thorough interdisciplinary cooperation of social scientists.

Keywords*: scientific information; scientific and informational activities; information-analytical journal; abstract journal; Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN).*

**Yadova Maiya Andreevna – Candidate of Sociological Sciences,
Head of the Department of Sociology and Social Psychology
of the Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN). Russia, Moscow.
E-mail: m.yadova@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2988-1513
Scopus Author ID: 55390048500
Web of Science Researcher ID: S-7750-2019**

**Yakimova Ekaterina Vital'evna – Candidate of Philosophical Sciences,
Leading Researcher of the Department of Sociology
and Social Psychology, Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN).
Russia, Moscow.
E-mail: e.yakimova2011@yandex.ru**

Введение

С развитием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) как особых технических и технологических средств сбора, обработки, хранения и распространения информации роль научной информации и знаний в XXI в. существенно усилилась. По мнению многих социальных исследователей [Луков, Погорский 2011; Колин 2010; Bell 1976, Golding 2000], новые технологии – неотъемлемая часть постсовременного мира, которая отвечает за формирование глобального информационного пространства, способствует удовлетворению потребностей в информационных услугах, продуктах и содействует любым формам информационного взаимодействия в обществе. В последние годы специалисты все чаще говорят о феномене инфодемии – своего рода информационной «эпидемии», выражающейся в потоках слухов, ложной или искаженной информации и распространяющейся в кризисные времена. Так, с инфодемией грандиозного масштаба человечество столкнулось в период пандемии COVID-19, когда правдивая информация о новом типе коронавируса тонула в пучине лжи и фейковых новостей. В подобных условиях становится важным обеспечить всем членам общества доступ к качественной, объективной и достоверной информации по волнующим их вопросам; собственно говоря, предоставление такой возможности и способность граждан адекватно оценивать получаемую информацию является одним из ключевых факторов благополучного и демократического социального развития [Haider, Sundin 2020]. Это касается и распространения научной информации, которая, разумеется, может быть полезна не только исследователям. В то же время

подчеркнем, что научная информация по своим признакам отличается от любой информации иного рода: она проходит определенную степень «обработки» посредством научного инструментария, а для ее понимания требуется обладать существенным набором знаний и компетенций.

В России более 50 лет существует организация, выполняющая, по словам академика Ю.С. Пивоварова, «заказ общества на информационное обслуживание социальных и гуманитарных наук» [Пивоваров 2002, с. 7] и берущая «на себя функцию преобразователя научного знания в информационный продукт» [там же]. Речь, конечно же, идет об Институте научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), созданном в 1969 г. на базе Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР. Академик Ю.С. Пивоваров предлагает называть его холдингом, который включает в себя научно-исследовательскую, реферативно-обзорную, библиографическую, библиотечную и … информационно-технологическую составляющие [Пивоваров 2002, с. 10]; с этим определением невозможно не согласиться.

Журналы ИНИОН РАН: от реферативной деятельности к информационно-аналитической

От сотрудников ИНИОН РАН в числе прочего требовалось отбирать и реферировать отечественные и зарубежные материалы по общественным наукам. В рамках этой работы с 1972 г. в Институте начал осуществляться выпуск серий реферативных журналов (РЖ) «Общественные науки за рубежом» и «Общественные науки в СССР». Реферативные журналы впоследствии отказались от раздельных выпусков зарубежной и отечественной литературы, и в 1980–1990-е годы окончательно сложился корпус основных серий РЖ, объединенных общим названием – «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература».

Во вступительной статье, открывающей первый выпуск одной из серий нового журнала, в качестве цели реферативных журналов была заявлена попытка систематически знакомить исследователей, преподавателей и представителей органов власти с наиболее значительной отечественной и зарубежной научной литературой. «Непрерывное возрастание потока информации в общественных науках диктует необходимость специальных изданий, помогающих ориентироваться в этом потоке и способствующих повышению эффективности научных исследований», – писали авторы статьи [От редакции 1972, с. IV]. Всего в ИНИОН РАН существовало 11 серий реферативного журнала: «Сер. 1. Проблемы научного коммунизма», «Сер. 2. Экономика», «Сер. 3. Философия», «Сер. 4. Государство и право», «Сер. 5. История», «Сер. 6. Языкознание», «Сер. 7. Литературоведение», «Сер. 8. Науковедение», «Сер. 9. Востоковедение

и африканистика», «Сер. 10. Китаеведение» и «Сер. 11. Социология». Некоторые серии прекратили выходить или «выросли» в новые издания («Сер. 1. Проблемы научного коммунизма», «Сер. 10. Китаеведение», «Сер. 2. Экономика», «Сер. 8. Науковедение»), оставшиеся же существенно трансформировались, в 2021 г. окончательно изменив свой формат с реферативного на информационно-аналитический.

Эти изменения происходили поэтапно, в последние годы все серии журналов «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература» постепенно увеличивали количество размещаемых на своих страницах научно-аналитических материалов. Справедливости ради отметим, что трансформационные процессы в различных сериях не были синхронными. Некоторые журналы перестали быть чисто реферативными достаточно давно, другие включились в процесс обновления буквально несколько лет назад. Для многих обновленных серий стали традиционными тематические разделы в каждом номере и вступительная статья к нему. Понимая информативность, ценность и востребованность реферативного жанра, большинство главных редакторов приняло решение не отказываться от рефератов полностью, а только уменьшить их количество в каждом выпуске. В качестве примера проанализируем траектории развития трех инионовских бывших реферативных журналов, ставших теперь информационно-аналитическими – «Сер. 11. Социология», «Сер. 4. Государство и право» и «Сер. 9. Востоковедение и африканистика». Но сначала рассмотрим некоторые принципы работы, принятые в инионовских реферативных журналах в прошлом.

Профильными материалами всех серий РЖ в основном были рефераты статей из текущей зарубежной и отечественной периодики, тематических номеров профильных журналов, а также материалов свежих монографий и сборников научных трудов. Помимо этого, пользовался популярностью такой жанр, как сводный реферат, представляющий собой реферативный обзор публикаций, объединенных общей темой, методологией, предметом исследования либо теоретической позицией авторов (без дополнительной интерпретации или критических замечаний автора реферата) [Бабенко 2000]. Для реферирования, как правило, отбирались тексты не более чем двух-трехлетней давности; сводные рефераты могли включать и более ранние источники, в том числе составлявшие классическое наследие, при условии их релевантности актуальной повестке. При подготовке рефератов упор делался на рассмотрении концепций, дискуссий и результатов эмпирических исследований зарубежных и отечественных исследователей. Материалы, подлежавшие реферативному освещению, как и характер этого освещения, определялись приоритетами и публикационной политикой редколлегий каждой серии. С учетом общей информационно-просветительской направленности всей работы ИНИОН РАН в 1970–1990-е годы акцент делался на кратком, предельно

сжатом изложении содержания первоисточника. С этой целью в ИНИОН РАН применялся так называемый коэффициент свертываемости информации (КСИ), который определялся как отношение объема реферируемых источников к объему реферативного издания [Виноградов 1978, с. 103]. И хотя этот коэффициент не всегда принимался во внимание авторами, в реферативных журналах предпочтение отдавалось традиционным формам информационно-реферативной работы, с минимумом ссылок и прямого цитирования. Ключевую роль при выборе материалов для РЖ играла степень их репрезентативности в контексте социально-гуманитарного знания в целом либо его частных и региональных составляющих. Иными словами, реферированию подлежали тексты, которые в совокупности позволяли судить о текущем состоянии профильной науки и тенденциях ее развития.

В первые десятилетия своего существования серии РЖ выполняли функцию оперативной репрезентации мирового и отечественного социального знания. При этом предполагалось, что информационно-аналитическая работа должна быть представлена институтскими изданиями другого формата, прежде всего аналитическими обзорами, которые в те годы имели внушительный объем и выпускались в виде отдельных серийных публикаций. Например, как отмечала бывшая заведующая отделом социологии и социальной психологии Л.В. Гирко, оценивая работу сотрудников своего отдела, «они старались, как можно более точно запечатлеть виражи социологической мысли, а вместе с ними – “сотрясения” самой реальности», что достигалось «высоким профессионализмом и неподдельным исследовательским интересом» [Гирко 2000, с. 99]. Мы убеждены, что профессионализм и исследовательский интерес отличали сотрудников и других отделов ИНИОН РАН.

А теперь перейдем к рассмотрению обновленных версий РЖ, трансформировавшихся в информационно-аналитические журналы (ИАЖ) ИНИОН РАН. Начнем с самого молодого издания – журнала «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология» (гл. ред. – к. социол. н. М.А. Ядова, сайт журнала: http://neosoclit.ru/), который издается с 1991 г. и выходит ежеквартально. Он интересен прежде всего тем, что раньше других РЖ пошел по пути модернизации. Сегодня в журнале публикуются научно-информационные и научно-аналитические материалы (обзоры, статьи, рецензии, научные переводы, рефераты), посвященные актуальным вопросам социологии. Рассматриваются проблемы социальной теории и истории социологии, результаты эмпирических социологических исследований, актуальные направления в мировой социологии.

В свое время создание этого журнала завершило процесс институционализации ныне существующего отдела социологии и социальной психологии в качестве подразделения в структуре ИНИОН РАН. Решение о создании социологического подразделения в Институте означало фактическое признание

дисциплинарной специфики этой отрасли обществознания и примерно совпало по времени с аналогичными преобразованиями в МГУ им. М.В. Ломоносова[1].

Беглого знакомства с содержанием номеров журнала «Социология» 1990-х годов достаточно, чтобы заметить, что тогда «неподдельный исследовательский интерес» читателей регламентировался жестким перечнем рубрик, которые использовались для классификации и внутренней смысловой организации реферируемых текстов (с точки зрения их тематики, предмета и методологии). Эти рубрики были своеобразными константами серии «Социология», повторяясь из номера в номер и резонируя со структурой тогдашних вузовских курсов по социологии.

В начале 2000-х годов стал формироваться принципиально иной подход к подбору и подаче текстов социологического профиля. Журнал начал постепенно переходить от разделов-«констант», в той или иной степени предопределявших выбор материалов для реферирования, к «плавающим» рубрикам, которые формировались в процессе работы как обобщение тех или иных тем и проблем, теоретических подходов и методов, парадигм и метатеорий. Разумеется, в журнале по-прежнему присутствовали публикации по истории социологической мысли, социологической теории и методологии, обзоры социально-психологических исследований и дискуссий о социологической классике, а также тексты, касающиеся перспектив развития обществ в эпоху глобализации. Однако теперь именно содержание и тематика публикаций, которые подлежали реферативно-аналитическому освещению, определяли структуру журнальных рубрик. Широкий диапазон новых, меняющихся разделов журнала способствовал созданию более релевантной картины актуального социологического и социального (мультидисциплинарного) дискурса с учетом таких его нюансов, осмысление которых осложнялось прежними структурными и формальными ограничениями. Предпочтительными стали подборки материалов, касавшихся тем, освещение которых в советское время не поощрялось (социальное сиротство, люди с ограниченными возможностями здоровья и безбарьерная среда, принципы инклюзивного образования, нетрадиционная сексуальная ориентация, жилище и быт как отражение социальной картины мира).

Таким образом, если раньше выбор текстов для реферирования происходил с учетом базовых рубрик РЖ, в которые этим текстам надлежало вписаться, то сегодня отобранные источники в зарубежной и отечественной

1. В 1989 г. было принято решение об объединении подразделений социологического профиля (на базе философского факультета), которые в том или ином виде существовали в МГУ с 1960-х годов, в самостоятельный социологический факультет, что приравнивалось к признанию за социологией статуса полноценной научной дисциплины.

периодике, а также релевантные монографии и сборники диктуют принципы выбора и организации материала в виде тех или иных разделов журнала. В итоге эти разделы стали более конкретными, фиксирующими максимально широкий диапазон экспертных мнений относительно тех или иных социальных проблем, явлений или процессов, и в то же время – более масштабными, демонстрирующими многоаспектность социальных феноменов современности и способов их концептуализации. Но есть в журнале и постоянные рубрики, это прежде всего касается раздела, посвященного переводам классического наследия зарубежной социологии.

Изменение структуры РЖ «Социология» и принципов организации его рубрик способствовало осмыслению социальных практик и социологической рефлексии в более широких междисциплинарных и мультидисциплинарных контекстах. Благодаря иному, более гибкому структурированию журнала собственно социологический угол зрения на ту или иную проблему часто соседствовал или дополнялся интерпретацией той же проблемы с позиций других социальных дисциплин – экономики и социальной политики, психологии и антропологии, культурологии и истории культуры, теории международных отношений, политологии и теории права, этики и социальной философии, социальной компаративистики и т.д.

Трансформация работы серии «Социология» также предопределила переход к новому формату публикаций – включению в каждый из его ежеквартальных номеров тематического раздела. Первый тематический раздел – социология эмоций – появился в № 4 за 2008 г. и с тех пор остается неизменным атрибутом журнала. Каждый тематический выпуск открывается теоретическим введением, в котором избранная тема, социальная проблема либо феномен рассматриваются в историко-концептуальном контексте в рамках собственно социологии и смежных социальных дисциплин (социальная психология, политическая наука, история, социальная антропология, экономика, социальная философия, культурология). Сегодня особенностью тематических выпусков серии «Социология» является приоритетная публикация обзорно-аналитических текстов, в которых предмет исследования получает многоаспектную, комплексную репрезентацию. Переход от сжатых рефератов к более свободной и информативной форме аналитических обзорных публикаций, а также рецензий на актуальные монографии и сборники, затронул и другие разделы журнала, содействуя более разносторонней подаче информации. Без преувеличения можно сказать, что команда социологов была в первых рядах тех коллективов структурных подразделений ИНИОН РАН, которые сделали выбор в пользу обзорно-аналитической формы работы как более востребованной в современном отечественном обществознании. Как показало время, новый формат работы редакции журнала «Социология» обладает большим информационным и эвристическим потенциалом, поскольку

дает возможность исследовать выбранную тему с опорой на теоретические и методологические подходы в рамках других отраслей социального знания. Об этом свидетельствует в том числе случайный перечень тематических выпусков журнала за последние 15 лет: динамика общества знания; мировой кризис и трансформация современного капитализма; социология как исследование феноменов культуры; социология академической жизни; социологические исследования исторической памяти; терроризм как социально-политический феномен; социальные коммуникации научного сообщества; риски, кризисы и катастрофы в фокусе социологии; компаративистские исследования в социологии; социологические исследования жизненных траекторий; социальные исследования феномена счастья; социология дружбы; социология любви и др.

Ежеквартальный информационно-аналитический журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4. Государство и право» (гл. ред. – д. юрид. н., проф. И.А. Умнова-Конюхова, сайт журнала: https://inion-journalaw.ru/) имеет давнюю историю и издается с 1974 г. В журнале представлены обзоры, рецензии и рефераты работ по российскому и зарубежному правоведению. В публикациях журнала отражены новейшие исследования по теории права и государства, конституционному, административному, информационному, гражданскому, уголовному праву и процессу, криминологии, а также по экологическому, трудовому, миграционному, медицинскому, европейскому и международному и другим отраслям правовой науки. В центре внимания авторов этой серии ИАЖ – мнения и дискуссии ученых по актуальным юридическим проблемам, концепциям, их научные интерпретации и предложения, законодательная и правоприменительная практика, в том числе судебная.

Структурно этот журнал напоминает серию «Социология», каждый его номер открывается тематическим разделом и вступительной статьей к нему. Тематические разделы – недавно введенное ноу-хау журнала, они появились в издании в 2021 г., когда произошла переориентация профиля журнала с реферативного на информационно-аналитический. На сегодняшний момент вышло уже 11 номеров различной проблематики. Стоит отметить, что содержание многих номеров серии «Государство и право» имеет междисциплинарный характер. Перечислим некоторые из представленных в журнале тем: миграция, беженцы и право в современной научной литературе; мир и безопасность в правовом измерении; правовое регулирование сферы генетически модифицированных организмов и исследований в области генной инженерии; юриспруденция и цифровое развитие; юридическое образование в эпоху цифровизации и глобализации; пандемия COVID-19 и право; искусственный интеллект, развитие права и юридической практики. Представляется очевидным, что предложенная вниманию читателей проблематика будет полезна как

правоведам, так и представителям других научных дисциплин / субдисциплин, причем не только социальных, но и, например, естественно-научных. Так, актуальные правовые аспекты исследований ГМО и проблем, связанных с биобезопасностью и биоразнообразием, будут интересны как биотехнологам, так и социологам, социальным антропологам, философам и др. Несомненный интерес читателей вызовет тема, посвященная юридическим урокам COVID-19, ведь важно понимать, как пандемия повлияла на трудовое законодательство в России и за рубежом, каковы допустимые пределы в ограничениях прав и свобод человека и как различались правовые подходы к борьбе с новой коронавирусной инфекцией в разных странах. Дискуссии о правовом регулировании и развитии искусственного интеллекта, плюсах и минусах внедрения технологий ИИ в сферу государственного управления, этических аспектах применения средств ИИ также должны привлечь внимание широкого круга исследователей.

Третий из рассматриваемых нами инионовских журналов, «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9. Востоковедение и африканистика» (гл. ред. – д. ист. н., проф. В.С. Мирзеханов; страница журнала: http://inion.ru/ru/publishing/informatsionno-analiticheskii-zhurnal/vostokovedenie-i-afrikanistika/arkhiv/), издается с 1972 г. (ежеквартально) и во многом следует еще тогда заданной традиции журнала: во-первых, давать общее представление об основных тенденциях в востоковедении и африканистике в России и за рубежом, во-вторых, удовлетворять интерес читателей к литературе смежной тематики и, наконец, помочь в отборе необходимых публикаций для углубленного изучения конкретных проблем [От редакции, 1972, с. V]. В 2021 г. в этом журнале также произошли изменения, связанные с усилением аналитической составляющей и переориентацией с реферативных на критические научно-аналитические материалы (обзоры и обзорные статьи, рецензии).

Структура расположения материалов в серии «Востоковедение и африканистика» носит регионально-проблемный характер. Открывает номер постоянная рубрика «Формации. Цивилизации. Глобализация», посвященная глобальным цивилизационным, науковедческим и методологическим проблемам, имеющим общее значение для всех стран Азии и Африки; далее следуют разделы, связанные с географическим положением изучаемых регионов – «Африка. Ближний и Средний Восток», «Центральная Азия и Закавказье», «Южная, Юго-Восточная и Восточная Азия». В журнале не предусмотрены тематические выпуски, что отличает его от двух предыдущих изданий. Но есть и то, что объединяет этот журнал с другими сериями: большинство его публикаций (не менее 2/3 в каждом номере) посвящено наиболее актуальным проблемам сегодняшнего времени, а тематика многих материалов ориентирована на междисциплинарный подход. В качестве примера приведем рассматриваемые

в последних выпусках журнала проблемы: вопросы миграции и мультикультурализма, межконфессиональные и межкультурные отношения; стратегии и угрозы национальной и региональной безопасности афро-азиатского мира; страны Азии и Африки в борьбе с пандемией COVID-19; глобальные тренды, влияющие на развитие стран Азии и Африки; приоритетные направления взаимодействия России со странами БРИКС; история развития систем социальной политики отдельных афро-азиатских стран (например, изучение систем здравоохранения, образования, охраны окружающей среды и т.д.). Широкое проблемное поле публикаций и интерес авторов журнала к нетривиальным темам делают эту серию полезной не только для востоковедов и африканистов, но и для представителей других социогуманитарных наук: историков, философов, социологов, экономистов, культурологов и пр.

Выводы

Усложнение социальной реальности (а вместе с нею и пространства современного социального знания) подталкивает ученых к тому, чтобы взглянуть на недавно возникшие явления и процессы сквозь призму меж- и трансдисциплинарного подходов. Для инионовских исследователей реферативная работа постепенно уступает место аналитической операционализации источников, их систематизации и интерпретации в более широком проблемном контексте. Такой научно-информационный подход представляется более востребованным в цифровую эпоху, поскольку оригинальные публикации в зарубежных профильных изданиях (их переводы или аннотации) в большинстве своем доступны в Интернете, хотя и с некоторым временным запозданием. В XXI в. задача научно-информационной поддержки отечественного обществознания видится иначе, чем несколько десятилетий назад: российской аудитории необходимы не только адекватные ориентиры в потоке актуальной социально-гуманитарной информации, но и обобщенная реконструкция социальной проблематики в мультидисциплинарном прочтении. Сегодня, когда двери библиотеки ИНИОН РАН вновь открыты для читателей, изменения, произошедшие в структуре традиционной научно-информационной деятельности Института и работе его информационно-аналитических журналов, кажутся как никогда своевременными и эффективными.

Библиография

Бабенко В.Н. Актуальные проблемы теории и методики научной информации в области исторических наук // Теория и практика общественно-научной информации. Вып. 16. М.: ИНИОН, 2000. С. 25–57.

Виноградов В.А. Общественные науки и информация. М.: Наука, 1978. 264 с.

Гирко Л.В. 10 лет социологической аналитики в ИНИОН // Теория и практика общественно-научной информации. Вып. 16. М.: ИНИОН, 2000. С. 89–99.

Колин К.К. Философские проблемы информатики. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2010. 263 с.

Луков Вал.А., Погорский Э.К. Информатика и новая информационная реальность: философский взгляд // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 2. С. 289–293.

От редакции // Общественные науки за рубежом. Востоковедение и африканистика. 1972. № 1. С. IV–VII.

Пивоваров Ю.С. Роль ИНИОН РАН в информационном обеспечении социальных и гуманитарных наук в России // Теория и практика общественно-научной информации: вып. № 17. М.: ИНИОН РАН, 2002. С. 7–17.

Bell D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. N.Y.: Basic Books, 1976. 616 p.

Golding P. Forthcoming Features: Information and Communications Technologies and the Sociology of the Future // Sociology. 2000. Vol. 34, № 1. P. 165–184.

Haider J., Sundin O. Information Literacy Challenges in Digital Culture : Conflicting Engagements of Trust and Doubt // Information, Communication & Society. 2020. – Dec 4. P. 1–16. DOI: 10.1080/1369118X.2020.1851389

References

Babenko V.N. Aktual'nye problemy teorii i metodiki nauchnoj informacii v oblasti istoricheskih nauk. [Contemporary issues of the theory and methodology of scientific information in the field of historical information]. Teorija i praktika obshhestvenno-nauchnoj informacii. [Theory and Practice of Public Scientific Information]. Iss. 16. Moscow: INION, 2000. P. 25–57. (In Russ.)

Bell D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. N.Y.: Basic Books, 1976. 616 p.

Girko L.V. 10 let sociologicheskoj analitiki v INION. [10 Years of Sociological Analysis of INION]. Teorija i praktika obshhestvenno-nauchnoj informacii. [Theory and Practice of Public Scientific Information]. Iss. 16. M.: INION, 2000. P. 89–99. (In Russ.)

Golding P. Forthcoming Features: Information and Communications Technologies and the Sociology of the Future. Sociology. 2000. Vol. 34. N 1. P. 165–184.

Haider J., Sundin O. Information Literacy Challenges in Digital Culture : Conflicting Engagements of Trust and Doubt. Information, Communication & Society. 2020. Dec 4. P. 1–16. DOI: 10.1080/1369118X.2020.1851389

Kolin K.K. Filosofskie problemy informatiki. [Philosophical Issues of the Information Science]. Moscow: BINOM. Laboratorija znanij, 2010. 263 p. (In Russ.)

Lukov Val.A., Pogorskii E.K. Informatika i novaia informatsionnaia real'nost': filosofskii vzgliad [Informatics and the New Information Reality: A Philosophical View] // Znanie. Ponimanie. Umenie. [Knowledge. Understanding. Skills]. 2011. N 2. P. 289–293. (In Russ.)

Ot redakcii. [Editoral]. Obshhestvennye nauki za rubezhom. Vostokovedenie i afrikanistika. [Social Sciences abroad. Oriental and African Studies]. 1972. N 1. P. IV–VII. (In Russ.)

Pivovarov Yu.S. Rol' INION RAN v informacionnom obespechenii social'nyh i gumanitarnyh nauk v Rossii. [INION RAN' role in Information Support of Social and Human Sciences in Russia]. Teorija i praktika obshhestvenno-nauchnoj informacii. [Theory and Practice of Public Scientific Information]. Iss. 17. Moscow: INION RAN, 2002. P. 7–17. (In Russ.)

Vinogradov V.A. Obshhestvennye nauki i informacija. [Social Sciences and Information]. Moscow: Nauka, 1978. 264 p. (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2023.04.14

Т.Г. Пархалина

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ЕВРОПЫ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ. ОБЗОР КОНФЕРЕНЦИИ

Аннотация. *Настоящий обзор подготовлен по материалам общероссийской научной конференции, организованной ИНИОН РАН при сотрудничестве с коллегами из московских и региональных вузов страны.*

Основной целью конференции было проведение дискуссии по ключевым вопросам развития Европейского континента в условиях острейшего геополитического кризиса, обусловленного конфликтом в центре Европы. Центральными оказались вопросы безопасности и путей выхода из кризиса, переформатирования европейского политического ландшафта (отдельных стран и институтов), экономического измерения кризиса.

Ключевые слова: *Европа; ЕС; Россия; безопасность; политический ландшафт; замедление экономического роста; санкции; энергетика.*

Пархалина Татьяна Глебовна – кандидат исторических наук, советник директора, Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Россия, Москва.
E-mail: parkhalina@inion.ru

Parkhalina T.G. **The Present and Future of Europe: Challenges and Perspectives. Conference overview**

Abstract. *This overview is based on the materials of the Russian academic conference organised by INION RAN, in which researchers from Moscow and regional universities took part in.*

The main goal of the conference was to launch the discussion on the main issues of European development in the context of a serious geopolitical crisis stemming from the military conflict in the center of Europe. The discussion focused on security issues and ways of resolving the crisis, as well as a reformation of the European political landscape (individual countries and institutions) and the crisis' economic dimension.

Keywords: *Europe; the European Union; Russia; political landscape; slowing economic growth; sanctions; energy field.*

**Parkhalina Tatyana Glebovna – Candidate of Historical Sciences,
Advisor to the Director, Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN).
Russia, Moscow.
E-mail: parkhalina@inion.ru**

16 мая 2022 г. в ИНИОН РАН прошла общероссийская научная конференция под упомянутым выше названием, организованная Методсоветом Центра глобальных и региональных исследований при участии коллег из московских академических институтов и университетов, а также из региональных университетов России (Екатеринбург, Саратов, Ярославль).

При подготовке конференции исходным моментом было осознание того, что сегодня Европа переживает один из самых драматических периодов своего развития после окончания Второй мировой войны. В эпицентре нынешнего кризиса не просто российско-украинский военный конфликт, но и противостояние России и Запада. В мире ведется дискуссия – является ли нынешний конфликт предвестником третьей мировой войны и формирования нового мирового порядка или же лишь региональным конфликтом, который закончится некими договоренностями, фиксирующими статус-кво. Участники конференции попытались ответить на вопросы, как нынешний кризис повлиял на всю систему евроатлантической и глобальной безопасности; каковы пути выхода из него, каким образом переформатируются политические системы европейских государств, функционирование международных институтов, каковы экономические последствия не только для воюющих сторон, но и для многих европейских акторов, каковы условия функционирования производственных цепочек в условиях санкционной войны, применения финансовой стратегии отдельных игроков в условиях воздействия трансформирующих факторов.

В своем вступительном слове директор ИНИОН РАН член-корреспондент РАН, д.э.н. А.В. Кузнецов отметил что, несмотря на сложнейшую ситуацию, Европа – это тот регион, который был и остается предметом исследования представителей всех академических кругов, в том числе и ИНИОН РАН, поскольку Россия – это неотъемлемая часть европейской цивилизации.

В ходе первой сессии, посвященной вопросам безопасности, на пленарном заседании выступили представители ИНИОНа, Екатеринбургского и Саратовского университетов. В своем докладе «Год изменивший мир» советник директора ИНИОНа к.и.н. Т.Г. Пархалина отметила, что отсчитывает этот «длинный» год от 15 декабря 2021 г., когда Россия предъявила США и НАТО требования по предоставлению ей гарантий безопасности, смысл которых сводился к тому, что США и НАТО должны взять на себя обязательство

не принимать в свои члены бывшие советские республики, такие как Украина, Грузия, Молдова и государства Центральной Азии, вывести свою инфраструктуру за границы 1997 г. и начать переговоры по гарантиям безопасности для РФ. Запад ответил на это предложением начать переговоры по контролю над вооружениями и продолжать таковые по новой стратегической стабильности, объясняя при этом, что обязательства по нерасширению Альянса противоречит его уставным документам (ст. 10 Вашингтонского договора, а также положениям Хельсинкского заключительного акта 1975 г. и Парижской хартии 1990 г.).

На отказ от переговоров Москва ответила 24 февраля 2022 г., начав специальную военную операция (СВО) на территории Украины, обозначив в качестве двух основных целей «денацификацию» и «демилитаризацию» соседней страны, аргументируя это тем, что с территории Украины исходит угроза безопасности РФ. Операция ведется и поныне, обретя форму острого военного конфликта, которого Европа не знала после 1945 г. и куда косвенным образом втянуты не только государства Евро-Атлантики, но и страны так называемого «глобального юга», такие как Китай, Иран, обе Кореи, государства Ближнего Востока и Африки.

Анализируя те изменения, которые произошли в мировой и европейской системе безопасности за 1,5 года конфликта, приходится констатировать следующее:

1. Европа и мир оказались в эпицентре геополитического разлома всей системы международных отношений, когда нарушился баланс ее политико-военных и экономических элементов.

2. Формируется новый мировой порядок, но совсем не такой, какой предсказывали ряд российских экспертов, которые многие годы, говоря о многополярном мире, по сути, имели в виду трехполярный мир; когда США, Россия и Китай договорятся об определенных правилах и будут решать судьбы планеты. Практически весь Западный мир (США, Евросоюз, Япония, Австралия и ряд других, конечно, с определенными нюансами) встал на сторону Украины политически и практически, осудив действия России. Эти страны оказывают Украине экономическую и военно-техническую помощь, поставляя ей системы вооружений, необходимые для ведения боевых действий против РФ.

Великобритания выступила с инициативой формирования нового военно-политического союза с участием Украины (в него готовы войти 12 стран, включая Польшу, страны Балтии, Венгрию, Румынию, Турцию и др.), который мог бы предоставить гарантии безопасности этой стране с учетом того, что она не является членом Североатлантического альянса и на нее не распространяется ст. 5 Вашингтонского договора.

Президент Э. Макрон выдвинул другую инициативу – создание Европейского политического сообщества, куда вошли бы страны, стремящиеся

к членству в ЕС, или вышедшие из него (Великобритания). Два саммита ЕПС уже прошли в Праге и Кишиневе.

Также возникла Контактная группа по обороне Украины или «формат “Рамштайн”» (от названия одноименной авиабазы ВВС США в Германии, где проходят встречи участников). В группу входит более 50 стран, цель её – оказание военно-технической помощи Украине.

Все эти паллиативные структуры являются дополняющими, но не конкурирующими с двумя евроатлантическими институтами (НАТО и ЕС).

3. НАТО расширилось, в Альянс вступила Финляндия, после чего граница РФ с государством – членом этого военно-политического союза увеличилась на 1320 км; на пороге вступления находится Швеция. Восточный фланг НАТО был укреплен кратно, впервые силы быстрого реагирования Альянса превысили 300 тыс. человек, произошло наращивание военного контингента США в странах Юго-Восточной Европы, таких как Болгария, Венгрия, Румыния, Словения. В Польше размещен на постоянной основе штаб 5-го армейского корпуса США, произошло наращивание военного присутствия США в странах Балтии (причем на постоянной основе).

Мадридский саммит НАТО (июнь 2022 г.) принял новую стратегическую концепцию Альянса, в которой впервые после окончания холодной войны Россия вместо стратегического партнера признается наиболее серьезной и прямой угрозой безопасности стран НАТО [Встреча НАТО 2022].

Согласно документу, произошел коренной пересмотр осуществляемых НАТО коллективной обороны и сдерживания (впервые после холодной войны), формируются усовершенствованные планы обороны с большим количеством сил повышенной боевой готовности и заблаговременно выделенными силами для обороны конкретных союзников, происходит размещение большого числа войск, техники и запасов оружия на восточном фланге Альянса, усиливающих восемь многонациональных боевых групп НАТО, возросло общее финансирование.

Таким образом, приходится констатировать усиление военного потенциала НАТО, рост трансатлантической солидарности и все большую привлекательность этого военно-политического Альянса для европейских стран.

4. Евросоюз объявил 11 пакетов санкций против РФ. На сегодня Россия испытывает на себе санкционное давление (США + ЕС + Япония + Канада + Австралия и др.), невиданное в послевоенной истории XX–XXI вв. Таким образом, предположение о том, что Европа не вмешается и не будет реагировать на СВО, с учетом ее энергетической зависимости от российских ресурсов, оказалось не соответствующим действительности, даже Германия за год практически полностью отказалась от российских энергоресурсов. Да, в целом российская экономика сумела сдержать удар, но она упрощается и примитивизируется, а ряд отраслей переживает ощутимые потери.

5. Крайне важны и позиции не-Запада в условиях геополитического разлома и переформатирования всей системы международных отношений. Китай, Индия, государства Центральной Азии сохраняют так называемый «пророссийский нейтралитет», но вместе с тем, дистанцируются от поддержки России в конфликте. Действительно, Китай и Индия получают российские газ и нефть по демпинговым ценам, но явно воздерживаются от поставок вооружений. Китай отчетливо взял курс на то, чтобы вместе с Турцией контролировать все пространство Центральной Азии, о чем ярко свидетельствуют результаты саммита КНР – Центральная Азия (прошел в Китае 16 мая 2023 г.), в ходе которого Китай перезапустил свой проект ОПОП (один пояс – один путь) в обход России и взял на себя гарантии по обеспечению суверенитета центрально-азиатских государств.

Впервые с начала СВО такие дружественные России страны, как Китай, Индия, ЮАР, Бразилия (члены БРИКС), проголосовали 26 апреля 2023 г. в Генеральной Ассамблее ООН за антироссийскую резолюцию.

Военный конфликт еще далек до своего завершения, но уже сейчас очевидно, что явившись вначале «политическим землетрясением» для Европы и серьезным потрясением для всего мира, он приведет к формированию нового мирового порядка с элементами предыдущего, но и с новыми конструкциями, которые будут определять не только вопросы войны и мира, но и глобальные системы в сфере энергетики, распределения производственных цепочек, финансов и т.д. [Saxer 2022].

Среди тех сценариев относительно будущего мирового порядка, которые обсуждаются в экспертных сообществах разных стран – от возможного формирования реально мультиполярного мира с разным влиянием различных полюсов на развитие мировых событий до новой биполярности (США – Китай) с различной степенью подчиненности им других центров силы, Европа, ее архитектура безопасности, будут играть существенную роль. На сегодняшний день обозначились четыре основные вектора ее развития: сдерживание России, автономизация в сфере обороны, ремилитаризация, рост удельного веса и значимости Восточной Европы в рамках всего континента.

Неизбежно возникает вопрос – а какова роль России в будущей системе европейской безопасности? Во многом это будет зависеть от самой России. Пока, приняв новую концепцию внешней политики, Москва по сути декларировала «географическую переориентацию» своей внешней политики с Запада на Восток. Однако нет сомнения в том, что в будущем, после окончания СВО и военного конфликта в целом мировые игроки неизбежно окажутся за столом переговоров для определения новых правил поведения в постсвоенном мире. Сейчас это кажется маловероятным, но неизбежно начнутся переговоры в каком-то европейском или неевропейском городе, который станет символом нового европейского и мирового порядка, где и европейские столицы,

включая Москву и Киев, и Вашингтон, и Пекин, и Дели и ряд других игроков вынуждены будут не только вести переговоры, но и определять новые правила игры, несущие конструкции новой глобальной и европейской архитектуры безопасности – военной, политической, геополитической, гуманитарной.

Доклад доцента Саратовского университета к.и.н. Д.С. Алексеева был посвящен теме «Новые контуры системы европейской безопасности: реалии и перспективы». Докладчик подчеркнул, что он трактует понятие «система европейской безопасности» в расширительном его значении, включая в нее не только государства Западной и Восточной Европы, но и страны так называемого постсоветского и евразийского пространств. В ходе выступления был сделан небольшой экскурс в историю, который показывает, что крупнейшие конфликты приводили к существенным коррективам фундаментальных основ международных отношений и по сути способствовали введению в политический и научный оборот понятия «новый мировой порядок». Так было и после Первой и после Второй мировой войн, когда стали говорить о новом мировом порядке не только в политической, но и в экономической областях, когда создавались новые наднациональные институты и организации. В середине XX в. новый миропорядок имел относительно четкие очертания, правовую и институциональную форму.

В новейшей истории термин новый мировой порядок входит в политическую повестку в связи с окончанием холодной войны, распадом СССР, и связывается с появлением мира, где США рассматривали себя как единственная супердержава и лидер **американоцентричного мира** (Администрация Дж. Буша-старшего, Чарльз Краутхаммер «Момент однополярности», Ф. Фукуяма и др.). Об опасностях подобного видения мира после холодной войны говорили и писали многие исследователи и комментаторы (в частности С. Хантингтон «The Lonely superpower» 1999). Однако данный «**новый мировой порядок**» так и не получил, на наш взгляд, определенного законченного формата, а сам термин и его содержание все чаще носил расплывчатое и размытое значение и содержание. Иными словами, мир после окончания холодной войны находился в процессе поиска нового динамического равновесия, сопровождавшегося драматическими процессами распада Югославии, СССР, появлением новых конфликтов и перегруппировкой политических сил.

Мировой порядок после Второй мировой войны стал результатом длительного переговорного процесса и определенных компромиссов, он имел устойчивый экономический (Бреттон-Вудс), политический (Ялта-Потсдам) фундамент, фундамент в сфере безопасности (пусть и конфронтационный).

В связи с этим докладчик выдвинул первый тезис, который связан с тем, что система нового мирового порядка за более чем 30 лет после падения берлинской стены и распада СССР, так и не смогла обрести определенную и законченную форму, а была сформирована на весьма неустойчивых и противо-

речивых фундаментальных основах. **Запад и Восток создали определенную, довольно эффективную форму экономического взаимодействия**, которая постепенно сложилась во взаимовыгодную цепочку сотрудничества (как оказалось, для ее частичного демонтажа потребовалось совсем немного времени).

Что же касается в равной степени приемлемой для всех игроков на поле европейской безопасности конструкции, то тут возникает масса вопросов. Система старалась различными путями искать этот равновесный баланс, но три десятилетия показали, что он до сих пор не найден.

Кроме того, в формировании правил и принципов нового миропорядка после окончания холодной войны фактически не принимали **участие новые влиятельные игроки, такие как Китай, Индия, Бразилия**. По сути они инерционным способом влились в постбиполярный мир глобализации. Сегодняшние драматические события, по мнению докладчика, указывают на то, что поиск более устойчивого и долгосрочного фундамента нового миропорядка вступает в свою решающую фазу.

То же самое справедливо и для системы европейской безопасности. Она так и не смогла трансформироваться в полноценную универсальную систему, основанную на взаимно устраивающих компромиссах.

Для нее были характерны: Горбачев с идеей общего пространства безопасности от Ванкувера до Владивостока; попытки построения моделей взаимодействия в широком контексте европейской безопасности (ОБСЕ, ПРМ, основополагающий акт Россия НАТО, позднее Совет Россия – НАТО, особые двусторонние отношения Украина – НАТО; вступление в НАТО стран Балтии); Д. Медведев и отвергнутая идея создания единого пространства безопасности на фоне продолжающегося процесса расширения.

Возникает вопрос: был ли оптимальным курс Запада по взаимодействию с постсоветской Россией? Это вызывает сомнения. Западу степень вовлечения в институты евроатлантической безопасности в той степени, которой она достигла к началу 2000-х годов, казалась вполне достаточной для приемлемого и безопасного сосуществования.

В связи с этим второй тезис, который напрашивается из вышесказанного: построению интегрированной системы европейской безопасности помешала в том числе не вполне адекватная оценка и анализ процессов эволюции (в различных областях экономической, политической, социальной), происходивших на пространстве бывшего СССР. Так и не был сформулирован ответ на вопрос, как бывшие республики СССР адаптируют практики построения наций-государств, что видят в качестве изменяющихся национальных интересов, и, самое важное, как вплетать эти национальные интересы (имеющие разнонаправленные векторы и противоречия) в общую модель европейской безопасности (в широком смысле этого понятия).

Украинский кризис и проведение Россией СВО подводят к формированию третьего тезиса: каковы перспективы и эволюция этого процесса? Вопрос, ответить на который сегодня определенно не может никто. Все решается на фронтах.

Тем не менее можно констатировать, что значительная часть сторон, способных оказывать влияние на процесс, не заинтересованы в затяжном конфликте [Гусев 2023]. Однако каким бы ни был процесс завершения конфликта, система будет стремиться к поиску относительно долгосрочного баланса в рамках новых контуров.

В связи с этим, наиболее вероятными видятся два сценария:

Эксклюзивный баланс с сохранением изоляции России в определенной степени повторяющий паттерны холодной войны, что отчасти можно назвать относительно стабильным состоянием с понятными и обозначенными правилами и моделями взаимодействия. В данном случае задачей исследователей будет ответить на вопрос о причинах этого и предложить пути выхода. Очевидно, что ответ будет носить сложный и многофакторный характер.

Инклюзивный баланс с формированием общих институтов, которые включали бы в себя Россию и страны Восточной Европы (Украина, Молдова, Белоруссия). Каков формат этой включенности, где будут проходить границы – в настоящее время определить весьма сложно. Уровень противоречий настолько высок, что любой предполагаемый сценарий переговоров кажется в нынешних условиях труднодостижимым. Тем не менее исторический опыт показывает, что даже конфронтационная устойчивость постепенно стремится к снятию напряжений и переходу к неконфронтационной модели, поэтому существует определенный, хотя и слабый, повод для оптимизма.

Выступление профессора Екатеринбургского университета д.и.н. В.И. Михайленко было посвящено очень важной теме, а именно «Факторы, влияющие на динамику отношений Россия – ЕС. Ценности и государственные интересы». Докладчик отметил, что отношения между ЕС и Россией в полной мере испытывают влияние таких глобальных и региональных факторов, как пандемия, СВО России в Украине, соперничество Китая и США. Под влиянием этих факторов решение таких глобальных проблем, как восстановление прерванных производственных цепочек и поставок, введение санкций и ограничительных мер приобретает избирательный характер с учетом противоборства ценностей и национальных интересов. Количество санкций, которые наложили на Россию ЕС и западные союзники, превысило 13 тыс. – больше, чем ввели против Ирана, Кубы и Северной Кореи, вместе взятых.

Европейские ценности определяют модель европейского общества (европейского образа жизни). Защита и продвижение демократических ценностей является приоритетной задачей, однако руководство ЕС считает, что санкции следует применять, когда Китай и Россия нарушают фактические красные

линии в своей внешней политике, а не в своей внутренней политике. В свое более широкое геополитическое и геоэкономическое мышление и политику ЕС вводит снижение рисков. При осуществлении производственной делокализации и диверсификации ЕС использует принцип «friendshoring».

Что касается России, то эволюция ценностей и государственных интересов заняла длительное время. В нынешнем виде государство и общество формировались с 1993 по 2020 г. (Принятие обновленной Конституции РФ в 2020 г.). Сегодня имеет место совпадение пропагандируемых ценностей, массового поведения и государственных интересов.

На смену советским теориям классового противоборства и концепции «пришли геополитические конструкты, которые рассматривают современность как непримиримое противоборство культур и цивилизаций (Указ Президента РФ об «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»). Концепты «Евразийская цивилизация», «Русский мир», «Новороссия» – это современные идеи. Имперско-территориальное мышление имеет религиозную матрицу и занимает центральное место в русском православии, во всей византийско-христианской политической культуре. Империя воспринимается как бастион против Антихриста. Можно говорить о том, что массовое общество (так называемый «глубинный народ» по Суркову) и современные правящие элиты совпали в мировидении.

Таким образом, одним из оснований для конфликта по линии ЕС – Украина – Россия является цивилизационный и ценностный разлом. В связи с этим при любых условиях развития противоборства между ЕС и Россией не следует ждать восстановления прежних отношений. Политика friendshoring устанавливается на долгие годы. Альтернативой смягчения отношений является достижение гибкой «комплексной взаимозависимости», по образцу отношений между США и Китаем. Но для этого обе стороны должны располагать заинтересованными ресурсами и осуществлять прагматическую политику.

Доклад д.ю.н. главного научного сотрудника ИНИОН РАН В.Н. Чернеги был посвящен теме «Франко-германского тандема в меняющейся системе координат европейской безопасности».

Докладчик отметил, что на протяжении десятилетий так называемый тандем Франции и ФРГ играл определяющую роль в процессе европейской интеграции, в том числе в оборонной сфере, где, благодаря их скоординированной позиции, были созданы некоторые предпосылки для формирования «европейской автономной обороны»: упомянуты такие цели, как учреждение в ЕС политики в области безопасности и обороны в 1989 г., формирование Еврокорпуса в 1992 г., Военного комитета в 2001 г., Европейского агентства по вопросам обороны в 2004 г., Фонда европейской обороны в 2016 г., запуск положения Лиссабонского договора о Постоянном структурированном

сотрудничестве в области безопасности и обороны (PESCO) в 2017 г., образование Европейской инициативы вмешательства и Европейского разведывательного колледжа в 2018 г., Европейского фонда поддержания мира (European Peace Facility) в 2021 г. Стоит упомянуть также наделение Фонда европейской обороны в 2021 г. бюджетом в 7,9 млрд евро на 2022–2027 гг. [Манойло 2020; Сидоров 2023]. Конечно, перед лицом НАТО и из-за НАТО речь шла об очень скромных шажках в направлении «европейской автономной обороны», но, нужно это подчеркнуть, даже они вряд ли были бы сделаны без франко-германского тандема. Особо следует отметить, что наполнение ряда из отмеченных инициатив реальным содержанием произошло или ускорилось после того как президентом Франции был избран в 2017 г. убежденный «европеист» Э. Макрон, мечтающий о «державе Европе», как и мировом «центре силы», которого, после некоторых колебаний, поддержала канцлер А. Меркель.

Докладчик подчеркнул, что хотя тандем не является официальным термином, это не просто фигура речи, он имеет правовые и организационные рамки, к примеру, совместный Совет по вопросам обороны и безопасности, в который входят руководители государств, министры иностранных дел и обороны, начальник генштаба ВС Франции и генеральный инспектор бундесвера, совместный Совет министров с участием президента, премьер-министра, с французской стороны, канцлера с германской стороны, а также профильных министров. Они обычно собираются один-два раза в год для координации, как двустороннего сотрудничества, так и политики внутри ЕС. Среди политических и правовых актов, принятых с той же целью, нужно выделить Мезебергскую декларацию 2018 г. и, конечно Ахенский договор 2019 г., который обе стороны сочли «развитием» известного Елисейского договора 1963, подписанного Ш. де Голлем и К. Аденауэром [Трунов 2021].

Ярким примером координации действий тандема явилась франко-германская инициатива по созданию «Нормандского формата» с целью урегулирования украинского кризиса. Сегодня эта инициатива критикуется во многом справедливо, но стоит вспомнить, что Франция и Германия взяли на себя роль посредников, несмотря на отсутствие единства в ЕС по данному вопросу.

Однако в 2022 г., после прихода к власти в Германии О. Шольца, в отношениях между Парижем и Берлином наметилось очевидное охлаждение. Поводами явились сначала конкретизация канцлером объявленной им в августе инициативы по созданию европейской ПВО «Скайшилд», поддержанной 13 государствами – членами ЕС и Норвегией и фактически оставляющей «на обочине» сходный франко-итальянский проект затем его визит в ноябре 2022 г. в Пекин, не скоординированный с Парижем. Французские СМИ и политики заговорили о смене, по вине Берлина, «стратегической парадигмы» в двусторонних отношениях, ставящей под вопрос функционирование тандема.

Есть ли основания для подобных опасений? Большинство французских специалистов считают, что нынешние разногласия являются лишь надводной частью айсберга. Под ней скрываются глубинные противоречия, которые существовали давно и сейчас начинают выходить на поверхность. Докладчик упомянул лишь некоторые из них. Во-первых, Франция, страна с неугасшим «державным комплексом», обладающая ядерным арсеналом, статусом постоянного члена ООН, заморскими департаментами и территориями в Атлантическом и Индо-Тихоокеанском регионах, а также традиционным влиянием в Африке с момента создании тандема, при президенте В. Жискар д. Эстене (1974–1981) и канцлере Г. Шмидте (1974–1982), претендовала на политическое лидерство в нем, хотя уступала ФРГ по экономической мощи. Франция всегда рассматривала ЕС как мультипликатор своих экономических и международных возможностей. Лидирующая же роль в тандеме позволяла ей одновременно использовать вес последнего для усиления своего влияния на процесс европейской интеграции в национальных интересах и повышать свой вес вне ЕС. Неслучайно во французском политическом обиходе тандем часто называли интимным словом «пара».

ФРГ долгое время, казалось бы, более или менее принимала такое положение вещей. Но по мере того, как ее экономическое превосходство становилось все более ощутимым, особенно после объединения Германии, она была все менее склонна мириться с ним. Стоит привести несколько данных. ВВП Германии сегодня почти на треть больше ВВП Франции, ее доля в мировом производстве товаров и услуг составляет 7,6%, Франции – 3,5%. Доля Германии во внутренней торговле ЕС – 22%, доля Франции – 9%. Для Франции Германия является первым по значению торговым партнером и первым инвестором, для Германии Франция – четвертый торговый партнер и пятый инвестор. Франция импортирует из Германии почти в 2 раза больше, чем экспортирует на ее рынки (в 2021 г. соответствующие показатели составляли 62 млрд евро и 102 млрд евро). Германия давно является экономическим локомотивом ЕС.

Именно поэтому германские элиты считали все менее приемлемой ситуацию, когда инициативы в области европейской интеграции в основном выдвигала Франция, а оплачивать должна была главным образом Германия. В вопросе «европейской автономной обороны» к этому добавлялись опасения более проатлантически настроенных немцев, того что идти на поводу у Франции с ее державными устремлениями, иногда вступающими в противоречие с интересами США, было чревато подрывом «трансатлантической солидарности» и единства НАТО. Конечно, как уже было сказано, А. Меркель поддержала Э. Макрона в ряде его инициатив, направленных на продвижение более глубокой интеграции, в том числе в оборонной сфере. Но это было в правление в США Д. Трампа, который, как известно, не только положил

конец переговорам по трансатлантическому торговому и инвестиционному партнерству (ТТИП), которое продвигала А. Меркель, и грозил торговой войной Германии, но также остро критиковал НАТО и ЕС. С приходом к власти Дж. Байдена поддержка Германии проектов Э. Макрона снизилась.

С течением времени стали все более заметными расхождения во внешнеполитических приоритетах двух стран. Франция, все более испытывающая недостаток финансово-экономических возможностей для проведения державной политики, в частности на важнейших для нее средиземноморском и африканском направлениях, стремилась и стремится мобилизовать для этого ресурсы ЕС, что требовало поддержки Германии. Однако последняя без энтузиазма относилась к соответствующим французским проектам, ее приоритетом был восток Европы, затем вступление в ЕС восточноевропейских государств позволило ей, как заявил в 2018 г. тогдашний посол ФРГ в России Р. Фон Фрич, стать «центром силы в центре Европы» особенно после вступления в ЕС восточноевропейских государств.

В целом Германия сама постепенно осваивает «державную политику», хотя пока старается делать это осторожно. Она оказала, например, определенную поддержку Франции как по линии ЕС, так и в двустороннем плане в борьбе с джихадистами в бывших французских колониях в зоне Сахеля в Африке. Однако, соответствующая помощь, как считают сегодня в Париже, оказалась недостаточной и Франции приходится сворачивать не только военное, но и политическое присутствие в этих странах. Напротив, Германия обрела там определенные позиции и продолжает свое проникновение в регион [Трунов 2020с].

Обострение украинского кризиса объективно содействовало продвижению Германии к «державной политике», которое, по определению, входит во все большее противоречие с распределением ролей в тандеме, к которому всегда стремилась Франция. Уже упоминавшиеся шаги Германии по созданию европейской ПВО или «соло» О. Шольца в Пекине вписываются в данную тенденцию. Выделение германской властью в 2022 г. 100 млрд евро на довооружение и перевооружение бундесвера, объявленные ею планы увеличить военные расход страны сверх 2% ВВП, требуемых НАТО, обозначили перспективу появления у нее самой мощной конвенциональной армии в ЕС. Обеспокоенность Франции по этому поводу, как представляется, сыграла свою роль в том, что Э. Макрон продвигает сейчас через парламент повышение оборонного бюджета своей страны в 2024–2030 гг. на 41%. Стоит отметить, что во Франции еще до украинских событий ряд экспертов выражали тревогу по поводу возможного, как они считают, проведения Германией более националистической политики, маргинализирующей Францию и подрывающей перспективу «державы Европы».

По мнению докладчика, эти страхи преувеличены. В прошлом году канцлер О. Шольц поддержал Э. Макрона, в очередной раз призвавшего ЕС

продвигаться к «стратегической самостоятельности», подразумевающей в частности, автономию в военной сфере. Перевооружение Германии, общее увеличение военных бюджетов государств – членов ЕС, рост европейской военной промышленности, которое поддерживает Брюссель, объективно ведет к созданию материальной базы для нее. Недавние высказывания Ж. Борреля о необходимости принятия решений в инстанциях ЕС по вопросам внешней политики большинством голосов, к чему также призывал Э. Макрон, свидетельствуют, что в объединении есть силы, которые стремятся укрепить его дееспособность на международной арене. По логике вещей это требует наличия и собственного военного потенциала.

Другое дело, что Э. Макрон и О. Шольц, судя по всему, по-разному видят «стратегическую самостоятельность Европы». Для Э. Макрона она означает способность ЕС противостоять, в случае необходимости, Соединенным Штатам, что подтвердили его недавние заявления после визита в Пекин в апреле 2023 г. о том, что ЕС не должен во всем следовать за Вашингтоном. Притязания О. Шольца, как представителя Германии, пока так далеко не простираются, его удовлетворила бы ситуация, когда США больше прислушивались бы к голосу европейцев. В этом расхождении отражаются и различия в общественном мнении, согласно которым поддержка в ФРГ союзнических отношений с США выше, чем во Франции.

Стоит указать также, что Э. Макрон настороженно относится к дальнейшему расширению ЕС, особенно за счет Украины, видимо, полагая, что это укрепит проамериканскую группу восточноевропейских стран объединения во главе с Польшей. Отсюда его идея Европейского политического сообщества, создающего видимость «приобщения к Европе» без членства в ЕС. В то же время О. Шольц не видит проблемы в расширении, похоже проамериканская позиция Киева не вызывает у него большой обеспокоенности.

В заключение докладчик подчеркнул, что франко-германский тандем, действительно, сталкивается с серьезными проблемами. Однако в сотрудничестве и взаимодействии, как по линии ЕС, так и в двустороннем плане он остается слишком сильным, чтобы эти проблемы могли его разрушить. Вместе с тем тандем переживает определенное переформатирование, связанное с утверждением ведущей роли Германии. Тандем и дальше будет влиять на процесс европейской интеграции, но все больше по германским лекалам. Это болезненная перемена для французов, которая может сказаться на результатах президентских выборов 2027 г.

Выступления основных докладчиков вызвали дискуссию, смысл которой сводился к необходимости исследования причин нынешнего кризиса, а также роли отдельных международных игроков, таких как Китай, Индия, Иран, Великобритания, отдельных стран – участников евроатлантических институтов, роли международных институтов (ООН, ОБСЕ, ШОС).

С дополнительными докладами выступили сотрудники ИНИОН РАН: вед.н. сотрудник к.п.н. Ф.О. Трунов и научный сотрудник А.Ф. Дырина.

Ф. Трунов в своем выступлении сделал акцент на проблеме «Стратегической автономии ЕС и европеизации деятельности НАТО (подход ФРГ)». Было отмечено, что в исследуемом контексте важным является вопрос о соотношении функционалов двух евроатлантических институтов – НАТО и ЕС – в сфере безопасности и обороны. После четверти века (с момента постановки Петерсбергских задач 1992 г.) достаточно медленного развития стратегический потенциал Европейского союза стал весьма динамично развиваться с конца 2010-х годов. Наиболее иллюстративно создание PESCO (Постоянного структурированного сотрудничества, ПОС; 2017 г.), «ветвление» его проектных комитетов (четыре волны в 2017–2021 гг., пятая – в мае 2023 г.), нашло разноаспектное освещение в работах российских исследователей [Никитин 2020, с. 60–68; Никуличев 2020]. Декларативно наибольшую активность проявляла Франция; так, именно президент Э. Макрон выступил с инициативой создания «европейской армии» [Чернега 2020], наиболее активно из государств – членов ЕС участвуя в работе PESCO [Сидоров 2020]. Пятая республика в развитии «интервенционистской инициативы» сыграла ключевую роль в запуске в начале 2020 г. первой миссии ЕС с боевой компонентой *Takuba* в Мали (2020–2022) [Сидоров 2022]. Достаточно распространенной в конце 2010-х годов стала гипотеза о том, что Европейский союз сможет забрать на себя часть потенциала Североатлантического альянса [Арзаманова 2020], что означало фактическую трансформацию формулы «Берлин +» (2002). Вместе с тем даже в случае Франции содействие наращиванию потенциала ЕС (прежде всего, функционального, технико-технологического) сочеталась с внесением растущего вклада (в основном войскового, т.е. личным составом и техникой) по линии НАТО. Этот дуализм наблюдался в случае практически всех государств-членов обоих евроатлантических институтов, в том числе такого «тяжеловеса», как Германия – в ее активности на различных направлениях как внутри зоны ответственности Североатлантического альянса [Трунов 2020a, Трунов 2020b], так и вовне нее [Трунов 2019].

По мере развития конфронтации с РФ росли военные ресурсы НАТО, т.е. войска, непосредственно находящиеся в подчинении Альянса в настоящий момент или резервируемые для использования под его эгидой. Тем самым Североатлантический союз «завязывал» свои усилия на силы общего назначения (СОН), т.е. «тяжелые» войска, густо насыщенные танками, бронетехникой, артиллерией, предназначенные к использованию крупными массами и применяемые либо на территории самого государства. Либо в относительной близости (сотни км) от границ его и соседей. Численно СОН представляли собой преобладающую часть национальных вооруженных сил, имея в своем составе (в зависимости от размеров ВС конкретного государства в целом)

тысячи, десятки и сотни тыс. военнослужащих. ЕС стремился закрепить за собой основную составляющую сил кризисного реагирования (СКР) – войск высокомобильных (в частности, имеющих вертолеты, катера, автомашины, в том числе легкобронированные), предназначенных к использованию на существенном отдалении (многие тысячи км) от территории государства. Эти немногочисленные (сотни, тысячи военнослужащих) войска предназначались для использования в зонах нестабильности. Собственно, СКР должны были составить основу «европейской армии» – относительно небольших войск, должных продемонстрировать появление у ЕС полноценной военно-стратегической глобальной субъектности. Если СКР представляли собой войсковое наполнение «европейской армии», то большая часть проектных комитетов PESCO (как проектных, так и технико-технологических) – соответствующее разноплановое обеспечение её деятельности. На это косвенно указывала направленность проектных комитетов ПСС, в которых ведущую роль играли Германия, Франция и Нидерланды [Сидоров 2020, Трунов 2020a, Трунов 2020b].

Вместе с тем на пути реализации такого разделения вставал ряд серьезных препятствий. Во-первых, на практике ЕС не смог пока продемонстрировать своих возможностей как всеобъемлющего провайдера безопасности в зонах нестабильности – прежде всего, это продемонстрировала обстановка в Мали и в целом Сахаро-Сахельском регионе, ставшем центром приложения соответствующих усилий ЕС в последнее десятилетие [Сидоров 2022, Трунов 2019]. Во-вторых, даже с учетом экстренной эвакуации сил НАТО из Афганистана (2021) [см.: Новикова 2022] и отсутствия у Альянса просматриваемого подобного направления для реализации потенциала в области урегулирования вооруженных конфликтов, едва ли НАТО будет согласна передать ключевую ответственность на этом очень важном функциональном треке в пользу ЕС. Наконец, в-третьих, сам Европейский союз отнюдь не готов передавать Североатлантическому альянсу всю полноту ответственности за выстраивание конфронтаций с незападными державами, особенно с РФ. Это показала линия официального Брюсселя в пользу разноаспектной военной поддержки официального Киева на фоне СВО России начатой 24 февраля 2020 г., тем самым в имиджевом плане был нанесен серьезный урон имиджу Европейского союза как потенциального миротворца на глобальном уровне. Притом события 2022–2023 гг. продемонстрировали в военно-политической сфере возможности ЕС по выстраиванию несоизмеримо меньше, чем у НАТО.

Дырина А.Ф. посвятила свое выступление Бухарестской девятке. Бухарестская девятка представляет собой объединение девяти стран: Болгарии, Венгрии, Латвии, Литвы, Польши, Румынии, Словакии, Чехии и Эстонии. Задачей данного интеграционного объединения является повышение интенсивности регионального политического и военного сотрудничества в рамках НАТО и укрепление возможностей союзной обороны и сдерживания в региональном

пространстве «от Балтики до Черного моря». Объединение носит антироссийский характер – Россия обозначена в качестве основной угрозы безопасности на восточноевропейском направлении.

Выступающая проанализировала итоги саммита Бухарестской девятки, состоявшейся в феврале 2023 г. в Варшаве. Американский президент обозначил, что Альянс будет продолжать оказывать военную помощь Украине. Семь стран Бухарестской девятки, за исключением Болгарии и Венгрии, выступали «за» военную помощь Украине. Президент Литвы призвал США к большему участию и увеличению количества поставляемого оружия. Польская сторона озвучила, что ждет усиления присутствия Альянса в разнообразных формах. Президент Румынии занял жесткую позицию по вопросу необходимости сдерживания России. Польшу и Румынию объединяет ярко выраженная антироссийская позиция и стремление к активному взаимодействию с США.

Противоположные позиции выразили две страны Бухарестской девятки: Болгария и Венгрия. Президент Венгрии выступила за урегулирование украинского конфликта мирным путем, прекращение огня и поставок вооружений и возвращение к мирным переговорам. Болгария еще в 2022 г. отказывалась подписывать итоговую декларацию, выступая против ускоренного вступления Украины в НАТО, подчеркивая необходимость выработки параметров мирного урегулирования конфликта между Москвой и Киевом.

Таким образом, можно отметить, что единого мнения в вопросе урегулирования российско-украинского конфликта в Бухарестской девятке нет.

Всеми выступающими отмечалось, что нынешний кризис далек от своего разрешения, вопросы безопасности будут оставаться ключевыми для Европейского континента на ближайшие годы, поэтому задача академического сообщества состоит в том, чтобы объективно анализировать те тенденции, которые возникли и развиваются в Евро-Атлантическом регионе и которые будут определять его развитие на ближайшие десятилетия.

Нынешний кризис – самый острый и глубокий в истории после окончания Второй мировой войны, причем имеющий не только европейское, но и глобальное измерение, что привело к политическому переформированию европейского политического пространства, отдельных стран и институтов. Поэтому вторая сессия конференции и была посвящена проблематике политического переформатирования европейского политического ландшафта, о чем и говорили докладчики, каждый из которых выбрал свой ракурс анализа.

Так, профессор Ярославского университета д.и.н. Г.Н. Канальская посвятила свой доклад проблематике «Политической экологии в европейском измерении».

Было подчеркнуто, что политическая экология в лице ее носителей – экологических партий, или «зеленых», считавшихся когда-то радикальными аутсайдерами, довольно успешно нашла свое место в политическом мейн-

стриме, особенно в Европе, став константой мировой политики. «Зеленые» во всем мире превратились из защитников окружающей среды в политические партии с широко социальной базой, способные побеждать на выборах и занимать самые высокие посты в правительствах. Консолидация экологистов на базе общей программы оформилась в рамках Европейской зеленой партии (УЗП), созданной в 2004 г., на сегодняшний день в ЕЗП входят партии экологистов из всех 27 государств Евросоюза.

Приоритетным направлением стратегии ЕЗП в Европейском союзе (ЕС) в целом и в национальных государствах провозглашается борьба за гражданские и социальные права.

Выборы в Европейский парламент (ЕП) в мае 2019 г. ознаменовались «подъемом зеленой волны», так как в девятой легислатуре Европарламента «зеленые» впервые за 40 лет с момента первых выборов получили 10 % депутатских мест? 71 из 751 вместо 52 в период легислатуры 2014–2019 гг. – и стали четвертой по численности фракцией.

В Европарламенте экологисты объединены в единую фракцию вместе с регионалистской партией «Европейский свободный альянс» (ЕСА), сформированную в 2014 г. под названием «Группа Зеленых / Европейский свободный альянс» («Зеленые / ЕСА). Из 27 государств – членов ЕС в Европарламенте экологисты избраны от 16 стран.

Среди причин, поднявших «зеленую волну» в 2019 г., во-первых, стало превращение проблемы изменения климата в одну из ключевых в современном мире. Второй причиной стало ослабление позиций правящих, или системных, партий в ряде стран Западной Европы, а также социал-демократов во второй по численности фракции в ЕП. К 2022 г., когда основные партии продолжали терять популярность, а изменение климата вызывало беспокойство избирателей, партии зеленых были в национальных правительствах Австрии, Бельгии, Финляндии, Германии, Ирландии и Люксембурга. Как отмечали некоторые эксперты, череда потрясений, в том числе финансовый кризис 2008 г., волна громких террористических атак и волна миграции с Ближнего Востока и Северной Африки в 2015 г. подстегнули переход избирателей из центристских партий в альтернативы слева и справа.

На этой «зеленой волне» волне 11 декабря 2019 г. ЕС принял программу «Европейский зеленый курс» (ЕЗК), открывающую по сути новую парадигму хозяйственно-политического развития 27 стран Евросоюза. Коронакризис, начавшийся в марте 2020 г., негативно повлиял на дальнейшую разработку механизмов, инструментов и масштабов проведения намеченных «зеленым курсом» мероприятий, замедлив их продвижение, но не остановив инициатив со стороны институтов.

Что касается непосредственно партий «Зеленых», то отметим, что существует проблема их самоидентификации. Большинство зеленых считают себя

экономическими левыми, но их ориентация на децентрализацию и местные решения отделяет их от многих традиционных социалистических партий. Некоторые аналитики утверждают, что политическая экология, смещаясь к центру, имеет уникальные возможности для того, чтобы отвлечь недовольных избирателей от крайне правых. В массе мобилизационных экологических социальных движений по типу «эколого-распределительных конфликтов», направленных на осуждение «экологического неравенства», проявляется связь с другими факторами дискриминации: полом, расой, социальным классом, территорией, религией, языком и т.д. Если обратиться к такой стратагеме экологистов как «низовая демократия», то на этом политическом поле у них возникают серьезные конкуренты в лице молодежных движений за климат и социальную справедливость, защиту окружающей среды и биоразнообразие. Таким образом, наряду с традиционной политической экологией формируется новый тип движения, представленный не только молодыми людьми, но и олицетворяющий собой новый тип мобилизационного социального движения. Смогут ли зеленые партии привлечь их в свои ряды – вопрос.

Тем не менее в условиях, когда растущее большинство людей рассматривают изменение климата как «серьезную угрозу», экологисты, развивая свой политический дискурс, могут быть готовы к дальнейшему росту своего влияния.

Н.Ю. Лапина д.п.н. главный научный сотрудник ИНИОН и известный российский исследователь внутриполитической проблематики современной Франции представила анализ особенностей политического пейзажа Французской республики начала второго президентского срока Э. Макрона.

Докладчик отметила, что за последние годы произошли системные изменения в политической жизни Франции. По результатам избирательных циклов 2017 и 2022 гг. в стране сложилась трехполюсная конфигурация политического пространства. В центре находится президент Э. Макрон и его партия «Возрождение», слева и справа популистские партии – «Непокоренная Франция» (НФ) Ж.-Л. Меланшона и «Национальное объединение» (НО) М. Ле Пен.

В 2022 г. Э. Макрон был повторно избран президентом Французской Республики. Однако главными победителями стали популистские партии. Меланшону удалось на основе своей партии создать электоральное объединение «Новый народный экологический и социальный союз». В ходе парламентских выборов «Национальному объединению» удалось в 10 раз увеличить свое представительство в нижней палате – Национальном собрании.

Политические сдвиги и прежде всего крушение системных партий, находившихся у власти в течение 40 лет, стали результатом серьезных изменений в социальной структуре французского общества и фрагментации среднего класса [Лапина 2021]. Не менее важным фактором политических изменений стала деполитизация французского общества, которая приобрела специфические

формы: французы все реже участвуют в выборах, все меньше доверяют институтам политического представительства и политикам, делая ставку на институты прямой демократии (проведение референдумов). В политической науке это противоречие получило наименование «демократического разлома» [Рубин 2021].

В течение 2023 г. во Франции резко обострились отношения между обществом и властью, политический процесс приобрел конфликтогенный характер. Повторно избранный президент ослаблен, поскольку третьего президентского срока у него не будет. По результатам парламентских выборов у президентской партии отсутствует абсолютное большинство в парламенте. А главное, политика главы государства вызывает все более серьезное неприятие обществом. Особенно отчетливо это проявилось в связи с обсуждением пенсионной реформы, увеличивающей возраст выхода на пенсию с 62 до 64 лет. С января во Франции проходят массовые выступления против реформы. Для принятия закона премьер-министр задействовала статью 49.3 Конституции, позволяющую принимать закон без голосования в парламенте. С этого момента социальный протест превратился в политический. Массовые выступления приобретали все более радикальный характер, сопровождались погромами, поджогами, угрозами в адрес политиков. В современной Франции насилие банализировано [Чернега 2023], часть французов допускают его использование ради достижения поставленных целей.

Во многих странах Европы популисты пришли к власти. В сентябре 2022 г. в Италии победила коалиция правых партий, а лидер правопопулистской партии «Братья Италии» возглавила правительство. Никто из французских экспертов не сомневается, что М. Ле Пен будет участвовать в президентских выборах 2027 г., некоторые полагают, что у нее есть все шансы победить.

С.А. Романенко д.и.н. завсектором Восточной Европы ИНИОНа и известный исследователь-балканист посвятил свой доклад проблемам политического переформатирования постъюгославского пространства. Послевоенный (с 1995 по 2023 г.) период развития этого пространства он разделяет на четыре периода. Первый – 1995–1999 гг. – это этап первичного примирения в результате Эрдутского и Дейтонско-Парижского соглашений ноября-декабря 1995 г., положивших конец войне, соответственно в Хорватии и в Боснии и Герцеговине, а также завершения кризиса в Косове, операции НАТО, резолюции СБ ООН № 1244 и Саммита в Сараеве.

Второй этап – годы стабилизации 2000–2008 гг., начавшийся со смены власти в Хорватии и Сербии, к которому добавились кризис в Косове, бомбардировки СРЮ силами НАТО, провозглашение независимости этой территории и прекращение существования СРЮ. Вместе с тем и в Сербии, и в Хорватии пришедшие к власти в 2000 г. партии не смогли решить многие внутренние проблемы. И все же третий период 2008–2014 гг. докладчик

считает возможным характеризовать как период нормализации межгосударственных и межэкономических отношений, преодоления последствий конфликтов 1990-х годов и выстраивания мирной архитектуры и системы безопасности в регионе, при сохранении межгосударственных границ (Косово – единственное исключение). Характерной чертой этих лет стала активизация усилий, направленных на вовлечение государств Западных Балкан в европейские и евроатлантические структуры (ЕС и НАТО). Хорватия и Албания вступили в НАТО в 2009 г., Хорватия – в ЕС в 2013 г.

Наконец, длящийся и ныне, период начался в 2014 г. В Сербии и Хорватии партии либерально-демократического спектра в силу разных причин постепенно утратили свое господствующее положение. И к власти вновь пришли национально-консервативные силы. В Хорватии этот сдвиг проявился в меньшей степени и в ней по-прежнему сохраняется политическая система с реальным соперничеством национально-консервативных и либерально-демократических сил. Это выразилось в существующем ныне соперничестве премьер-министра и президента. В Сербии же постепенно произошло восстановление национально-радикального по политической направленности и персоналистского по сути режима, главной проблемой которого является Косово.

В Боснии и Герцеговине, несмотря на то, что в течение почти 30 лет было проведено большое количество выборов на своих уровнях, они не стали механизмом преодоления межнациональных противоречий и выработки гражданского консенсуса. Прошедшие в Черногории в 2023 г. президентские и парламентские выборы зафиксировали окончание многолетнего периода персоналистского и однопартийного по сути правления, что впрочем не помешало этой стране вступить в НАТО в 2017 г.

Ныне ситуацию на постъюгославском пространстве, на Западных Балканах – составной части Юго-Восточной Европы – определяют несколько конфликтных ситуаций, сведенных к продолжающимся в различных формах процессам национального самоопределения: проблема частичного признания Косова и нормализации отношений между Белградом и Приштиной, что открыло бы перед обеими сторонами значительные международные перспективы, межнациональные и межгосударственные отношения между Сербией и Черногорией; внутриполитические процессы в БиГ, связанные с постепенным устареванием системы, созданной Дейтонскими соглашениями, а также с перспективами присоединения БиГ к ЕС и НАТО; до конца до сих пор не нормализованные отношения между Сербией и Хорватией.

Решение каждой из этих проблем связано с возможностями присоединения всех вышеназванных государств к европейским и евроатлантическим структурам [Пархалина, Романенко 2022]. Этому может способствовать возрождение Открытых Балкан – Албания, Сербия, Северная Македония (член

НАТО с 2020 г.) с возможным присоединением Боснии и Герцеговины, Черногории, а также Косова [Романенко 2021].

Доклад с.н.с. ИНИОНа, к.и.н. А.А. Белинского был посвящен проблематике правого популизма, который стал важным фактором политического развития европейских стран с середины 2010-х годов и особенно в ходе миграционного кризиса 2015 г., а затем последствий коронавируса в 2020–2022 гг. Докладчик обозначил свое выступление, как «Правый марш продолжается. Подъем популистских партий в 2020–2022 гг.». Было подчеркнуто, что период 2015–2017 гг. был отмечен невиданным подъемом правопопулистских и националистических сил в ЕС. Успехи новых правых во Франции, Германии, Австрии, Венгрии и Польше были обусловлены целым рядом причин социально-экономического (безработица, размывание среднего класса), так и политического (кризис либеральной демократии), и даже культурного (страх перед потерей национальной идентичности) характера.

Однако в конечном счете популистская война была погашена усилиями демократических партий.

В соседней с Польшей Германии правопопулистская «АдГ», находящаяся в «блестящей изоляции», хотя и не смогла превзойти свой успех 2017 г., но в то же время сохранила внушительную фракцию в бундестаге.

Гораздо более драматично развивались события во Франции, чья политическая система уже на протяжении многих лет пребывает в состоянии тяжелого кризиса. Пришедший к власти в 2017 г. Э. Макрон обещал стране примирение и решение наболевших проблем, однако его политика неолиберальных реформ лишь еще больше усилила пропасть между богатыми и бедными, процветающими крупными городами и страдающей от последствий глобализации провинцией. Поэтому нет ничего удивительного в том, что период с 2017 по 2022 г. был отмечен усилением популистов, как крайне левого, так и крайне правого толка [Лапина 2021а]. Особенностью президентских выборов 2022 г. стало появление на крайнем правом фланге публициста Э. Земмура со своим движением «Реконкиста». Однако в конечном счете основная борьба за Елисейский дворец развернулась между действующим президентом Э. Макроном и лидером «Национального объединения» М. Ле Пен. Как и пятью годами ранее, оба главных претендента не сумели получить большинство голосов в первом туре, а во втором – так называемый «республиканский фронт» – объединение всех сил вокруг кандидата от центральных сил – обеспечил Макрону победу.

Хотя парламентские выборы в Австрии состоятся только в 2024 г., однако многое указывает на то, что праворадикальные популисты могут побороться за первое место на выборах. Несмотря на ряд громких коррупционных скандалов, окончившихся отставкой руководства партии [Белинский 2018]. «Австрийская партия “Австрийская партия свободы” не только сумела вернуть утраченные

позиции, но и обойти своих конкурентов. Этому во многом способствовали не только раздоры в лагере правящей коалиции и социал-демократов, но и то, что отстаиваемые австрийскими правыми идеи по-прежнему пользуются популярностью у части населения [Белинский 2023]. Если АПС пока только надеется на успех на предстоящих парламентских выборах, венгерский премьер-министр и лидер консервативной партии «Фидес» В. Орбан уже отпраздновал уверенную победу весной 2022 г. Несмотря на сплочение всех оппозиционных сил вокруг фигуры мэра небольшого городка Петера Марки-Заи, это совершенно не помешало «Фидес» одержать уверенную победу на выборах.

Триумфом праворадикальных популистов стали и выборы в Италии, где лидер достаточно молодой партии «Братья Италии» Дж. Мелони, оттеснив своих конкурентов в правом лагере, сумела одержать победу и стать премьер-министром.

Таким образом, электоральный цикл 2020–2023 гг. убедительно показал, что правый популизм стал частью европейского политического ландшафта, а это, в свою очередь требует от крупных политических партий и гражданского общества новой стратегии в отношении новых правых.

Ведущий научный сотрудник ИНИОН, к.и.н. Биткова Т.Г. посвятила свое выступление теме политических течений в Румынии и Венгрии.

Докладчик отметила, что к середине 1990-х годов в Румынии и Венгрии наметился почти весь спектр европейских политических течений: консерваторы, либералы, левоцентристы, левые коммунисты (в Венгрии), ультраправые и умеренные националисты. Однако вес и соотношение их в политической структуре стран различен.

К осени 1989 г. в Венгрии мирным путем уже были согласованы и юридически оформлены все основные параметры перехода к парламентской демократии. В октябре 1989 г. Венгерская социалистическая рабочая партия, сменив название на Венгерскую социалистическую партию, изменила и свои идеологические основы, по сути, на социал-демократические и либеральные.

В Венгрии, в отличие от Румынии, к середине 1990-х почти сложился альянс национально-консервативных сил, где с годами стала преобладать Партия Фидес – Венгерский гражданский союз. Фидес (в коалиции с младшим партнером – Христианско-демократической народной партией) с 2010 г. занимает доминирующее место в политической структуре общества. Образ партии, как и образ ее лидера – премьера Виктора Орбана, стали синонимами социально ориентированного консерватизма, популизма и одновременно авторитаризма, а во внешней политике – «белой вороны» Евросоюза.

Румыния шла к европейским ценностям через кровавую революцию, кровь продолжала литься и в 1990-е годы, но одновременно формировались политические партии. Самопровозглашенный в декабре 1989 г. Фронт нацио-

нального спасения, постепенно трансформируясь, превратился в респектабельную Социал-демократическую партию.

Ее праволиберальные и консервативные оппоненты, в том числе из возрожденных «исторических» партий, долго не могли найти общий язык, чтобы противостоять новоявленным социал-демократам, которых они подозревали в скрытых коммунистических симпатиях.

Только в 2014 г. можно говорить о достаточно устоявшейся Национал-либеральной партии как основном оппоненте социал-демократии. Однако социал-демократы, даже находясь в оппозиции, остаются самой сплоченной, организованной и влиятельной политической силой.

В отличие от Венгрии в Румынии нет зарегистрированной левой партии, которая считала бы себя наследницей румынской компартии: слишком велика степень отторжения от прошлого, которое к тому же ассоциируется со всемогущей спецслужбой Секуритате.

В обеих странах сразу после смены режима отчетливо заявили о себе националисты, в том числе крайне радикальные. Как у румынских, так и венгерских радикалов отмечается много общих, но одновременно противоположных по смыслу лозунгов. И те, и другие желают вернуть свои страны к границам 1918 г., вступая между собой в непреодолимый конфликт.

Румыния, в отличие от Венгрии, имеет полупрезидентскую форму правления, где роль президента велика, но срок пребывания у власти ограничен, а правительство формируется по результатам парламентских выборов. При сложившейся в Румынии политической системе совершенно невозможен авторитаризм, как это произошло в Венгрии, где действует парламентская форма правления.

Все участники дискуссии в данной сессии обращали внимание на то, что на протяжении последних трех-четырех лет (пандемия COVID-19, а затем российско-украинский конфликт, горячая фаза которого проходит в центре Европы) происходят события, которые в значительной мере повлияли на переформатирование политического ландшафта различных европейских государств. При этом они отмечали, что предпосылки данного переформатирования складывались с середины второго десятилетия XXI в., а именно со времени обострения отношений между Россией и Западом после 2014 г., затем Ближневосточного кризиса (Сирия), следствием которого был миграционный кризис 2015–2017 гг.

Экономика – одна из тех сфер, которая неизбежно страдает от любого конфликта, вне зависимости от причин его возникновения. Поэтому третья сессия конференции была посвящена проблематике экономического измерения кризиса. Участники постарались ответить на вопросы: политика основных игроков в условиях санкционной войны, каковы изменения финансовой

стратегии в условиях воздействия трансформирующих факторов, каковы социально-экономические последствия конфликта.

Доклад директора ИНИОН РАН, д.э.н А.В. Кузнецова назывался «Ослабление экономических позиций ЕС: объективная реальность или результат политических процессов». В своем выступлении докладчик на основе статистических данных сделал вывод об ослаблении экономических позиций Евросоюза за последние несколько лет и, подвергнув критическому анализу политику ЕС в отношении России, пришел к заключению, согласно которому ослабление экономических позиций этого интеграционного комплекса связано не столько с объективными реалиями, сколько с серией серьезных просчетов. Вместе с тем докладчик отметил, что ЕС все еще обладает достаточным потенциалом, чтобы оставаться одним из серьезных игроков в мировой политике и экономике.

Доклад ведущего эксперта Фонда «Центр политических технологий» к.э.н. Н.И. Масленникова был представлен с названием «Глобальная экономика: структурные изменения». Докладчик подчеркнул, что повышенная скорость структурных трансформаций в настоящее время является характерным признаком изменений перемен как в глобальном хозяйстве в целом, так и в национальных составляющих, в частности. Причем речь идет не столько о решениях, влияющих на политику каждого «из игроков» большого «рах economica» и перераспределение удельных весов стран в глобальном «макропироге», но и об изменениях в условиях ведения бизнеса, потребительского и стратегического поведения населения, содержания практик правительств и центральных банков, а также институциональных дизайнов международных торговых, инвестиционных и технологических обществ. Снижается управление глобальными рисками.

Докладчик отметил, что новая экономическая реальность складывалась под воздействием пандемии COVID-19, а затем под воздействием геополитической напряженности в связи с конфликтом в Украине и беспрецедентными антироссийскими санкциями. Что касается геоэкономического прогнозирования, то оно предполагает учет фактора геоэкономической фрагментации, которая возрастает.

Торговая война США и Китая, Брекзит, пандемия коронавируса, конфликт в Украине привели к тому, что многозначительная тенденция к сокращению торговых барьеров в мире поменяла направление. При этом тенденция к протекционистским мерам подпитывается промышленной политикой в США, ЕС, Китае, перестройкой логистических центров, изменениями условий банковского кредитования, платежей и расчетов для компаний, которые не вписываются в этот тренд.

Усиливается тенденция глобальной экономической дезинтеграции, когда главный удар принимает на себя международная торговля. Делаются прогнозы

о ежегодных потерях глобального ВВП в 0,3%, что примерно равно годовому производству Норвегии. Выдвигается гипотеза, согласно которой все страны будут вынуждены выбирать либо евроатлантический экономический блок, либо китаецентричный (с участием России) при отсутствии межблоковской торговли (в этом варианте глобальные потери могут составить 2,3% мирового ВВП).

Важно иметь в виду, что ожидаемый геоэкономический фронт разворачивается в контексте уже идущей структурной трансформации глобальной экономики, проявляющейся в замедлении мирового роста.

Характерной приметой 2023 г. являются выраженные различия «скоростных режимов» ведущих экономик мира. Замедление сосредоточено в основном в странах с развитой экономикой. 9% из них отметят 2023 г. со снижением темпов роста с 2,7% (в 2022 оно составило 1,3%). Основной вклад в глобальную макродинамику внесут крупные развивающиеся экономики (темпы роста Китая ожидаются в 5,4%, Индии – в 6%, Индонезии – в 4,7%).

Докладчик отметил, что торможение глобальной макродинамики уже сказалось разворотом тренда к снижению мирового неравенства. Не просматривается и рост общей факторной производительности фонда, где возникло новое «узкое место» – в 2022 г. впервые за десятилетие инвестиции, связанные с искусственным интеллектом, сократились на 27% в годовом выражении. Усиливается недостижимость рынков труда в мире.

В заключение Н.И. Масленников отметил, что ожидаемые структурные трансформации в глобальном хозяйстве вполне можно охарактеризовать как «транзит в неопределенность». Он выразил надежду, что новый облик экономического мира сохранит свою целостность, ибо всем его участникам есть что терять. Осознание этого – ключ к преодолению текущего кризиса в геополитике и международной безопасности.

Известный российский экономист профессор, д.э.н. Гонтмахер Е.Ш. посвятил свое выступление проблематике существования российской экономики в условиях санкций.

Докладчик отметил, что после введения беспрецедентных по масштабу санкций против России многие эксперты прогнозировали обвал российской экономики. Так, в частности, ожидалось по итогам 2022 г. падение ВВП не менее 5%. Однако этого не произошло: российский ВВП снизился, согласно данным Росстата, всего на 2,1%.

Не произошло и социальной катастрофы, основными признаками которой является: гиперинфляция, дефицит товаров в магазинах и банковская паника (массовое снятие вкладчиков денег со своих счетов). Так, инфляция по итогам 2022 г. составила 12%, что немало, но недостаточно для возникновения гиперинфляции, что подтверждается снижением темпа роста цен в первые

месяцы 2023 г. Объем средств, хранящихся на банковских счетах, практически не изменился, дефицита товаров в магазинах не наблюдалось.

Такой результат санкционной политики в отношении России связан с несколькими объективными обстоятельствами:

1) наиболее чувствительные для российской экономики санкции, касающиеся ограничения на экспорт нефти, газа, угля, древесины, а также стали вводились в действие постепенно и начали сказываться на доходах бюджета только в первом квартале 2023 г.;

2) Россия достаточно активно использовала каналы так называемого «параллельного импорта» для завоза в страну необходимых товаров, в том числе двойного назначения;

3) за счет значительных финансовых резервов, накопленных в предыдущие годы, были произведены дополнительные выплаты семьям с детьми, пенсионерам и другим социально уязвимым группам;

4) население России в своей массе весьма адаптивно к постепенному снижению его реальных доходов, которое происходит уже практически десять лет. Необходимо учитывать, что за 2000–2008 гг. реальные доходы населения, благодаря быстрому росту цен на российский сырьевой экспорт, увеличилась в 2,3 раза, а их накопленное падение за 2014–2022 гг. составляет в среднем 15%. Сопоставление этих цифр во многом объясняет социальную устойчивость российского общества.

Однако перспективы развития социально-экономической ситуации в 2023 г. не столь оптимистичны. Дело в том, что в этом году санкционное давление резко усилилось, во-первых, из-за вступления в действие в полном объеме ограничительных мер в отношении России и, во-вторых, принятия очередных санкционных пакетов.

Но главные риски заключаются в том, что начинают сказываться технологические последствия разрыва экономических связей с наиболее развитыми странами: остро не хватает комплектующих, которые не производятся на территории России и ввоз их по каналам «параллельного импорта» становится все более затрудненным и дорогостоящим. Докладчик высказал предположение, что в среднесрочной перспективе, если нынешние тренды не изменятся, то произойдет качественное технологическое отставание целых отраслей, которые, тем самым, не смогут производить конкурентоспособную даже для азиатских рынков продукцию. Стратегия импортозамещения, учитывая ограниченную технологическую, инновационную и человеческую базу страны, не сможет остановить этот процесс. Тем самым российская экономика рискует потерять статус среднеразвитой, что неизбежно скажется на уровне жизни большинства населения.

Именно поэтому сейчас назрела необходимость разработки и реализации стратегии возвращения России в глобальные цепочки производства прибав-

ленной стоимости, что невозможно без глубокого осмысления будущего страны в миросистеме XXI в.

Ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН д.э.н. М.В. Клинова сосредоточилась на теме энергетической безопасности. Она назвала свой доклад «Энергетическая безопасность как общественное благо».

М.В. Клинова отметила трансформацию условий функционирования общественных благ на фоне мегавызовов в виде изменения климата, геополитических потрясений. Обеспечение общественными благами или создание условий для их предоставления всегда было прерогативой государства, а в нынешних условиях его роль возрастает повсеместно, даже в самых либеральных экономиках.

Положения теории общественных благ методологически связаны с теорией государственного предпринимательства. При этом общественные блага могут предоставлять не только государственные, но и частные предприятия при контроле со стороны государства за соблюдением интересов общества.

Энергобезопасность как общественное благо обычно увязывалась с ископаемым топливом – надежностью поставок углеводородов по стабильным или предсказуемым ценам для стран-потребителей; и с устойчивым платежеспособным спросом – для стран-экспортеров. Сегодня это понятие трансформируется в условиях роста значимости защиты окружающей среды, что также требует внимания и вмешательства со стороны государства на различных уровнях – местном, национальном, глобальном и подразумевает развитие межгосударственного сотрудничества.

В энергетике политика развитых стран, прежде всего ЕС, направлена на переход к низкоуглеродной экономике, что связано не только с заботой о состоянии окружающей среды, но и со стремлением устранить зависимость от одного экспортера ископаемого топлива путем использования ВИЭ из местных ресурсов (солнечная и ветровая энергия). Обеспечение энергобезопасности в ЕС видится в развитии собственных источников энергии.

ЕС планирует отказаться от импорта энергоносителей из России, по крайне мере угля и нефти (предусмотрено 6-м пакетом санкций ЕС, не без труда принятым в июне 2022 г.). Фактически в изменившейся геополитической ситуации под предлогом будущей энергобезопасности подрывается энергобезопасность текущая, если под этим подразумевать стабильность и надежность поставок – в классическом варианте трактовки этого понятия. Такой курс требует радикальных институциональных, технологических, социально-экономических изменений, невозможных без участия государства и межгосударственного сотрудничества.

Государства создают институциональные предпосылки для реализации стратегических целей. Наряду с инвестициями в производство и развитие технологий ВИЭ, они могут покупать чистую энергию для своих объектов

или поощрять вывод потребителей, формируя представление о ВИЭ как об общественном благе. Энергобезопасность добавляется к основному мотиву обращения к ВИЭ – экологичности, т.е. к экологическому фактору энергобезопасности добавляется геополитический.

К 2030 г. Еврокомиссия поставила цель производить из ВИЭ 65% электроэнергии. Как часть энергобезопасности в условиях заявленного в ЕС энергетического перехода, зеленого курса, выделяется новый вид общественных благ – *экологически чистая* энергия, которая не наносит или минимизирует ущерб здоровью и окружающей среде. Нужны крупные начальные вложения с длительным сроком окупаемости. Госрасходы на чистую энергию в Европе превосходят затраты на нее остальных регионов мира более чем в 2,5 раза.

Несмотря на либерализацию и приватизацию, традиционными стратегическими авторами в энергетике и на энергорынках остаются госпредприятия, в том числе в партнерстве с частным капиталом на различных уровнях – от местного до трансграничного. Развивается ГЧП в сфере ВИЭ, например, EdF во Франции, ENI и ENEL в Италии, промышленное партнерство по биометану BIP. Инвестиции только в инфраструктуру производства биометана оценены в 80 млрд евро, но нужны инвестиционные гранты, которых пока нет. Европейские аналитики отмечают отсутствие стратегического видения, а именно – как внедрять в производство биогаз, синтетический газ, биометан. Чтобы реализовать потенциал возобновляемых газов в европейском энергобалансе, надо устранить нормативные и экономические барьеры.

М.В. Клинова уделила внимание мегапакету из пяти документов, принятому в апреле 2023 г. Европарламентом в рамках «Европейского зеленого курса». В числе решений – расширение Европейской системы торговли выбросами, создание Климатического социального фонда для поддержки домохозяйств, микропредприятий, пользователей транспортом. На 75% фонд будет финансироваться от продаж на углеродном рынке «прав на загрязнение» (углеродный рынок в Европе включает 11 тыс. загрязняющих объектов), на 25% – из взносов государств-членов.

В докладе выделено трансграничное углеродное регулирование – налог, названный завуалированно «корректирующим механизмом». Он призван побудить третьи страны соблюдать экологические стандарты для доступа на рынок ЕС. Импортеры железа, стали, алюминия, цемента и др. должны будут оплатить разницу между ценой производства за рубежом и в ЕС. В итоге реализуется французская идея 30-летней давности – ни одна европейская компания не сможет извлечь выгоду от перемещения производства.

ЕС продвигает инвестиции в экологически чистые цепочки создания стоимости при поддержке государства. Продолжится реализация Стратегического плана по производству литиевых аккумуляторных батарей для электромобилей.

Задача государства – смягчить противоречие между императивами экологической политики и энергобезопасности во имя будущих поколений и необходимостью поддерживать уровень жизни ныне живущих. Тем не менее в кратко- и среднесрочной перспективе сокращение импорта энергоносителей из России пока наносит ущерб потребителям, провоцируя рост цен и риск стагфляции.

* * *

Подводя итоги дискуссии, многие участники конференции отмечали, что несмотря на крайнюю сложность геополитической ситуации, Европа остается предметом исследования для представителей академических кругов России.

Необходимо анализировать основные тенденции развития континента в политической, военной, экономической, социальной, энергетической, экономической, гуманитарной и других сферах. Залогом успеха является объективный анализ процессов в отдельных европейских странах, в международных и наднациональных институтах.

Ответственность исследователей обусловлена объективным характером анализа происходящих в Европе процессов, альтернативой являются просчеты в прогнозировании реальных тенденций развития.

Библиография

Арзаманова Т.В. Европейская оборона: Пазл со многими неизвестными // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 4. С. 21–52.

Белинский А.В. «Восстание против элит»: всплеск праворадикального популизма в Западной Европе // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 2. С. 14–36.

Белинский А.В. Тень Будапешта на Бальхаузпласц: Австрия между либеральной демократией и «орбанизацией» // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 1. С. 113–145.

Встреча НАТО в верхах 2022 года // Организация североатлантического договора: офиц. сайт, рус. версия. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_196144.htm (дата обращения: 18.07.2023).

Гусев А. Доклад RAND Corporation: американская политика и траектория российско-украинского конфликта // Международная жизнь: офиц. сайт журнала. 03.03.2023. URL: https://interaffairs.ru/news/show/39243 (дата обращения: 18.07.2023).

Лапина Н.Ю. Общество утраченных иллюзий // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 3. С. 85–112.

Лапина Н.Ю. Франция в эпоху глобальных трансформаций // Актуальные проблемы Европы. 2021а. № 3. С. 7–27.

Манойло А.В. Современные подходы Европейского союза к созданию собственных вооруженных сил // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 4. С. 75–94.

Никитин А.И. Тенденции военно-политического развития и военно-технического сотрудничества стран Евросоюза // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 4. С. 53–74.

Никуличев Ю.В. Постоянное структурированное сотрудничество в динамике и перспективе: «Остановка в пути?» // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 4. С. 95–113.

Новикова О.Н. Четвертая афганская война Великобритании // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 4. С. 213–233.

Пархалина Т.Г., Романенко С.А. (2022) Международные отношения в Восточной Европе: проблемы, методы, контуры исследования и перспективы развития // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 2 (114). С. 7–24.

Романенко С.А. Балканы / Юго-Восточная Европа : регион-загадка и регион загадок // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 2. С. 22–58.

Рубин Л. Неопределенность французской политической жизни: Сдвиг вправо и кризис представительной демократии // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 3. С. 188–211.

Сидоров А.С. (2023). Военно-политическое измерение европейской интеграции (от де Голля до наших дней). М.: ИНИОН РАН, 2023. 296 с.

Сидоров А.С. «Европейская оборона» через призму французских интересов и возможностей // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 4. С. 137–169.

Сидоров А.С. Военно-политический баланс возможностей Франции в Сахеле: этапы и механизмы выхода с ТВД // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4. С. 79–108.

Трунов Ф.О. Германо-французские отношения в политико-военной области на современном этапе // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 3. С. 288–312.

Трунов Ф.О. Основные векторы сотрудничества Германии с Нидерландами и Францией по вопросам совместного укрепления военных потенциалов // Актуальные проблемы Европы. 2020a. № 4. С. 203–224.

Трунов Ф.О. Сотрудничество ФРГ с партнерами по ЕС и НАТО в сфере обороны: Северо- и Центральноевропейское измерения // Актуальные проблемы Европы. 2020b. № 4. С. 170–202.

Трунов Ф.О. Участие ФРГ в стабилизации конфликтогенных государств Азии и Африки // Актуальные проблемы Европы. 2019. № 4. С. 187–209.

Трунов Ф.О. (2020c). Особенности участия Германии в урегулировании вооруженного конфликта в Мали //Актуальные проблемы Европы. 2020c. № 2. С. 195–223.

Чернега В.Н. Подходы к созданию «европейской обороны» во Франции // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 4. С. 114–136.

Чернега В.Н. Проблема насилия в протестных движениях // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 3. С. 173–193.

Saxer M. The Coming world order // International Politics and Society: [electronic journal]. 14.04.2022. URL: https://www.ips-journal.eu/topics/economy-and-ecology/the-return-of-geo-economics-5874/ (дата обращения: 08.07.2023).

Reference

Arzamanova T.V. Evropejskaja oborona: Pazi so mnogimi neizvestnymi [European Defence: a puzzle with many unknowns]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2020. N 4. P. 21–52. (In Russ.)

Belinskii A.V. «Vosstanie protiv elit»: vsplesk pravoradikal'nogo populizma v Zapadnoi Evrope [«Rebellion against the elites»: the surge of right-wing populism in Western Europe]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2018. N 2. P. 14–36. (In Russ.)

Belinskii A.V. Ten' Budapeshta na Bal'hauzplac: Avstriya mezhdu liberal'noj demokratiej I «orbanizaciej» [Shadow of Budapest on the Balhausplatz: Austria between liberal democracy and «organization»]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2023. N 1. P. 113–145. (In Russ.)

Chernega V.N. Podhody k sozdaniju «evropejskoj oborony» vo Francii [Various approaches to building of «European Defence» in France]. Aktual'nye Evropy [Current problems of Europe]. 2020. N 4. P. 114–136. (In Russ.)

Chernega V.N. The problem of violence in protest movements [The problem of violence in protest movements]. Aktual'nye problemy Evropy [Current prublems of Europe]. 2023. N 3. P. 173–193. (In Russ.)

Gusev A. Doklad RAND Sorporation: amerikanskaia politika i traektoriia rossiisko-ukrainskogo konflikta [RAND Corporation report: American policy and the trajectory of the Russian-Ukrainian conflict]. Mezhdunarodnaia zhizn' [The international affairs]: ofic. sait of journal. 03.03.2023. URL: https://interaffairs.ru/news/show/39243 (date of access: 18.07.2023). (In Russ.)

Lapina N.Yu. Franciya v epochu global'nyh transformacij [France in the era of global transformations]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2021. N 3. P. 7–27. (In Russ.)

Lapina N.Yu. Obshchestvo utachenny h illluzj [Society of lost illusions]. Aktual'nye problem Evropy [Current problems of Europe]. 2021. N 3. P. 85–112. (In Russ.)

Manoilo A.V. Sovremennie podhodi Evropeiskogo Soyuza k sozdaniyu svoih sobstvennih vooruzhennih sil [Modern approaches to of the European UNION to creating own armed its forces]. Aktual'nye problem Evropy [Current problems of Europe]. 2020. N 4. P.75–94. (In Russ.)

Nikitin A.I. Tendencii voenno-politicheskogo razvitija I voenno-tehnicheskogo sotrudnichestva stran Evrosojuza [Trends of military-political development in Europe and of military-technical cooperation between the EU member states]. Aktual'nye problemy Evrope [Current problems of Europe]. 2020, N 4. P. 53–74. (In Russ.)

Nikulichev Y.V. (2020). Postojannoe strukturirovannoe sotrudnichestvo v dinamike i perspective: «Ostanovka v puti»? [Permanent Structured Cooperation (The PESVO Program) in its current performance and outlook: A «break on the journey?»]. Akrual'nye problem Evropy [Current problems of Europe]. 2020. N 4. P. 95–113. (In Russ.)

Novikova O.N. (2022). Chetvertaja afganskaja vojna Velikobritanii [Britan's Fourth Afggan war]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2022. N 4. P. 213–233. (In Russ.)

Parkhalina T.G., Romanenko S.A. Mezhdunarodnye otnosheniya v Vostochnoj Evrope: problemy, metody, kontury issledovaniya i perspektivy razvitiya [International relations in Eastern Europe: problems, approaches, research limits and perspectives]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2022. N 2. P. 7–24. (In Russ.)

Romanenko S.A. Balkany / Yugo-Vostochnaya Evropa : region-zagadka i region zagadok [The Balkans / South-Eastern Europe : the region of mystery and mysteries of the region]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2021. N 2. P. 22–58. (In Russ.)

Rubin L. Neopredelennost' frantsuzskoi politicheskoi zhizni: Sdvig vpravo i krizis predstavitel'noi demokratii [The Uncertainty of French Political Life: Shift to the Right and the Crisis of Representative Democracy]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2021. N 3. P. 188–211. (In Russ.)

Saxer M. The Coming world order // International Politics and Society: [electronic journal]. 14.04.2022. URL: https://www.ips-journal.eu/topics/economy-and-ecology/the-return-of-geo-economics-5874/ (date of access: 08.07.2023).

Sidorov A.S. Voenno-politicheskoe izmerenie evropeiskoi integratsii (ot de Gollia do nashikh dnei) [Military-political dimension of European integration (from de Gaulle to the present day)]. Moscow: INION RAN, 2023. 296 p. (In Russ.)

Sidorov A.S. «Evropejskaja oborona» cherez prismu francuzskih interesov i vozmozhnostej [European Defence throuch the prism of Erance's interests and capabilities]. Akrual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2020. N 4. P. 137–169. (In Russ.)

Sidorov A.S. Voenno-politicheskj balans vozmozhnostj Francii v Sahele: jetapy i mehanizmy vyhoda s NVD (The military-political balance of France's capfbilities in the Sahel: stages and mechanisms of exit from the theater of operations] Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2022. N 4. P. 79–108. (In Russ.)

Trunov Ph.O. Germano-frantsuzskie otnosheniya v politico-voennoi oblasti na sovremennom etape [Contremporary German-French relations in political-military sphere]. Aktual'nye problem Evropy [Current problems of Europe]. 2021. N 3. P. 288–312. (In Russ.)

Trunov Ph.O. Osnovnye vektory sotrudnichestva Germanii s Niderlandami i Frantsiei po voprosam sovmestnogo ukrepleniia voennykh potentsialov [The main vectors of Germany's cooperation with the Netherlands and France on the joint strengthening of military potentials]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2020a. N 4. P. 203–224. (In Russ.)

Trunov Ph.O. Osobennosti uchastiya Germanii v uregulirovanii vooruzhennogo conflikta v Mali [Some features of German participation in the armed confict management in Mali]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2020c. N 2. P. 195–223. (In Russ.)

Trunov Ph.O. Sotrudnichestvo FRG s partnerami po ES I NATO v sfere oborony: Severo- i central'noevropejskoe izmerenija [German cooperation with the RU and NATO member states in defence strengthening: Northern and Central Europe domensions]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2020b. N 4. P. 170–202. (In Russ.)

Trunov Ph.O. Uchastie FRG v Stabilization of conflict-generating states in Asia and Africa. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2019. N 4. P. 187–209. (In Russ.)

Vstrecha NATO v verhah 2022 goda [2022 NATO Summit]. Organizacija severoatlanticheskogo dogovora [North Atlantic Treaty Organization]: official site, Russian version. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_196144.htm (date of access: 18.07.2023). (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2023.04.15

С.А. Мезин

«ИСТОРИК, ИЗБРАВШИЙ ПУТЬ ГАЛИЛЕЯ»: РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОСЛЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЛАДИМИРА ВЛАДИМИРОВИЧА ПУГАЧЕВА

Аннотация. *22–23 мая 2023 г. в Саратове прошла Всероссийская научная конференция «Историк, избравший путь Галилея», посвященная 100-летию со дня рождения профессора В.В. Пугачева. Её организатором выступила кафедра истории России и археологии Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (СГУ). В конференции приняли участие историки, филологи, социологи, архивисты, представители вузов и научных учреждений Саратова, Москвы, Тюмени, Сургута, Балашова. Неординарная личность В.В. Пугачева и его научное наследие стали отправной точкой многих докладов. Пугачев был большим знатоком проблем истории русской общественной мысли и освободительного движения от Новикова и Радищева до Чернышевского. Декабристы, Пушкин, Николай I были его главными героями. В своей книге «Историки, избравшие путь Галилея» автор представил творческие портреты учителей и коллег – ученых-гуманитариев, пострадавших от репрессий и идеологических кампаний советского времени, но не изменивших свои взгляды. Актуальная во все времена проблема отношений власти и личности во всех её аспектах обусловила выступления многих участников конференции. Биография и труды Пугачева, научный быт и эпистолярное наследие университетских ученых, отечественная и зарубежная историография русского освободительного движения, исторические сюжеты в художественной литературе – эти темы были в центре внимания докладчиков и вызывали живой отклик аудитории. Качества, которыми обладал Пугачев: внутренняя свобода, оригинальный взгляд на прошлое через призму современности, литературная эрудиция – и сегодня важны для университетских исследователей и привлекательны для студентов.*

Ключевые слова*: освободительное движение; общественная мысль; историография; В.В. Пугачев; Ю.Г. Оксман; Саратовский университет им. Н.Г. Чернышевского.*

Мезин Сергей Алексеевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России и археологии Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.
Россия, Саратов.
E-mail: mezinsa@mail.ru

Mezin S.A. «The historian who chose the path of Galileo»: reflections after the All-Russian academic conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of Vladimir Vladimirovich Pugachev

Abstract. *On May 22–23, 2023, the All-Russian scientific conference «The Historian Who Chose the Path of Galileo» was held in Saratov, dedicated to the 100th anniversary of the birth of Professor V.V. Pugachev. It was organized by the Department of Russian History and Archeology of the Institute of History and International Relations of Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky (SGU). The conference was attended by historians, philologists, sociologists, archivists, representatives of universities and academic institutions from Saratov, Moscow, Tyumen, Surgut, and Balashov. The extraordinary personality of V.V. Pugachev and his scientific heritage became the starting point of many reports. Pugachev was a great expert on the problems of the history of Russian social thought and the liberation movement from Novikov and Radishchev to Chernyshevsky. The Decembrists, Pushkin, Nicholas I were its main characters. In his book «Historians Who Chose the Path of Galileo», the author presented creative portraits of teachers and fellow humanities scholars who suffered from repression and ideological campaigns of the Soviet era, but did not change their views. The ever relevant problem of relations between power and personality in all its aspects determined the speeches of many conference participants. The biography and works of Pugachev, scientific life and the epistolary heritage of university scientists, domestic and foreign historiography of the Russian liberation movement, historical plots in fiction – such topics were the focus of the speaker's attention and evoked a lively response from the audience. The qualities that Pugachev possessed – an inner freedom, an original look at the past through the prism of modernity, literary erudition – are still important today for university researchers and attractive to students.*

Keyword: *liberation movement; social thought; historiography; V.V. Pugachev; Yu.G. Oksman; Saratov University named after N.G. Chernyshevsky.*

Mezin Sergey Alekseevich – Doctor of Historical Sciences, Professor,
Head of the Department of History of Russia and Archeology
of the Saratov State University name after N.G. Chernyshevsky.
Russia, Saratov.
E-mail: mezinsa@mail.ru

Конференция, посвященная памяти известного российского историка, состоялась 22–23 мая 2023 г. в Институте истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. Неординарная личность ученого и его научное наследие легли в основу многих исследований и докладов, представленных гуманитариями из вузов и научных учреждений Саратова, Москвы, Тюмени, Сургута, Балашова.

Владимир Владимирович Пугачев (22.06.1923–23.10.1998) – известный декабристовед и пушкинист, историк войны 1812 г. и общественной мысли. Выпускник историко-филологического факультета Саратовского университета, он считал своими главными учителями ленинградских ученых: филолога Г.А. Гуковского, историков В.В. Мавродина и А.В. Предтеченского (два первых в годы Великой отечественной войны находились в Саратове). Впоследствии большое влияние на молодого исследователя оказал выдающийся пушкинист Ю.Г. Оксман, отбывавший ссылку в Саратове. Пугачеву приходилось работать в Саратовском юридическом институте, в Молотовском (Пермском) и Горьковском университетах, в Саратовском экономическом институте. Почти два десятилетия Владимир Владимирович работал на кафедре истории СССР Саратовского университета, а в 1970–1975 гг. заведовал этой кафедрой.

Название конференции, по сути, повторяет заглавие одной из книг Владимира Владимировича: «Историки, избравшие путь Галилея» [Пугачев, Динес 1995]. Название представляется вполне актуальным, ибо трудно найти в истории нашей страны период, когда власть не стремилась бы ограничить творческую свободу гуманитариев, указывая, с какой «точки зрения… русская история должна быть рассматриваема и писана» [Русское общество 30-х годов XIX в. 1989, с. 105]. Феномен Пугачева состоит в том, что даже во времена строгого единомыслия Владимир Владимирович сохранял внутреннюю свободу и в жизни, и в творчестве. Очевидно, что «путь Галилея» был нелегким.

Коллеги и ученики, лично знавшие Владимира Владимировича, конечно, помнят его внешний облик. Худощавый, с немного шаркающей походкой, с несмеющимися глазами за очень толстыми стеклами очков, он не выделялся ни одеждой, ни важным видом. Он раскрывался в устном и письменном общении. «Это был человек ни на кого не похожий, живший скорее не историей, а в истории. Секретари Саратовского обкома КПСС были ему так же любопытны, как члены “Союза Благоденствия”, которыми он занимался профессионально», – вспоминает петербургский историк и журналист Л.Я. Лурье [Лурье 2011, с. 45–46]. Лекции его всегда отличались оригинальностью. Они были не повторением и развитием положений учебника, а продолжением авторских исследований и размышлений над историей. Вот отзыв бывшего студента о лекции профессора периода его горьковского расцвета: «Талантливая импровизация… четкость формулировок, большая плотность мысли на единицу речи, разгром официозных авторитетов… нестандартность подхода к теме, широта исторического фона…» [Помазов 2013, с. 24]. А вот свидетельство известной столичной журналистки Эллы Максимовой: в лекции «не было монбланов дат, постного бытописательства. Опуская общеизвестную фактологию – с ней извольте познакомиться до занятий, профессор мог думать при студентах, представлять разные точки зрения на проблему, сталкивать их» [Максимова 1967, с. 2]. Думается, что восприятие лекций Пугачева студентами

зависело от их настроя и подготовленности. До повторения «элементарных» вещей он не опускался, а оригинальность его суждений во многом определялась их отличием от «общепризнанных», официальных. В общем-то все его выступления были в какой-то степени политизированы, но не все это чувствовали.

В.В. Пугачев был большим знатоком проблем истории русской общественной мысли и освободительного движения от Новикова и Радищева до Чернышевского, да и всего периода отечественной истории от Екатерины II до Александра II. Декабристов, Пушкина, Николая I, кажется, можно назвать его главными героями. Актуальная во все времена проблема отношений власти и личности во всех её аспектах была центральной для историка.

В моей библиотеке имеется книга В.В. Пугачева «Пушкин, Радищев и Карамзин» с дарственным автографом. Её первая часть посвящена эволюции общественно-политических взглядов А.Н. Радищева, влиянию на них Французской революции, вторая и третья части – эволюции политического мировоззрения А.С. Пушкина. Прочитав книгу, недоумеваешь: а где же Карамзин? Может быть, поставив в ряд три имени, автор хотел подчеркнуть идею общеевропейского культурного развития? Эта идея, по словам автора, определяет подход к Пушкину, Радищеву и Карамзину академика М.П. Алексеева, памяти которого Пугачев посвятил свою книгу [Пугачев 1992, с. 211]. Владимир Владимирович был склонен к недосказанности и парадоксам.

Несомненно, особое значение для В.В. Пугачева имела его последняя вышедшая при жизни книга «Историки, избравшие путь Галилея». Это – не просто сборник историографических очерков, а дань памяти своим учителям и наиболее уважаемым коллегам. В большинстве своем здесь представлены творческие портреты ученых-гуманитариев, пострадавших от репрессий и идеологических кампаний советского времени, но не изменивших свои взгляды.

Большой и, думается, самый важный для автора очерк посвящен выдающемуся литературоведу, пушкинисту Юлиану Григорьевичу Оксману. Человек, смолоду получивший не только блестящую научную подготовку, но и революционный политический заряд, он пережил Колыму, ссылку, гонения, «но науку не оставил». Гонимый Оксман сопротивлялся режиму, хотел вывести на свет имена людей, доносивших на своих коллег во времена сталинских репрессий, мечтал об издании за границей нового «Колокола». Пугачев, тесно общавшийся с Оксманом со времени саратовской ссылки и до смерти последнего, считал его своим учителем. Не меньшим научным авторитетом для Владимира Владимировича был известный историк литературы Григорий Александрович Гуковский, осужденный за «низкопоклонство перед Западом», арестованный и умерший в тюрьме «Лефортово». Судьба следующего героя книги академика Михаила Павловича Алексеева на фоне предшественников

вполне благополучна. Но он тоже был высоким образцом свободно мыслящего человека, ученого, на равных общавшегося с ведущими литературоведами мира, свободно говорящего на иностранных языках, сторонником идеи европейского культурного единства. Яркими учеными и уникальными специалистами были Н.М. Дружинин, А.В. Предтеченский, С.Н. Валк, Н.Л. Рубинштейн, с которыми Владимир Владимирович поддерживал дружеские контакты и о которых также идет речь в книге. Особое место среди коллег и друзей Пугачева занимал Ю.М. Лотман. Конечно, не все они подобно Галилею подвергались гонениям и до последнего отстаивали правоту своих взглядов. Смею утверждать, что ничего крамольного и даже особенно смелого не было в работах В.В. Мавродина. Но Пугачев его также называл своим учителем и был благодарен ему за то, что Мавродин одобрил и принял к защите в ЛГУ его диссертацию в непростой общественно-политической ситуации 1948 г.

В.В. Пугачев поддерживал личные контакты со многими деятелями правозащитного движения 1960–1970-х годов, пользовался в их среде неизменным уважением. Его ученики склонны представлять Владимира Владимировича деятелем освободительного движения советского периода [Селезнев 2010, с. 150–156]. Сам он, кажется, способствовал формированию собственного образа человека, гонимого властью [см.: Динес В.А., Парсамов В.С., Гаркавенко О.В. 1998, с. 31, 40, 48–50, 60–61, 65]. В свое время в этом усомнился Н.А. Троицкий [Освободительное движение в России 2006, с. 18–19], и получил суровую отповедь от М.С. Капранова – одного из учеников Пугачева по Горьковскому университету, пострадавших за инакомыслие. Но факты остаются фактами: В.В. Пугачев был членом КПСС и членом Горьковского горкома партии; на должность заведующего кафедрой в Саратовском университете его рекомендовал министр высшего образования РСФСР после восторженной статьи о нем в газете «Комсомольская правда» [Максимова 1967, с. 2]. У Владимира Владимировича почти всегда были прекрасные личные отношения с ректорами вузов, в которых он работал, будь то ректор СГУ Р.В. Мерцлин или В.А. Динес – ректор Саратовского экономического института, где Пугачев благополучно завершил свой путь профессора и заведующего кафедрой. Диссиденты привлекали Владимира Владимировича своим стремлением нестандартно мыслить, своими сомнениями и политизированностью. Тем более, что в 1960–1970 гг. они считали себя истинными марксистами и социалистами. Свободно мыслящих людей он стремился привлечь к научной работе. Так, уже вовлеченному в правозащитное движение В.В. Помазову он предлагал «писать о Пестеле» [Помазов 2013, с. 29], а издатель альманаха «Память» А.Б. Рогинский был его заочным аспирантом, работал над биографией декабриста М.Н. Новикова. Главное в том, что В.В. Пугачев всегда был внутренне свободным человеком, замечательным преподавателем, привлекавшим талантливых студентов, оригинальным исследователем, прокладывавшим новые пути в науке.

Коллеги чтят память В.В. Пугачева. В 2003 г. состоялась конференция «Политические модели русской культуры XVIII–XIX вв.», посвященная памяти ученого. Материалы конференции были опубликованы в 21 выпуске сборника «Освободительное движение в России» [Освободительное движение в России 2006]. В 2013 г. были проведены всероссийские «Пугачевские чтения» [«История в нас, мы в истории» 2014]. Сравнивая программы и сборники конференций, с горечью замечаешь, как сужается круг коллег и учеников, лично знавших и ценивших В.В. Пугачева. С нами уже нет Б.Ф. Егорова, Е.Л. Рудницкой, Н.А. Троицкого, Г.В. Краснова, ушли из жизни глубоко почитавшие профессора деятели правозащитного движения – М.С. Капранов, В.В. Помазов, А.И. Романов, А.Б. Рогинский. Перестал выходить основанный Пугачевым сборник «Освободительное движение в России». Все меньше историков профессионально занимается историей освободительного движения, как революционного, так и либерального. Само понятие «освободительное движение» уходит из научного обихода. Причины такого явления многообразны. До некоторой степени дискредитировали эту тему советские историки-конъюнктурщики, с которыми всегда спорил В.В. Пугачев. Сегодняшние конъюнктурщики изображают революционеров антигероями российской истории, а понятие «либерализм» для некоторых стало ругательным словом. Однако возникают вопросы. Разве идея освобождения от крепостного рабства не была важнейшей в русской общественной мысли XVIII–XIX-х веков? Почему борьба за политическую и личную свободу перестала осознаваться как актуальная проблема российской истории?

Уход от проблем собственно освободительного движения в сторону историографии, литературы и общественной мысли проявился и в программе конференции «Историк, избравший путь Галилея». Вполне естественным представляется внимание ряда докладчиков к творческому наследию В.В. Пугачева. В.С. Парсамов (НИУ ВШЭ, Москва), прошедший школу Пугачева и Лотмана, развил в своем выступлении мысль, что для Владимира Владимировича было свойственно единство научной, гражданской и человеческой позиции, сформировавшееся под влиянием Оксмана. Понимание и осмысление исторических событий для Пугачева было важнее самовыражения в статьях или монографиях, а живое общение с коллегами и студентами, никогда не приносилось в жертву уединенной научной работе. На материале декабристской и пушкинской темы в работах Пугачева Парсамов показал их тесную связь и со старой «донечкинской» традицией декабристоведения (её олицетворял прежде всего Оксман) и с политическим контекстом переживаемой эпохи, а также указал на новаторство историка, который наряду с Ю.М. Лотманом, С.С. Ландой, И.В. Порохом, Н.Я. Эйдельманом отстаивал свободный от идеологических шор и твердо базирующийся на источниках взгляд на декабристское движение.

Особую чуткость В.В. Пугачева-историка к событиям переживаемого времени (от борьбы с кулачеством и борьбы с космополитизмом до диссидентского движения) отметила в своем докладе «Воспоминания В.В. Пугачева: состав, жанровые особенности» профессор-литературовед Л.Е. Герасимова (СГУ). В основу её выступления положены воспоминания Пугачева, записанные вначале на магнитофон, а затем расшифрованные и подготовленные к печати. В настоящее время группа исследователей под руководством Л.Е. Герасимовой готовит книжное издание мемуаров. Сплав истории, переживаемой и изучаемой, характерен для воспоминаний Пугачева, как и для всего его творчества. Нет сомнений, что после публикации воспоминания В.В. Пугачева займут свое место рядом с наиболее интересными и острыми записками историков, передающих «микроклимат подлинной науки», таких как А.А. Зимин, А.А. Формозов, Н.А. Троицкий.

О высоком авторитете В.В. Пугачева среди коллег свидетельствует тот факт, что после его смерти в Саратовском экономическом институте (ныне – Социально-экономический институт СГТУ им. Гагарина Ю.А.), бывшем последним местом его работы, был создан мемориальный кабинет, куда были переданы книги, фотографии и некоторые личные вещи ученого. (Заметим, что в большинстве случаев уникальные библиотеки крупных историков оказываются распыленными и распроданными.) До появления Интернета книги, как и архивные документы, были главным рабочим материалом историка. Состав библиотеки, дарственные надписи, читательские маргиналии могут многое рассказать об ученом, что подтвердил доклад Е.И. Демидовой (СГУ) и Е.А. Ефимовой (СГТУ им. Ю.А. Гагарина). Книги Пугачева говорят о необыкновенной широте его научных интересов, о многообразных творческих связях с отечественными и зарубежными гуманитариями (притом, что Пугачев не выезжал за границу), свидетельствуют о вдумчивой читательской работе, позволяют проникнуть в творческую лабораторию ученого.

Личность Владимира Владимировича, несомненно, была парадоксальной, неординарной, запоминающейся, о чем рассказали собравшимся те, кто в студенческие годы слушал его лекции, в том числе выпускник истфака 1955 г. К.К. Таланов, писавший под его руководством дипломную работу, а также студенты 1970-х годов В.Н. Данилов и С.А. Мезин (ныне – профессора СГУ).

В числе основных тем, которые обсуждались на конференции, был вопрос о научном быте и творчестве университетских ученых советского периода, предполагавший обращение к персоналиям коллег В.В. Пугачева. Известный саратовский историк Н.А. Троицкий сменил Пугачева в должности заведующего кафедрой истории СССР в СГУ. Притом, что некоторые биографы Владимира Владимировича склонны драматизировать его уход из СГУ, между учеными всегда сохранялись ровные приятельские отношения. В докладе Ю.В. Варфоломеева (СГУ) проанализирована небольшая часть

эпистолярного наследия Троицкого: его переписка с известными исследователями революционного движения Н.М. Пирумовой (Москва), Л.П. Рощевской (Тюмень), З.В. Першиной (Одесса). Письма коллег передают теплую атмосферу дружеского общения, что еще раз убеждает в том, что при переходе к электронной почте мы утратили часть эпистолярной культуры. Примечательно, что постоянным предметом переписки были саратовские сборники, основанные по инициативе В.В. Пугачева – «Освободительное движение в России» и «Историографический сборник».

Новые материалы, представленные в докладах М.В. Ковалева (ИВИ РАН, Москва) и В.С Груздинской (Архив РАН, Москва), позволяют значительно расширить картину представлений о международных связях советской науки, в первую очередь исторической. О научных поездках в Варшаву, Берлин и Прагу известного ученого-слависта В.И. Пичеты шла речь в сообщении Груздинской, основанном на материалах Национального архива Республики Беларусь. Как выяснил Ковалев, в 1920-е годы Саратовский университет был интегрирован в европейское научно-образовательное пространство. В частности, П.С. Рыков поддерживал широкие эпистолярные связи с европейскими археологами. Находки Ковалева в архивах Бристоля, Братиславы, Праги, Брно, Софии и других европейских городов позволяют утверждать, что даже в те годы, когда Саратов был закрытым городом, научные контакты и обмен литературой продолжались.

Спор, развернувшийся в конце 1980-х годов вокруг сборника «Освободительное движение в России», ставший предметом доклада Ю.Г. Степанова (Государственный архив Саратовской области), вернул аудиторию к проблемам истории и историографии революционного движения. Тогда на перестроечной волне основная концепция, содержание и даже наименование сборника подвергались критике, главным объектом которой оказались народники, точнее, использованная ими практика индивидуального террора как средства политической борьбы.

Вопросов историографии коснулись в своих выступлениях В.В. Назаров (Балашовский филиал СГУ), обративший внимание на декабристоведческие исследования и публикации В.Я. Богучарского, а также А.С. Майорова (СГУ), посвятившая доклад трудам демократического историка из круга Н.Г. Чернышевского – Д.Л. Мордовцева о разбойниках Саратовского Поволжья второй половины XVIII в. Этот сюжет напоминает о том, что жившие в Саратове Н.И. Костомаров и Д.Л. Мордовцев известны как первые историки народных движений, сочувствующие движению масс. В свою очередь их современники Н.Г. Чернышевский и Д.В. Каракозов создали Саратову славу бунтарского города. В XX в. бунтарский дух саратовцев несколько угас, однако город продолжал быть местом ссылки неугодных власти интеллектуалов и стал заметным центром изучения истории освободительного движения в России. Такие «странные сближения»!

В сфере внимания историков освободительного движения всегда находились и гонители революционеров. В своем докладе О.Ю. Абакумов (Поволжский институт управления – Филиал РАНХиГС, Саратов) отметил, что создание III Отделения было своеобразной реакцией на события 14 декабря 1825 г., желанием всепроникающей патерналистской опекой предотвратить, с одной стороны, злоупотребления местных властей, провоцировавших недовольство, а с другой – ответную протестную реакцию недовольных бюрократическим произволом и бесправием. Однако, как показал докладчик, негативный имидж жандармского ведомства во все периоды его существования способствовал провалу возложенных на него задач.

Пониманию «либерализма» в кружке петрашевцев посвятил свое выступление М.В. Калашников (Саратов).

В.Я. Мауль (Тюменский индустриальный университет) известен как один из немногих современных исследователей, предлагающих собственную концепцию массовых социальных движений. На примере «Чигиринского заговора» 1877 г. он показал, что новейшие концептуальные установки и стилистические изыски не спасают работы большинства западных авторов о российском освободительном движении от серьезных изъянов. Примечательно, что исключение делается для исследования Ф. Вентури, с которым В.В. Пугачева связывала эпистолярная дружба.

Оставаясь верным народнической тематике, О.А. Милевский (Сургутский государственный педагогический университет) привел новые факты о переходе в 1878 г. революционеров-политиков на Юге России к террористической тактике с использованием динамита. Доклад Милевского оказался едва ли не единственным, посвященным фактической стороне революционного движения.

Л.М. Чернова (Государственный историко-художественный и литературный музей заповедник «Абрамцево») в своем сообщении обратилась к анализу общественно-политических взглядов Ф.И. Тютчева. На основе писем поэта (в том числе неопубликованных) автор выявила его отношение к наиболее острым проблемам русской жизни периода Великих реформ: крестьянской реформе, польскому вопросу, деятельности цензуры и др. Чернова полагает, что Тютчев, не будучи историком и публицистом, интуитивно находил верные ответы на политические вызовы современности. Это мнение коррелирует с убежденностью В.В. Пугачева в том, что что гениальные писатели, такие как Пушкин и Толстой, лучше понимали смысл исторических событий, чем профессиональные историки.

Неслучайно на конференции поднимались вопросы об исторических сюжетах в художественной литературе. Т.И. Дронова (СГУ) выступила с докладом «Парадоксы документализма в теоретической рефлексии и художественной практике Ю.Н. Тынянова». Она отметила особое отношение В.В. Пугачева к сочинениям этого писателя, дружившего с Оксманом. Историку был близок

тыняновский метод работы – тщательное изучение документов и смелые гипотезы. Однако в художественной практике писателя не все выглядит так просто. Анализируя событийную сторону романа «Кюхля», Дронова приходит к парадоксальному выводу, что большинство фактов восходит к историческим романам Д.С. Мережковского, основанным на глубоком изучении исторических источников. Как видим, Тынянов использовал произведения своего коллеги в качестве источника исторической информации, но в чем специфика использования произведений художественной литературы в качестве исторического источника? Этот вопрос поставила во главу угла О.В. Кочукова (СГУ) в докладе «Военная проза В.М. Гаршина: художественная правда и историческая реальность». Она обратилась к обозначенной проблеме на примере рассказов Гаршина, посвященных событиям Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и прежде всего заметила, что понятия художественной правды и исторической достоверности близки, но не идентичны. Анализ «военного» цикла рассказов наряду с эпистолярным наследием писателя и мемуарными свидетельствами современников позволяет выдвинуть предположение о существенном вкладе писателя в формирование важной темы в культурном отражении Русско-турецкой войны: темы подвига и трагизма добровольной жертвы, принесенной представителями русского образованного общества от имени русского народа.

Доклады, прозвучавшие на конференции «Историк, избравший путь Галилея», приводят к мысли о том, что долгий период изучения русского освободительного движения, основанный на ленинской концепции, ушел в прошлое. Однако в работах честных профессионалов советского периода (к таковым, несомненно, принадлежал В.В. Пугачев) находятся ценные зерна истины, помогающие современным исследователям достраивать здание исторической науки, в котором найдут свое место русские революционеры, либералы и консерваторы. Изучение этих проблем всегда порождало аллюзии и мысли о российских архетипах. Сегодня все чаще звучит мотив, на новый лад повторяющий старую идею, что земля наша покоится на трех китах – «самодержавие, православие, народность». Уверен, найдутся думающие люди, которые вновь скажут: «И все-таки она вертится!».

Библиография

Динес В.А., Парсамов В.С., Гаркавенко О.В. К 75-летию профессора Владимира Владимировича Пугачева. Саратов: Издательский центр Саратовской государственной экономической академии, 1998. 84 с.

«История в нас, мы в истории»: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Пугачевские чтения», посвященной 90-летию В.В. Пугачева (Саратов, 23–24 октября 2013 года). Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2014. 188 с.

Лурье Л.Я. Честный человек учит честности // Николаю Алексеевичу – к юбилею: Сборник статей / Под ред. С.А. Мезина. Саратов: Изд-во «Наука», 2011. С. 45–46.

Максимова Э.М. Профессор истории // Комсомольская правда. 1967. 15 июня. С. 2.

Освободительное движение в России: Межвуз. сб. научн. тр. / Под ред. Н.А. Троицкого. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2006. Вып. 21. 260 с.

Помазов В.В. На меня направлен сумрак ночи. М.: Гражданская преемственность – право, жизнь, достоинство, 2013. 240 с.

Пугачев В.В. Пушкин, Радищев и Карамзин. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1992. 216 с.

Пугачев В.В., Динес В.А. Историки, избравшие путь Галилея: Статьи, очерки / Под ред. Л.Е. Герасимовой. Саратов: Издательский центр Саратовской государственной экономической академии, 1995. 231 с.

Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи: (Мемуары современников). М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 105. 446 с.

Селезнёв В.М. Кто выбирает свободу. Саратов: Хроника инакомыслия 1920–1980-е годы. Борисоглебск: «Полярная звезда», 2010. 192 с.

References

Dines V.A., Parsamov V.S., Garkavenko O.V. K 75-letiyu professora Vladimira Vladimirovicha Pugacheva. [To the 75th anniversary of Professor Vladimir Vladimirovich Pugachev] Saratov: Izdatel`skij centr Saratovskoj gosudarstvennoj e`konomicheskoj akademii, 1998. 84 p. (In Russ.)

«Istoriya v nas, my` v istorii»: materialy` Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Pugachevskie chteniya», posvyashhennoj 90-letiyu V.V. Pugacheva (Saratov, 23–24 oktyabrya 2013 goda). [«History is in us, we are in history»: materials of the All-Russian scientific and practical conference «Pugachev Readings», dedicated to the 90th anniversary of V.V. Pugacheva (Saratov, October 23–24, 2013).] Saratov: Saratovskij social`no-e`konomicheskij institut (filial) FGBOU VPO «RE`U im. G.V. Plexanova», 2014. 188 p. (In Russ.)

Lur`e L.Ya. Chestny`j chelovek uchit chestnosti [An honest person teaches honesty] In Nikolayu Alekseevichu – k yubileyu: Sbornik statej / Pod red. S.A. Mezina. Saratov: Izd-vo «Nauka», 2011. P. 45–46. (In Russ.)

Maksimova E.M. Professor istorii [History professor] In Komsomol`skaya pravda. 1967. 15 iyunya. P. 2. (In Russ.)

Osvoboditel`noe dvizhenie v Rossii [Liberation movement in Russia]: Mezhvuz. sb. nauchn. tr. / Pod red. N.A. Troiczkogo. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2006. Vy`p. 21. 260 p. (In Russ.)

Pomazov V.V. Na menya napravlen sumrak nochi. [The darkness of the night is directed at me] Moscow: Grazhdanskaya preemstvennost` – pravo, zhizn`, dostoinstvo, 2013. 240 p. (In Russ.)

Pugachev V.V. Pushkin, Radishhev i Karamzin [Pushkin, Radishchev and Karamzin]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1992. 216 p. (In Russ.)

Pugachev V.V., Dines V.A. Istoriki, izbravshie put` Galileya [Historians who have chosen the path of Galileo]: Stat`i, ocherki / Pod red. L.E. Gerasimovoj. Saratov: Izdatel`skij centr Saratovskoj gosudarstvennoj e`konomicheskoj akademii, 1995. 231 p. (In Russ.)

Russkoe obshhestvo 30-x godov XIX v. Lyudi i idei: (Memuary` sovremennikov). [Russian society in the 30s of the XIX century. People and ideas: (Memoirs of contemporaries)] Moscow: Izd-vo MGU, 1989. 446 p. (In Russ.)

Seleznyov V.M. Kto vy`biraet svobodu. Saratov: Xronika inakomy`sliya 1920–1980-e gody` [Who chooses freedom. Saratov: Chronicle of dissent 1920–1980s.]. Borisoglebsk: «Polyarnaya zvezda», 2010. 192 p. (In Russ.)

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ
REVIEWS

DOI: 10.31249/rsm/2023.04.16

В.С. Мирзеханов

ГОРИЗОНТЫ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ РОССИЯН В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

Аннотация. *В рецензии рассматриваются состояние и трансформации исторического сознания россиян в условиях текущих вызовов и геополитического раскола мира, основываясь на результатах междисциплинарного исследования, проведенного коллективом ученых-гуманитариев под руководством академика М.К. Горшкова. Выход в свет коллективной монографии «Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы (опыт социологического измерения)» / Под ред. М.К. Горшкова. М.: Издательство «Весь мир», 2022. 248 с. – большое событие для нашей гуманитарной науки, её авторам удалось показать весь комплекс проблем, связанных с процессами социализации исторической памяти в России. Они проанализировали язык, визуальные образы, национально-государственные символы, советские и несоветские традиции и их восприятие разными поколениями граждан нашей страны. Изучение большого корпуса эмпирических данных, комплексный и многоаспектный подход позволили авторскому коллективу получить логичные и аргументированные выводы, характеризующие нынешнее состояние массового исторического сознания, особенности культуры патриотизма в контексте укрепления российской гражданской идентичности.*

Ключевые слова*: российское общество; гражданская идентичность; историческое сознание; историческая память; символы страны.*

В.С. Мирзеханов – доктор исторических наук,
профессор, главный научный сотрудник
Института научной информации
по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН).
Россия, Москва.
E-mail: lum62@yandex.ru
Researcher ID: J-1238-2018
Scopus Author ID: 57202778122

Mirzekhanov V.S. The Horizons of Historical Consciousness of Russians in the Context of Modern Challenges

Abstract. *This review examines the state and transformations of historical consciousness of Russians in the context of current challenges and geopolitical division of the world, based on the results of an interdisciplinary study conducted by a team of scholars in the field of humanities under the supervision of Academician Mikhail Gorshkov. The collective monograph «Historical Consciousness of Russians: Assessments of the Past, Memory, Symbols (Experience of Sociological Measurement)» / Edited by M.K. Gorshkov. Gorshkov. Moscow: Izdatel'stvo «Ves Mir», 2022. 248 p.) is a significant achievement for Russian academic community. The authors have managed to show the totality of issues related to the processes of socialisation of historical memory in Russia. They analyse the language, visual images, national and state symbols, Soviet and non-Soviet traditions and their perception by different generations of citizens of the country. The study of a large body of empirical data, a comprehensive and multidimensional approach allowed the team of authors to arrive at logical and well-reasoned conclusions that characterise the current state of mass historical consciousness and the peculiarities of the culture of patriotism in the context of strengthening of the Russian civic identity.*

Keywords*: Russian society; civic identity; historical consciousness; historical memory; symbols of the country.*

Velikhan S. Mirzekhanov – Doctor of History, Professor,
Chief Research Fellow of the Institute of Scientific Information
on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN).
Russia, Moscow.
E-mail: lum62@yandex.ru
ResearcherID: J-1238-2018
Scopus Author ID: 57202778122

Ежегодно 9 мая по российским городам движется бескрайняя человеческая река, состоящая из людей, несущих в руках портреты своих предков-героев. Так выглядит общероссийская акция «Бессмертный полк». Этот всеми узнаваемый образ представлен на обложке монографии, подготовленной коллективом сотрудников Института социологии ФНИСЦ РАН под редакцией академика РАН М.К. Горшкова [Историческое сознание россиян 2022]. Образ на обложке неслучаен, поскольку книга – об отношении современного российского общества к истории собственной страны. Несомненно, одним из самых важных событий этой истории является отшумевшая уже 78 лет назад Великая Отечественная война, завершившаяся победой нашего народа. Публикация рассматриваемой монографии пришлась на время новой фазы «боев за историю», её выход в свет был неслучайным, закономерным и весьма своевременным. Эта книга должна была рано или поздно появиться на свет,

чтобы ответить на вопрос о месте нашего прошлого в нашем настоящем. Прошлое всегда определяет настоящее; оно содержит свою правду, скрытую во времени, но её можно вновь обрести, отказавшись от шаблонов и стереотипов.

По своей структуре книга распадается на две легко опознаваемые части. В разделах с первого по четвертый излагаются материалы обширного социологического исследования, проводившегося с 2020 по 2022 г. сотрудниками института (А.Л. Андреев, Р.Э. Бараш, Е.Н. Кофанов, В.В. Петухов, Н.Н. Седова, И.Ю. Тюрина, Ф.Э. Шереги), которые анализировали собранные ими данные, касающиеся оценок российскими гражданами прошлого страны, символы и образный ряд, характеризующие настоящее и прошлое России, место исторической памяти в массовом сознании россиян и ее роль в формировании гражданской идентичности [Историческое сознание россиян 2022, с. 17–171]. Особняком стоит пятый раздел, в котором представлены мнения шести приглашенных экспертов (директор ФСНИЦ РАН М.Ф. Черныш, замруководителя Россотрудничества Д.В. Поликанов, ученые из ФСНИЦ РАН И.В. Задорин и В.И. Мукомель, завкафедрой социологии и психологии политики МГУ Е.Б. Шестопал, завлабораторией социальной и экономической психологии Института психологии РАН Т.А. Нестик) [Историческое сознание россиян 2022, с. 175–241]. В первой части читатель найдет сложно структурированную картину общественного мнения, ранжированного количественными показателями, а во второй – познакомится с мнениями представителей экспертного сообщества, которые в своих суждениях также пытались апеллировать к собственным исследованиям на близкие темы, а порой к собственной памяти и историческим интуициям. И первое же открытие, которое будет ожидать читателя состоит в том, что картина исторического сознания и исторических представлений россиян более противоречива, пестра и непредсказуема, чем совокупная картина исторического сознания российского экспертного сообщества, которое оказывается более монолитным, однородным и внутренне логичным. Впрочем, это неудивительно, поскольку экспертное сообщество представляет собой лишь малую часть того по-разному думающего, живущего и чувствующего большого российского общества, взгляды которого анализировали специалисты ФНИСЦ РАН. Целостность и последовательность взглядов экспертов, чьи мнения были представлены в книге, обусловлены принадлежностью к интеллектуальному классу и совершенно иным уровнем знаний и исторической компетенции.

Если же говорить об историческом самосознании большинства граждан страны, то следует вслед за авторами рецензируемой монографии признать, что его конфигурация весьма разнолика и противоречива. Известно, что память отдельных личностей или целых групп, не организованна линейно. Она не стремится только к тому, чтобы почитать ключевые даты или выявить простую хронологию событий, она стремится к тому, чтобы придать смысл

событиям, оправдывающим собственную историю народа. Далекие события, смысл которых нам не вполне ясен, круто изменили нашу жизнь, но мы знаем, что наша жизнь навсегда изменилась, и мы хотим знать, кто несет за это ответственность. Выявление хронологии событий, их различных репрезентаций позволяет преобразовать память в историю. История это не только далекий предмет, который нужно как можно лучше истолковать, или приписать смысл. Она тесно связана с жизнью целых групп и отдельных людей, чьи судьбы переплетаются, чьи воспоминания накладываются друг на друга и противостоят друг другу. Так как палитра оценок и мнений в России, как и в любой другой стране, безгранична, для общества и государства важно, чтобы было как можно меньше рубцов и трещин в коллективной исторической памяти.

Несомненно, эта книга будет весьма интересна как узким специалистам, особенно историкам и социологам, так и самой широкой читательской аудитории. Первым будет интересно узнать, как в настоящий момент времени неспециалисты воспринимают и переживают историю, а вторым будет интересно увидеть себя со стороны и понять, что историческое сознание зависимо от возраста, материальной обеспеченности, уровня образования, места проживания (мегаполис, областной центр, город, поселок и т.д.), характера источника получаемой информации (центральное телевидение или западные СМИ) и целого ряда других факторов. Из первой части, насыщенной таблицами и рисунками, читатели обнаружат, что российские граждане отличаются высоким интересом к мировой и особенно отечественной истории, а главными источниками исторических сведений для большинства выступают исторические художественные и документальные фильмы, а не школьные учебники истории, что для россиян история страны определяется прежде всего событиями, соотносящимися с коренными изменениями общественного сознания или территории страны, такими как Великая Отечественная война и Крещение Руси.

Кроме того, познакомившиеся с книгой читатели, обратившись к цифрам и диаграммам найдут, что 39% россиян уверены, что оценки исторических личностей и событий могут меняться с течением времени, но при этом в обществе существует запрос на универсальные оценки основных исторических событий [Историческое сознание россиян 2022, с. 243]. К тому же большинство россиян теперь испытывает чувство гордости за свою страну, которого так не доставало на исходе 1980-х и в 1990-е годы, а предметом гордости остаются Великая Победа 1945 г., успехи в послевоенном восстановлении страны, полет Ю.А. Гагарина в космос в 1961 г. Россияне в массе своей сознают себя и свою страну через символы – как официальные (герб, гимн и флаг), так и популярные (Кремль, Москва, Волга, Байкал и др.) Между тем материалы, представленные в книге, свидетельствуют и о наличии тенденции снижения уровня исторической компетенции у российских граждан – по мере смены поколений, а также в связи с характером всей системы постсоветского обра-

зования и ряда других факторов. Исследователи, выявившие данную тенденцию, полагают, что она характерна и для западных обществ, однако (и с этим согласны некоторые приглашенные эксперты) в России в последнее время интерес к историческому знанию и истории тоже возрастает.

В книге показано, что историческая память и установки гордости за свою страну зависимы от информационного поля, весьма пестрого в эпоху цифровизации. Одним из выводов проведенного исследования является тот факт, что российское общество в целом устойчиво перед манипуляциями. Почти 40% опрошенных готовы к дискуссиям с теми, кто искажает историю, и свыше 70% считают важным защищать историческую правду. Весьма примечательным является вывод о склонности россиян к интеллектуальной и гражданской честности: наши граждане отстаивают историю не столько потому, что она «наша», сколько потому, что они вообще за правдивость в вопросах освещения исторических событий. Желающих «не ворошить прошлое» в нашей стране только около 30%, а тех, кто считает необходимым обращаться к исторической правде, какой бы горькой она ни была, вдвое больше [Историческое сознание россиян 2022, с. 246]. Еще одно интересное наблюдение, которое может быть почерпнуто из книги, состоит в том, что в нашем обществе нарастает тренд на деидеологизацию истории: снижается противостояние «советских» и «антисоветских» интерпретаций нашего прошлого и возрастает спрос на его консенсусное видение [там же, с. 246–247].

Наконец, читатели книги найдут в ней и много другого поучительного материала, свидетельствующего об исторической прозорливости российского общества. Значимым можно считать вывод о все большей ценности для россиян российской гражданской идентичности, единстве не по крови, а по культуре. Россия подавляющим большинством воспринимается как дом многих народов.

Можно не сомневаться, что выводы, представленные в книге, отражают реальное положение дел в сфере исторического сознания россиян (массовые опросы охватили 2000 респондентов, от 18 лет и старше, в 22 субъектах Российской Федерации, 112 поселениях), но, как полагают сами авторы, останавливаться на достигнутом не следует: необходим регулярный социологический мониторинг восприятия обществом отечественной истории. Здесь сложно не согласиться с авторами, которые утверждают, что такой мониторинг является эффективным инструментом социальной диагностики состояния идентичности и направленности ее влияния на оценочно-ценностное отношение общества к событиям и процессам прошлого и настоящего. Выход этой книги в свет – большое событие для нашей гуманитарной науки, и остается надеяться, что она будет замечена читателями.

Чтение и анализ очень интересной монографии коллег-гуманитариев заставляет задумываться и о новых задачах исторической науки, особенно с точ-

ки зрения поиска инструментов коммуникации академических исследований и российского общества. Исторические исследования традиционно находятся в неразрывной и тесной взаимосвязи с общественными процессами. Существует сложная взаимосвязь между социальным и политическим заказом на историю и тем, как сами исторические исследования формируют общественную повестку. Современное информационное общество породило новые вызовы для исторической науки, но одновременно сформировало новые каналы связей между наукой и обществом, учеными и властью, интеллектуальной и массовой культурой, индивидуальными и коллективными представлениями [Мирзеханов 2020, с. 21]. Стремительное увеличение объемов информации, развитие СМИ, появление Интернета, новых средств коммуникаций в определенном смысле привели к медиализации и виртуализации исторического знания. С другой стороны, обширное информационное поле стало благодатной почвой для взращивания и распространения исторических мифов, причем зачастую архаичных и примитивных [там же]. Историческая наука пытается найти механизмы ответов на эти вызовы, она остро нуждается в современных каналах и технологиях трансляции своих результатов. Сделать это непросто, поскольку историческое сознание, как убедительно показано в рецензируемой монографии, формируется не только школьным курсом истории и научными исследованиями, но и кино, телевидением, литературой, электронными и печатными СМИ. Необходимо совершенствование каналов связей между исторической наукой и обществом, как, например, в случае создания и развития Домов истории в ряде зарубежных стран. Существует острая потребность в просвещении и просветительских кампаниях, направленных на преодоление мемориальных барьеров и исторических обид.

Библиография

Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы (опыт социологического измерения) / Под ред. М.К. Горшкова. М.: Издательство «Весь мир», 2022. 248 с.

Мирзеханов В.С. История XX века: многообразие историографических подходов к пониманию феномена // Новая и новейшая история. 2020. № 5. С. 7–27.

References

Istoricheskoye soznaniye rossiyan: otsenki proshlogo, pamyat', simvoly (opyt sotsiologicheskogo izmereniya) [Historical consciousness of Russians: assessments of the past, memory, symbols (experience of sociological measurement)] / Pod red. M.K. Gorshkova. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' mir», 2022. 248 p. (In Russ.)

Mirzekhanov V.S. Istoriya XX veka: mnogoobraziye istoriograficheskikh podkhodov k ponimaniyu fenomena [History of the 20th century: variety of historiographic approaches to understanding the phenomenon]. Novaya i noveyshaya istoriya [Modern and Contemporary history]. 2020. N 5. P. 7–27. (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2023.04.17

Д.В. Ильин

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ СТРАН ЗАПАДА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА

Аннотация. *Новая монография коллектива авторов из МГИМО «Лидер на фоне эпохи. Традиции и новации современного политического лидерства в странах Запада» представляется весьма своевременным и качественно выполненным научным трудом на стыке истории и политологии. Авторы рассматривают вопросы национальной специфики лидерства и судьбы политических лидеров в странах Западной Европы (Великобритания, Франция, ФРГ, Испания, Италия), в США и Бразилии, в ряде государств социалистического лагеря (Албания, Румыния). Хронологические рамки монографии охватывают большую часть XX (в основном – период Второй мировой войны и холодную войну, затрагиваются и другие эпохи) и начало XXI вв. Часть авторов сосредоточивает внимание непосредственно на персонах лидеров, их деловых и личностных качествах, другая часть основные усилия направляет на создание целостной картины самой эпохи, в которой действовал тот или иной лидер. Жанровое и структурное многообразие глав книги не мешает выполнению главной задачи – раскрытию специфики лидерства в странах Запада на фоне конкретной исторической эпохи. Книга может быть интересна не только «профильным» специалистам, но и студентам (историкам, политологам, международникам) для изучения в качестве дополнительной литературы. В заключение автор приходит к выводу, что рецензируемую монографию можно рассматривать как смысловое продолжение ранее изданной книги «Правый популизм: глобальный тренд и региональные особенности», и в силу этого напрашивается продолжение наметившейся серии коллективных трудов, подготовленных учеными МГИМО.*

Ключевые слова: *политическое лидерство; США; Западная Европа; социалистический лагерь; Бразилия; МГИМО.*

Ильин Дмитрий Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политических наук Вятского государственного университета. Россия, Киров.
E-mail: dimahist@mail.ru
WoS Researcher ID: N-7521-2016
ORCID: 0000-0002-8034-2072

Il'in D.V. Contemporary history of Western countries through the prism of political leadership

Abstract. *A new monograph by a team of authors from MGIMO «Leader Against the Background of the Epoch. Traditions and Innovations of Modern Political Leadership in Western Countries» seems to be a very timely and well-executed scientific work at the intersection of history and political science. In the book, the authors consider the issues of national specifics of leadership and the fate of political leaders in Western Europe (UK, France, Germany, Spain, Italy), in the US and Brazil, as well as in several states of the socialist camp (Albania, Romania). The chronological framework of the monograph covers most of the 20th century (mainly the period of World War II and the Cold War, although other eras are also touched upon) and the beginning of the 21st century. Some authors focus directly on the personalities of leaders, their business and personal qualities, while others direct their main efforts towards creating a complete picture of the era in which a particular leader acted. Genre and structural diversity found in the chapters does not interfere with accomplishing the main task, which is revealing of the specifics of leadership in Western countries against the backdrop of a specific historical era. The book may be of interest not only to specialists, but also to students (historians, political scientists) to study as additional literature. The author concludes that the monograph under review can be considered as a semantic continuation of the previously published book «Right-wing Populism: Global Trend and Regional Features», and therefore suggests a further continuation of the outlined series of collective works prepared and published by MGIMO academics.*

Keywords: *political leadership; USA; Western Europe; socialist camp; Brazil; MGIMO.*

Il'in Dmitry Vladimirovich – Associate professor,
Department of History and Political Sciences,
Vyatka State University. Russia, Kirov.
E-mail: dimahist@mail.ru
WoS Researcher ID: N-7521-2016
ORCID: 0000-0002-8034-2072

При всём многообразии тематических направлений исторической науки не ослабевает интерес к роли в истории личностей, чья деятельность определяла судьбы стран и народов, – политических лидеров. Подтверждением тому является новая коллективная монография «Лидер на фоне эпохи. Традиции и новации современного политического лидерства в странах Запада» [Лидер на фоне эпохи 2022, 662 с.], подготовленная сотрудниками кафедры истории и политики МГИМО МИД России и приуроченная к 80-летию ведущего факультета этого университета – факультета международных отношений.

Структура книги построена по принципу страноведческого исследования, большая часть глав посвящена лидерству и лидерам стран Североатлантического альянса (США, Великобритании, Франции, Германии, Италии, Испании), имеются отдельные главы о лидерах балканских государств в социалистический период (Румыния, Албания), а на примере Бразилии представлена Латинская Америка. Отдельного теоретического раздела в книге нет, равно как и отсутствует единая схема построения глав, однако данный момент сложно отнести к недостаткам этого коллективного труда. Во-первых, очевидно, что задача конструирования новых теоретических концептов и обобщений перед авторским коллективом не стояла. Во-вторых, ряд концептуальных установок, от которых отталкивались авторы книги, представлен в небольшом, но ёмком предисловии, подготовленном Л.С. Окуневой. В-третьих, привести «к общему знаменателю» лидеров разных эпох, стран и регионов мира представляется амбицией по определению сложно реализуемой. Часть авторов акцентирует персоны лидеров, их деловые и личностные качества, другая часть основные усилия направляет на создание целостной картины самой эпохи, в которой действовал тот или иной лидер. Оба подхода имеют право на существование, идеалом представляется их сбалансированное взаимодополнение.

Галерея политических лидеров XX – начала XXI в. открывается главой о США, в которой авторы (В.О. Печатнов и В.Т. Юнгблюд) последовательно рассматривают роль в американской истории таких ярких политиков, как Франклин Рузвельт, Рональд Рейган и Дональд Трамп. «Персональные» разделы предваряет небольшой очерк, посвященный роли президентства в политической системе Соединенных Штатов, в котором справедливо отмечается, что «созданная “отцами-основателями” политическая система отличается инерционностью и консерватизмом», и только деятельность сильных президентов способна приносить изменения, особенно необходимые в кризисные, поворотные моменты истории [Лидер на фоне эпохи 2022, с. 19]. Соответственно, на роль главного качественного критерия наиболее выдающихся президентов выдвигается осуществление «глубоких назревших перемен, на долгое время изменивших облик страны» [там же, с. 26]. Рузвельт и Рейган рассматриваются именно в роли успешных реформаторов, фигура Трампа призвана проиллюстрировать новейшие тенденции в развитии президентского руководства.

В разделе, посвященном Рузвельту, отмечается, что реформы «Нового курса» позволили Америке выйти окрепшей и обновленной из «Великой депрессии» и придали американскому капитализму «более социально-ориентированный и передовой характер». Особое внимание уделяется периоду Второй мировой войны и роли Рузвельта как военного руководителя, внесшего решающий вклад в сплочение американской нации, выстраивание системы управления вооруженными силами и оформление антигитлеровской коалиции.

Раздел о Рейгане чуть более «биографичен», в нём основное внимание закономерно уделено периоду президентства, и особенно – внешнеполитическим вопросам. Показан неоднозначный характер итогов политики «рейганомики» (победа над стагфляцией, структурная перестройка экономики, рост производства на фоне возросшего дефицита бюджета и углубившегося имущественного неравенства), позитивно оценены политические итоги рейгановского правления: укрепление авторитета президентской власти, преодоление пессимизма и кризиса 1970-х годов, особо подчеркивается «консолидация неолиберализма в качестве основного вектора развития США на годы вперед» [Лидер на фоне эпохи 2022, с. 75].

Большой интерес представляет очерк о феномене Д. Трампа и «трампизма», через который «красной нитью» проходит идея раскола американского общества и поляризации партийной системы США в начале XXI в. Показано, что главный тактический фактор сенсационной победы Трампа в 2016 г. – это то, что политик сумел «оседлать волну правопопулистского протеста» и «успешно эксплуатировал психологические комплексы американской глубинки» [там же, с. 84], и тем самым сумел аккумулировать голоса «уходящей Америки», которая «почувствовала себя чужой в своей собственной стране» [там же, с. 87]. Особое внимание уделяется драматическим событиям 2020 – начала 2021 г. – пандемии COVID-19, скандальным президентским выборам и захвату Капитолия вооруженными сторонниками Трампа 6 января 2021 г., – «апогею массовой радикализации правопопулистской Америки» [Лидер на фоне эпохи 2022, с. 103]. По мнению автора, кейс Трампа ярко продемонстрировал низкую эффективность правопопулистской модели лидерства в условиях кризиса, но в то же время перспективы «трампистской» модели выглядят жизнеспособными вследствие электоральной эффективности правого популизма и экономического национализма, возросшего недоверия населения к политической элите и расколотого состояния американского общества.

«Британская» часть книги представлена сразу двумя главами – о традициях политического лидерства на длинном историческом отрезке (Н.К. Капитонова) и о проблемах лидерства в условиях «Брекзита» (К.А. Годованюк). Глава Н.К. Капитоновой заметно выделяется на общем фоне структурной композицией, поскольку в ней «персональным» очеркам предшествует обширный «энциклопедический» раздел, в котором рассматриваются отдельные аспекты британского политического лидерства – социальное происхождение и образование, путь в политику, стиль руководства, возраст и даже наличие российских корней у отдельных британских лидеров. Очерки об отдельных лидерах (У. Черчилле, М. Тэтчер, Э. Блэре, Б. Джонсоне) также построены нестандартно – автор отталкивается не от хронологической последовательности фактов биографии и ключевых решений периода премьерства, а от личностных и деловых качеств персоны (некоторое исключение – раздел о Блэре, в котором

затрагивается ряд важных новаций «новых лейбористов» как внутри партии, так и в государстве).

Наличие отдельной главы о периоде «Брекзита» в монографии вполне убедительно обосновывается К.А. Годованюк исключительным – на общеевропейском фоне – влиянием политического лидерства на внешнюю политику Великобритании после референдума 2016 г. [Лидер на фоне эпохи 2022, с. 180] и раскрывается через ряд событийно насыщенных очерков, посвященных Т. Мэй, Б. Джонсону, Э. Трасс, Д. Ханту и Д. Раабу. Автор констатирует стремление всех министров иностранных дел Британии 2016–2022 гг. занять пост лидера Консервативной партии. При этом автор отмечает, что запрос на авторитетного лидера, способного формировать позитивный образ страны за рубежом, парадоксальным образом сочетался с неэффективным политическим руководством, что подтверждают и социологические опросы, и оценки экспертов, и рекордно быстрая отставка Трасс с поста премьер-министра.

Раздел Н.В. Павлова о политическом лидерстве в Германии открывается сжатым очерком истории Германии до начала Второй мировой войны, а также характеристикой институциональных компонентов системы власти в современном германском государстве (роль канцлера, президента, федерального правительства и т.д.) и ряда политико-социологических закономерностей канцлерства (возраст, образование, путь к вершине власти, факторы потери этой власти). В фокусе внимания автора история ФРГ через призму деятельности федеральных канцлеров. Формально в эволюции лидерства он выделяет три эры, озаглавленных в честь наиболее успешных и долговечных руководителей – Аденауэра, Коля и Меркель. Однако автор не ограничивается рассмотрением биографии, внутри- и внешнеполитических решений только этих заглавных персон. Фактически в тексте отражена деятельность всех канцлеров ФРГ 1949–2021 гг., вне зависимости от их стажа во главе правительства и степени успешности (пусть и не столь подробно, как у «большой тройки»). По итогам сравнительного анализа германского лидерства автор в качестве решающего фактора восхождения политика на вершину власти в Германии выделяет его принадлежность к одной из «народных» партий (ХДС / ХСС либо СДПГ), но при этом отмечает значимость и других важных параметров – карьеры, амбиций, умения пользоваться ситуацией, политического чутья и лидерского напора [Лидер на фоне эпохи 2022, с. 306–307].

Французские традиции политического лидерства XX – начала XXI в. рассмотрены И.Э. Магадеевым. Он выделяет специфические черты политической жизни Франции (амбивалентность политической культуры, централизация власти, регулярные трансформации партийной системы, тесная связь между политическими и экономическими элитами, высокий накал борьбы) и затем последовательно рассматривает особенности лидерства в условиях парламентских режимов (на примере карьеры Э. Мендес-Франса), голлистские

традиции лидерства (затронуты не только узловые моменты биографии Де Голля, но также и деятельность Ж. Помпиду, Ж. Ширака, Н. Саркози), лидерство президентов-социалистов (Ф. Миттерана и Ф. Олланда). Наконец, современные особенности французской политики («быстрое президентство», перманентный режим избирательной гонки, упадок традиционных политических лояльностей французов) рассмотрены автором на примере президента-центриста Э. Макрона. Бенчмарком для сравнительного анализа здесь выступает президентство В. Жискар-д'Эстена.

Глава о политическом лидерстве и лидерах Италии (М.О. Шибкова) открывается краткой характеристикой институциональных основ Итальянской Республики и современных тенденций президенциализации и медиатизации политики в их переложении на итальянские реалии. Значительное внимание уделено вопросам политической культуры, особенно – противостоянию «белой» (построенной на приверженности церкви) и «красной» (ориентация на профсоюз или партию) культур в послевоенном итальянском обществе. Именно в таком ключе рассматриваются фигуры А. де Гаспери и П. Тольятти. Современный этап политического лидерства открывает характеристика С. Берлускони, при этом затрагивается не вся его политическая карьера, а только его первая избирательная кампании 1994 г., в которой сформировался образ лидера-антиполитика, и деятельность четвертого кабинета Берлускони (2008–2011). В качестве главного продолжателя берлусконизма и воплощения «поп-политики» изображен М. Ренци. М.О. Шибкова обращает внимание на важное явление – обратную трансформацию образа политического руководителя в условиях пандемии COVID-19: от медийности, новизны и приверженности компромиссам, воплощением которых был Дж. Конте, к более классическому варианту в лице М. Драги, с акцентом на твердую волю, авторитет и опыт [Лидер на фоне эпохи 2022, с. 468].

Западноевропейский «блок» в монографии завершает глава о политическом лидерстве в Испании авторства Н.Е. Аникеевой. После краткой характеристики франкистского периода и присущей ему вождистской (каудильистской) стилистики политического лидерства она сосредоточивает внимание на постфранкистском периоде и политиках, которые воплощали монархическую и либерально-демократическую традиции. Дается ёмкое (на наш взгляд – незаслуженно краткое) описание деятельности короля Хуана Карлоса I и его роли в процессе демократического транзита и консолидации либеральной демократии в Испании, рассматриваются основные вехи развития партийной системы страны в последней четверти XX – начале XXI в. «Персональный» раздел главы представлен тремя политиками – социалистом Хосе Луисом Родригесом Сапатеро (премьер-министр в 2004–2011 гг.), действующим монархом Фелипе VI и одним из лидеров правых популистов Сантьяго Абаскалем [Лидер на фоне эпохи 2022, с 2014 г.]. Особенно интересным представляется

последний очерк, поскольку установки и лозунги партии «Вокс», возглавляемой Абаскалем (борьба с сепаратизмом и нелегальной иммиграцией, защита католицизма и традиционных ценностей, возвращение Испании Гибралтара, умеренные налоги для крупного бизнеса, неприкрытая апология франкизма) обнажают проблемы и вызовы, с которыми сталкивается современное испанское общество.

Особенности политического лидерства в странах социалистического лагеря отражены в главах, посвященных руководителю Румынии Георге Георгиу-Дежу и албанскому вождю Энверу Ходже. Авторы румынской главы (В.Б. Кириллов, И.С. Путинцев) подробно рассматривают парадоксальную биографию руководителя коммунистов – малообразованного рабочего лидера с большим тюремным стажем, сумевшего мастерски воспользоваться предоставившимися возможностями, в широком контексте трансформаций, которые прошла Румыния в середине XX столетия. Ключевым фактором успеха Георгиу-Дежа в борьбе за власть РКП с «историческими» партиями, а также во внутрипартийном противостоянии с «коминтерновской» фракцией и с Л. Пэтрэшкану авторы называют доверие и поддержку со стороны Сталина. Парадоксальность биографии Георгиу-Дежа усиливается в силу того, что смерть советского вождя не поколебала, в отличие от ряда других стран социалистического лагеря, позиции лидера сталинистского типа внутри своей страны, а во второй половине 1950-х – начале 1960-х годов он использовал текущую международную ситуацию для усиления системы личной власти и обеспечения внешнеполитической самостоятельности Румынии внутри советского блока без прямого конфликта с Москвой.

Можно предположить, что выбор главного героя для главы об Албании был наиболее лёгким и очевидным – настолько глубокий и продолжительный след в истории страны оставило руководство Э. Ходжи. Автор (Ю.А. Буланникова) раскрывает биографию политика на фоне подробной картины албанского общества в 1930-е годы, в период оккупации и после окончания Второй мировой войны. Большое внимание уделено зигзагам внешней политики Албании в 1940–1980-е годы: от теснейшего сотрудничества с Югославией, которое вскоре стало грозить менее развитому государству утратой независимости, к ориентации на Москву в условиях советско-югославского разрыва, от охлаждения албано-советских отношений после XX съезда КПСС и полного разрыва между Москвой и Тираной в начале 1960-х годов к союзу с КНР, от разрыва с Китаем в 1970-е годы к многовекторности внешних связей под пропагандистским лозунгом «опоры лишь на собственные силы». Всё это показано на фоне модернизации хозяйства и социальной сферы Албании, доминирования планового начала в экономике, оформления режима личной власти и культа личности, репрессий, что дает основания согласиться с данной автором оценкой Ходжи как последнего лидера сталинистского типа в Европе.

Завершает книгу глава о политическом лидерстве в Бразилии, подготовленная руководителем проекта Л.С. Окуневой. Автор не просто создает три ярких политических портрета бразильских президентов рубежа XX–XXI вв., но и как бы подводит итоги всей коллективной монографии, справедливо указывая на взаимное влияние лидера и породившей его эпохи, которое особенно ярко проявляется в периоды радикальных социальных трансформаций. «Ситуация альтернативности, социального выбора – вот та лакмусовая бумажка, которая с особой четкостью проявляет персональные качества политического лидера», – отмечает Л.С. Окунева [Лидер на фоне эпохи 2022, с. 574]. Соответственно, избранные автором для «персональных» очерков президенты – Фернанду Энрике Кардозу, Луис Инасиу Лула да Силва и Дилма Руссефф – объединены критерием осуществления важнейших для Бразилии преобразований, но при этом для каждого из лидеров выделены свои особенности.

Ф.Э. Кардозу – президент-ученый, выдающийся социолог и экономист, который в период своего правления (1995–2002) сбалансированно сочетал неолиберальные реформы, призванные побороть инфляцию, сократить прямое участие государства в экономике и интегрировать страну в международные хозяйственные связи, и масштабные социальные программы, нацеленные на борьбу с массовой нищетой бразильцев. С нескрываемой симпатией обрисован образ Лулы, выходца из социальных низов, многолетнего лидера левой оппозиции, который в борьбе за высшую власть проявил прагматизм, готовность идти на компромиссы с разными политическими силами и сумел мобилизовать под свои знамёна не только беднейшие слои населения, но и средний класс. Его правление (2003–2010) отметилось реализацией еще более масштабных социальных программ по борьбе с бедностью, развитию образования и здравоохранения, повышению общественной безопасности. При этом был обеспечен экономический рост и реализация ряда инфраструктурных и энергетических проектов. Всё это обеспечило ему беспрецедентную популярность к концу президентства, однако уже после прекращения президентских полномочий не спасло от уголовного преследования по коррупционному делу, имевшему явную политическую подоплёку. И тем парадоксальнее возвращение Лулы в политику после освобождения и триумфальная победа на президентских выборах 2022 г.

На фоне столь харизматичного и успешного лидера Дилма Руссефф, первая в истории Бразилии женщина-президент, выглядит не столь ярко, но способность обеспечить преемственность курса на социальное реформирование и борьбу с бедностью с политикой Лулы является важным аргументом в пользу её лидерских качеств. Особое внимание уделено обострению политической борьбы в 2013–2015 гг. и обстоятельствам импичмента Руссефф в 2016 г. Автор очерка обращает внимание на связь между формально-

юридическим поводом для импичмента (нарушения финансовой дисциплины в бюджетной сфере) и сугубо политической мотивацией оппозиции и вице-президента М. Темера, «приложивших руку» к смещению президента. Время расставило всё по местам – даже оппоненты Руссефф в итоге признают «технический» характер выдвинутых против неё обвинений [Лидер на фоне эпохи 2022, с. 657].

Появление коллективной монографии «Лидер на фоне эпохи» представляется своевременным событием. Точки зрения авторов хорошо аргументированы, выводы корректны и подкреплены фактическим материалом. Жанровое и структурное многообразие в главах не мешает выполнению главной задачи – раскрытию специфики лидерства в странах Запада на фоне конкретной исторической эпохи. Все без исключения разделы написаны хорошим языком, увлекательно и доступно, что позволяет рекомендовать книгу не только «профильным» специалистам, но и студентам (историкам, политологам, международникам) для изучения в качестве дополнительной литературы. Из системных недостатков можно указать только на отсутствие справочного аппарата, что, по всей видимости, вызвано сугубо техническими причинами (сноски увеличили бы и без того немалый объём книги) и в значительной степени компенсируется наличием в конце каждой главы списков литературы, а в отдельных случаях – и исторических источников.

В заключение нельзя не отметить, что рецензируемая монография, по сути, стала продолжением ранее подготовленной коллегами из МГИМО и ряда других университетов книги о феномене правого популизма в современном мире [Правый популизм 2020]. Также вышли рецензии на эту книгу [Соколов 2020, 169–172; Юнгблюд 2021, с. 76–85; Журавлева 2021, с. 128–132; Ноженко 2021, с. 203–216]. Поскольку потенциал темы лидерства в историческом контексте выглядит далеко не исчерпанным, то напрашивается дальнейшее продолжение наметившейся серии. Галерею образов западных лидеров XX – начала XXI в., созданную авторами книги, логично дополнить изданиями о лидерах стран Востока, возможно – России, а также расширить хронологические рамки за счет включения исторических деятелей более ранних периодов мировой истории.

Библиография

Журавлева В.Ю. Правый популизм: универсальный ответ на глобальный кризис // Мировая экономика и международные отношения. 2021. № 5. С. 128–132.

Лидер на фоне эпохи. Традиции и новации современного политического лидерства в странах Запада / Под ред. Л.С. Окуневой. М.: МГИМО-Университет. 2022. 662 с.

Ноженко М.В. Многоликость правого популизма // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2021. № 2. С. 203–216.

Правый популизм: глобальный тренд и региональные особенности. Под ред. Л.С. Окуневой и А.И. Тэвдой-Бурмули. М.: МГИМО-Университет. 2020. 404 с.

Соколов А.П. Правый популизм как глобальный феномен // Международные процессы. 2020. № 2. С. 169–172.

Юнгблюд В.Т. Политический мейнстрим или прощальный марш аутсайдеров? // США и Канада: экономика, политика, культура. 2021. № 12. С. 76–85.

References

Lider na fone epokhi. Traditsii i novatsii sovremennogo politicheskogo liderstva v stranakh Zapada [Leader against the backdrop of the era. Traditions and innovations of modern political leadership in Western countries. Ed. Okuneva, L.S.] / Pod red. L.S. Okunevoy. Moscow: MGIMO-Universitet. 2022. 662 p. (In Russ.)

Nozhenko M.V. Mnogolikost' pravogo populizma [The many faces of right-wing populism] Vestnik Moskovskogo universiteta Seriya 25. Mezhdunarodnyye otnosheniya i mirovaya politika. [Bulletin of the Moscow University. Series 25. International Relations and World Politics]. 2021. N 2. P. 203–216. (In Russ.)

Pravyy populizm: global'nyy trend i regional'nyye osobennosti. [Right-wing populism: Global trend and regional features. Eds. Okuneva, L.S., Tevdoj-Burmuli, A.I.] Pod red. L.S. Okunevoyi A.I. Tevdoy-Burmuli. Moscow: MGIMO-Universitet. 2020. 404 p. (In Russ.)

Sokolov A.P. Pravyy populizm kak global'nyy fenomen [Right-wing populism as a global phenomenon] Mezhdunarodnyye protsessy [International processes] 2020. N 2. P. 169–172. (In Russ.)

Yungblyud V.T. Politicheskiy meynstrim ili proshchal'nyy marsh autsayderov? [Political mainstream or a farewell march of outsiders?] SSHA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura. [USA and Canada: economics, politics, culture]. 2021. N 12. P. 76–85. (In Russ.)

Zhuravleva V.Yu. Pravyy populizm: universal'nyy otvet na global'nyy krizis [Right-wing populism: a universal response to the global crisis] Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]. 2021. N 5. P. 128–132. (In Russ.)

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПОСТУПАЮЩИМ В ЖУРНАЛ «РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР»

I

Ежеквартальный мультидисциплинарный научный журнал «Россия и современный мир» публикует статьи по социально-экономическим, историко-культурным и политическим проблемам России, а также статьи, анализирующие роль и место России в современной системе международных отношений. Сайт журнала расположен в сети Интернет по адресу: www.rossovmir.ru

Журнал не перепечатывает материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях или в сети Интернет. Все права на материалы, опубликованные в журнале, принадлежат редакции и авторам. Перепечатка публикаций журнала в других изданиях возможна лишь с указанием автора, названия журнала, номера и года публикации.

При публикации материала редакция заключает с автором лицензионный договор, согласно которому автор предоставляет редакции неисключительные права на свою статью; это означает, что редакция получает право распространять печатные экземпляры журнала с этой статьей вплоть до полной реализации, размещать на ресурсах журнала в сети Интернет. Автор также имеет право републиковать текст в другом печатном или сетевом издании, включить в книгу, выложить в сети Интернет.

Плата за публикацию не взимается. Гонорары не выплачиваются.

II

Объем присылаемых рукописей не должен превышать 1 п. л.

В имени файла необходимо указать фамилию и инициалы автора статьи на русском языке, например Иванов П.С. Рукописи принимаются по электронной почте на официальный адрес редакции: rossovmir@gmail.com. Кроме того, на сайте журнала предусмотрена специальная форма, заполнив которую, также можно прислать рукопись в редакцию.

Редакция организует экспертизу материалов. Если статья требует доработки, автору посылается письмо с соответствующими рекомендациями по

доработке текста на основании рецензии. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ с использованием материалов рецензии.

Главные требования к публикациям: наличие научной проблематики, соответствующей профилю журнала, новизна, хороший литературный язык. Редакция оставляет за собой право сокращать и редактировать материалы рукописи, не меняя смысла информации. Автор несет ответственность за содержание работы, за точность и корректность цитирования и отсутствие плагиата. Мнение автора может не совпадать с позицией редакции и членов редколлегии.

III

В «шапке» рукописи сначала ставятся инициалы и фамилия автора; с новой строки – заголовок. После этого приводится аннотация (200–250 слов) и ключевые слова (не более 10), употребляемые в тексте. Далее указываются фамилия, имя и отчество автора полностью, ученая степень, ученое звание, место работы и должность, страна, город, e-mail. Также требуется указать Scopus Author ID и Web of Science Researcher ID.

Далее те же сведения даются в переводе на английский язык.

Цитируемые источники и литература оформляются однотипно. **Список цитированных источников и литературы** располагается после текста статьи, предваряется словом «Библиография» и располагается в алфавитном порядке. Сначала указываются русскоязычные издания, а затем иноязычные. Для источников и литературы из электронных изданий указывается URL и дата обращения.

Список источников и литературы, представленный на русском языке, дается в переводе на английский язык (с указанием языка оригинала); на английский язык также переводятся названия городов в библиографическом описании, буква р. – обозначение страницы и «дата обращения» – «data of access». Переведенный список помещается в списке под названием «References». Этот список также располагается по алфавиту. Кроме того, список должен быть транслитерирован латинскими буквами.

Опубликованные источники и литература описываются следующим образом: фамилия автора, инициалы, название публикации, место публикации, издательство (для изданий книжного типа), год публикации, общее количество страниц (для изданий книжного типа) или те страницы, на которых помещена публикация (для статей в журналах и сборниках). Примеры: Бутенко А.П. Историческая неудача или начало революции // Общественные науки и современность. 1992. № 4. С. 55–66.

В переведенном и транслитерированном виде описание выглядит так (символ слэш – // – не употребляется): Butenko A.P. Istoricheskaya neudacha ili

nachalo revolyutsii [Historical Failure or Beginning of Revolution]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modernity]. 1992. N 4. P. 55–66. (In Russ.)

Архивные источники описываются так: фамилия автора, инициалы, название рукописи, название архива, в котором хранится рукопись, указание на опись (если есть), номер дела и общее количество страниц в деле (или те страницы, на которых помещен цитируемый документ). Или: название дела, название архива, в котором хранится рукопись, указание на опись (если есть), номер дела и общее количество страниц в деле. Например: Личное дело Харламова Николая Сергеевича // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65 а. Д. 14397.

В переведенном и транслитерированном виде это описание будет выглядеть следующим образом: Lichnoe delo Kharlamova Nikolaya Sergeevicha [Personal file. Kharlamov Nikolay Sergeevich]. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). F. 495. Inv. 65 a. F. 14397. (In Russ.)

Источники и литература в электронном виде описываются по следующему образцу: Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 30 (ч. II). Ст. 3127. URL: http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1002005030000&docid=93 (дата обращения: 02.08.2019); Federal'nyj zakon ot 22 ijulja 2005 g. № 116-FZ «Ob osobyh ekonomicheskih zonah v Rossijskoj Federacii» [Federal Law of July 22, 2005 N 116-FZ «On Special Economic Zones in the Russian Federation»]. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 2005. N 30 (part II). Art. 3127. URL: http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1002005030000&docid=93 (date of access: 02.08.2019). (In Russ.)

В тексте статьи ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора (если фамилия автора отсутствует – первые слова названия), год публикации и через запятую те страницы, к которым отсылается читатель. Для архивных документов после фамилии автора или названия дела указывается дата формирования дела и те листы, к которым отсылается читатель. Например: [Бутенко 1995, с. 170], [Личное дело Харламова, л. 2]. Отсылки к нескольким позициям приводятся в одних скобках через точку с запятой. Примеры: [Бутенко 1995, с. 170; Личное дело Харламова, л. 2]. Ссылки на тексты, размещенные в сети Интернет, даются без указания страниц. Например: [Федеральный закон от 22 июля 2005 г.].

Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты приводятся в сноске на первой странице. Авторские комментарии и примечания возможны как в тексте статьи, так и в подстрочных (постраничных) сносках.

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1 п.л.

Россия и современный мир
№ 4 – 2023 (121)

Дата регистрации 23.06.2009

Номер регистрационного свидетельства ПИ № ФС 77-36650

Верстка И.К. Летунова

Корректор
О.П. Дормидонтова

Подписано к печати 01.12.2023 г.
Формат 70x100/16
Бум. офсетная № 1
Печать офсетная
Усл. печ. л. 23,2 Уч.-изд. л. 18,5
Тираж 870 экз. (1–200 экз. – 1-й завод)
Заказ № 204

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
http://inion.ru

Отдел печати и распространения
изданий
Тел.: +7 (925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литера У